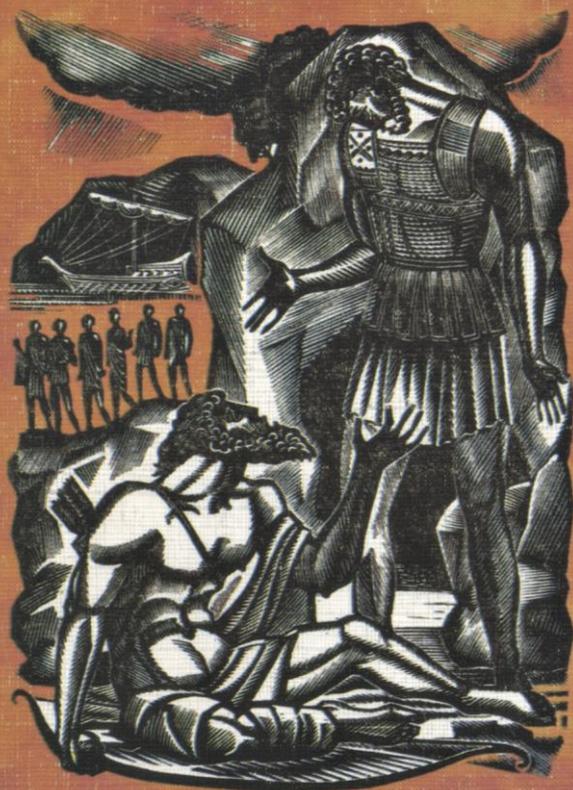

к 84(2)
3-80

Л.М.Золотарёв

ПЛАМЕНЬ АЛЕКСАНДРИИ

Трагедии

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ПЛАМЕНЬ
АЛЕКСАНДРИИ

Трагедии

Орёл
2008

**ББК 84(2р)
З-80**

Ответственный редактор:

О.Н. Осмоловский – доктор филологических наук, профессор

З-80 **Золотарёв Л.М. Пламень Александрии** (трагедии).
Орёл: Издательство “Вешние воды”. 2008. – 568 с.

ISBN 978-5-87295-143-8

“Пламень Александрии” – это вторая часть вышедшей в свет книги “Любимая Мария” Леонарда Михайловича Золотарёва – большого писателя, драматурга, а также известного современного мастера прозы и поэзии. Ранее публиковались его сборники рассказов, стихов и песен, романы в прозе и стихах, произведения крупной эпической и малой лирической формы. Трагедия “Бедный Рюрик”, а также квинтология эпического типа “Александр Македонский”, состоящая из двух частей – дилогии “Кентавриада” (“Дельфийский Оракул”, “Пламень Александрии”) и трилогии “Сакральный Крест” (“Тень Буцефала”, “Заратустра. Разум Земли”, “Сокровения Тора”) завершают Большой, Евразийский Круг произведений на историческую тему философского мистико- психологического исследования и осмысления античной цивилизации, самого человека, всего раннего христианства. Сюда же приложена трилогия малых трагедий “Господа Каменские” – о славном роде русских военных, родиной которых является Орловщина.

Книга интересна ученым, широкому читателю, всем, кто интересуется историей становления знаний, нравственности, духовным проявлением личности в сложной социально-системной иерархии.

ББК 84(2р)

ISBN 978-5-87295-143-8

© Л.М. Золотарёв, 2008

© Издательство “Вешние воды”, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это вторая часть драматических произведений Леонарда Михайловича Золотарёва, первая вышла в свет под названием “Любящая Мария”. В новую книгу включены девять пьес в основном исторической жанрово-художественной и социальной направленности. Это глубокое исследование основ цивилизации, христианской нравственности, по сути, целый театральный репертуар – от полной драматизма трагедии “Бедный Рюрик”, из которой узнается, что первые русские князья были вполне вероятными сводными братьями шекспировского Гамлета, до героического эпоса, философско-психологической квинтологии в стихах “Александр Македонский” – обширного историко-художественного исследования античного мира, состоящего из дилогии “Кентавриада” и трилогии “Сакральный Крест”. При этом каждой из двух трагедий (“Пламень Александрии”, “Сокровения Тора”) придается музыкальный ключ, записанный на аудиокассеты. Заключает книгу драматургии Л.М. Золотарёва трилогия малых историко-психологических драм “Господа Каменские”.

Мастерство и масштаб, тонкость и лиризм, ироничность, аналитичность мышления, свободное владение историческим материалом представляют драматурга во всем блеске таланта, игры ума, в подтексте слова, законов жанра, в коллизии личности и социума. Многопланова, естественно гармонична, кинематографична палитра автора. Целые пласты различных исторических, социальных слоев предстают в живой образной форме, выражая энциклопедию жизни, интересов времени, “феноменологию духа” (Гегель). И это, на мой взгляд, важно сейчас театру, кино, интересно читателю, зрителю искушенному, со вкусом, в нынешнюю эпоху наступления массовой культуры. Сцена нуждается в такой обладающей традиционным и в то же время современным духовным абсолютом, немалым внутренним потенциалом, многообещающей драматургии. Светлого пути Леонарду Золотарёву на театральную сцену, на киноэкраны!

Г.Б. КУРЛЯНДСКАЯ,
доктор филологических наук,
профессор.

БОГОЧЕЛОВЕК ИЛИ ЧЕЛОВЕКОБОГ?

Самая большая иллюзия человечества

И что понято мной при работе над историко-драматической квинтологией об Александре Македонском, этом, может быть, самом величайшем из людей на Земле? Многое ясно стало, а многое так и осталось за кадром, из области судьбы и свободы воли, “архетипа бессознательного” (по Юнгу), тонкого и плотного мира, бытийного и ирреально-го, фантастических предначертаний, предопределенности фатума.

Но одно на базе главного детища Александра Македонского – Александрийской библиотеки – хочется выделить и сказать более откровенно: человечество на каждом витке повторения само уничтожало свои собственные достижения, например, в виде книг, чтобы, отбросив себя назад, снова рвануться вперед, но уже на ином витке повторения, в несколько иной направленности. Почему найденное у кельтов, этрусков, инков, шумеров мы все не можем никак прочесть? А у нас на Руси дохристианские, еще языческие фолианты, уничтоженные, скажем, в том же ганзейском Господине Великом Новгороде христианским миссионером Добрыней и частично сохраненные церковью, то все ищем в мрачных подземельях Московского Кремля времен Ивана Грозного, бывшего одновременно светским и духовным властителем Руси, то вдруг обретаем случайно в доме Мусина-Пушкина в виде полуязыческого, отдающего христианством “Слова о полку Игореве”, то в языческом облике фрагментов из “Велесовой книги”, какие всплывают после гражданской войны где-то под Курском. Вот и в Германии Гитлера книги жгли на площадях, а самого фюрера при слове “культура” так и тянуло схватиться за пистолет. Как и сейчас в Ростове-на-Дону, в зоне действия Южного федерального университета, выкидывают книги, например, такого прекрасного детского писателя, как А.П. Гайдар.

* * *

Одно из величайших книжных хранилищ древнего мира – Александрийская библиотека – была основана Александром Македонским в III веке до н.э. в Египте, в устье Нила, в заложенном им же городе Александрии. Это было пятое чудо света, символически указывающее человечеству путь к знаниям. В Александрийской библиотеке было сосредоточено несметное количество манускриптов, папирусных свитков. Известно, что даже в филиале – дочерней библиотеке “Серапион” – книг было около 500 тысяч. Каждый корабль по закону, принятому Птолемеем I, обязан был платить за вход в гавань рукописью, и, если не было второго экземпляра, забирали оригинал. Это как у нас в России при Петре I, заложившем в начале XVIII века столицу империи – город Санкт-Петербург. С каждой телеги в обозе перед полосатым шлагбаумом каждый раз взимали по камню, без этого в столицу не пропускали.

Александрийская библиотека положила начало современной истории, она была учебным центром античности. Страна науки, разнообразных знаний являлась двуязычной, но книги создавались на греческом языке; так внедрялась в Египте эллинская культура, античная цивилизация.

Сюда приезжали ученые со всех стран мира, жили и работали за государственный счет – в области литературы, математики, медицины (только тут возможны были по традиции бальзамирование фараонов, вскрытие трупов в научных целях).

В Александрийской библиотеке работал великий математик – специалист по геометрии Эвклид. Когда Александр Македонский спросил о его представлении пути в науку и искусство, он ответил словами, ставшими в мире крылатыми: “К геометрии нет царской дороги”.

В Александрии жили греческие философы, так называемые прагматики – циники. Диоген, критикуя излишества греческой общины, отбросил чашу и пил из пригоршни; то сидел, как под крышей, в самой бочке, а то белым днем слонялся по городу со свечкой, искал честного человека. В то же время семьдесят “толковников” переводили на греческий с древнееврейского библейский “Ветхий завет” и копировали на папирусах “Тору”, которая служила основой для дальнейших переводов. И пять с половиной веков (начиная с 323 года до н.э., когда в Багдаде скончался Александр Великий) из шести веков существования Александрийской библиотеки при ней состоял лежащим в прозрачном гробу усопший её основатель – Александр, самый великий читатель, поэт, провозвестник и носитель знаний. Важно отметить, что библиотека была достроена уже после смерти Александра верным его другом – военачальником, затем фараоном Птолемеем, укреплялась и процветала еще 300 лет при его наследниках, вплоть до Клеопатры, и далее, когда знаменитая “Александринка” была сожжена сначала Цезарем, затем окончательно завоевателями – фанатиками, прихлынувшими с Востока.

Чудо света сожгли вместе с библиотекой Аристотеля, с божественным числом александрийских знаний и книг. А если бы её не сожгли, куда бы двинулось человечество, где бы мы были сейчас? А что говорить о другом, более близком по времени, да хотя бы о том, что в послевоенной Германии, близ Веймара, с его знаменитой библиотекой Гете, по убиенным до сих пор скорбит колокол - набат печально известного концлагеря Бухенвальда...

И это только о книгах, знаниях в этой трилогии, а что говорить о судьбе самого Александра Македонского; что же из очевидного, но невероятного заключено в его судьбе, в этой дилогии? Все это предстоит разгадать и наяву увидеть читателю, проходя с автором вместе с его интуицией по дорогам знаний, поэзии и истории. Чего тут больше – литературы или конкретики фактов? Кому из историков ведомо, что было тогда, чтобы представить, что стало сейчас? Главное, как сказал Аристотель – учитель Александра Великого, – это “Поэтика”, чтобы читалось, помнилось, было примером, пробирало насквозь – наукой,

смыслом, умением творить, чтобы тайны творения раскрывались, пусть и не сразу, – Разуму, объятьям нашей души.

* * *

Еще когда задумал я героическую квинтологию об Александре Македонском – этой значительной фигуре античных времен! Интуиция мне подсказывала, что не был бы он столь великолепен, если бы просто был полководцем, пусть даже и великим, а был бы просто завоевателем. Что-то не так тут, так что же? Родился Александр в Македонии, где сияет вершиной гора Олимп, на которой обитают боги-олимпийцы во главе с царем богов Зевсом. Мать Александра звали Олимпиадой, род ее восходил к Ахиллесу – легендарному греческому герою праславянского происхождения. Отца у Александра – царя всех македонян Филиппа – учил Эврипид, а самого Александра – Аристотель, учителем которого, в свою очередь, был Платон, а уже у Платона – Сократ. Вот куда, думаю, прежде чем писать диологию, надо стопыто направить. Много знал молодой царь Македонии, вот и развернулся на Земле сразу во всех ипостасях, а главное – в душе человеческой.

Не поленись, дорогой читатель! Пройдись вместе со мной по этим страницам, сжато взятым из тех же Платона и Аристотеля, чтобы после вместе понять то, что понял и сам я, – судьбу великого человека, на которого, безусловно, легли светлые мысли грандиозных философов прошлого. Человека на таком уровне интеллекта после не изучали уже никогда. Александр явился практическим воплощением воззрений, идей о Человеке античности. Надоело царям Македонии, чтобы ими крутили, как хотели, боги с Олимпа; самому Александру захотелось стать Богом, обрести Бессмертие, чтобы попасть на Олимп. Еще Одиссей у Гомера в седьмом веке до н.э. пробовал это – не получилось. А в этой книге действие происходит позже, в третьем – четвертом веках, то есть в том же 323 году до н.э., когда тридцати трех лет от роду Александр Великий скончался в Багдаде (Вавилоне). Богом Александр хотел стать через знания, пошел на Персидскую империю, чтобы сокрушить тиранию и властность, рабство, а общее сделать единым. Проверить себя захотелось на этом походе по Персии до Бактрии и Согдианы, Мидии и Гирканы, – возможно ли стать человеку бессмертным, а значит, и Богом, или невозможно? А еще одна тайная мысль не покидает меня – практическая. Персы во главе с Дарием в свое время уже наведывались в Грецию, сожгли Афины, греки едва отбились от них. Так вот, Александр Македонский, предвидя возможную зависимость от персов-завоевателей, хотел сделать единичное в мире целым, всеобщим на великих возможностях античной культуры в области божественной мысли. И что из этого получилось?

Кое-что из неведомого, тайных знаний уже известно было царю Александру, отправлявшемуся в Восточный поход, военный поход, чтобы пополнить знания. В военный – потому, что был он царь, полководец, по-другому – мирно ему было нельзя. Мирным путем впоследствии совершил путешествие на Восток (в Иран и Индию, на Тибет, к ранним христианам) Иисус из Назарета, чтобы познать и сделать познанное предметом всех знаний и поклонения.

Вот отрывки из мыслей философов античности, чего не мог, конечно, не знать будущий царь Македонии – Александр.

Платон

СОКРАТИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ (в сокращении)

“Феар”

Глубокой жизненной мудростью является повиновение тому, что Сократ называет “даймоном”. В переводе “даймоническое” означает условно “гений”. В чем проявляется большая сила мысли, и сила эта в человеке – сверхличная. Конечно, она в последнем счете восходит к богам и судьбе. “Даймония” понимается как чисто инстинктивное начало; для избрания того или иного поведения необходимо использовать другие источники (мотивы, жертвоприношения и прорицания).

У зрелого Платона “даймонии” – это нечто “среднее между богом и смертным”; то наряду с божеским, то в виде “даймоновской мудрости” высокоразвитой души.

“Алкивиад II”

Речь идет о молитве. Она имеет смысл только тогда, когда имеется правильное знание о том, о чем люди просят богов. Можно просить о дурном, но тогда это не есть молитва. Тиран, уповая на помощь богов в своих злых предприятиях, может сколько угодно молиться, но такая молитва не принесет никакой пользы. Она не только не угодна богам, но и может вызвать их гнев. Ничего, кроме зла, от такой молитвы ждать нельзя. Значит, молитва возможна только в условиях стремления к мудрости и добродетели. Однако сначала нужно заниматься очищением души от господствующего в ней мрака, далее на основании этого – делать выводы о добре и зле, а уж потом молиться о насаждении Добра и отвращении Зла. А если человек всерьез не знает, где добро, а где зло, то лучше будет ему не молиться, а просто молчать, предоставляя все богам и судьбе.

“Менексен”

Показан образец хвалебной речи героям древности, сам предмет восхваления. Восхваляются те, которые являются хорошими (патриотами) по своей природе, они благородно воспитаны и самоотверженны, им свойственна политическая мудрость, сочетаемая с законным поведением – доблестью. Мудрая доблесть определяется знаниями, а знание о предмете не может быть без справедливого к нему отношения. Такая мудрая доблесть должна зависеть только от себя, а не возникать как воздаяние посторонних обстоятельств. Предмет должен быть прекрасен и благ по своей природе, добродетелен и мудр, знающ и справедлив.

* * *

СОКРАТ. Менексен, нет ничего удивительного, если я умею говорить; ведь моей учительницей была та, что совсем неплохо разбиралась в риторике, обучила многих хороших ораторов.

МЕНЕКСЕН. О ком ты говоришь? Видимо, об Аспазии?

СОКРАТ. Согласился бы ты танцевать раздетым, если бы мы были одни? Мне думается, она, начав речь о павших, говорила следующим образом (дается в сокращении. – Л.З.).

РЕЧЬ АСПАЗИИ

(в сокращении)

“Мы отдали им положенный долг, и, приняв его, они следуют теперь дорогами судьбы, сопровождаемые как всем городом (Афины. – Л.З.), так и своими близкими. Закон и наш долг повелевают нам воздать им в слове последнюю честь. Красиво сказанная речь о прекрасных деяниях остается в памяти служащих к чести и славе тех, кто эти дела свершил. Необходимо сказать такое слово, кое достаточно прославило бы погибших, а живых благожелательно убеждало бы подражать доблести павших; к этому следует призывать их потомков и братьев, отцам же и матерям, а также живым еще родичам старшего поколения доставлять утешение (...). Воздавать им хвалу естественно в соответствии с их природой: они родились людьми достойными. А родились они такими потому, что произошли от достойных. Итак, восславим, прежде всего, благородство их по рождению, затем их воспитание и образованность. Вслед за этим покажем, как выполняли они свой долг.

...Они были подлинными жителями этой земли, по праву обитающими на своей родине и вскормленными (...) родимой страной; и теперь они, пав, покоятся в родимых местах той, что их произвела на свет, вскормила и приняла в свое лоно.

Земля наша достойна хвалы всех людей прежде всего и больше всего потому, что ее любят боги. Разве может земля, коей воздали хвалу сами боги, не заслужить хвалу всех? Их всех живых она (наша страна – Л.З.) избрала для себя и породила человека, разумением своим превосходящего остальных и чтящего богов и справедливость (...) Земля наша породила предков, а также самих павших.

Она полезна тем, кого порождает, что и отличает истинную мать. Наша мать-земля во все времена приносила пшеничные и ячменные злаки – лучшую и благороднейшую пищу для людей и тем породила человеческое существо.

Не земля подражает женщине в том, что она беременеет и рождает, а женщина – земле. Она породила оливу – помощницу в трудах для своих детей. Вскормила и взрастила детей до поры возмужалости, призвала богов в качестве их наставников и учителей. Они благоустроили нашу жизнь, учредили каждодневный уклад, обучили нас ремеслам, показали, как изготовлять оружие, пользоваться им для защиты нашей земли.

Рожденные и воспитанные таким образом предки погибших жили, устраивая свое государство. Ведь государство растило людей, прекрасное – хороших, противоположное – дурных. Поскольку наши предки воспитывались в прекрасном государстве, то становится ясно, что именно благодаря этому доблестны наши современники, к числу которых принадлежат и павшие. Само наше государственное устройство тогда было и ныне является аристократией: эта форма правления почти всегда господствовала тогда у нас, как и теперь. Одни называют ее демократией, другие еще как-нибудь. На самом же деле это правление лучших с одобрения народа. У нас ведь есть базилевсы – иногда это цари по рождению, иногда же выборные; а власть в государстве преимущественно находится в руках большинства, которые неизменно передают должности и полномочия тем, что кажутся лучшими, причем, ни телесная слабость (Ф.Д. Рузвельт. – Л.З.), ни бедность, ни безвестность предков не служат поводом для чьего-либо отвода. Существует только одно: властью обладает и правит тот, кто слышит доблестным или мудрым. В основе такого общественного устройства лежит равенство по рождению. В других городах собраны самые различные люди, поэтому их государственное устройство отклоняется от нормы – таковы тирании и олигархии; города эти населяют люди, считающие других либо господами, либо рабами. Мы же и все наши люди, будучи братьями, детьми одной матери, не признаем отношения господства и рабства между собою; равенство происхождения заставляет нас стремиться и к равным правам для всех, основанным на законе, и повиноваться друг другу лишь в силу авторитета доблести и разума.

Поэтому, воспитанные в условиях полной свободы, отцы погибших и наши отцы совершили множество прекрасных дел как в частной жизни, так и на общественном поприще, ибо они считали необходимым сражаться за свободу. Поэты уже воспели в прекрасных стихах их доблесть, сделав ее достоянием всех. Но это, достойное славы, по поводу чего еще ни один поэт не высказался достойным образом и что пока находится в забвении, – об этом, думается мне, следует напомнить, почтив такие деянья хвалой, дабы побудить других изложить их в песнях и поэмах. Я имею в виду, прежде всего, следующее: когда персы стали правителями Азии, они вознамерились поработить и Европу; дети нашей земли – наши родители – преградили им путь; необходимо и справедливо, в первую очередь, вспомнить о них и восславить их доблесть. Кто хочет прославить ее достойно, пусть обратится мысленным взором к тем временам, когда вся Азия была рабыней третьего по счету царя: первым был Кир, который освободил персов и, обученный гордыней, поработил прежних своих повелителей – мидян; он простер свою власть над всей Азией вплоть до Египта; третий же царь, Дарий, расширил свои владения на суше вплоть до Скифии.

Дарий, выдвинув против нас, эретрийцев, ложные обвинения, послал под этим предлогом корабли и грузовые суда с пятисоттысячным войском!

Как сражавшиеся при Марафоне, так и те, что сражались в морском бою при Саламине, научили остальных эллинов умению, привычке не страшиться варваров как на суше, так и на море.

Итак, мы сказали о многих прекрасных делах покоящихся здесь мужей. Но есть еще больше прекрасных дел, о которых мы не сказали. Ведь поистине много дней и ночей не хватило бы тому, кто пожелал бы это всё перечислить. Как следует, помня об этих людях, передавать всем их потомкам наказ – не покидать строя своих предков. Я и сама хочу наказать вам, сыновьям доблестных мужей, и сейчас, и когда бы ни встретила вас в будущем. Надо представить себе, будто это для них, отцов, она – эта моя собственная речь, говорили же они так: “Дети, свидетельством того, что вы родились от нынешних отцов, являются нынешние события. Мы могли жить бесславно, но предпочли этому славную смерть, дабы не ввергнуть вас и ваше потомство в позор, а вашим отцам и всему предыдущему поколению нашего рода не принести бесчестья; мы считаем, что тем, кто приносит бесчестье своим сородичам, не стоит и жить, подобное не мило никому из богов и людей – ни тем, кто ходит еще по земле, ни тем, кто похоронен уже и лежит под землею. Почтить заслуженное родителями,

прекрасно и величественно – это сокровище их детей; расточить же такое сокровище, как деньги и честь, и не передать потомкам – позорно, не мужественно; это свидетельство собственного недостатка и славы.

Древняя пословица “ничего сверх меры” представляется прекрасной. Эта пословица в высшей степени обретает вес: не радуйся чрезмерно, но не слишком печалься. Пусть сыновья наши получают надлежащее, отцы – подобающее им в старости.

Вот что сыновья и отцы погибших поручили возвестить, и я выполняю это со всевозможным почтением. В свою очередь, я от имени всех павших прошу брать пример с них, быть стойкими и уверенными в себе. Мы берем на себя личную и общественную заботу о вашей старости, издавая законы, касающиеся заботы о детях и о родителях тех, кто погиб на войне; эти граждане пользуются особым покровительством наших законов, согласно которым охрана их положена высшему должностному лицу, коему надлежит следить за паем, чтобы отцы и матери павших не претерпели обиды, этот человек следит за воспитанием сыновей погибших, заботясь о том, чтобы сиротство для них было по возможности незаметным, таким образом, он берет на себя роль отца. Все они в течение всей своей жизни пользуются неизменной заботой (общества и государства. – Л.З.). Вдумываясь в это, вы, родители, должны с большей кроткостью переносить ваши несчастья. Теперь вы, как и все остальные, оплавав, согласно обычаю, павших, ступайте”.

* * *

Аристотель

“МЕТАФИЗИКА”

(в сокращении)

3. Платон понимает, что вопрос об отношениях между обоими мирами должен возникнуть. И он возникает затем как отношение между миром бытийным и инобытийным (Авт. – Л.З.).

4. Возражение Аристотеля против теории Платона получило впоследствии название “третий человек”. Поводом для такого чувственного человека, кроме идеи человека (или “второго человека”), необходимо допустить существование еще одной (возвышающейся над ними) “идеи” человека. Эта “идея” охватывает общее между первой “идеей” и чувственным человеком. Она и есть “третий человек” (Авт. – Асмус).

5. Если все единицы в числе сопоставимы и неразличимы, получается число, которое Аристотель называет математическим. Аристотель доказывает, что “идеи” в платоновском смысле такими числами быть не могут. В самом деле, спрашивает Аристотель, каким числом будет, например, “сам – по себе – человек”, или “само – по себе – живое существо”, или какая-либо “идея”? В то время как “идея” в каждом случае только одна, чисел же, подобных друг другу и неразличимых, беспредельное множество.

6. Начала бытия и мира: 1) “материя”, 2) “форма” (переход от возможности к действительности), 3) причина движения, 4) цель. Например, дом (кирпич, замысел дома, деятельность строителя, цель – строительство дома).

7. Рассмотрение вопроса о том, возник ли мир во времени и может ли он погибнуть во времени? Согласно Аристотелю, возможность движения, наблюдающаяся в мире, предполагает, что *бытие вечное*. Доказывается просто.

Допустим, был некогда момент, когда движение началось впервые. Тогда возникает альтернатива признать одно из двух: 1) или что “материя” и “форма” уже существовали до начала первого движения, 2) или что они не существовали. Если не существовали, то возникли. А так как возникновение невозможно без движения, то при сделанном предложении получаем нелепый вывод, будто движение существовало до начала движения.

Если же “материя” и “форма” уже существовали до начала первого движения, то возникает вопрос: почему они не породили движение раньше, чем оно возникло в действительности? Существовало какое-то препятствие к движению, помехи или задержки? Однако все они могут быть сами только движением. Выходит, необходимо предположить, что движение уже существовало до начала движения. А это противоречие, абсурдный вывод (простая теорема приведения к абсурду. – Л.З.).

По Аристотелю, существует лишь один способ устранить это противоречие: необходимо допустить, что происходящее в мире движение не только *не имеет начала, но и не имеет конца, т.е. оно вечное*. Вечная и невозникшая причина мирового движения, согласно Аристотелю, есть Бог. Здесь *онтология (метафизика) и космология (Аристотеля)*, его учение о бытии и его учение о мироздании сливаются с его теологией, т.е. учением о Боге. И бытие, и мир, и Бог – понятия метафизики Аристотеля, из его учения о сущности бытия, оно различно, но связано между собой, его результаты ориентированы – по аналогии – на Бога. Так как Бог, по Аристотелю, – наивысшая действительность, то Бог есть ум. В этом уме необходимо

различать *активный* и *пассивный* элементы. Активный элемент называется, когда мысль есть деятельная. Человеческая деятельность может быть либо теоретическая, либо практическая. Теоретическая – направлена на познание, практическая – на достижение целей, находящихся вне самого деятеля.

Итак, Бог, или перводвигатель, есть чистый созерцающий ум. На что вульгарные материалисты, исходя из практического опыта, отвечали признанием мысли таким образом: как это можно телегу поставить впереди лошади? (Авт. – Л.З.).

По Аристотелю, Бог есть мысль, направленная на самый совершенный предмет, это и есть совершенная мысль. У Платона высшее бытие – объективно существующие бестелесные формы, или “идеи” (“виды”, “эйдосы”). У Аристотеля – высшее бытие – единая божественная бестелесная “форма”, чистый, беспредельный божественный ум.

Объективный идеализм Аристотеля – идеалистический монизм, а объективный идеализм Платона – идеалистический плюрализм, то есть иерархия “идей”, завершаемая наверху единой “идеей” блага. У Платона, основателя неоплатонизма, она превратится в неизреченное “единое”, источник всякого бытия, начало и конечную завершающую цель всего мирового процесса, что и поныне порождает всяческие мысли и течения, страхи относительно конца света (Авт. – Л.З.). На мысли из философского учения Аристотеля, в котором черты онтологии и космологии образуют единство и восходят как к высшему – понятию о Боге, перводвигателе мира, и обратили внимание мусульманские, христианские, отчасти еврейские богословы феодального средневекового общества, когда познакомились с главными трактатами Аристотеля. И использовали черты учения Аристотеля под понятие религии (у буддистов же, как более ранней религии, Бога нет. – Л.З.).

Бог у Аристотеля не *мистический*, а в высшей степени *космический*, выводится из анализа философского понятия перводвигателя, т.е. весьма рационалистическим способом, через познание (как у А. Макдонского. – Л.З.).

Выводится просто. В самодвижущемся предмете необходимо различать два элемента: *движущее* и *движимое*. В перводвигателе, если он самодвижущее бытие, эти элементы должны быть налицо. Очевидно, что подлинным двигателем может быть только один из обоих элементов, а именно, движущее.

Из неподвижности перводвигателя мира Аристотель выводит как необходимое свойство Бога его *бестелесность*. Как нематериальный, Бог не может быть мыслим в качестве бытия возможного. И Бог всецело “форма”, только “форма”.

Наивысшее существо материального мира – человек. Как в любом предмете этого мира, в человеке следует видеть соединение “материи” и “формы”. “Материя” человека – его тело, “форма” – его душа. Как “материя” тело есть возможность души. Но и в душе должны быть налицо как высший элемент, так и низший. Высший элемент души – ум.

Развив учение о человеке, Аристотель переносит на это идеи “материи” и “формы”.

Высшее бестелесное бытие у Платона – “идея” блага, она представляет идеализм Платона в эстетическом свете. Высшее бестелесное бытие Аристотеля – божественный ум. Бог Аристотеля – как бы идеальный, созерцающий свое познание и свое мышление, философ – чистый теоретик, его стихия – умозрение.

* * *

“Метафизика” (стоящая после “Поэтики”) – великая книга Аристотеля. В дошедшем до нас составе она несовершенна. Это, скорее, свод записей лекций, составленный учениками, прилежно слушавшими своего гениального учителя. И все же книга изумительна и неповторима. По этой книге в течение веков учились философии народы Востока и Европы. Кто изучал эту книгу, входил в самую философию, в ее глубины. Аристотель – подлинный учитель человечества.

* * *

Трактат “О душе”

Аристотель – основатель науки психологии. Исследование “О душе” стало на многие века основным материалом и источником при изучении психологических явлений.

Познание души способствует познанию всякой истины, особенно познанию природы. Философ надолго предупредил понимание тесной связи между психологией и естествознанием.

Психологию Аристотель рассматривает как науку, опирающуюся не только на наблюдение фактов психологической жизни, но и на знание *соматических* (телесных) процессов и явлений, происходящих в самом человеке.

Аристотель отвергает учение о том, что душа сама себя движет, что она есть гармония, круговое движение.

“Между тем сказать, что душа гневается, это то же, что сказать – душа ткет или строит дом” (Аристотель).

Душа есть “само себя движущее число” (Ксенократ, ученик Платона).

Если душа есть число, то как ее мыслить движущейся, раз она неделима и не имеет в себе частей? Если душа – число, то занимает место в пространстве и имеет положение. От числа можно отнять другое число или единицу, и тогда в остатке получится другое число. Но растения и даже животные продолжают жить и даже после рассечения их, и каждая их часть обладает, очевидно, той же самой душой (об опыте с тайнами воды в двух сосудах проф. ОГТУ Боброва. – Л.З).

Во всех исследованиях Аристотель энергично борется против теории Эмпедокла о знании как о постижении подобного подобным же.

“Из указанных здесь знаний обо всем имеется такой, кто в наибольшей мере обладает знанием общего, ибо в некотором смысле он знает все подпадающее под общее”, – Аристотель.

Душа, согласно Аристотелю, есть причина и начало живого тела. Причиной она является в трех смыслах: и как источник происходящего в теле движения, и как цель, к которой это движение направляется, и как сущность живых тел. Сущность есть причина бытия каждого предмета, но сущность живых тел есть жизнь, а душа есть причина жизни.

Со всей категоричностью Аристотель высказывает мысль о независимости предмета от ощущения, восприятия. Соответствующие места в трактате “О душе” принадлежат к наиболее ярким обнаружениям материалистической тенденции. В основном психологическом трактате Аристотеля есть места, в которых он с удивительной ясностью и четкостью говорит о зависимости души и психических состояний и процессов от телесных, от тела, рассуждая как материалист.

Не низменные, а гибкие, способные к переходам функции, богатые различными степенями, оттенками “части”, – вот что, по мнению Аристотеля, свойственно душе. Таких способностей Аристотель называет пять: душа “питающая”, душа “ощущающая”, сила “стремления”, сила “движения” и душа “мыслящая”.

Остальные силы души – соотнобразующиеся с разумом и не соотнобразующиеся с разумом. В своем действии они приписывают вид ума и желания. Главные проявления разумной души – умственная деятельность, неразумной – стремление, желание. Такая двучленность предполагает деление душевных способностей и функций на высшие и низшие, разумные и чувственные. Среднее звено – способность ощущения, причисляя его то к разумному, то к неразумному началу, так что способности души приобретают вид трехчленного деления:

способность питания (роста и размножения),

способность ощущения (чувства, желания и движения),

способность мышления (теоретического и практического, в теоретическом мышлении различаются еще способности усвоения и творчества).

Способностям ощущать *удовольствие и страдание* не отводится особого места. Как и Платон, Аристотель приписывает желание и способность чувствования одним и тем же душевным силам. Гораздо определеннее Платон разделяет понятие растительной и животной силы. Все чувствования у Аристотеля сведены к моменту развития второй душевной силы – животной. Там, где имеют место ощущения, – поясняет он, – является удовольствие и страдание, а где есть удовольствие и страдание, возникает и желание. Аристотель ясно отграничивает удовольствие (а значит, и страдание) от деятельности рассудка.

Вполне признавая специфичность чувствования как совершенно самостоятельный момент в развитии способностей, Аристотель относит их ко второму началу души. Однако чувствования в психологии Аристотеля не главный, а второстепенный класс психических явлений.

Нотабене. Отчего же “Поэтика”, куда помещены поэты с их чувственной сферой, стоит на первом месте? А “Метафизика” со всеми ее атрибутами следует после нее? (Авт. – Л.З.).

* * *

Психология Аристотеля – великая страница в развитии науки о человеческой душе. Ее проблемы, недостатки, заблуждения исторически объяснимы, ее достоинства удивительны, беспримерны. Аристотель – мыслитель, глубоко осветивший человеку многие из темных пучин его собственной природы. Если Гераклит думает, что познание этих пучин труднодоступно, то Аристотель – один из тех великих героев, которые показали, что это возможно. Аристотель – подлинный отец будущей материалистической психологии, а также учения о том, что в исследование фундаментальных понятий гносеологии, или теории познания, он внес важнейшее положение о том, что предметы наших чувственных восприятий, дающие начало всем знаниям, существуют независимо от самих этих восприятий, понятием в нашем внешнем и внутреннем мире, а не порождаются субъективной организацией нашей восприимчивости.

В. АСМУС,
академик.

ПОСТСКРИПТУМЫ

Проверял себя Александр Македонский: Бог он или не Бог, быть или не быть ему – смертен он или состоит в бессмертии, пребывая на Олимпе или в Персии, давая свободу народам. И прошел он полмира – по Египту,

Персии, дошел до Индии, где лозунг Свободы (после Мидии и Гирканы, Бактрии и Согдианы) уже не работал, и повернул Александр назад, до Багдада. Подобное случилось и с Наполеоном, тоже пронес он идеи Свободы по всей Европе, а в России пришлось повернуть восвояси.

На четыре части разбилась Великая империя, созданная Александром. Десять городов его имени возникли на пути следования македонского вседержителя. И вот в первой Александрии, в Египте, что в устье Нила, в конце концов оказалось брненное тело царя, перевезенное сюда из Багдада (Вавилона) верным военачальником Александра – Птолемеем, основателем новой династии фараонов. Шесть веков просуществовала Александрийская библиотека, пять с половиной из них, пока персы же ее не уничтожили, у стен этого чуда света Александр Богоравный пролежал мумифицированный, в прозрачном гробу.

Кстати, через какое-то время возникла новая эра – Иисуса Христа, когда в Иерусалиме появился новый гроб – “гроб Господний”, к которому затем и совершались из Европы “крестовые походы” рыцарей, готовых якобы поклониться как мощам святым, так и золотому тельцу.

А propos (кстати, любимое словечко Аристотеля из его “Поэтики”), героическая эпопея “Александр Македонский” включена мной в Большой Евразийский Круг (БЕАК), куда уже вошли написанные мной ранее произведения различных жанров: “Белая Скифия”, “Прометей”, “Велесова книга”, “Слово о полку Игореве”, “Бедный Рюрик”, “Крещение Руси”, “Стратилат”, частично “Кремль. Соловки”. Главная мысль тут – практическая, о том, как волны арийские, еще от “Авесты” (самая древняя книга человечества – ей 26 тысяч лет), накатывались с Востока и волнами же постоянно накрывали собой Европу. Это еще и мысль о не такой уж невероятной “далекости” наших пращуров. А то мы все числим себя лишь с Древней Руси, с Крещения праотцов наших в 988 году в святых водах Днепра у Киева, а пращуры вон где у нас обретаются.

Да, еще одно “кстати”. В воссоздании “Прометей” некоторое сопротивление в материале, особенно в “Свободнорожденном Прометее”, мне оказывали своим романтизмом Шелли и его переводчик Бальмонт, а помогал – романтизированным реализмом Гете.

Следует учесть, что Александр был поэтом, писал стихи. Вот почему со всем комплексом своих талантов, знаний, способностей во всех сферах, нацеленных на идеи, и “пронзал” он божественно самое душу человека, проходя по странам великого, тайного света сквозь народы и государства.

В итоге я подошел вот к чему. Что можно сказать, в конце концов, о генотипе русского народа? Это, на мой взгляд, в некотором смысле то же, что и коллективное бессознательное (по Юнгу), но только не

для индивидуума, а для народа, племени, рода. То есть определенные нормы поведения во времени и пространстве, корректируемые самой природой и диктующие реакцию живого организма на изменяющиеся условия бытия. Так, Велимир Хлебников открыл период колебания в 365 лет для человека – явление “двойников”, а мы находим в “Велесовой книге” “исходы” для своего народа в 1200 лет. Очередной период заканчивается в середине 21-го века. Все уже приходит в движение, обнаруживается тенденция к изменению, деформации генотипа. Главная черта именно нашего генотипа – делать все для всех даже в ущерб себе – древнейшее качество наших пращуров еще с авестийских времен. Как это ни называй – “возлюби ближнего, как самого себя” (по-христиански) или “всемирная отзывчивость русской души” (по Достоевскому), а факт есть факт, упрямая вещь. А ргoгoс – кстати (по Аристотелю), скоро эту “отзывчивость”, как и мир, ждут великие потрясения. Первым выразителем такого авестийского качества (по сути первым Спасителем мира) был Прометей, вторым – можно сказать, Заратустра, затем – Иисус из Назарета, а “третьего, четвертого” (подобно Древнему Риму), как говорится, может и не быть.

Однако наряду с такой идеей, объясняемой антиками более-менее с помощью Разума, с помощью “материи” и “форм”, существует идея божественного, религиозно-нравственного сознания человека и человечества; литературе из области чувственных сфер больше подходит эта идея. В ней и живут, созидая, писатели, артисты, художники.

ГАМЛЕТ – СВОДНЫЙ БРАТ РУССКОГО КНЯЗЯ ИГОРЯ

А то смотрю голливудский фильм “Александр” – великий фильм, роскошный, об Александре Великом, а чую нюхом, интуицией, что ли, чего-то тут не хватает. Отчего это полководец всех времен и народов так легко “пронзает” Пространство и Время, народы и государства, вроде без особых усилий? Что за этим стоит? Сила, скорее всего, не в стреле и мече, так в чем? А в стремлении, в движении от единичного к общему, неделимому, всечеловеческому. И особенно где-то там, на Востоке, в пределах ранних христиан, что и поныне мыслится в недрах Тибета, Индии. Тут потом Иешуа – Иисус, прежде чем стать родоначальником новой Веры, провел свои молодые годы в неустанной работе души, в борьбе за познание тайных духовных сфер, обучаясь в мученичестве, миссионерстве. “Конечно, Александр Македонский – герой” (“Ревизор” Н.В. Гоголя), великий воин с мечом, а он ведь велик и без меча. Своим походом на Восток – за тайными знаниями – глядел он в лицо всему человечеству, в будущее – к нам сюда и далее нас. Велик он также сознанием, что свои античные материальные мысли и духовные знания несет искушенному Востоку.

Смотрю голливудский фильм про Александра, а мысль переносится сюда, к нам, ближе по времени, к викингам, и они ведь – от ариев, легших в одной из прихлынувших волн в лоно Западной Европы.

Это я о Рюрике и о рюриковичах, обозначенных в следующей трагедии под названием “Бедный Рюрик, или Путь “из варяг в греки””. И это все о нем – о том же, как это Гамлет мог быть сводным братом хотя бы тому же русскому князю Игорю? А так Гамлет, если по-русски взять, с отчеством, – Рюрикович. И русский князь Игорь, а перед ним и отец его, дед – все Рюриковичи. Происходят от Рюрика, датского короля – конунга, оказавшегося волей судеб в праславянских землях, в древнейшей Руси.

Развернем картину.

Любят в мире у нас историю ворошить, под себя строить, особенно чужие земли присваивать. Единственный “документ” на это – археологические раскопки, которые “доказывают”, что “мы тут были”. Вот в Польше, к примеру, в первой ее столице – Познани, на границе с Германией, интуристов сразу же ведут в древний храм – вниз куда-то, под своды, исторический камень показывают: “мы тут были”, какой разговор? Так и у нас на Руси стали искать археологи могилу Рюрика, по норманнской теории происхождения княжеской власти – основателя династии Рюриковичей, просуществовавшей вплоть до 1613 года, когда в Смутное время на престол сели уже Романовы.

Так вот, стали археологи в землях северных, “гиперборейских”, в районе Старой Ладogi, курганы вскрывать – ничего утешительного. Перенесли усилия под Новгород Великий, бывший древней, самой первой столицей Руси. Долго могилу искали – опять-таки по курганам – этим насыпным холмам на Русской равнине, подобиям египетских пирамид – усыпальницам властителей. Нашли все же, камнем под слоем земным своды выложены. Время определили – подходит. В летописях стали копаться – и что установили ученые? А то, что на Западе там, где-то в Дании, именно в это время из летописей исчезло всякое упоминание о датском короле – конунге, а тут, одновременно с этим, он всплыл уже в качестве предводителя норманнов, промышлявших испокон на пути “из варяг в греки”; он – этот самый Рюрик, который и стал тут княжить.

И опять помогает Гомер с его “Одиссеей”, “след” его, оставленный в литературе, в частности, в шекспировском “Гамлете”. Поразмышляем над фактами. Безусловно, Шекспир обращался к Гомеру. Возьмем имена: Лаэрт у Шекспира – друг Гамлета, у Гомера – старый царь Итаки, отец Одиссея, Телемах – сын Одиссея, перевернем – Хамлет, Гамлет у Шекспира.

“Бедный, бедный Йорик”, – произносит у Шекспира могильщик, извлекая череп, указующий на захороненного человека. На кого именно? Назвать имя точно в то время нельзя было, ведь на троне сидел король-узурпатор. Сами теперь догадаемся, а куда делся бывший король и кто тут лежал в виде черепа? Пусть двойник короля, но ведь имя дано ему Шекспиром не зря. Поиграем, произведем манипуляции с именем: Йорик – Ерик – Юрик – Рюрик. Вот тебе и король – конунг, который в силу обстоятельств бежал на Восток. Будучи от рождения норманном – викингом, он примкнул к ватаге, чтобы кормиться на извечном пути “из варяг в греки”, да и стал княжити на Русской земле. И кто же в таком случае первый его – датский сын Гамлет всем последующим его сыновьям, внукам, правнукам уже русским – Рюриковичам по родственной линии? Да сводный брат он им, кто же еще? Гамлет – сводный брат тому же русскому князю Игорю, оба ведь Рюриковичи. Гамлет Рюрикович – принц датский, Игорь Рюрикович – князь русский, вот какая история!

Что и развернуто в написанной мной героико-мистической трагедии “Бедный Рюрик, им Путь “из варяг в греки””.

Испокон у меня интерес к изысканиям. Не так все бывает, как лежит на поверхности, – факты гораздо глубже, часто имеют второе дно, другую окраску. Столько надо поту пролить, покопаться, чтобы что-то понять.

С семи лет, помню, попал я под кровавое месиво в самом пекле Орловско-Курской дуги. Жил ведь в Малоархангельске – “зело крепко орешек”, совершенно героический городок, о героизме которого история покуда мало что сообщила, еще меньше сказала. А ведь это он, вместе, конечно, со всей великой армией всего большого народа, удержали тогда на подступах новообращенных арийцев, эту огневую волну, только теперь уже с Запада. Всего-то суффиксы разные (арии и арийцы), а в существе – дьявольская разница. Рано выросли тогда мы, дети войны. Много друзей моих погибло, земляков много, солдат – вот и живу теперь за них, как и за себя. На треть убыло население Орловщины за годы войны. Воистину некому, кроме меня, глаголить о том же Малоархангельске, вот и глаголю.

В восемь лет меня солдаты на этой “дуге” научили читать. В девять – я уже читал “Гамлета”, вроде сказки какой-то с призраками, попалась же она мне в руки от тетки-соседки. В десять – я читал уже “Дон Кихота”, выпросил у школьного приятеля. В одиннадцать – самолично купил четыре тома “Тихого Дона” в “Когизе” – книжном магазине в избе напротив. А в двенадцать (после четвертого класса школы) – прочитал Сергея Есенина и задохнулся от совпадения чувств, и сам стал писать стихи, а в пятнадцать (в седьмом классе) – сочинял уже песни.

Это я к тому, как быстро выросли тогда мы, дети войны. Так вот, что было в середине сорок третьего, когда мне едва минуло восемь, в самый разгар сражения, после гибели на Сабуровском поле сразу десяти тысяч в одной атаке? Почти без оружия, голодные, необмундированные, пали они смертью храбрых. Как эхо гражданской войны, возможные “лишние” люди вождям в послевоенном обустройстве. Мы, пацаны, что увидели тогда тут, в Малоархангельске, во дворе старой школы? И что бы сказала людям об этом Аспазия? Я тогда видел тут Самого – Хозяина фронта, Рокоссовского, в великом гневе на тех, кто послал на убой людей – наших отцов. Пострелял бы “хозяин” всех, кто виновен был за Сабурово, загнал бы их за Можай – туда же, в окопы! Однако сдержался, стоял, помню, передо мной, пацаном, – красив, в гневе справедлив, в высоких своих сапогах, по которым колотил нещадно хлыстом. Вот кто для меня по сей день Александр Македонский! Полководец, герой, освободитель наш, – ух ты! Так и стоит перед глазами! (См. стихотворение “Китель Рокоссовского”).

Война и мир, мир и война, Тринидад и Тобаго.

Кстати, в ту же – малоархангельскую осень, точнее – в том же сентябре 2005 г., кроме “Бедного Рюрика”, мной была написана и вторая книга романа-эпопеи в стихах “Арсений Чигринев” (“Кремль, Соловки”). За 17 дней – 10 глав, 270 страниц. Как сказал Бисмарк, русский мужик долго запрягает, да быстро ездит. Спринтером был я когда-то, а тут спринт на стайерской дистанции. Работал на полустрессе, передо мной маячило 21 октября с.г. – годовщина смерти моей матери, и я посвящал “Соловки” ей, как бы декабристке обновленного времени.

Спустя какое-то время (в январе–феврале 2006-го) пишу уж и эту дилогию о великом сыне Земли. А вспоминаю все ту же войну, лето сорок третьего тут у нас, ту самую битву на Орловско-Курской дуге; на огромном пространстве скрежет зубовой семи миллионов людей с той и другой стороны. Сражение, какого не знала история, наверно, еще с времен Александра. “Оно, конечно, Александр Македонский – герой, но зачем же стулья ломать?” (Гоголь). Война и мир, мир и война. Тринидад и Тобаго, Мидия и Гиркана.

ПОСТСКРИПТУМ ОЧЕРЕДНОЙ

“Постскриптумами” разродился, ибо мысли вспыхивают и, если тут же не зафиксировать, – улетают. Хотя бы такая.

1. Вот что пишет античный историк Плутарх в своих “Избранных жизнеописаниях” об Александре Македонском: “Александр, по-видимому, не только усвоил учение о нравственности и господстве,

но и приобщился к тайным, более глубоким учениям, которые философы называли “устными” и “скрытыми” и не предавали широкой огласке”. Находясь уже в Азии, Александр узнал, что Аристотель (бывший его учитель) некоторые из этих учений обнародовал в книгах, и написал ему откровенное письмо в защиту философии, текст которого гласил: “Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же мы будем отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров”. (Так кем же считал сам себя Александр – больше философом или полководцем?) – (Авт. – Л.З.).

Успокаивая уязвленное честолюбие Александра, Аристотель оправдывается, утверждая, что эти учения хотя и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы. В самом деле, “сочинение о природе было с самого начала предназначено для людей образованных и совсем не годится ни для преподавания, ни для самостоятельного изучения”.

Интуицией чувствовал я нечто подобное, когда думал о Шекспире, Л. Толстом и других, о том же гомеровском “следе” в литературе. Почему Шекспир зашифровывает того же Телемаха под Гамлета и никому об этом не говорит? Почему Рембо маскирует свое плавание на “Пьяном корабле” под ту же “Одиссею” Гомера? А свой военный поход на Восток сам Александр – разве не так – тоже строит как бы под “Одиссею”? И тому подобные скрытые мысли, за которыми стоят тайные знания. Не для того ли, чтобы авторам и героям казаться значительнее, может, даже быть причисленным к небу, ближе богам? Также и с Малоархангельском в битве на Орловско-Курской дуге.

2. И еще. Город *Капруан* на севере африканской пустыни – священный город Магриба. Почти как Мекка. Минареты и муэдзины. И всюду “хафизы”, “хафизы”. Да кто хоть это? Ни слова. Но мы-то знаем Хафиза, то был такой замечательный поэт персидского Ширази в 14-м веке н.э. – Магомет Шемзеддин (“Солнце веры”), по прозвищу Хафиз. Принадлежал к секте дервишей и софов, созерцательных мудрецов и мистиков, сочинял возвышеннейшие гимны, состоял в милости при дворе великого визиря. И вдруг под старость этот мистик и мудрец добровольно отказывается от плодов своих долговременных усилий, и бойкая песня старца расцветает яркими красками жизни.

“Уж если все от века решено, –
Так что мне делать?”

Назначено мне полюбить вино, –
Так что мне делать?
Указан птице путь, пустыня – льву,
Трактир – Хафизу,
Что мудростью верховной суждено, –
Так что мне делать?”

А это – из “Желания” Омара Хайяма:

“Пей с достойным, который
Тебя не глупей.
Или пей с луноликой, с любимой своей.
Никому не рассказывай, сколько ты выпил.
Пей с умом, пей с разбором,
Умеренно пей”.

И вот после такого апофеоза жизни женщина на Востоке – в парандже, то есть в черной чадре, запреты на вино и открытость любви, что это и откуда?

3. *Капруан* – священный город Магриба с Востока, он находится западнее Александрии. В самой Александрии – ныне три миллиона мусульман, и ничто не говорит уже о том, что тут было когда-то пятое чудо света – знаменитая Александрийская библиотека, а при ней – филиалы “Серапион”, “Музисьон” и в хрустальном гробу – Александр Македонский. Вон куда протекла через Египет эта ветвь с Востока – по всему северному побережью Африки, а через Геркулесовы Столбы добралась до середины Испании. Это южная ветвь. А центральная – через Византию до Сербии, Косова поля. А северная – от Балхаша по Северному Причерноморью – в Европу, до того же Дуная. Вот и оказывается та же Греция в полукольце – с юга, севера, а за спиной уж великие воины Скандербега. Древний Рим уничтожил Карфаген, не помог Византии; Юлий Цезарь сжег впервые Александрийскую библиотеку; римляне издавали законы, по которым уничтожались все из книг, что подпадало под определение “языческого”, что не подпадало – тоже уничтожали.

Вот и мы до сих пор ищем под Московским Кремлем библиотеку Ивана Грозного – вроде ушла на дно, в волны моря жизни, а может, в океаны судьбы? Каждый раз пропадают цивилизации, “скарабей” перепрыгивает грань и оказывается в Южной Америке, а ариевские “пауки” – в Индии и т.д. Люди сами уничтожают свое, чтобы, создав тайное, мистериальное, разгадывать его потом, воображая в себе живой источник движения.

Почему повернул Александр Македонский уже от самой Индии обратно на Запад? Что – устали, армия взбунтовалась? Завоевателями, что ли, стали слыть македонцы в свободной Индии? И то, и другое, и третье, а все не то. Все дело, как мне кажется, в “тайных” знаниях. Что сказали Александру мидийцы – мистики и софисты? Что узнал он у Скалы Индийского Кавказа, от свободнорожденного Прометейя? Что прочел в предначертаньях наскальной живописи, в каменных изваяниях афганско-памирских нагорий? Каким ведическим духом повеяло от авестийства ранних христиан на Тибете?

Что предсказал Оракул еще там, в Египте, в Сеулском оазисе, и что из того сбылось тут, в конце пути, на Востоке? Так стал ли богом Александр Македонский или так и остался “смертным”? Почему Прометей пребывает вечно в богах-титанах, а Александр Македонский, так и не став богом, остается “смертным”, уходя из жизни в Вавилоне естественным образом или, может, будучи отравленным кем-то? И почему именно от Иисуса Христа, побывавшего чуть позже у ранних христиан в той же Индии, на том же Тибете, уже 2000 лет идет новая эра? Человекобоги или богочеловеки ведут свой счет – от чего, если вдуматься?

Всю жизнь молодой царь Македонии, освобождаясь, добивался Бессмертия и Свободы, а умер в Багдаде как простой человек. Свободен ли царь в конце своего пути оказался? В тисках собственной армии, друзей с детства – своих же сверстников – военачальников. Крылья есть – неба нет, небо есть – крыльев нет, куда бедному человеку податьсь?

ПОСТСКРИПТУМ ПОСЛЕДНИЙ

Героическая диалогия “Кентавриада” (особенно вторая часть “Пламень Александрии”) пишется еще и как либретто для музыкального ключа, как для оперы. Применяется особая типизация, музыкальность текста, сжатость образов. Наподобие “Белой Скифии” – продолжения “Одиссеи” Гомера, с ее музыкальным ключом.

Героической трилогией о Сакральном Кресте древнейших ариев, ориентированном на страны света, подземные недра и небо, и завершается Большой Евразийский Круг. Это – о всадниках-кентаврах, преодолевающих Время и Пространство, цивилизацию за цивилизацией на главной персоне истории – на коне, сросшимся с человеком. Время уходит вперед и назад возвращается, остаются только звездные Пространства, по которым бродят божественные коровы, а кони-звери несут нас к своей астральной цели – в “молочные” реки Неба без берегов.

КЕНТАВРИАДА, ОБРАЗУЮЩАЯ САКРАЛЬНЫЙ КРЕСТ

В виде ариев прошла она конно и пеше с Севера – Белого Острова на Юг – в Индию, потом из центра – Юга Урала, Разума Земли – на Запад в Европу, а на Восток – перепрыгнув за океан в Америку. Это первый крест – земной, *Горизонталь* по поверхности с Севера на Юг или с Востока на Запад. И второй крест – Сакральный, на каком и распинали Христа. Эта *Вертикаль* опять-таки связана с Разумом Земли, упирается одним концом в недра, в магмы – ады земные, а другим концом, через центр, – в Неба высь, в поднебесье, откуда и прибыли, возможно, арии из других миров, принеся сюда с собой две главных ипостаси – идею Бессмертия и идею, заключенную в глубочайшем, животворном человеческом смысле, выраженном в словах “Возлюби ближнего, аки самого себя”. Не следование этому означает ненависть, войны, смерть. Переход от бронзового века к железному разрушил обе эти идеи. Все тогда начиналось отсюда – с Юга Урала, от сбесившегося Разума Земли, от Карталы, где на сравнительно небольшой площади археологи находят 35 тысяч шахт, где добывали руду, плавил железо, из которого делали стрелы, оружие, с чем шли потом по странам света – по Первому Кресту, а на Втором, Сокровенном, распинали прародителей Веры – Прометея, Заратустру, Иисуса Христа.

Вот нам война, вот нам и мир, устойчивое сочетание которых мы находим еще у греков-малоазийцев, овевянных дыханием восточно-азиатских верований и мистических грез.

Литература – это разве идеи в художественных образах? Скорее, нечто подобное в виде “водяной мельницы”, мелящей слова высоко-высоко, бесподобный эффект. Сразу же представляется Разум Земли, Крест Сакральный – с Севера на Юг по поверхности, на Запад и на Восток – это пути-дороги, волны Кентавриады, которые издревле накрывали собой Европу. Так и лежат по поверхности составляющие, образуя этот Сакральный Крест. Под тяжестью греховного, живого, человеческого параллельная поверхность, составляющая эта, приходит в движение, опускается вниз – в магму, где тяжесть ее огнем очищается, легчает, образует обратное движение вверх, на поверхность, а с поверхности – еще выше в небо, где таких Спасителей и распинают на том же Кресте, усугубляя тяжестью греха движение опять-таки в недра. Так работает “водяная мельница” – эта богостроительная “вертушка”. Крест Сакральный, неизвестно где и когда начинаясь, очищает все человечество, то возвышая составляющую вновь до Разума Земли, то опуская опять же до ада, чтобы снова очиститься и возвыситься вновь. И так вечно, создавая жизнь в мистериальном таком, таинственном смысле. А графически – это “турбина”, вечный двигатель – “перпетуум мобиле”, символ которого мы и находим у

ариев где-то в Индии, в виде наскальной живописи. Изображений таких же “пауков”, тех же самых “турбин”, распахнутых, все мы знаем теперь куда, – в широко открытое Небо.

Вот тебе и Разум Земли – это по гороскопу. Война и мир, мир и война, Тринидад и Тобаго, Мидия и Гиркана. “Александр Македонский” и “Кентавриада”.

* * *

Андрей Кончаловский в своей телепередаче о цивилизации сообщил сенсационную весть о том, что если сейчас на Земле шесть тысяч языков, диалектов и, значит, столько же народов, народностей, то всего через поколение их станет всего шестьсот. Такова тенденция. Вдуйтесь, люди! В том числе и русские – в судьбу себя, своей речи.

И еще. Может, главный Постскрипtum. Что я понял из этого всего: Боги мне помогают. Ехал домой, в Малоархангельск. Что он городгерой, боевой славы, то особый разговор.

В аудиоманитофонном концерте, после “Ракитушки”, хотел до конца писать свои песни. Дай, думаю, гляну, а что же дальше на аудиокассете? На кассету концерт “Мой оберег” писал-то, кусок оставался. Включил – глянул, а там далее один к одному – Анна Герман, “Дубрава” – о погибшем в 42-м, под Мгой. И мои слова о том же – стихи о рядовом Василии Елисееве. Стык в стык. Елисеевское поле к “Елисейским полям”. Или мои же стихи “Сабуровское поле” – месте гибели на каких-то десяти гектарах сразу десяти тысяч, в основном хлеборобов, брошенных под огненный смерч почти без оружия. Тоже эхо гражданской войны...

Дельфийский Оракул, Оракул из Сеула, и я что-то вроде того. Все вроде вижу, предвижу и говорю. А по регионам пошло: наступательные, оборонительная, Курской оборонительной главные – Обоянь и Поныри. От кого оборонялись-то в тех же Понырях? Отсюда, от Малоархангельска, где наши стояли, да? От наших? Думаете, когда говорите. Действительно ли, Орловская, Белгородская битвы – наступательные, а Курская – оборонительная? Россия общая, общая битва, общая судьба. Еще от самой “Авесты”, от Змиева вала в половецкой степи. Вижу это еще от Гомера; так быть нам или не быть? История когда-нибудь всё же вскрывает фальсификации, даже такие отдаленные по времени, как битва на льду Чудского озера.

Вот “Любящая Мария”. Она же наша Жанна Д’Арк XX века, за землю для крестьянства – простого народа стояла, что шло еще от Александра Второго – Освободителя, идеи при нем родились от “черного передела”; жизнь свою барышня за это клала, три раза к смерти приговаривалась, в Орле в конце концов перед приходом оккупантов ее,

патриотку, и расстреляли. Мария Спиридоновна – лидер левых эсэров – подписывала письма Ленину “Любящая Мария”. Слово “Мария” связано, отталкиваясь от ариев (ар), с “арийскостью”, как и моя, как мать Иешуа – Иисуса Христа. Только Инна Чурикова может сыграть героиню такого масштаба, олицетворить в кино, как в фильме “Жанна Д’Арк” у Панфилова.

Вот такая история. Что же таится за ее вторым дном! Чего накопили сейчас философы, историки – или те же художники из той же “Поэтики” Аристотеля? Книжку “Ле ливр де пош” носил я всю жизнь в кармане, по всяким командировкам. В “Орловской правде”, в отделе культуры, на одном месте в разное время работали писатели – Горбов, Блынский и я. Всех ушибали “прагматики”: ручными “поэтов” пытались сделать “историки”. Главное – в чем идея бессмертна! Дух в себе не останавливать ни в чем. Вперед! Любите другого, как самого себя, в этом смысл всего сущего, это и есть бессмертие.

В книгу включена трилогия малых трагедий “Господа Каменские” о судьбе славного рода русских, орловских военных, их исторической миссии. Об этом читайте в предисловии к моей ранее вышедшей первой книге драматургии “Любящая Мария”. Отравленный агентами Наполеона Каменский, молодой русский военный гений Николай, которому, по всей вероятности, предстояло вместо Барклая де Толли возглавить Русскую армию в 1812 году, отравлен был агентами Наполеона и привезен был из Кишинева и похоронен не в Орле, а где-то в устье Днестра, где у наших пращуров – еще скифов – располагался Ирий – рай для героев, обретающих Бессмертье. Это он, Николай Михайлович Каменский, реанимировал “Скифский” план ведения будущей военной кампании с Наполеоном, разгадав который и опасаясь с юга удара русской Дунайской армии, отрезающей французов от Европы, Наполеон вынужден был спешно снять свою армию из взятой им Москвы.

Пушкин – аполлоновский талант, от Солнца; едва не подхватили и его в Кишинёве инобытийные силы. А Лермонтов – талант лунный, он искал Скалу Индийского Кавказа – Прометееву, где-то там, где и был, – в горячеводских местах, пятигорских. А Александр Македонский – где-то в окончании беспределов Персии (Персия – это Иран, страна ариев). Арии – это движение.

Гомер с его идеологами почти все это знал, однако пошел против часовой стрелки – наоборот, на Восток, а не куда шли изначально арии – вслед заходящему Солнцу.

Сделав круг земной, с Запада викинги попадают в Северную Америку. А отсюда, с Востока, от Разума Земли, те же арии, но другой волны,

через Дальний Восток, Чукотский пролив, Алеутские острова попадают в Калифорнию, замыкая гигантское *Золотое Кольцо*. К Сакральному Кресту, пройдя круги, арии и явились, вероятно, когда-то на Землю, притянутые к нашей планете. В связи с осуществлением бытийных, невероятных замыслов тайных сил *Воды* образовали они на Земле океаны. Из космоса, скорее всего, слетали вечные льды и таяли тут у нас, на планете, образуя эти самые океаны – источник и до сих пор едва разгаданных тайн, заключенных в воде.

Все зашифровано, все до поры до времени таинственно. Проверим на “арийскость” друга моего – Александра Кузьмича Д.: от этого имени оттолкнувшись, написал я квинтологию об Александре Македонском; Кузьмич – Козьма, Косьма, Косема, космос; человек из космоса. Арии – люди из космоса, в невероятной древности. В самом деле, у Иисуса – отец Иосиф, мать Мария – дремучесть истории, поверяемая “арийскостью”.

Все больше склоняюсь к мысли о том, что наши общие предки (скажем, те же арии, от “Авесты”) пришли к нам сюда на планету не из “разломов” прежних цивилизаций, а извне откуда-то – из космоса, с неба явились. Пришли такими же, как и были, а не двигались, долгие пути эволюции от “обезьяны” (по Дарвину). Наука XXI века уже многое “поняла”, особенно философы. А парапсихологи, биологи “застряли” где-то в XX веке на уровне условных рефлексов Павлова, да и те стоят уже на пороге чудесных открытий. В частности, через удивительный феномен воды. Помните апрельскую передачу по ТВ “Великая тайна воды”? А через день, 11 апреля 2006 г., в Академии госслужбы в Орле, на одной из лекций Философского общества мы слушали профессора Боброва из Орловского технического университета о его экспериментах в этой области и выводах, сделанных из них, отвергаемых официозной наукой. Профессор – физик, эксперименты его удивительны.

Вот его опыт (так было и в телефильме). Об эффекте частного и целого. Возьмем два сосуда. Перельем воду из одного в другой. Произведем манипуляции в левом сосуде – в правом произойдут идентичные изменения. Параметры воды станут теми же. Расстояние роли не играет. Человек на 90 процентов состоит из воды. Отец, например, находится тут, а сын – в Южной Америке. На все происходящее с сыном отец реагирует тут же и т.д.

Или. Мать моя умирает у меня на руках. “Отлетает” ее душа – это каких-то 50–100 г. влаги. По эффекту целого, качество тела переходит в отделившуюся влагу. Мать, я знаю, слышит, чувствует меня, мечется в страхе от того, что с ней произошло. Значит, нет “границы”, черты между тем и этим миром? Души уходят в биосферу, создавая нечто

особое – биомагнитное поле. Есть в этом нечто единое, волновая форма жизни, иное ее качество, осуществление. Тогда и “двоемирие”, “двуплановость” в том же литературоведении, в тех же тургеневских фантастических произведениях, на мой взгляд, будет смотреться уже по-иному.

И наши предки (те же арии), по той же волновой теории, придя к нам из космоса, покинув тут на Земле свой “Сакральный Крест” (Север – Юг и Восток – Запад, а также недра и космос), в конце концов, вновь взмоют ввысь, уйдут туда, откуда некогда к нам сюда и явились.

Вот каков, видится мне, скрытый смысл нового витка устремления Человечества в Небо, обострения интереса к Луне, Марсу, вообще ко всему необъятному, галактическому, сакрально-космическому в новых условиях научно-технического прогресса, в волнах потоков сокровений XXI века. Формально повышение интереса к Луне официоз пока объясняет тем, что с поверхности её можно вывозить на Землю в качестве источника энергии гелий-3, одна тонна которого эквивалентна 166 млн. тонн нефти. Русские, американцы, китайцы уже собираются осуществить этот проект где-то в пределах 2015–2020 годов. Наше дело – не прозевать, осуществить это в художественных образах, суметь подключиться к этому возможными средствами литературы XXI века.

ОТ АВТОРА.

БЕДНЫЙ РЮРИК, ИЛИ ПУТЬ “ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ”

**ТРАГЕДИЯ-МИСТЕРИЯ,
взятая с дощечек “Велесовой книги”**

- Вот один взял да и написал просто,
как теленок с дубом бодался.
- Ну и что?
- Да дуб взял и свалился.

Из разговора

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

РЮРИК – князь Славена (Господина Великого Новгорода), основатель династии Рюриковичей, он же датский конунг–король, двойник шекспировского Йорика; красный цвет знамени, дневной, жизни.

ДАВИД – лидер лелей, из Славена, соперник Рюрика в борьбе за княжение; белый цвет знамени, ночной, смерти.

ОДИССЕЙ – царь Итаки, из греков.

ГАМЛЕТ – сын датского короля–конунга.

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ – жены датского короля, матери Гамлета.

ПРИЗРАК ПЕНЕЛОПЫ – жены Одиссея, матери Телемаха.

ЗАУРА, она же ПАВА – славенская девушка, затем жена Рюрика-ва, княгиня.

ВЛАСИЙ – тамада, лидер вече.

ТАМАДЕНОК – молодой лель, сын Власия, он же Первый ведун.

ПЕРВЫЙ ГОРЛОПАН – красного цвета.

ВТОРОЙ ГОРЛОПАН – белого цвета.

ТРИГОРИЧ – варяг из лелей, лидер, тайный враг князя Рюрика.

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ.

КОЛЯДА – старый ведун на капище.

НОСТРАГОР-ОСТРОМЫСЛ – летописец, наносящий стелом свои клинья – письма на дощечках “Велесовой книги”.

КАТ – ПАЛАЧ, человек в красном.

ТОЛМАЧ.

ЧЕЛОВЕК В ЧЁРНОМ.

ГОЛОС АВТОРА.

Лели, норманны – жители Славена (Господина Великого Новгорода), дружинники – старые и молодые, из варягов – викингов, степняки, ведические боги, видения по ту и эту сторону черты.

Действие происходит в первой столице Древней Руси – Славене (Новгороде Великом). Время действия в VII веке до нашей эры (Гомеровская эпоха), захватывает X век н.э. (основание Киева), претендует на XVI век н.э. (Шекспировская эпоха). Гомеровский “след” полумистически-полуреально сочетается с шекспировским “следом”. Герои свободно переходят границы пространств и эпох, действуя по едва уловимым ассоциациям, согласно космическим, вселенским законам. То по Велимиру Хлебникову (двойники для личности по периодам в 365 лет), а по “исходам” для степных кочевых народов – периоды в 1200 лет. На такой базе и разворачиваются коллизии, перипетии.

ПРЕДТЕЧА

Капище в урочище. Вокруг жертвенника – деревянные боги, божки. За огромным пнем, напротив светлицы-шалашика, в белых холщовых одеждах Нострагор – Остромысл, песнетворец языческий, пишет свои “своды по летам”, клинья на деревянных дощечках – “Велесову книгу”. Чуть в сторонке вокруг богов и божков бродит старый ведун Коляда.

НОСТРАГОР (поднимая голову и напевая).

Там, высоко, была где-то вершина дерева,
Были боги, и ты там красовался,
Бог скотий Велес,
Теперь тут пень, как стол,
Как степь, широк.
Ссадили тебя, Велес,
Поставили в угол, в лес.
Все суета, все суета, суета.
А там, вверху, выше Перуна, один только бог –
Это Солнце! Единственный, триглавый –
Триглав, Свентовит и Перун.
Мы, кравенцы, все гоним по Млечному Пути
Свою корову священную,
Пасем среди звезд первозданных.
И сколько же дощечек из ствола
Березы той, что выше всех была
Или выше всех хотела казаться,
Я издолбил этой бронзой –
Своим стелом остроконечным.
Сколько имен и историй
Предал я памяти, зашифровав под знаки,
Понятные лишь мне да посвященным.
О боги, боги! Все суета сует, все суета.
Удел мой – клинья ставить тут ряд за рядом,

Тайный смысл в них вкладывая
Мыслью своей и душой.

(Пытаясь обнять пень.)

Как тепел он, как неподъемен!
Объять руками невозможно!
Зато своей сутью пронзает он меня насквозь.
Все видно мне, что было, что есть и будет.
Как сладко пили мы, как пели,
Чего хотели, – великие.
А все легли, попали сюда вот, под пень.
Так каждый день – по кольцам, по годам
Тут и лежат
Под этой вот ладонью, –
Шершавые, корявые, гладкие кольца.
Лишь мне судить все это и осуждать,
А мной водят боги.
Комар звенит то в нос, а то в ухо,
То в воздухе виснет.
Я вижу, как дрожит он, моей крови жаждет.
А то, как росчерк,
Р-р-раз – и исчез, невидим полет.
Ушел как в измрак, в историю, в боли эпохи,
Как все эти князи, княжата,
Все люди и боги.

(Проводит пальцами по поверхности дощечки.)

Все на виду тут у меня, как на ладони.
Но это так, для простых,
А мы находим тайные пружины,
Невидимые глазу, как комар,
Что где-то тут – гудит, а заперделен.
Вот-вот и вслух исчезнет, лёт непостижный,
Невидимую грань переходя.
Так жизнь правителей, да что там, суть народов целых
Столь многомерна, столь многоточна,
Что даже не знаем и мы тут,
Песнетворцы-духоборы,
Куда последний росчерк нас заведет.
Стело мое покоя не ведает,
Мир бронзовый связав единой цепью –
Живые органы и организмы

Интриг и колядований,
Пространств со временем
В таких невероятных словосочетаньях,
Что даже мне, творцу бывалому,
И то не верится, что это было,
Есть еще и будет отдельно или слитно,
По выбору не случая, а волею богов.
Они за нити нас тянут, за тайные пружины,
Которые комар мне обозначил.
Все суета сует тут у людей, все суета.
Отражена ли суть в скрижалях Велесовых
И тех до меня, что тут богам служили?
Уж и не упомяну, сколько их тут перебивало.
Стелом долбить да песни петь – ведь дело не последнее,
Нас всех свел воедино бог Велес,
Он расставляет всех по полкам в своей великолепной
кладовой –

В библиотеке Солнца.

Вон сколько струн в одну сучу,
Историю одну и ту же стучу –
Из разных судеб, даже стран, времен, всю, всю в химерах.
И кое-что я втиснуть от себя в нее хочу,
Чуть-чуть прибавлю, где-то чуть поверну –
К Велесу ликом, боком, стороной,
Все, как комар, лечу, лечу –
На пень Велесов опущусь, звучу,
А не молчу, а не молчу.
Вот знаки вместе побежали,
Заговорили вновь скрижали.
Поверим истине, внимая строчкам,
Как люди, так и сами боги, все кровью
Смущают нас, смешают дни вдруг с ночью
И, замыкая ненависть Любовью,
Несут по кочкам, на Триглав, по пням,
По двойникам, исходам, эрам, дням,
По градам, селам,
Просоленным тут мной
Простым посолом.
Сижу – спина уж колом,
А комар во мраке
Все тоньше, звяньше, звяньше!
Что донесешь ты, Нострагор,

От нас до дальних, среброликих пор?
Залезет вверх иной, да постоит в музее
Пред тысячами глаз, в елее
И думает, что бог он, всем судьбу пророчит,
Благое прочит.
А мы долбим тут, на пенечке, ловко,
У нас – веревка.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Славен, в будущем Новгород Великий – ганзейский город, первая столица славян, Древней Руси. Берег реки Волхов, площадь, где проходят вече на берегу.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

На площади, перед Священным Огнем, карнавал красок, взрывы смеха, всплески звуков – гусли, рожки, напряженное ожидание. Как змея шипучая, среди колыханья голов: кого же, кого выберет Славен ныне себе в князя? Чью дружину призвать на помощь против степи, идущей на град? Своего – из славянских лелей Давида или неизвестного варяга Рюрика, из норманнов? Тут же, на одном холме, стоит дружина Давида под белым стягом, на другом – Рюриковы варяги-викинги, красные рамена.

По толпе шмыгают служки с коробами на плечах, в коробах деньги доверху и всякие товары. Откровенно тут же голоса и покупают.

ПЕРВЫЙ ГОРЛОПАН. За Давида кладите, за Давида! Белые шары, белые! Вот белые короба, вон белые стяги – зачем нам чужие? Своих надо, лиры и лели, чистая, белая-белая Рось!

ВТОРОЙ ГОРЛОПАН (*перебивая его*). Своих уж знаем, как пять пальцев! То дураки, то воры! Хватит! Вон Рюрик стоит – красные стяги! Не на крови, а на лепоте его дело!

ПЕРВЫЙ ГОРЛОПАН. Люди, лепота у них на крови! На нашей крови!

ВТОРОЙ ГОРЛОПАН. Так пусть на чужой будет! Вон сколь ее в бурдюках у степи подступающей. Скоро булат в горло, кровища-то хлынет. Красный петух-то походит... Красные шары кладите, выберите красные стяги, Рюрика, Рюрика! Хоть и издалека, да не из подвосточных. Из тех, куда солнце западает. Говорят, оттуда даже дружины за моря-окияны водил.

НАРОД (*переталкиваясь, пересмеиваясь*): Да кто ж его знает? Все на одну колоду эти князья, норманны. Как усядутся – лет на четыреста. Площадь сроят, вече ломают, нас онемечат...

ГОЛОСА В НАРОДЕ: Эй, Власий! Тамада! На что тебя выбирали, охальника! Бери бразды!

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*влезая на Разговорный Валун*). Эй, люди! Народ!.. На что вы меня выбирали, молчите? А вы, купцы заморские, запредельные! Из городов-то торговых, ганзейских вокруг Балтийского моря! А вы-то чего скажете, а?

КУПЦЫ (*разрозненно*). Дык... это ваше дело – костобобры, лели, лиры, дулебы, славяне всякие. Наше дело телячье. Нам бы товарец свой с выгодой сбыть да поскорее домой, а то...

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. При хрупкой власти и вам, гости, будут одни напасти. Ну дак кто, купцы дорогие, кто скажет, выскажется перед честным народом? Не стадо ведь баранов, ждем вашего слова. Куда поведут нас – на закляние или на лепоту? (*Обращаясь ко всему вече*). Верно говорю, мужики?

РАЗРОЗНЕННЫЕ ГОЛОСА (*из глубины*). Верна, верна-а-а, то избела, то исчерна... Какой князь, такая и власть, все одно – заснуть не дасть. (*Из стороны в сторону колышутся головы, от белого камня к черному.*) Да свово надоть (*переламывается вече в Давыдову сторону*). – Свой знамо какой – проверенный.

– Оттого и не надо. Белый, чистый – пустая башка! (*не сдаются красные, летит слово с Рюрикова холма*).

Рюриковы служки бросают денежки в толпу белых, давидовские кидаются за ними, толкают друг дружку, валяются наземь. А красные стоят стойко стеной, хохочут над ними.

ВТОРОЙ ГОРЛОПАН. Вишь, нас не укупишь! Тамада! Считаю голоса-то! Нас, стоячих, поболее, лежачих не считай, не надо.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*отряхая карманы*). Ну дык... это ... гости, купцы дорогие варяжские, а с Элады есть тут кто? Из варяг в греки?.. В последний разочек спрашиваю...

РАЗРОЗНЕННЫЕ ГОЛОСА (*из Давидовых*). Э, да все равно верьх теряем... помирать, так с музыкой... Эй, давай, человек, выходи!...

И выталкивают на середку, к Разговорному Камню, Человека с рыжей бородкой, в круглой матросской шапочке.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Ты кто, из каких краев и как знаешь Рюрика? ЧЕЛОВЕК С РЫЖЕЙ БОРОДКОЙ И В КРУГЛОЙ ШАПОЧКЕ. Матрос я, из греков.

ДВОЕ (*возникая тут же из-за спины*). Да царь он, царь! Одисей из Итаки! А мы – Евмей и Филойтий, слуги его.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*так и садясь на камень*). Царь?! Всегреческий или так себе... как и все мы тут?

ЕВМЕЙ И ФИЛОЙТИЙ. Да царь, царь он! Наследный, его отец Лаэрт тоже был царем на Итаке! Один из двух, у нас на Итаке их два, царя-то. Пока этот тут, там другой сидит, тоже царь. А вернется, сядет этот на трон обратно.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*аж хмелея от неожиданных чувств*). А может, мы это... тех в сторону, а этого усадим себе царем? А, мужики? (*К народу*). Кто, говорите, Рюрик есть? Никто, ватажник. А ето – царь! Наследный!

ИЗ ТОЛПЫ. Одиссей – с греческого “прозорливый”.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Во, царь, да еще умный! Где вы видели умных царей? А это Одиссей – дюже умный, прозорливый! Будет ум работать на Рось! На пути “из варяг в греки”.

ПЕРВЫЙ ГОРЛОПАН (*не сдаваясь*). Э, нет. Путь “из варяг же в греки”. Стало быть, надо сперва варяга-норманна, викинга попробовать. Стало быть, Рюрика. А этого, стало быть, опосля, вторым. Поняли?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же, там же.

ИЗ ТОЛПЫ. Поняли, поняли, как не понять? На Камень давай его, на Валун-камень! Всем на погляд!.. На какой его – на белый или на красно-рыжий? Он же тоже с рыжинкой! Гляньте хоть, на Рюрика скидывается, Рюрик вылитый... Выходи, выходи, Одиссей! Лезь на Камень, говори, как ты тут оказался, греческий царь?

Одиссея выталкивают из толпы. Нехотя он все же лезет на рыжий Валун.

ОДИССЕЙ (*врастяг, как бы вспоминая*.) Десять лет шла Троянская война – греков с малоазийцами. И возвращался я в родную Итаку на своих черных крутобоких кораблях. И еще десять лет петли делал вокруг Итаки, а там в это время власть делили, к жене моей Пенелопе сватались. Ну, а я, как вернулся, взял да и перестрелял из тугого лука всех женихов. И вот, чтобы достойно быть похороненным в земле родимой Итаки, *достойным* – значит, остаться в памяти, обрести бессмертие, слепой провидец Тиресий посоветовал мне попытаться счастья в чужих краях. Соверши, мол, царь новое путешествие, где бы весло в твоих руках люди приняли бы за лопату. “И куда? – думаю. – А откуда к нам в Элладу идут хлеб, золото и рабы? Отсюда, от вас, с севера Геллеспонта – Черного моря, от скифов-сколотов, землеробов. И вот я сначала там у них побывал, а после уж и до Крайнего Севера, до северного сиянья, добрался. А уж оттуда спускаюсь вот вниз, иду сверху, от Янтарного Берега, по пути всем известному – “из варяг в греки”. Домой к себе возвращаюсь... Приду к берегу Геллеспонта – Черного моря, в греческий город-полис, в голубоглазую Ольвию, и там уж под парус да за море домой к себе. Там уж дядька наш Посейдон с трезубцем в обиду не даст.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*ехидно*). А кто это дядька-то твой Посейдон? ОДИССЕЙ. Да бог морской, самый главный у нас на море.

ГОРЛОПАН БЕЛОГО ЦВЕТА. Ишь ты! А самый главный на земле кто ж у вас, тоже дядька тебе?

ОДИССЕЙ. Самый главный у нас Зевс. На Олимпе сидит, гора такая, самая высокая в Греции. Так он, царь богов, один там сидит, ну, еще рядом боги всякие... отраслевые, по разным делам. Так даже нас, царей, Зевс туда к себе не пускает. Только он да его подлипалы бессмертны.

ГОРЛОПАН КРАСНОГО ЦВЕТА. А как же воины, герои-победители как же?

ОДИССЕЙ. А как и цари, как все люди, – все смертны.

Толпа слушает гостя заморского, замерев. Ни звука, ни колыбельная голов.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Так... это, слушай, царь... оставайся тут у нас. Мы тебе свою бога дадим, тоже главного – Перун у нас называется. Он добрый, он дает нам бессмертие. Ну, конечно, не всем вподряд, а героям, князьям. Да, а в той Троянской войне ты проиграл, что ли? Почему корабли твои черны и крутобоки?

Спустясь с холмов, с обеих сторон надвигаются сюда, к середине вече, белые и красные стяги.

ОДИССЕЙ (*не спеша, обдумывая каждое слово*). Да победили мы, победитель я! Но корабли черны, крутобоки – потому что над водой борта высоко стоят. Нет осадки, трюмы полупусты. Ни людей, ни товара. Слишком много нас легло в битвах, вот и черны корабли. А какому царю-воителю такое прощается?

ИЗ ТОЛПЫ (*все еще не замечая стягов*). Так ты все же герой? Победил их ... этих малоазийцев?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*строжась*). Победил все же! А?

ОДИССЕЙ (*опустив голову*). Победил. А они чуть ли не отняли у меня Пенелопу – жену, власть царице, печать.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*рассмеявшись*). Мы тебе в жены девку любую дадим – с золотыми косами, богом меченную. Оставайся, садись на княжение. Нам такие нужны – победители, и богам такие угодны.

ИЗ ТОЛПЫ. Оставайся, угодный. Оставайся тут нами править.

ВСЯ ТОЛПА (*загудев, колыхнувшись то в одну, то в другую сторону*). Оставайся, угодный! Оставайся тут, правь!.. Веди нас на степь! Води по победам! Мы тебе в жены дадим Бессмертье!

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*хлопнув шапкой оземь*). Неделю будем стоять тут-то вот Истуканом! Никуда не сдвинемся! Пока не выберем тебя, соглашайся.

ТОЛПА (*угрожающе гудит, неистовствует*). Соглашайся! Спасай нас от дикой степи!

ОДИССЕЙ (*опустив голову, едва шепчет*). Я подумаю... дайте ночку-то перемогнуться...

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*властно*). Отдыхай, царь! Пусть идет, переможет. Дай проход, народ! Отворите дорогу герою, пушай идет, отдыхает в княжьей хоромине.

Толпа расступается. Остается юркий мальчишка с завязанными ушами, с ореолом над головой.

МАЛЬЧИШКА С ОРЕОЛОМ. Завтра в школу, учиться писать на бересте, а у меня нет портфеля. Пусть он купит портфель мне (*хныча*), пусть купит портфель.

Из толпы вылетает мать мальчишки – женщина в резиновых тапочках-сапогах.

МАТЬ МАЛЬЧИШКИ (*бешенно*). Ах ты, гусь, вот ты где! Вот где! Удрал из своего двадцать первого века, аж в седьмой прискакал, до новой-то эры?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*успокаивая тетку*). Это ты ему уши пообрывала? Полотенцем парнишка завесился.

МАТЬ В РЕЗИНОВЫХ ТАПОЧКАХ (*отбиваясь от Власия*). Отвяжись, прицепился! Вот репей, вот биндюжник! Тоже мне корифей!

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Это для чего же ты в сапоги резиновые вырядилась?

ЖЕНЩИНА (*отмахиваясь от наседающих молодых*). А Волхову-реку только что перешла. По воде, аки посуху.

Одиссей бочком-бочком да в сторону, хочет нырнуть в сторону, раствориться в толпе. За всем этим, поодаль стоя, наблюдает сын крестьянский – богатырь Кожемяко. Крепко держит смерд под уздцы своего серого в яблоках коня – крупного такого, мощного, под воду и под воеводу.

КОЖЕМЯКО (*себе под нос*). Пришел сюда, в город, искать правду-матку, устроить судьбу, а тут че? Власть делят между собой, а все граница нам поможет. И куда ж это бедному крестьянину-то податься?

Вече. Белые, красные кони, сжимая круг, напирают на толпу с обеих сторон.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же, у берега Волхова. Те же.

Красным пером заслоняет полнеба с Севера. Со стороны Рюрика, от его красных стягов. Всполохи ходят туда-сюда, летают жар-птицей. Закипает река белой пеной, заливая полберега.

Со стороны Давида, от его белых хоругвей. Делается темно, жутковато. Мечи уже виснут над головой, красные лавы вот-вот хлестнут в полые воды.

Вече разделяется надвое: одни падают ниц перед Рюриком, другие – перед Давидом.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*преклоняет колено перед Кожемякой*). Выручай, владыко! Не дай хлынуть братской крови! Свои на своих идут, Волхов красным вот-вот выйдет из берегов.

КОЖЕМЯКО. Ага, как власть делить, так сами тут, без крестьян. А как кровью в ноздрю шибануло, так ко мне, Кожемяке. Выручай, крестьянский сын, лельский эпический отпрыск.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*на обоих коленях*). Выручай, выручай народ, батюшка!

Кожемяко отъезжает в сторонку, достает из переметной сумы огромную такую, бело-рыжую, пятнистую шкуру и, подняв в небо, принимается своими ручищами драть ее пополам. Треск и грохот, гром и молния! Рыжие всполохи гаснут, белая пена в реке спадает. Лели стучат лбами оземь, не смея взглянуть на небо перед собой.

Стража уводит Одиссея в княжеские хоромы, но под запоры, в клеть.

ОДИССЕЙ (*в сторонку*). Неужто так и спит тут князь, на соломе? Под низкими деревянными сводами? Грубое ложе. Не дает князь забыть себе про походы. Щели сквозь, звезды над головой. Полярную звезду видать, указывает строго на Север, на сполохи эти, северное сияние. Кровь на чистоте фона. Красное на белом, белое на красном. Грядут великие перемены... Что-то будет со Славеном этим, с великим путем из “варяг в греки”? Вече зовет меня сюда князем. Отчего же не своего, не леля? Не Давида? Дай им хоть кого, лишь бы со стороны, чужака, который их же не будет жалеть, обильно лить славенскую кровь, тратить немерено, сколько угодно, в сражениях. Так будет потом на века, как и сейчас, отчего?..

Напротив, на бревенчатой стенке, в смутности памяти, возникает женский облик. Одиссей встряхивает головой, видение остается.

ОДИССЕЙ. Устал я. А все равно не спится, всякая пакость мерещится. Ихние лешие, боги, а не свои, итакийские... Не Давида, а меня хотят, грека. Это же все равно, что там, на Итаке, при живом-то царе, не меня хотели бы, а кабаира какого-нибудь, фикиянина, даже перса. Изъян в породе, божий знак. Боком выйдет им это. Да зачем мне их трон, у меня есть и свой. Вон, гляди, Пенелопа вычертилась ликом, да так явственна. Золотые длинные волосы протянулись

отсюда до самой Итаки. Это она мне их стелет. Вот по ним-то, как по волнам морским, к ней туда по Геллеспону и приплыву.

Пенелопа – жена моя, власть моя там, в самом ее имени, смыслом веет на царствовании. Словно семи пядей во лбу. Чтобы себя блюсти, удержаться во власти, чего только она ни делает. Пряжу, говорят, дайте спяду, а потом домогайтесь уж. А сама ночами распускает то, что спрядено днем... Надо спешить, скорее туда. В родную Итаку. Ждут меня там, есть мне куда возвращаться, сын ждет единственный, мой Телемах...

А Рюрику куда? Почему рамена его красны и борода рыжевата, как у меня? Кричат, он похож на меня, почему?

Одиссей напряженно вглядывается в бревенчатую стену напротив, пытаясь вызвать облик Рюрика. Стук в дверь, Одиссей вздрагивает. Гремя оружием, входит рослый воин, это князь норманнский. Делает знак, чтобы свита осталась за дверью.

РЮРИК (кладя ладони на рукоятку меча и опираясь на него подбородком). Ну что, царь! Вот мы и встретились с тобой. Ни много, ни мало, а через 365 лет... Я теперь в таком положении, все читаю насквозь.... Я – твой двойник, по поэту Велимиру Хлебникову, он в двадцатом веке новой эры, пронзает мыслью проделки богов. Двойник – это значит, что я – это ты, но через 365 лет.

ОДИССЕЙ (пытаясь встать). Н-не м-может эт-того б-быть.

РЮРИК. Что – оторопь берет? Могу подтвердить. Шекспир знал, что творил. Это так называемый гомеровский “след”. А мы все не верим, не знаем и знать не хотим. Вон в девятнадцатом веке президент Франции Помпиду о “Пьяном корабле” поэта Артюра Рембо скажет, мол, до чего же неправильно все и до чего же прекрасно! А отчего же – не знает, что ли, тоже ведь гомеровский “след”.

ОДИССЕЙ. Ну и что же Шекспир?

РЮРИК. Вот гляди. Сын-то кто у тебя? Те-ле-мах. А наоборот – Хамлет, Гамлет. Это сын уже мой. Мой несчастный сын Гамлет, оставшийся там у меня, на Датской земле. И еще. Кто отец у тебя – Лазэрт? А друг сына моего Гамлета тоже Лазэрт. Мог быть мой отец его другом, разделять его взгляды? Вот то-то что мог.

ОДИССЕЙ (холодея). Слушай, а кто же ты тогда, Рюрик? Ты – бедный, бедный Йорик, это уже шекспировский “след”?

РЮРИК (зазвенев от смеха доспехами). Да, старик знал, что творил. Но молчал до поры, пока люди не наткнулись на это в двадцать первом веке уже новой эры. Тут-то его и раскусили.

ОДИССЕЙ. Могильщики роют могилу и выкапывают череп. Гамлет берет его в руки и узнает: “Бедный, бедный Йорик!”

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

В княжеских покоях.

РЮРИК. Да-да, Йорик – я! Это Гамлету кажется. Всё в нем после смерти меня, отца его, обострено, извращено, в переходах из живого в призраки... Так вот, Йорик, в его воспаленном мозгу, словно кто-то из челяди. А сам внутренне думает, что это я – отец его, отравленный конунг. Иначе зачем бы Шекспиру придавать такое значение какому-то черепу. Но все дело в чем? Это я так сделал, двойника своего вместо себя в могилу отправил. А я-то ведь жив остался! После того, как жена моя вместе с братом моим влили мне в ухо яду, когда я спал безмятежно в тени цветущего сада, как в раю. А я ведь конунг датский – король наследный. Меня с детства готовили к трону, прикармливали, как восточных владык, ядами. В борьбе с интригами незаменимая вещь. А Гертруда не знала того, не знал даже брат мой Клавдий.

ОДИССЕЙ. Да, ну, и что же?

РЮРИК. Почему я сейчас с тобой все начистоту? А потому что я – это ты, а ты – это я. Наконец-то сошлись, свело нас волей судеб, говорим откровенно.

ОДИССЕЙ. Ну и как же ты тут? И что там теперь? Думаешь ли возвращаться?

РЮРИК (*рассмеявшись горько, так что доспехи опять зазвенели, подбородок соскользнул с рукоятки меча*). Заметь, как только в хрониках имя мое перестало там появляться, так тут же возникло в летописях – под именем “Рюрика”. Вот я, вишь, тут перед тобой, как лист перед травой. Я ведь знал этот обычай у лелей, лиров, дулебов, всех славянских племен – приглашать к себе на княжение воев со стороны. Я вокруг Славена уже походил со своей ватагой, по торговому Пути из “варяг в греки”. Пограбились тут, покормились, меня тут уже знали. Но все этак так, ерунда для них, семечки. А как всерьез с Востока запахло жареным, так они ко мне. Пригласили на вече, устроили вот смотрины.

Одиссей и Рюрик сидят молча, переживая момент. Наконец, Рюрик делает знак в дверь – его люди вносят серебряный поднос, на серебре – два кубка, наполненных золотистым душистым вином.

РЮРИК (*отпивая из кубка, подает его Одиссею*). Греческое. Может, поменяемся кубками? Так за что пием?

ОДИССЕЙ. За Итаку!

РЮРИК. А мне, брат, некуда возвращаться.

ОДИССЕЙ. Надо слова уметь читать, имена знать, кого берешь в жены. Твоя жена – королева Гертруда? Герт-руда, герет-город руда,

красный город, город-ора-ара-ар; красная из арийцев. Род такой ее – красный, воинственный. Весь род до скончания воевать будет, авантюра движет ей. Какая выгода была ей травить тебя? Как была королевой, так королевой ведь и осталась.

РЮРИК. Ты, Одиссей, прозорлив! Недаром греки называли так тебя – Одиссей.

ОДИССЕЙ. Вот она сына твоего Гамлета на мучение и обрекла. Кровь свою авантюрную в жилы ему влила. Вся порода – твоя, Йорик, чистая, королевская, а кровь-то еще и материна, гнусная. Вся трагедия в бессознательном, от природы ниспосланным богами – от тебя, отца, наследно, а свыше от матери, как от черта, сил кромешных. Вот и бьется, как рыба об лед, сын – его Гамлет.

РЮРИК. Стану князем тут, сделаю Русь сильной, великой – пойду назад к норманнам, смету!

ОДИССЕЙ. Это сейчас кипишь, посидишь тут князем – отобьется охота. Посиди тут голой задницей на комариной-то кочке. А все вокруг думают, что тут медом мазано, со всех сторон так и прутся то с Востока, то с Запада, только поворачивайся, головой верти в разные стороны. Так они что, остроумы, придумают потом: в герб посадят орла с двумя головами. Одна смотрит в эту сторону, а другая – в ту, на оба бока, не надо вертеть головой. Всегда, значит, мы тут настороже, так и знайте.

РЮРИК. Ух, как мы, Одиссей, брат ты мой, прозорливы!

ОДИССЕЙ. Не брат я тебе, вишь, что брат хотел с тобой сотворить: я – ты сам, а ты – это я, мы с тобой двойники! Богами суровой нитью повязаны – кровью и тронном, властью.

РЮРИК. Ну так что – будешь тут претендовать?

ОДИССЕЙ. Да ты что – у меня там Итака, жена ждет меня – Пенелопа, умная, расшифруй-ка, “семи пядей во лбу”. А тебе возвращаться некуда, вот ты тут и садись. Да держись покрепче! Не то не мальчики тут, мигом скусят головушку. Одна у орла и останется. Смотреть в одну сторону... Цвет красный твой, у тебя датский конунг, у дружины твоей – красные стяги. Кровью на целые поколения все тут зальется, вот вы и скажете потом, что красное – это красивое, яркое, от Солнца это.

РЮРИК. Да, от Солнца! И сейчас скажу.

ОДИССЕЙ. Молочко, но от бешеной коровки. От Солнца, но от какого – огненного, гневного, возмущенного, посылающего на землю ураганы и землетрясения, войны, болезни, моры людей.

РЮРИК. А откуда ты знаешь, не бог ведь?

ОДИССЕЙ. А у меня дядька бог – Посейдон. Главный на море. Все знает и про Атлантиду, Марракотовы бездны. Помнит даже, как плиты на Земле подвигались, полюса на планете менялись. Все допытываюсь от него, кто мы – греки, античные греки? Ну есть анты – от ариев восточных, западные – это веныды. Вот на этой древности мы с

тобой и стыкуемся. А вот сами арии-то, еще ранее откуда они хоть взялись? Рослые, светлоголовые, с голубыми глазами. Солнцем, что ли, с неба посланы или осколок прежней цивилизации?

РЮРИК. Ты, Одиссей, прозорлив, царь уже, на троне сидишь. И жена у тебя Пенелопа – “семи пядей во лбу”. А мне еще сколько надобно сделать: а сперва на княжине сесть. Русь славянскую укрепить, дикую степь укротить, династию тут свою сотворить, а прежде сына от россов родить, который бы наше дело продолжил (*вставая и гремя доспехами*).

Так, Одиссей, ты сам тайно исчезнешь или тебе помочь?

Ялик будет на берегу (*Дружиннику*.) Вот Тригорич тебя и проводит.

СЦЕНА ПЯТАЯ

*В княжеских покоях, Одиссей остается один.
Ночь глубоко, аспидно-черна, тревожна.*

ОДИССЕЙ. Знаю, что к рассвету силы нужны, а глаз хоть коли, заснуть не могу. Все мерещатся какие-то тени, видения. Уж и был ли тут Рюрик или, может, мне показалось? Вон его железная перчатка. Как бросил в угол, так и лежит. Кроткая, как котенок.

Уже ближе к утру он не выдерживает, поднимает перчатку.

Какая тяжелая, могучая! Не каждому-то по силам. А это кто там в белой одежде мелькнул, в боковом проеме? Плавна в движениях, женщина. Пенелопа?! Неужто ты?

БЕЛАЯ ФИГУРА. Тссс, да, это я, я! Пенелопа. Тихо, стража услышит.

ОДИССЕЙ (*насторожась*). В самом деле, кто-то за дверью? Сдержанный шепот, позванивают кольчуги. Стража, что ли? Приставлена Власием-тамадой. А может быть, это Давидовы люди?

ОДИССЕЙ (*к женской фигуре*). Пенелопа! Как ты тут оказалась?

ПРИЗРАК ПЕНЕЛОПЫ. Как и все, через дверь. Я им (*на стражу*) браслет свой бросила.

ОДИССЕЙ (*падая перед ней*). О Пенелопа! Верная моя, умница! Скажи, как ты там, как Итака? Жив ли отец мой Лаэрт, что мой сын Телемах?

ПРИЗРАК ПЕНЕЛОПЫ. Все ждут тебя, сын – особо.

ОДИССЕЙ. А ты? Или как Гертруда?

ПРИЗРАК ПЕНЕЛОПЫ (*грубо превращаясь в другую женщину*). Какая Гертруда! Ты все врешь, царь Итаки? Очнись, нам пора. Я уйду в ту дверь, а ты – в эту. Я их уведу.

ОДИССЕЙ (*шепотом вслед*). Да кто же ты, кто?

ПРИЗРАК ПЕНЕЛОПЫ (*приоткинув белое покрывало*). Видишь теперь, кто я? Я – Заура, из лелей девушка, меня к тебе Рюрик послал.

ОДИССЕЙ (*ловя ее руку*). Спасительница моя!

ЗАУРА. Слуги твои уже в лодке. А вот и Тригорич. Дальше он поведет тебя.

Девушка свистнула стражникам, те засмеялись, покорно двинулись в эту сторону, следом за ней.

ЗАУРА (*шепотом*). Все, Одиссей, уходи.

Одиссей стоит, как замороженный, глядя в спину белой фигуре. Пенелопа уходит от него, его жена Пенелопа – верная, мудрая, семи пядей во лбу.

ОДИССЕЙ (*ей вслед*). Почему ты уходишь? Вот-вот растворишься во мраке ночи. Идем же, идем, Пенелопа, со мной... Вот уже орут петухи... Пора, пока не хватились, не пустились вслед. А вот и Тригорич – дружинник Рюриков, стражник.

ТРИГОРИЧ (*в треть голоса*). Кровь и меч.

ОДИССЕЙ (*вздвигнув*). Что, опять кровь?

ТРИГОРИЧ (*спокойно*). Слово такое, своих по нему узнаешь А ты должен ответить мне: “Меч и кровь”.

ОДИССЕЙ. Меч и кровь.

ТРИГОРИЧ. Ну, вот и берег, в лодке уже слуги твои. Лодка как раз на троих. Ну, прощай, грек! Плыви домой в родную Итаку! По великому нашему торговому пути. А мы тут со своим престолом и без тебя как-нибудь разберемся.

Одиссей оборачивается: Рюрик стоит на отдаленном холме, машет белой рукой, без перчатки.

ОДИССЕЙ. Прощай, Рюрик! Садись на трон, основывай свою династию, выводи Рось на путь истинный...

А на холм Солнце уже кладет свой первый луч. К Рюрику подбегает та девушка – Заура, прижимается к доспехам князя. Раскачившись по плечам, волосы ее бесконечны, до самого берега, по волнам ее золотым Одиссей сейчас поплывет водами Геллеспонта в родную Итаку.

РЮРИК (*дрогнувшим голосом*). А нам, Заура, ехать некуда. Никто не ждет тебя, князь!

ЗАУРА (*находя его губы*) Я жду тебя, князь, я. А кто такая Гертруда?

РЮРИК (*горько*). Видишь Солнце, свет – это ты! А туда, в обратную сторону, еще мрак, ночь – это она там, Гертруда. “Красный город”, пылая, делает цвет красным, огненно-рыжим. От него вовек теперь не избавлюсь, и все перейдет по династии, достанется ж россам.

ЗАУРА. А у лелей белый цвет, у Давида?

РЮРИК. Белый.

ЗАУРА. Белая-белая Рось!

РЮРИК (*гневно*). Тригорич! Брось ты ее, эту девку, в Волхов. Она мне не нужна! Или возьми себе, если хочешь.

ТРИГОРИЧ (*держит князя за стремя*). Да что ты, Рюрик! Она же верна тебе, нет вернее.

РЮРИК. Она тебе нравится? Вот и бери себе в жены или в наложницы. А князь должен быть вольным, как ветер во широкой степи! Моя жена – степь...

ТРИГОРИЧ. А как же династия, кто сынов-то тебе нарожает?

РЮРИК. И эта мне яду в ухо вольет, когда я усну.

ТРИГОРИЧ. Да ты что, княже?! Она же, как кошка, ходит за тобой по пятам.

РЮРИК. Верные по пятам не ходят, а сидят дома и ждут. Хоть десять, хоть двадцать лет (*глядя вдоль реки, куда уплыл Одиссей*). Верные, да еще умные, семи пядей во лбу.

Заура выхватывает кинжал, Тригорич бросается наперехват.

ЗАУРА (*падая перед Рюриком*). На, на кинжал. Убей меня, князь!

РЮРИК (*отворачиваясь*). Не кошка, а собака какая-то!

Князь медленно сходит с холма, позванивая доспехами, проходит к коню, щиплющему траву. По горизонту, на белой полоске неба, едва различимы белые стяги.

РЮРИК (*стиснув зубы*). Ох, уж этот Давид мне! Эти лиры и лели!

ТРИГОРИЧ (*тряхнув отчаянной башкой*). А кем будешь править, Рюрик? И я тоже варяг, но из лелей, княже.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Капище в глухом, диковатом бору. Вокруг ритуального кострища – языческие деревянные боги, божки. Тут же при них Коляда-вещун, убеленный старик со странноватым взглядом, всклокоченной бородой. Бьет, стегает березовой метелкой самого Перуна.

КОЛЯДА. Совсем окривел, старый черт! И другой глаз выстебаю! Опять ты не сдержал свое слово, а обещал. О чем лели, лиры тебя просили? Дай разумение вече, пусть поставят своего человека на княжение в Славене, а не это чучело, чужака! Рюрика, норманна, викинга, грабящего по дорогам. Еще и царя Итаки, грека где-то взяли, этого нам еще не хватало!

Коляда вздрагивает, на поляне появляется всадник.

ВСАДНИК. Эй, вещун! Куда меня занесло? Сюда ли вывел меня Перун?

КОЛЯДА. Да сюда, сюда! Тут капище, к Перуну и попал. Или, может, к Велесу надо? Тоже сюда, сам ты кто?

ВСАДНИК. Рюрик, князь! Слышал про такого?

КОЛЯДА (*так и присев*). Рю-ю-уюу-рик! Сам князь? Ну и что – тебя на вече уж выбрали? Или ты пока еще... холостой?

РЮРИК (*соскакивая с коня*). Вот затем и пришел, старик, поболтать с твоими богами, с самим Перуном. Этот, что ли, Перун – с одним глазом?

КОЛЯДА. Это Велес, он у меня тоже крив, но с другой стороны. Этому я глазик выстебал еще прошлым летом. Коров у нас мором всех поморил. А так они, боги-то, хороши: на двоих пока два глаза, с разных сторон.

РЮРИК (*присаживаясь к кострищу, напротив Перуна и Велеса*). А смыслят они хоть что-нибудь в жизни или они у тебя тут совсем одряхлели? Вон какие все зеленые, обомшелые, прямо какие-то лешие.

КОЛЯДА. Это я их так обряжаю. Во мхи да лишаи. Чтобы с лесом сливаться, не больно-то выпирать. А то как выберут кого, так тот уже никого не видит, высоко себя носит, своих лелей не узнает.

РЮРИК. Ты про кого ж это так, на кого намекаешь?

КОЛЯДА. Да не намекаю, а в лоб говорю. Где уж нам намекать-то, мы люди лесные, темные. Это в городе там, на вече, народ просветленный. Знают, кого куда: кого ссадить, а кого посадить.

РЮРИК (*засмеявшись, подставляя ладони к чадящей головне*). Чего это ты вонь такую возле богов развел?

КОЛЯДА. Им так нравится. Ну, чего пришел, князь?

РЮРИК. Да все начистоту тебе, дед! На княжение вот хочу в Слаvene вашем сесть.

КОЛЯДА. И кто ж не пущает?

РЮРИК. Да из лелей же ваших, Давид. Сам прицелился.

КОЛЯДА. Дык он вроде бы и не из наших, а тоже, говорят, чей-то приبلудный. Вроде тебя. Только ты вот взял и к богам нашим дорожку нашел, а тот забыл, когда тут и бывал. Князья эти! Хоть бы рубель затертый какой-нибудь кинули. Не то что купцы.

Пауза. Где-то кукует кукушка.

КОЛЯДА (*после паузы*). Купцы не то, что вы, все в броне и на конях, из грязи да в князи.

РЮРИК. На! Возьми (*достаёт из переметной сумки кошель, бросает к ногам старика*). На содержание твоего двора (*обводит глазами божжков, расставленных, как поленья, по поколеньям*).

РЮРИК (*придвигаясь ближе к Коляде, дышит ему прямо в лицо*).

А можно ли, старик, богов твоих совратить, подкупить можно ли? Чтобы они там, на вече, голос за меня отдали? Или хотя бы предсказали победу мне, а не этому... не Давиду, со стягами его белого цвета? А? Ну как, вещун?

Еще пауза. Монотонный голос кукушки.

КОЛЯДА (наконец). А сейчас спрошу у них самих, у божков-то, по очереди.

Идя по поляне, Вещун шепчется с каждым божком, подолгу стоит у Перуна и Велеса. Наконец, возвращается, трогает за плечо князя.

КОЛЯДА. Можно, говорят. А сколько дашь?

РЮРИК. Да еще два таких кошеля.

КОЛЯДА. Добавь. Этим по второму глазу нужно вставить, а другим еще и по третьему. А стекло нынче дорого. Из Греции не везут, у викингов перекупаем.

РЮРИК. А просить-то будут лелей за меня или все молчком? А то еще так: посадят на княжение, а там хоть трава не расти. Мотайся сам лично по всем делам, кунайся, как оно самое в проруби.

КОЛЯДА (потирая руки, аж искры сыплются между ладоней). Сейчас мы чай с тобой будем гонять, взварок пить из душицы-травы. Или, может, сурью-медовуху?

РЮРИК (доставая съестные и питьевые припасы). И сурью-медовуху! Только ты мне лучшее местечко тут покажи. Чтобы природы вид открывался. Я большущий любитель, дед, красоты. Чтобы взглядом душу гладило.

КОЛЯДА (снимая колпачок с посуды). Слово-то какоичко подобрал – лелевское! Лели, лиры любят таких, какие слова поют. Вот мы им про тебя все и скажем, прокатаем вокруг богов твое имечко. Чтобы село на слух и не встало. Ты это, князь, посторонись, в сторону чуток. Вишь, пчелка божья летает. Одного анадьсь тягнула – так он аж ноги задрал, едва под колодиной отвалялся. Морда набок, весь красниший. Уж я главного тут по бортничеству... вон того божка, что без носа-то... едва упросил. Говорю уж, купец оклемается, он тебе два носа приставит, про запас. Один восковой, говорю, чтобы лучше сурью-то чуют...

РЮРИК (поднимая кубок). Ну, как говорят у нас, викингов, за успех нашего безнадежного дела!

КОЛЯДА (тут же взвизгивая). Это как дело пойдет! А то еще, может, тебя тут самого когда-нибудь ставить придется. Приедешь вот так на коне, да и будешь со своей деревяжкой челомкаться... Как некоторые... еще живы, а уже деревяшек себе понаставили.

РЮРИК. Был тут один недавно, за Бессмертием приезжал. Вон откуда, из Греции.

КОЛЯДА (подхихикнув). Одиссей, что ль? Царь Итаки?

РЮРИК (разверзнув глаза). Угу! А ты откуда хоть знаешь?

КОЛЯДА. Вишь, дощечки лежат за божницей? Тоже читаем. Этот... как его, Нострагор... их стелом у себя там долбит, а и нам от него кое-чего перепадает. А вы, князья, люди военные, вам читать недосуг. Глаза-то чего на клиньях, как на копьях, ломать? Вам надо прямо в лоб мечом попадать, а на это другая зоркость нужна (*бултыхаясь от смеха в травяных своих одеяньях*).

РЮРИК. Ну, дед, ты меня и развесилил. За последние три года только в первый раз и смеюсь.

КОЛЯДА. Сядешь на княжение в Славене – вообще обхохочешься. То сбрую стянут, то коня в поход подковать забудут.

РЮРИК (*восставая резко*). Так, старик! Считаю, тут, на капище, я тайно принял твое язычество. Своим стал у вас – лелей, лиров, у Перуна. Дай в нос его поцелую – главного-то.

КОЛЯДА (*идя следом*). Целуй, целуй, чего ему? Не процелуешь. Только нос, гляди, не отвали, он трухлявый. Не откуси, говорю, нос. Чтоб восковой после не приставлять.

РЮРИК (*садясь на коня*). Я нового бога, старик, тебе привезу. Из мореного дуба.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Вечереет. Чистое поле. Из-за тучи выглядывает Луна. Рюрик на своем рыжем коне Сарталете. Позади, как всегда, дружинник Тригорич, из лелей.

КНЯЗЬ РЮРИК (*вздыхая*). Не доспехи железные, не брони на груди тянут книзу, в недра земные, а думы. Душу темнят. Ох, тяжело, тяжело! Бедный, бедный Йорик, куда тебя занесло? Когда-то король датский, конунг там у викингов, ныне князь тут варяжский со своей ватагой-дружиной. “Варягами” называют нас тут, норманнов, в этих краях. Даже путь свой торговый так назвали: “из варяг в греки”. Бесконечный, великий – через Немигу и Киев на юг. Вот при нем мы, варяги, и состоим. Как какой караван – водой ли, берегом ли, налетим, как вихорь, супостаты, братья-разбойники, пограбимся всласть, тем и живем. Да еще и давай над купцами куражиться, кровь лить изобильно, мертвыми берега устилать. А как долго нет караванов, так давай ходить с огнем и с мячом по селениям лелей, лиров, дулебов – окрест Славена, а теперь еще и на княжение к ним напрашиваюсь. Как же низко ты, конунг! Нет на тризне ночей подумать о замке датском, о своем королевстве, сыне Гамлете. Все кубок за кубком осушают, а ты исходишься о прежнем своем величии. Так-то власть терять, превращаться невесть в кого! И там не нужен, в родных Датских землях, и тут чужой. Так-то, верный мой Сарталет, слышишь ли, понимаешь меня?

Рюриков конь усердно мотает головой, позванивает уздечкой.

ТРИГОРИЧ (*подлетая к князю*). Звал меня, князь?

КНЯЗЬ РЮРИК. Не тебе говорю, а ему вот, коню. Сколько тебе говорить, не заходи по-воровски, со спины.

ТРИГОРИЧ (*вздыхая*). Не веришь. А кому ж тогда верить?

КНЯЗЬ РЮРИК. Вишь, на горизонте, едва различимы, белые стяги? Там враг мой Давид, из ваших же лелей. Так вот, как лис, проберись, хоть на животе, к нему, бором, что ли, облик-то у тебя ихний, лелевский, да и вотрись к нему, стань под его белые стяги. Как ты втерся и встал под мои рамена...

ТРИГОРИЧ (*с готовностью, пропуская последнее мимо ушей*). И что потом? Сведения доставлять, быть лазутчиком тайным или, может, убить его к такой матери, и концы в воду? Я хоть сейчас, князь мой, господин.

КНЯЗЬ РЮРИК. Господин у нас известно кто – город Славен, а будет Господин Великий Новгород! А пока я просто князь, да еще без княжения, просто воин, варяг, как и все.

ТРИГОРИЧ. Так что, сверзить леля? Давида?

КНЯЗЬ РЮРИК (*устало*). Да оставь ты меня! Дай побыть одному. Что ты, как тень, за мной всюду? Отлить в лунку нам с конем не даешь.

ТРИГОРИЧ. Так если бы не я – твоя тень, где бы был ты уж, княже?

КНЯЗЬ РЮРИК. А где уже побывал, за чертой. Бедный, бедный Йорик! А ныне Рюрик несчастный, самый разнесчастный человек на Земле! Потерявший власть, назад ее никто тебе не возвратит, другого найдут. Дважды в конунги по ступеням не всходят.

ТРИГОРИЧ. Каким конунгом, про какую ты власть? Еще ведь не на княжении, ты у нас еще главный ватажник.

КНЯЗЬ РЮРИК. Видишь, вороны по полю скачут? Значит, тут-то и быть, если что, сражению. Вот и скачи прямо на них, потом возьми чуть в сторону, к бору, в лагерь к лелям и попадешь!

ТРИГОРИЧ (*в сторону, дергая за поводья*). Так убить или не убить его? – вот в чем вопрос.

КНЯЗЬ РЮРИК (*оглядывая в спину его долгим взглядом*). Ну да, быть или не быть? Вот как дело тут у нас поворачивается. А этот Одиссей, царь Итаки, явился к нам сюда за Бессмертием. Какое Бессмертие у воина? Мы – вои, живем от сражения к сражению, это поэты бессмертны. Этот Велимир проник в анналы богов, раскрыл периоды для “двойников” в 365 лет, а другой поэт – Леонардо, проникшись “Велесовой книгой”, объявил для народов-кочевников периоды в 1200 лет, когда степь поднимается и начинает куда-то идти, разогнанная Солнцем, как в синхрофазотроне... Что я говорю, про какой “синхрофазотрон”? Когда еще это будет – в двадцатом веке другой эры... Да-да, ну и что же? А вселенские, божественные законы одни.

И в двадцатом веке будут конунгам вливать в ухо яд и уничтожать целые народы в ловушках, якобы в войнах...

Так быть или не быть? Убить или не убить? Как удержаться на грани и оказаться в вечности, на Млечном Пути? Быть Бессмертию или не быть? – вот в чем дальнейший вопрос Одиссея. Надо у Давида, врага своего, спросить: что он по этому поводу думает? Замышляет ли убить меня так же, как я его замышляю? А дело не в пролитии человеческой крови, вот она течет во мне, руды нам не жалко. Сколько пролито было ее в моем датском замке, сколько глаз закрыто навечно. “Значит, не быть?” – таков ответ сыну моему Гамлету? “Ну, а если все-таки быть? – тогда что? Бессмертие?” – вот ныне какой вопрос задает Одиссей, посвященный в тайные знания – в эти эры Венеры, периоды веры, открытые волхвами, поэтами, звездочетами.

Вот у нас свой такой же посвященный имеется, пребывает в лесах этот халдей Нострагор-грамотей, летописец. Долбит бронзовым стелом по дереву, ставит клинья свои – крылья, и те крылья его дают нам понятие веры и вечности, Бессмертия. Это его-то дощечки я зрел тогда, на капище, где побывал однажды у вещуна Коляды. Вот у кого в руках все мы, воины-норманны, вольные люли Славена! Кто продляет нам жизнь, может, сделать кого-то даже Бессмертным. А что же тогда Перун – главный бог, пень трухлявый, живет без глаза, а другой бог – без носа?... Что-то не то, надо дальше копать...

Хватит, конь, траву хапать, валяться на холке по ковылям, под которыми – горы костей! Сколь их степь широкая себе наплодила. Говорят, степи – коню, а небо – звездам, корове – со звездным млеком ее.

Конь мой, конь мой,
Конь вороной,
Расплясался подо мной!

КНЯЗЬ РЮРИК (*снова дергает поводом Сарталета*). Интересно все-таки, убьет он его или не убьет?

Берег Волхова. Князь Рюрик поит коня там, где холодок, под ивой.

КНЯЗЬ РЮРИК. Пей, мой рыжий! Пей, мой верный! Сколько раз выносил ты меня, чуть живого, из узких воровских переделок и из широких битв. Для тебя, конь, я хоть куда, лишь бы ты у меня лоснился, плясал, а грива в скачке стелилась по вешей степи...

Князь вздрагивает: в воде обозначается тень, лик какой-то!

Глянь, кто в кокошнике с жемчугами, с янтарной ниткой на шее.

Глаза – омуты, ямы провальные. “Гертруда моя... бедный, бедный Йорик...”

КНЯЗЬ РЮРИК (*резко оборачивается*). Эй, кто тут? Ты кто!.. Ах, это ты, Заура? Чернявой сделалась, как змея. Насурьмилась, сука!

ЗАУРА (*потупя взор*). Хочу быть, как она.

КНЯЗЬ РЮРИК. Кто она, откуда и что тебе ведомо?

ЗАУРА. Ветер носит, купцам все известно. Везде бывали.

КНЯЗЬ РЮРИК (*поймав ее за косу*). Срежь! Змеи свои подколодные. Они угнетают, от них веет смертью.

Заура выхватывает кинжал из-за пазухи и двумя взмахами срезает себе обе косы.

КНЯЗЬ РЮРИК (*с непонятной злобой*). Уйди-и-и!! Ненавижу-у-у-у!.

Взлетает в седло и бросается в степь, в чистое поле, на место, где они были вчера вместе с Тригоричем.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Едет Рюрик тихо, едва шевеля поводьями.

КНЯЗЬ РЮРИК (*задумчиво*). Сколько же тут костей под травой, сколько битв прошло, крови пролито! А на камне – девственно, чисто. Дожди, что ли, всё смывают, ветры ли, эти зубы времени, чистят?

На Волхове тогда явилась к тебе Гертруда – девкой лельской, тоже в кокошнике, в косах. Вот и сейчас, вся в черных своих копнах волос, выглядывает из-за камня. Сверкает вылупленными глазищами, у-у, пантера! Таких зверей привозили тогда к нему в датский замок на железной цепи.

КНЯЗЬ РЮРИК (*двигая спекшимися губами*). Что ты пялишься на меня оттуда, из подвалов своих, моего королевского замка! Что ты хочешь этим сказать мне, твоему бедному, бедному Йорику? Ах, не ты вливала яду тогда в ухо ему, а мне, спящему где-то в траве? Не ты, змея, подползла и ужалила? Тогда чего же так спешно вышла замуж за богомерзкого Клавдия? Пенелопа ждала своего Одиссея с войны двадцать лет, пока не подрос сын Телемах, став способным ее защитить.

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. Телемах ждал тебя, он верил, что ты жив, и это давало силы. А Гамлет отроду слаб...

КНЯЗЬ РЮРИК. Конечно, совершили убийство отца на глазах у сына, откуда же сыну сильным быть, защитником очага! Он весь в сомненьях, грезах, постоянно видит призрак отца, оттого что внутри него где-то зреет, что я, отец, все-таки жив.

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ (*колыхаясь в воде*). Откуда мы с Клавдием знали... Не знал и Гамлет...

КНЯЗЬ РЮРИК. Бедный, бедный Рюрик! Мучайся за доверчивость. Так-то терять Власть. А кто жесток, льет кровь мешками, устилает дорогу трупами, тот всегда наверху, победитель.

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. Тяжко потом, раскаиваются уж на смертном одре. Черна руда от грехов. Ты зачем красный цвет взял на рamięна? Чтобы мстить?

КНЯЗЬ РЮРИК. Кому?

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. Богам, какие тебе это позволили.

КНЯЗЬ РЮРИК (*рассмеявшись*). Богам за такое тут нос откусывают.

От смеха призрака круги по воде побежали. Они и разбили лик, Гертруда исчезла. "Эй, князь!" – кто-то толкает его в плечо, Рюрик встает, поднимается на ноги.

ТРИГОРИЧ (*перед ним, запыхавшийся*). Едва нашел! По коню догадался. Вот он – ходит рядом, играет уздечкой.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ну, что – не убил?

ТРИГОРИЧ. Кого?

КНЯЗЬ РЮРИК. Не коня же мово.

ТРИГОРИЧ. Вон идет сюда жеребец.

Князь Рюрик поднимает голову: с холма сюда к реке, спускается, – надо же! – сам Давид.

ДАВИД (*глава лелей, улыбаясь, подойдя совсем близко*). Ну что, брат, не ожидал?

КНЯЗЬ РЮРИК. Какой ты мне брат! Я – красный, а ты – белый, да еще с травинкой в зубах.

ДАВИД. Травинку мы эту, тьфу, выплюнем. А белые стяги оставим. Чтоб стягивать лелей, лиров, дулебов, когда надо, на битву.

КНЯЗЬ РЮРИК. И с кем же?

ДАВИД (*спокойно*). С тобой.

КНЯЗЬ РЮРИК. Я все-таки князь, человек военный, водил не стада, а дружины.

ДАВИД. Бедный, бедный Рюрик! Нет пристанища тебе – ни у своих викингов, ни у лелей. Заруби себе на носу: в мыслях-то не держи, чтобы извести, устранить меня, физически хлопнуть. Ну что тебе это даст? Лели другого, более жестокого, только скорее выберут. А уж тот-то соберет куда большие силы, тут-то тебя и прикончат. Или тайно убьют, как ты меня собираешься, или... Давай заключим тайный договор: воевать мы воюем, а вот охотиться друг за дружкой не будем. Чего нам с тобой помирать раньше времени, чтобы третьему кус достался? Ну, идет, браток?

КНЯЗЬ РЮРИК (*в размышлении, не очень уверенно*). Ну, идет (*более уверенно*). Ну идет, идет!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Вечер, сумерки. То же чистое поле – место битв, грабежей. Склонив голову, Рюрик останавливается у того же мосточка. Сзади откуда-то, со спины, налетает неизвестный в рубище, с кинжалом бросается на князя.

КНЯЗЬ РЮРИК (*едва успевая отразить удар*). Ах ты, тварь безрогая! Ах, шакал!

Оба валяются наземь, схватываются в борьбе. Князь встает и наносит последний, смертельный удар. Повернув лицо исходящего кровью, разглядывает его в упор.

КНЯЗЬ РЮРИК (*в удивлении*). Норманн! Давидом подослан или просто грабитель?

Подскакивает Тригорич – дружинник, Рюрикова охрана.

ТРИГОРИЧ. Не велел же, князь, близко быть. Видишь, как оно получается, княже. Все бы могло произойти.

На рассвете дружина Рюрика молча, сурово занимает княжеские покои. Рюрик лично расставляет посты. Старейшие дружинники собираются в тронном зале.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ну вот, время нерешительности кончилось, мы взяли власть. И что дальше?

ТРИГОРИЧ (*глядя в окно*). Вон Вечевая площадь, а никого, пусто. Спит народ.

СТАРЫЕ ДРУЖИННИКИ (*весело, по-хмельному*). А проснутся – над княжеской храминой уже красные рамена. Пушай потом выбирают, а мы уже тута.

КНЯЗЬ РЮРИК (*строго*). Старая дружина! Сколько раз говорил: учите хорошенько славянский язык, молодым норманнам пример подавайте. Да не у всяких лелей берите все подряд, всякую грязь, а у тех, какие на вече, говорят почише, по-славянски, а не по-лельски, по-темному.

В дверях возникает движение. Стража расступается, входит – кто бы мог подумать? – Давид.

ДАВИД. Что, не ожидали? Уселся на трон, князь? И я тут присяду.

(Садится на лавку, ловко подставленную Тригоричем.)

Давай, что ли, Рюрик, поговорим?

КНЯЗЬ РЮРИК (*свысока*). Ну давай.

ДАВИД (*елейно*). Знаешь, что я тебе, Рюрик, скажу? Все равно среди нас, лелей, ничего у тебя, браток, не получится. Особенно теперь. Лели, лиры не терпят насилия. Все поднимутся, так и знай.

Воевать, что ль, будешь с народом? А где корм будешь брать, чем кормиться, все грабить? Купцы и так уже ищут другие, обходные пути на греков, через чехов и карпов. Мы бы, лели, такое тебе посоветовали: а спускайся-ка ты, Рюрик, со своей дружиной в лодьях вниз по Днепру до местечка такого, до Киева. Туда “карпы” – росы как раз пришли, 1200 лет шли и тут, на днепровских холмах, застряли. Собираются долго сидеть, Русколань свою создавать. Кий-то, князь их, помер, а сына не оставил. А степь уж привыкла к днепровским холмам, росов не хочет терпеть, волнами начинает накатывать, воевать. Князь росам нужен хороший, ум военный. К нам уж присылали гонца, нет ли у вас тут князя какого-нибудь завалящего?

Вот ты бы к ним туда и явился, в Киев-то. Может, они тебя и возьмут. Там и создавай свою династию – Рюриковичей, и пойдут, глядишь, перекрестясь, внуки, правнуки у тебя один за одним – Олег, Святослав, Игорь. А там, ближе к грекам, в будущем и веру ихнюю примете. И вам, норманнам, хорошо, и росам, да и нам неплохо тут. Так, мужики? Там, Рюрик, места богатые, красивые, один вид с Холма чего стоит.

Старые дружинники – норманны, викинги, варяги – притихли, смотрят на своего князя. “Шут с ними, мол, с этими корягами, дебрями тутошними. И народ, мол, бедноват – лес да бортничество, а полей, где хлеб родит, почти никаких”.

“Ну да, – возражают иные из тех же варягов, – зато море близко, земли северные, родные, норманнские, откуда пришли мы сюда”. – “Ну и что, – стоят первые на своем. – Зато Путь “из варяг в греки” будет короче, ближе к Греции, к их товарам заморским”.

РЮРИК. То в одну, то в другую сторону кручу-верчу головой, к одному склоняюсь, а о другом все думаю.

ДАВИД (*резко*). Чего думать-то? Все равно тебе тут не сидеть, я тут буду сидеть!

ТРИГОРИЧ (*хрясь кулаком ему промеж глаз*). Вот тебе на память, чтобы помнил!

ДАВИД (*утирая кровь, в окно глядя*). Гляньте-на, что вокруг княжеских покоев творится! Пока мы тут с вами сидели беседовали.

Глядят норманны, а вокруг кольцом – белые стяги, лели на конях. Смотрят норманны на князя своего, а Рюрик как сидел на троне, так и остался сидеть. Бровью даже не повел.

СТАРЫЕ НОРМАННЫ (*всполошась*). Рюрик, Рюрик, ты что, онемел? Они же всех нас подымут на пики, соглашайся.

ДАВИД (*делая знак в дверь, где уже стоит лелева стража*). Вот вам дружок ваш рыжий, тоже Рюрик!

А стража лелева уже вталкивает в шею сюда – и кого? – а Одиссея-грека, царя Итаки.

ДАВИД. Вот щука какая попалась в реке. Мы заодно и ему голову срубим.

Тут-то князь и изменился в лице – бедный, бедный Рюрик. Однако встал, подошел и глянул в крайнее окно.

КНЯЗЬ РЮРИК (Давиду). Поди сюда, тоже погляди.

Кинулись все по окнам – и норманны, и лели, а там, по самой кромке, до самого горизонта, красные рамена, щиты надвигаются. Уже подступили к лелям, что на белых конях. Ряд в ряд, шеренга к шеренге.

КНЯЗЬ РЮРИК (Давиду). Вот что такое ум военный, военный человек, понял?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (вбегая в тронный зал). Да что же вы, что же вы тут все? Братоубийство это, не до-пу-шу-у!.. Гляньте на Вечевую площадь-то, видите, сколько народу? Лели и лиры, ильмеры, дулебы явились. Все собрались. Постоять за себя, чтобы вольность нашу тут окончательно не порушили.

И видят те, что по окнам таращатся: выезжает на круг вечевой Кожемяко – крестьянский сын, богатырь. Поднимает воловью шкуру над головой да как потянет ее за углы, хряснет по полам – гром и молния, северное сияние! Норманны щиты положили, а лели конные бросились наутек.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

То же капище. За вековой сосной та же светелка шалашиком. Нострагор-грамотей, летописец все долбит, наносит клинья бронзовым стелом своим на деревянной дощечке – пишет “Велесову книгу”. Вот что он записал:

“И сел Рюрик тут, в Славене, на княжение силою. И порушил вечевую вольность. И стал брать дань с купцов проезжающих, наладил искомый Путь “из варяг в греки”. И опять пошли туда-сюда лодьи всякими водами. Однако лели, лиры, ильмеры, дулебы затаились, зло копя в себе, ждали, когда это они в себе эту злобу взлелеют. А Рюрик делал вид, что все хорошо, бедный, бедный Рюрик”.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Берег Волхова. И снова, но теперь уже днем, при стечении народа, князь Рюрик провожает домой Одиссея. На прощанье царь Итаки дарит Рюрику свою круглую матросскую шапочку.

КНЯЗЬ РЮРИК (надевая ее, расправляет свою рыжеватую бородку). Прощай, Одиссей – мой друг, мой двойник! Привет твоему седьмому веку до нашей эры, Итаке твоей, Пенелопе! Обними и Телемаха! Вперед по Пути “из варяг в греки”, до самой Эллады! Ждем тебя опять в гости, но уже с товарами и Пенелопой.

ОДИССЕЙ (князю). Сиди тут крепко! Не верь, не проси и не бойся.

КНЯЗЬ РЮРИК. Меч и щит.

ОДИССЕЙ. Жди меня под алыми парусами.

Норманнский струг с Одиссеем и верными ему слугами Евмеем и Филойтием скрывается за поворотом.

КНЯЗЬ РЮРИК (примечая в отдалении на холме Давида под белым стягом). Тоже пришел на берег проводить будущего нашего торгового гостя?

ТРИГОРИЧ (как эхо). Пришел, однако.

КНЯЗЬ РЮРИК (отведя в сторонку дружинника). А теперь с этим лелем (кивнув на белый холм) разбираться будем. Ну, чего с ним там курохтаешься? Избавить нас от него собирался, от этой чумы болотной. Он же лелей, лиров, дулебов под свои стяги стягивает. Формируются где-то в делях, под эгидой века, хотят провозгласить удельное княжество – свою славенскую белую Рось. Не нужна, мол, нам Рось ваша варяжская, Рюрикова. Вконец, мол, одолели нас эти норманны. Так говорят там, а, Тригорич? Ты там тоже бываешь, на языческих сборищах. В капище, где они собираются вечевое княжение провозглашать. Вот (кидая легкий кошель Тригоричу), это тебе. А ему, когда сделает то, что обещал, получит еще десять таких.

ТРИГОРИЧ (нетерпеливо). А что же человек должен сделать, чтобы отвалить ему такие деньжищи!

КНЯЗЬ РЮРИК. Тебе-то что? Потом узнаешь.

ТРИГОРИЧ. А все же?

КНЯЗЬ РЮРИК. Старик варит всякое зелье, лечит священных коров. Да вливает кое-кому в ухо, когда люди спят. Вот они и режут белужьими голосами. А нам, норманнам, медлить нельзя. Не то эти коровы мигом нам скусят головушку.

ТРИГОРИЧ. Так коровы крови не пьют.

КНЯЗЬ РЮРИК. Коровы – кравенцы, все славенцы, а что говорят степняки? Мол, пленят кого из них, степняков, да на капище, тут же на пень головой. А потом делают с ним непотребное, останки уж в жертвенный костер.

ТРИГОРИЧ (решительно). Клевещет степь! Лели крови не пьют, лели – народ просвещенный, с высокой вечевой формой правления. Демократия, демос!

КНЯЗЬ РЮРИК (презрительно сам себе). Ишь, как ты заговорил! Прямо из нового века, будущей эры. Лель есть лель! Хоть и варяг. Вон в варягах сколько всякого сброда, даже степняки попадают – скифы, сколоты. Оттуда выломались, а тута пристроились.

ТРИГОРИЧ. “Тута”! Сам же учишь варягов, чтобы славенский язык употребляли, как надо.

КНЯЗЬ РЮРИК (*вприщур*). А как надо?

ТРИГОРИЧ. Тут! или здесь.

КНЯЗЬ РЮРИК. Видишь, сам лель, а свой язык плоховато знаешь. И не “тута”, и не “здесь”! А в *данном месте* – во Славене будем открывать школы. Обучать будем, чтоб знать, что там этот безумец долбит стелом на дощечках? Преж детей вас туда погоню – Молодую дружину. Старых чего учить, отучились, все знают и так. А вот вас, таких прятких, тебя, Тригорич, особенно, еще и с применением плетки учить надоть. А то совсем мух перестали топтать. Когда в последний раз сведения мне приносил оттудова, с их стороны?

ТРИГОРИЧ (*пытаясь возразить*). Дык это... все ночью я, у костров... попробуй сочти всех, несметны.

КНЯЗЬ РЮРИК. Зато никаких комаров, какие комары у костров? Никаких.

ТРИГОРИЧ. Людей у них тучи, как комарья. Незнамо сколько.

КНЯЗЬ РЮРИК. Три тыщи пятьсот девяносто восемь с половиной.

ТРИГОРИЧ (*вспыхивая*). Как это с “половиной”? А кого, князь, за половинку считаешь?

КНЯЗЬ РЮРИК. Только зря ешь княжеский хлеб. Толку-то как от козла молока. Зато Коляда за двоих, нет, скорее, за десятерых сидит тут.

ТРИГОРИЧ. Ах, это Коляда тебе дает сведения?

КНЯЗЬ РЮРИК. Ну, хотя бы и так. Типун мне на язык.

ТРИГОРИЧ. Ага, нечаянно проговорился.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ладно, ты свой. Но гляди у меня! Иди готовь главное дело, которое сразу повернет колесо истории в нужное русло.

Молодой дружинник исчезает в ночи, князь остается один у костерка.

КНЯЗЬ РЮРИК (*оглядчиво*). Ходишь вот так-то без охраны, без оружия даже, а кругом кишмя кишит всякой твари. Может, из-за того пня трухлявого белая пантера тебя разглядывает.

ШЕПОТ ИЗ-ЗА ПНЯ. Пантеры белыми не бывают.

КНЯЗЬ РЮРИК (*так же шепотом*). А какие ж бывают?

ИЗ-ЗА ПНЯ. Черные.

КНЯЗЬ РЮРИК (*тряхнув головой*). Нервы, лешие! Пни у тебя, князь, заговорили.

ИЗ-ЗА ПНЯ. Не пни, а охрана твоя, я сын Власия, я тебя охраняю.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ладно, первым тебя учиться направлю.

МОЛОДОЙ ВАРЯГ. В диверсионную школу?

КНЯЗЬ РЮРИК. Ого! Времена мне не путай! Седьмой, гомеровский век нашей эры с двадцатым, безумным.

МОЛОДОЙ ВАРЯГ. Самому-то откуда что ведомо?

КНЯЗЬ РЮРИК. А Нострагор на что? Все деньги впереди сосчитал – на тысячелетья, помирать коли, класть некуда, – все-таки интересно, сбудется ай не сбудется? Вот оно тебе и Бессмертие...

Ладно, лель, иди домой, спи, сынок, досыпай. А я один тут поторчу, помолчу, мозгами-то покручу, спать пока не хочу.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ухает филин. Гулко в лесу. Рюрик греет ладони над костерком.

КНЯЗЬ РЮРИК (*поворачивая их*). Как видать – косточки все насквозь, так и иные люди. Время действует, расстоянья, пространства. Степь широкою, жизнь людскую, людей – тут и туда далеко, через черту – вижу...

Красиво тут, хорошо! Уголок нетронутый, леполетный. Лели с венками на голове в ночь под Ивана-купалу бегают по лесу голыми, цветок красный ищут, цветет раз в несколько лет, а находят под кустами друг друга. От красивых легенд рождаются красивые дети, с золотыми до пят волосами... Вон как филин-то ухает! Не дает отдохнуть от трудов, настроиться на лелевский лес, а все возвращает туда, в княжеские покои, в яви тяжкие, в измаки власти.

Они тебя не хотят, эти лели, жители Славена (в будущем Господина Великого Новгорода), и все с ними тут со всяких славенских мест. К свету тянешь их, к Солнцу? А они не хотят из лесов своих – лешие и домовые, чуда болотные. Чужой я тут, хоть уже какой год сижу у них, ем их пищу, пью их сурью, хожу в холщовых одеждах. Давиду своему все прощают, а с меня спрос велик. Не туда ступнул, не то сказал, не ихнее лельское слово, сразу же: “У, варяг! Все свое у тебя на уме”. Как говорят у них, лелей: у голодной куме одно на уме. Вот и у меня, в самом деле, во мне родовое это мое возникает ночами, как только ослабнут дневные пружины; все конунг я, король датский, все замок мне, балаган театральный, мерещатся привидения – королева Гертруда во мне все еще как существо молодое, невинное, – все сын Гамлет... Бессмертие – разве есть оно, когда все кругом смертно?..

КНЯЗЬ РЮРИК (*в сторону, внутренний голос*). А э-тереретете-тероре, трам-трам, тарарам... С утра шум в ушах, стук барабанов. Дружина уж встала, ходит в ногу под барабанные палочки, заведенная, как, бывало, там, в Дании, “палочная” дисциплина. И ты, князь, должен шагать под свой же заведенный тобой барабан. Ать-два! Три-четыре! А лели так жить не хотят, шаг в сторону и – в кусты... Все равно конец один конунгам – королям, как бы ни жили, что бы ни делали для этого “демоса”: в цветущем саду в ухо им вливает яду старуха...

Солнце уже. Барабаны в ушах не трещат, зато проникают вовнутрь, начинают действовать – течь сверху вниз, по всем твоим протестующим органам. А как же иначе? Так и лели, лиры всем нутром своим авестийским, всей своей бессознательностью породы, природы, небес – пламя вече, когда оно с ними да и когда его нет, раздувают.

Переломить невозможно, а ломить и не надо! Слишком много будет крови и горя. Когда ты был конунгом, там у себя, такого у тебя тогда не было, не знал ты этой жалости, страдания и сострадания. Ты просто сидел и правил, просто жил, как и все. Это тут ты увидел в лелях что-то такое, что объяснить невозможно, – людей. И от них зависит княжение, княжить тут не простое дело. Нити какие-то тянутся – незримы, невидимы, как жилы воловьи, держат люди друг друга за горло.

Однако распускаться нельзя! Трон любит сильных, способных пролить кровь. А Жизнь, как и мы, как у нас: без славы не вынимать, без нужды не вкладывать. Давид неотступен: все копит силы, обложил тебя своими людьми, даже в Молодую дружину проник. Старая дружина только и держит...

В траве что-то прошелестело – змея подколотная. На месте былых битв клубятся их тучи, от великого множества жертв.

Из тумана возникает девичья фигура, движется к нему, качаясь вместе с туманом.

КНЯЗЬ РЮРИК (*аж передернув плечами*). Ты, Заура? Опять подползла со спины, змея?

ЗАУРА (*бросаясь к нему на колени и обхватывая за шею*). Пантера любит тебя, твоя пантера тебя никому не отдаст.

КНЯЗЬ РЮРИК (*не отвечая на ее поцелуй*). К кому ревнуешь хоть, к призракам?

ЗАУРА. Имя ночами шепчешь, я слышу.

КНЯЗЬ РЮРИК (*весело вдруг, притягивая к себе*). Врешь все, Заура, зачем?

ЗАУРА. Я убью его, я! Только я! Больше из лелей никто не сможет.

КНЯЗЬ РЮРИК. О чем ты, о ком?

ЗАУРА (*беря руку князя и приставляя к груди себе*). Вот слышишь, как бьется? Разорваться готово.

КНЯЗЬ РЮРИК (*валяя ее на траву*). Все подо мной завертелось: Земля, замки датские, Йорики, Гертруды и Гамлеты, Одиссеи, Велесовы книги, ели, дружины варяжские, старые эры, Солнце, клады змеиные, мраки в крови, игры в крови... боги и призраки...

ЗАУРА. Вот оно, это слово – “Гертруда”! Сейчас ты сказал! Оно красного цвета, как стяги твои, как пожар. Солнце в огне – к урагану. Знаю, она любила тебя!

КНЯЗЬ РЮРИК. Она влила в ухо мне яду.

ЗАУРА. Она любила тебя, отмолила жизнь тебе у богов.

КНЯЗЬ РЮРИК. Боги слабы, а она не знает молитв.

ЗАУРА. Ты – Солнце! Сильнее его нет никого.

КНЯЗЬ РЮРИК (*находя ее губы*). Язычница! Весь Славен у тебя за спиной.

ЗАУРА. Я научу Остромысла читать по глазам.

КНЯЗЬ РЮРИК. А я научу тебя ставить знаки на бересте!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Княжеские хоромы. Рюрик сидит на троне, перед ним Совет, Старая дружина почти в полном составе.

КНЯЗЬ РЮРИК. Товарищи мои среброголовые, боевые друзья! Не вижу многих. Одни в битвах пали, других унесло время. Тягость тяжкая легла нам на плечи. То мор надвинется, люди, как мухи, мрут, то Давидовы единображники стали озоровать по дорогам. Совсем купцы перестали ходить Великим торговым путем. А кормить надо, город держать, дружины свои содержать. Половину дани собирает Давид, мы уж меньше его половины.

СТАРЫЕ ДРУЖИННИКИ (*оживясь*). Походить надоть по весям, напомнить о себе, потряхнуть стариной.

КНЯЗЬ РЮРИК. Напомнить-то можно, отчего нэ напомнить? Да, боюсь, остальные лели к Давиду переметнутся. А величие как держать, вид давать, чтоб степь боялась, не наседала?

Входит Власий-Тамада, садится с краешка, возле двери.

КНЯЗЬ РЮРИК. А, вот и Власий! Обещал ему вече открыть, с чем пришел?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*вставая, мнет шапку в руке*). Да новости больно нехороши. Коляду нашли зарезанным. На капище, прямо у Перуна. Вот до чего разбой дошел у нас в Славене.

ПЕРВЫЙ СТАРЫЙ ДРУЖИННИК (*без руки*). Ни Перун не пособил вещуну-заступнику своему, ни хотя бы Велес.

КНЯЗЬ РЮРИК (*обеспокоясь*). А Остромысл что говорит, или, как его, Нострагор?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. А чё ему? Этот все долбит.

КНЯЗЬ РЮРИК (*вставая решительно*). Вот что, Власий! Спасибо тебе за новость, хоть, правда, и не хорошую. Иди, стало быть, готовь своих горлопанов, чтоб орали в воздух, пары спускали. Все! Открывать будем вече. А мы тут с мужиками посидим, покалякаем.

Власий-Тамада уходит оглядчиво, как и вошел.

КНЯЗЬ РЮРИК (*ко всем своим, ко всему Совету*). И что вы на это скажете, господа-сотоварищи, братья?

ВТОРОЙ СТАРЫЙ ДРУЖИННИК (*со шрамом в полщеки*). Давидово дело, он убил! Своего леля не пожалел.

Старая дружина, члены Совета при князе зашевелились, задвигались: "Осквернил капище, залил богов кровью. Ничего, отрыгнется еще ему это".

ПЕРВЫЙ СТАРЫЙ ДРУЖИННИК. А может, не он это, не Давид?

Возникает обсуждение мысли – кто куда, все вразброс. Рюрик сидит, нахохлясь, как ворон.

КНЯЗЬ РЮРИК (*в сторону, про себя, внутренним голосом*). Так, значит, так. Кто бы это знать мог, что Коляда был наш человек на капище, сведения нам сюда подавал? Брежит что-то, смутность в памяти. Тригорич с неделю уж как перестал появляться. Он один только и знал, я анадьсь ему проболтался... Ну, Тригорич! Шкуру сдеру, следует допросить с кровью. Если что, участь твоя решена. Давида обещал извести, а тот ходит в живых все, вредит нашему делу, а Коляду зарезали. Сроду в капище не резали никого, кроме быков да баранов, в жертвенный огонь бросали их туши, а тут – человек! Да еще сам вешун, служитель Перуна и Велеса.

Пусть ответит Тригорич... это как понимать?!

(Последние слова Рюрик, пребывая в глубокой задумчивости, произносит вслух.)

СТАРАЯ ДРУЖИНА (*зорко следя за ним, в один голос к нему*). Что, князь, что и как понимать-то?

Прежде Рюрик сказал бы все, как всегда, все насквозь говорил князь Старой дружине, а тут промолчал.

КНЯЗЬ РЮРИК (*хитровато этак*). А что тут понимать-то обо-бо? Кой-кого проверять на дорогах надо.

ПЕРВЫЙ СТАРЫЙ ДРУЖИННИК. И кого хоть надоть? Кого имеем в виду?

КНЯЗЬ РЮРИК (*уклончиво*). Время покажет, все поставит на место.

Зашевелился Совет, Старая дружина впились князю глазами в горло.

ВТОРОЙ СТАРЫЙ ДРУЖИННИК (*выражая общее мнение*). Ну, ставь, ставь, Рюрик, на место, а мы пойдем по делам – трон твой княжеский охранять.

Рюрик остается один, с красным стягом над головой.

КНЯЗЬ РЮРИК (*внутренним голосом*). Надо бы еще черного орла водрузить с головой на обе стороны. Как у карпов, что пришли и сели на Киеве. Будет с кем поговорить по тайнам всяческим, бессознательности вопросов. Вроде бы знаешь, чуешь носом, как кобыла волка еще издаля, а вынести на всех невозможно.

(И вслух на весь тронный зал, чтобы стены слышали.)

Найдем, кто это капище, духов у нас осквернил! Уже намекается – кто! Лично на плахе голову отрублю и глазом не моргну, не пожалею!

(И в дверь, вовсе громко.)

Эй, коня мне, верного моего Сарталета!

Рюрик напяливает поглубже, на самые брови, круглую свою матросскую шапочку, подаренную Одиссеем. Легко, как кошка, вспрыгивает в седло, однако тут же валится наземь вместе с седлом.

КНЯЗЬ РЮРИК (*вскакивая с седлом в руках, заглядывая под брюхо коню*). Ого! Подпруга подрезана!.. Эй, стража! Кто приводил Сарталета?

СТРАЖА. Конь твой – вольная птица! Как увидит тебя, сам к тебе и стремится.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ну-ну, поэты гребаные, стихотворы! Другое седло мне! А это в Волхов швырните, пушай к лелям плывет, к Давиду (*махнув плетью Страже*).

А вас скоро в школу отправлю, к Остромыслу вас надоть!..

Эх, конь мой, конь мой,

Конь вороной!

Эх, расплескался подо мной!

– Ну, ссука-а лысая! – взмахнул князь сарматской камчой в сторону Соснового бора. – Ты у меня доиграешься!

Знал Рюрик, там дислоцировался лагерь Давидов. Оскорбил князь камчой по крупу своего Сарталета. Бешено, бурей тот пронесся обочь вражьего бора – в степь.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Чистое поле, у того же разбойного места. Из-под моста вылезает фигура с мешком за спиной. Князь хватается за меч.

НОРМАНН (*скаля зубы*). Что ты, князь, про вороного поешь, а ведь конь-то твой рыжий.

КНЯЗЬ РЮРИК (*с облегчением*). Ты, Тригорич?

ТРИГОРИЧ. Ну я, заступа твоя.

КНЯЗЬ РЮРИК. А чего это там у тебя за спиной?

ТРИГОРИЧ. Мешок с башкой.

КНЯЗЬ РЮРИК (*аж загнулся*). Да ну! Ах, с башкой? С ... чьей же?

ТРИГОРИЧ. Да с моей.

КНЯЗЬ РЮРИК. С чьей, чьей?

ТРИГОРИЧ. Вот, бери. Что просил.

И бросает к ногам князя кровавый мешок. "Чья башка в мешке?" – "Давидова, чья же еще?" – "Давидова?" Мечом Рюрик разрубает мешок – выкатывается голова. Длинные, длинные волосы – черные змеи.

КНЯЗЬ РЮРИК (*так и присев*). Нет, это не Давид!

ТРИГОРИЧ (*и сам удивленно*). Да, не он! А кто же?

КНЯЗЬ РЮРИК. Это у тебя надо спросить. Ты – заступа, охрана моя!

ТРИГОРИЧ. Срубил не глядя. Во тьме кромешной.

КНЯЗЬ РЮРИК (*похолодев*). Косы змеиные. Неужто Заура?

ТРИГОРИЧ (*в ужасе*). Какая Заура? Какая Заура! Это никакая не Заура, любовница это Давидова! Вот кто голову свою мне подставил... себя подставила вместо Давида...

КНЯЗЬ РЮРИК (*усмехаясь горько*). Эх вы! Коварство и любовь, братья-разбойники.

ТРИГОРИЧ (*не поднимая головы*). Кто братья, а кто разбойники?

КНЯЗЬ РЮРИК. Да вы с Давидом, вы! Лис какой! Кого провести захотел – меня, конунга!

ТРИГОРИЧ (*весь трепеща*). К-какого к-конунга, князь?

КНЯЗЬ РЮРИК (*поймав себя на слове*). Да так, двойник был у меня, был я по молодости в другой ватажке. Так звали одного конунгом, пока варяги не срубили башку.

ТРИГОРИЧ (*шепотом*). За что?

КНЯЗЬ РЮРИК. Привидение. Ездил к нему на таком же коне. На рыжем. А тоже пело ведь про вороного.

ТРИГОРИЧ (*приходя в себя*). Ишь ты! Как, князь, у тебя получается ловко.

КНЯЗЬ РЮРИК. Да уж не как у тебя, по-топорному.

ТРИГОРИЧ (*пиная кровавый мешок*). И кто же это?

Не удостоив ответа, Рюрик повернулся к лелю спиной, качнул поводья.

Ехал полем, думушку невеселую думал: "О поле, чисто поле! Сколько крови на тебе, сколько белых костей! Сколько, встань они, было бы воинов, сели бы все – места не хватило бы, протянулись бы лавами конными до самого окоема. Река-реченька вышла бы из берегов; по крови-кровушке лельской, славенской возили бы товары купцы, как везут по сей день товары по Пути "из варяг в греки"... Но что это, что? Расколосось небо, крупа белая оттуда просыпалась да просяными зернами по щекам, по щекам.

И молния сверху очертилась зигзагом, ударила рядом, аж зашипела, вонюче запахло серой”.

КНЯЗЬ РЮРИК (*вслух*). Если б серп в руки каждому, поле можно было бы житом засеять... И Власий был бы доволен, вече было бы за тебя... Конь свечой встал на дыбы, заржал человеческим голосом. И на князя глаз косит – Одиссеев, лиловый. И валькирии какие-то замелькали, Керры черные – души умерших. То ватажники-варяги, твои друзья-сотоварищи, изрубленные мечами, это зарезанные купцы...

Отчего же встал на дыбы верный твой Сарталет? Кони видят все третьим глазом, а слышат степь третьим ухом. Это Тригорич спугнул его сзади, от крупа. Все волком ходит, князь, за тобой – тень твоя, смерть твоя, на седло твое посягает...

Про себя в сторону.

“Да посягает... Вот он, Тригорич – молодой ватажничек этот, как конь какой, скалит зубы и ржет откуда-то с неба уже в своем черно-красном провале, меж черно-багровых туч, там уж где-то лик его скалит зубы, закрыты глаза! И тут же другой лик, тоже неживой, мертвый, – это Давид, кто же еще? Это он не дает покоя тебе ни днем, ни ночью, особо с тех пор, как ты сел на княжение”...

КНЯЗЬ РЮРИК (*вслух*). Предчувствия дурные, нехорошие предзнаменования.

(И опять же в сторону, внутренним голосом.)

“А вон, гляди, гляди, князь! Пала с неба одна голова, другая, покатились обе, обгоняя друг друга, по степи серыми шарами перекаати-поля, вхлывая в себя, в нутро свое, ветки, травы, сухие ковыли. А тот, что Давид, настолько, возвеличась, раздулся, что, остановясь, укреп тут, стал Белым Валуном. Вздохнул, наконец, живой! Прорезался глазами, губами и говорит тебе сюда, Рюрику: “Это ты, – говорит, – убить хотел меня, Давида? Да не получилось, другого убили вместо твоего молодого ватажника. Кровь на тебе, сколько же пролили вы ее с Одиссеем!..”

КНЯЗЬ РЮРИК (*опять же вслух*). Предчувствия какие-то, предзнаменования, нехорошие.

(И опять же в сторону, внутренним голосом.)

“Да тряхни, тряхни башкой, княже! Может, черная кровь-то отхлынет? И тряхнул ты башкой своей дерзкой, черные внутри тебя Керры эти переболтались, сморщились и передохли. А вместо Давидова большого белого камня – Белого Валуна возник сам Перун – главный бог языческий. “Это я тебя предупреждаю”, – зашипел он, и тут же та самая, шипучая да вонючая, коса-молния, что зигзагами ходит, косит, ударила и назад вознеслась на небо, и небо расчистилось, в голове стало ясно.

КНЯЗЬ РЮРИК (*вслух, шатнувшись в седле*). О боги, боги! О бедный, бедный Рюрик!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Княжеская хоромина. Тронный зал. Рюрик у трона, сидит на простой деревянной лавке, куда обычно садятся старые дружинники.

КНЯЗЬ РЮРИК (*палкой по трону*). А все ты, ты! Это ты здоровье мое съедаешь, у, постылый, Перуново отродье! Дошли до чего – теперь уж не только в постели ночью, а и днем молнии по бокам так и ширяют. Княжая власть – уснуть не дать. Там тонко, а тут рвется. А по тебе то камни с неба, то молнии снизу, в белые валуны. Как легли, так и придавили грудь, лежи, князь, и не трепыхайся!

Боги! Еще не убил ведь, а лишь собираюсь, он с меня скорее голову ссадит, а уж небо как всполошилось, Керры взмыкались, бедный, бедный Рюрик! Нострагор! Что пророчишь, кто это скажет в потмах: “Живая власть народу... они любить”?.. Приставь концы, и смысл уж другой. Поэты тоже имеют власть, только у них она из нутра, от людей, а у тех – небом дадена... Нострагор, как и я! Век один в светелке своей.

Истину не перед кем глаголить, зато некому и власть отымать, кроме богов... Только эта власть больше дело имеет с живыми; они есть просят, а та – с такими, какие уже отпросились... Как сказал тогда Остромысл, по Аристотелю – комедия есть подлый жанр, не снижай, не разводи тут комедию, это ведь героическая трагедия. Все знает долбитель клиньев, пора убивать...

Входит Власий-Тамада.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Остались одни живые, мертвые не кусаются.

КНЯЗЬ РЮРИК (*с лавки живо пересаживаясь на трон*). Чего забыл и в чем дело?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Всадника лели видели, мотается по берегу. Без головы.

КНЯЗЬ РЮРИК (*тут же настраиваясь на Остромысла*). Майн Рид! Литературные реминисценции.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. То говорят, вроде бы ты это, князь. С тебя голову-то сняли. А то вроде Давид или, может, Тригорич – вот, азамат, такие разговорчики.

КНЯЗЬ РЮРИК. Нам больше поверят, живем раньше Майна Риды, в истоках. У нас башку рубить еще можно и – на коня усаживать, мы – первые, никем пока что не осуждено.

ВАСИЛИЙ-ТАМАДА (*кланяясь в пояс*). На то вы, отцы родные, и князья. Ум даден вам и понятие.

КНЯЗЬ РЮРИК (*закрывая лицо руками*). О, боги! Так всадник, говоришь, на рыжем коне? Уж не на моем ли Сарталете?

ВАСИЛИЙ-ТАМАДА. Не знаю. Этот рыжий, говорят, прямо-таки огневой. С небес сошел, лели видели.

КНЯЗЬ РЮРИК (*неистово*). Уходи, Власий! С глаз долой! Голова закружилась, Земля завертелась бешеным колесом.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*переминаясь*). Ну, ты это зря, не больно усердствуй во власти-то, больно лихо на себя не бери.

КНЯЗЬ РЮРИК (*в сторону*). “Вот они, те дурные предчувствия, нехорошие предзнаменования! Все на меня теперь свалят богоносики эти. Только на язык попадись, новую волну закрутят покруче прежней. Знаю, меры принимать надо, а руки, ноги чужие, язык деревянный, как присох, внутри все пылает, прямо-таки огонь жертвенный на кострище. Приказать, чтобы коня-огненосца поймали, а нету сил, не могу. Так и будет мотаться рыжий мой по Славену, по всеям славенским, по всему-всему Великому торговому пути “из варяг в греки”. И дурная слава пойдет: лели едят, мол, подобных, с головы начинают...И зачем хоть Тригоричу намекал? С Давидом все бы само собой и устроилось. Зачем тому на небеса попадать, по небесам огнедышащим шастать и оттуда сверзаться без головы? Боги оставили бы его там, головушка горькая, не больно кому тут нужна. А может это все же проделки Тригорича? Конь-то где мой, Сарталет? (*В распахнутое окно*). Эй, лели! Где мой конь? Сарталее-е-е... ттт ... ттт ... ттт... Зуб на зуб не попаду, ветер ледяной, а на дворе ведь лето, самая жарынь. Круто боги со мной разговаривают, тепло из души вынимают, огонь отымают и разум, бедный Рюрик! Куда же тебя занесло? Надо работой себя утешать, заботами кровь дурную снять, как пуд соли с души сбрасывать, настраиваться на житье. Прежде, так-то вот, как “чомеру” в голову броситься, – на коня да в сражения, в первых рядах! Да мечом по щиту, по броне, по башке – “чомер”, глядишь, и сойдет. Керры черные успокоятся, валькирии перестанут летать. Гертруда, глядишь, станет опять молодой и невинной, а Гамлет, твой несчастный сын Гамлет, обретет уверенность и простоту. Дьяволы изнутри перестанут терзать его душу, это они в нем, сыне твоём, терзают тебя...

А Заура, где же Заура? Этого еще не хватало, чтобы она ускакала на рыжем – туда, к лелям, в стан Давидов. Потом скажут, это я ее подстрекал, я посылал на убийство, я давал ей коня.

Боги! А может быть, это она того ... на моем Сарталете... всадница без головы?

КНЯЗЬ РЮРИК (*в окно, неистово*). Где мой Сарталет?! Приведите! Поймите же, наконец, этого всадника, всадницу без головы!

СТРАЖНИКИ. Да, попробуй поймай! Как бешеный пронесся к Сосновому бору!

КНЯЗЬ РЮРИК (*высовываясь к окну*). Другого коня мне, второго! И Первого Дружинника! Сюда, к трону!

В тронный зал входит Первый Дружинник – убеленный сединами, без руки.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ты вот что, Кузьмич! Вот, возьми мою круглую шапочку, садись на моего второго коня. Да покруче, покруче запахнись, спрячь физиономию! Будто я это, пусть все так думают. И айда в Сосновый бор, в стан Давидов (*и в неистовство переходя, топоча ногами*). Бери дружинку, всех лелей Давидовых там перебейте! До одного! Никого не оставьте! Нечего их кормить! Искоренить до единого! (*Охлаждаясь постепенно, входя в смысл, совсем отходя.*) Нет, все же оставьте... человек хоть двадцать... нет, с сотню.. ну, сколько-нибудь оставьте... самых умных, самых рослых, красивых, голубоглазых. Всех оставьте, всех!.. Так мчитесь же, выполняйте, рубите, рубитесь, прорубайте “окно”...

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИК. Куда, мой князь?

КНЯЗЬ РЮРИК. Степь на нас поднимается, уж пошла, идет и будет идти пятьдесят, сто, двести лет, пока не сметет. А мы тут внутри с соплями все никак не разберемся. Вот что, брат! Пора делами заняться. Змиев вал копать, от моря до моря. Только так гуннов, готов, скифов, сарматов, половцев можно остановить.

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИК. И куда, князь?

КНЯЗЬ РЮРИК. Что куда?

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИК. “Окно” прорубать.

КНЯЗЬ РЮРИК. Змиев вал копать, защищать Европу.

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИК. А зачем? Там Европа сама, она и так толстая.

КНЯЗЬ РЮРИК. А тут у нас Азия – одни безобразия. Все! Идите! Скачите к Давиду! Привести мне коня – моего Сарталета, со всадницей без головы.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Сосновый бор. Лагерь Давида разгромлен. Всюду трупы, обгорелые головешки. Кучка пленных лелей, ждущих своей участи.

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИК (*норманнам*). Этих не трогать! Ни воинов, ни их жен. Князь сказал: без нужды не вынимать, без славы не вкладывать.

НОРМАННЫ (*хмелея от победы*). Рюрик скажет, Рюрик как влечет! Мечом, как и словом! А вот он и сам.

Появляется князь. Въезжает на своем втором коне.

КНЯЗЬ РЮРИК (*налевая*).

Эх, конь мой, конь мой,
Конь вороной!
Расплескался подо мной!

Эй, норманны-викинги, варяги-ватажники! Что вы тут натворили?
Это же на мою голову все, позор княжьей моей седине!

Пленники-лели молчат, глядя на всех исподлобья.

КНЯЗЬ РЮРИК (*плетью на пленных*). А это что за молодцы?
Ах, это наши братья – лели? А также лиры, ильмеры, дулебы – наряд славенский, славные жители Славена? Развязать, освободить, накормить, напоить! Меды на столы, не жалеть сурьи-медовухи!

Братцы, простите! Думали, степняки уж тут, так мы сразу в бой!
А это вы, наши братья, лели. Завтра же всех зову на Вечевую площадь, не забудьте захватить с собой голоса...

Стрела пропела над ухом Рюрика, впилась рядом в сосну. Приводят молодого леля, стрелявшего в князя. Рюрик клонит голову ему доземи, сам вливает в ухо ему медовуху из кубка. Шедший следом Первый Дружинник тут же срубает леля башку.

КНЯЗЬ РЮРИК (*обернувшись, норманну*). Ну, это ты зря.

(Вынимает стрелу из ствола, ломает у себя на колене.)

Эх, конь мой, конь мой,
Конь вороной!

ОТ АВТОРА. *Всю ночь над Давидовым станом гремела, пела, кутила, гуляла Рюрикова дружина. "Где Давид?" – в сторонке под кровавым от пляски костром догадывались у лелей те, кому надо. Молчали плененные лели. Лишь один сказал: "Всплывет, так увидите". На четвертый день всплыл человек с перерезанным горлом. Принесли, показали Рюрику, князь поморщился, приказал похоронить на общем погосте. На три ночи приставить Перуна, чтобы, если это Давид, не сбежал.*

А Нострагор-Остромысл на дощечке в тот день оставил такую запись: "И лели по Давиду справили тризну. И пришел сам князь Рюрик. И упился вместе со всеми". Однако не все сказал грамотей, недосказал кое-что. А вот как было.

Сосновый бор. Три сосны. Свеженасыпанный холм. Это якобы Давидова могила, в чем не совсем уверен сам Рюрик. Над могилой белый Давидов стяг. И сидят в угрюмом молчании плененные лели, лиры, дулебы, оставленные в живых. Появляется князь.

КНЯЗЬ РЮРИК (*норманнам, приехавшим вместе с ним*). Эй, дружина! Вносите бочки, сурью-медовуху! Валите прямо наземь хлеба и мяса! Вручайте каждому лелю по кубку! Садитесь все между братьями! Будем поминать наших предков. Недавно ушедших и воинов наших, только что ушедших на небо и идущих сейчас коровьим, Млечным Путем к Полярной звезде.

И стали все разливать сурью-медовуху по кубкам, и, когда лели захмелели, поднялся князь Рюрик во весь свой немалый рост и сказал слово, какое Остромысл не успел записать. А вот оно все же:

“Лели, братья вы мои дорогие! И вы, норманны-викинги, родная мне кровь! Скажу я вам уже не про мертвых, рано ушедших героев, а про живых, которым еще жить. А как нам жить, братья, как радоваться Солнцу, Триглаву всему, Перуну и Велесу, когда степь подступает. Вот встала уже и пошла.

Пора уж не просто силы копить, а мечи и доспехи ковать, детей обильно бабам рожать, ров могучий копать – Змеиный вал создавать от моря до моря. Чтoб земли свои и закатные собой прикрывать. Гонцов в Данию посылать, чтобы деньгами, оружием помогли”.

ЛЕЛИ. В Данию-то почему?

НОРМАННЫ. Предки наши оттуда.

ЛЕЛИ. А в Рось, а к карпам, что пришли и сели на Киеве?

КНЯЗЬ РЮРИК. И к росам пошлем. И пусть у себя там тоже копают. Мы начнем, а они дальше потянут. Так всем народом кравенским и протянем ров – от Янтарного Берега до Геллеспонта. А потом и поколения встанут – от сына к правнукам. Змеиный вал, работа на большие века. Будем также дань взывать с купцов проезжающих. Грабить, братцы, перестаем. Змеиный вал по росским, славенским, сколотским землям пройдет перед Путем “из варяг в греки”. Такая заступа, охрана его возникнет по Левому берегу... Ну как, лели? Дело говорю?

Лели перестали пить, оставили кубки. Зато норманны-дружинники вдвое больше пить взялись.

ЛЕЛИ. Больно много-то пьете.

НОРМАННЫ. Кабы столько же, сколько и вы, мы бы лежали тут по могилкам, а не вы, лели.

ЛЕЛИ. Больно много-то жрете.

НОРМАННЫ. Свое едим. Что с собой привезли.

КНЯЗЬ РЮРИК (*примечая закипающую неприязнь*). Рядком да ладком, рядком да ладком! А позовем-ка мы сюда к себе тамаду. Эй, Власий! Горлопанам своим скажи, мол, на днях собирается вече. Князя, мол, пусть ругают покрепче, кладут на обе лопатки. Один пусть клеймит меня, а другой – его клеймит. А там поглядим!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Славен. Вечевая площадь. Собрался народ славенский – лели, лиры, дулебы, ильмеры. Славные жители будущего Господина Великого Новгорода. Тут же, вперемешку с ними, норманны-викинги. Дружины Рюриковы – старые и молодые дружинники, но уже без оружия. Карнавал красок, цвета и света, но пока тишина. В сторонке охрана при мече.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*обращаясь к народу*). Но вот и господа опять мы Слову своему и Воле. Вольный город, вольные люди – говори всяк, выражайся.

ГОРЛОПАН БЕЛОГО ЦВЕТА. А об чем? Князя нет, говорить некому.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*обретая голос*). А друг другу, сабе!

ГОРЛОПАН КРАСНОГО ЦВЕТА. Пушай Рюрик придет, так сподручнее.

ЛЕЛИ (*загудев*). В лоб чтоб, а не за глаза.

Тут же, словно того и ждал, появляется князь. Кланяется в пояс народу. Садится на лавку, подставленную тамадой.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Вот тебе затертая, мухами засиженная, вся проверенная и проветренная. А об чем речь-то спросили, князь, меня?

КНЯЗЬ РЮРИК (*махнув рукой*). Кройте меня по чем зря. А потом уж и к делу (*вставая с лавки и обращаясь к вече*). Лели мои, лели! И вы, дружина моя дорогая! Наконец-то собрались, все Давид не давал. И где он теперь? А воля наша осталась, жива.

Молчание, разрозненная тишина.

ГОЛОСОК (*где-то во глубине – прорезаясь*). Давида убили, а теперь говори.

КНЯЗЬ РЮРИК (*реагируя*). Кто сказал, что Давида нет? Давид есть, жив! Он в наших рядах. Вот здесь (*прикладывая правую руку к груди*).

ТОТ ЖЕ ГОЛОСОК (*ехидно*). Правую приложил, в какой меч держишь.

КНЯЗЬ РЮРИК. На – левую, видишь?

(Меняет руку.)

Стягов-то никаких, без стягов ныне – ни белых, ни красных.

ВСЕ ТОТ ЖЕ ГОЛОСОК. А кто ж на коне тут у нас перед глазами мотается – всадник без головы?!

ГОРЛОПАН КРАСНОГО ЦВЕТА (*вылезая на видное место, к Разговорному камню*). Покажись, покажись мне, чурка болотная!

ГОЛОСОК. Стягов нет никаких, говорю.

ГОРЛОПАН БЕЛОГО ЦВЕТА (*вылезая к Разговорному камню*).
Чего тебе горлопаны дались? Сам-то кто, выходи.

*Толпа расступается, обнаруживая молодого леля, оказывает-
ся, это сын Власия-Тамады.*

СЫН ВЛАСИЯ. Ну, вот я! А что?

КНЯЗЬ РЮРИК (*вставая у лавки*). А то. Молодой, да пряткий.
Отвечаю тебе и всему честному народу: Давид жив!

СЫН ВЛАСИЯ. И где же он сейчас, в данное время?

КНЯЗЬ РЮРИК. А ушел в чужие края, например, к скифам. В виде купца, с товарами. Чтобы изведать, что у них там творится. Или (*неуверенно*) это... может, где-то в лесах скрывается, с бандой, а?

СЫН ВЛАСИЯ. Это Тригорич, должно быть, твоего ума дело. Он – варяг, с бандой грабит всех, деньги тебе добывает. А Давид не бан- дит, он тебе соперник на вече.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*сыну*). Хватит тебе, разбрехался! (*Поворачи-
ваясь к Рюрику*). Ты теперь вяжи концы с концами, отвечай людям,
вече всему тут на площади.

КНЯЗЬ РЮРИК (*поднимая перед народом обе руки*). Видите? Обе
белые, чистые. Нет моей вины на крови Давида.

ИЗ ТОЛПЫ. А чья ж вина тогда, чья?

КНЯЗЬ РЮРИК. Коня сначала поймай да всадника с седланими...

КНЯЗЬ РЮРИК. Тихо, тихо, лели! Други мои! Я знал про такой обо-
рот, в крови Давидовой обвинять меня будете. И такое припас. Гость
к нам намерен явился из Скифии, один из скифских вождей.

ИЗ ТОЛПЫ. Больно много царей – из греков, а теперь вот еще и из
Скифии.

КНЯЗЬ РЮРИК (*невозмутимо*). Что мне сказал, пусть и вам скажет.

ГОРЛОПАН БЕЛОГО ЦВЕТА. Неча всяких слушать. Да еще из
скифов...

ГОРЛОПАН КРАСНОГО ЦВЕТА (*перебивая его*). Пушай говорит.

ТОЛПА (*на одном дыхании*). Пушай! Пушай! Пушай скиф говорит!

*Появляется Скифский вождь – важный, крепкий такой, с ок-
ладистой бородой.*

ТОЛПА (*ахнув*). И этот рыжий!

ГОРЛОПАН КРАСНОГО ЦВЕТА. Ну и что? У князя супротив жид-
ковата, а это – лопата!

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ (*делая знак, чтобы затихли*). Видел Дави-
да вашего, был у нас! У царя нашего ярлык просил на ваше княжение.

ТОЛПА (*загудев*). У-у... у-у-у...

МОЛОДОЙ ЛЕЛЬ. Ну так что же?

СКИФСКИЙ ЦАРЬ. А царь ярлыка не дал. Сказал, мы сами там ско-
ро сидеть будем.

МОЛОДОЙ ЛЕЛЬ (*Рюрику*). Может, Давид тут на твоём коне, князь, перед глазами мотается – всадник-то без головы?

Толпа слушает, затаив дыхание. Интересно все же, как она, правда-матушка-то, выползает на свет, раскрывается в перипетиях.

ГОРЛОПАНЫ (*оба вместе, чуя, как пол уходит из-под ног, на молодого леля внимание переключается*). Какой прыткий! Яйца еще не просохли, а уж кур учат!

А толпа пыхает то отдельным смешочком, то всеобщим грохотом смеха.

ГОЛОСА В ТОЛПЕ. Давай, давай, молодой! Туды их мать, застоялись “козлы” – начальники!

КНЯЗЬ РЮРИК (*поднимая руку, прямо в толпу*). Люди, лели! Я знал про такой оборот – свидетеля приготовил.

ГОРЛОПАН БЕЛОГО ЦВЕНТА (*с нескрываемой злобой, перехватывая внимание*). Кабы руки не мыл, показал бы. А то, небось, по самые локоточки. Всего-то и красного у Давида, что кровь! Вот его князь и убил, на коня посадил. Пусть отвечает Рюрик...

ГОРЛОПАН КРАСНОГО ЦВЕТА (*не давая ходу сопернику*). Тригорич, Тригорич! Лазутчик Рюриков. Князь его в лагерь Давидов заслал, а Давид его взял и убил! И на коня посадил.

МОЛОДОЙ ЛЕЛЬ – СЫН ВЛАСИЯ (*встревая, живо*). Как же это он посадил? Конь-то княжий, Сарталет! Где Давид взял бы коня-то?

ГОРЛОПАН КРАСНОГО ЦВЕТА. Ты чью сторону держишь, манда криволапая?

ТАМАДА МОЛОДОЙ. А ты где это всяких репьев нахватался? Мы тебя содержали на красном цвете.

Горлопан хватя по шее леля, а тот вывернулся да ножку ему под ногу, горлопан так и растянулся. А народ так и грохнул смехом и уже потешается. А молодой лель, сын Тамады, и говорит ему, лежащему:

- А мне цвет до фени, лишь бы Правда была, а она без всякого цвета.

ТОЛПА (*загудев*). У-у-уф... у-у-уфф...

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Там же, те же.

ГОРЛОПАН КРАСНОГО ЦВЕТА. Отрубить башку скифу, посадить на коня и в Скифию!

ТОЛПА. У-у-уф... у-у-уфф...

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*вмешиваясь в решительный момент*). Люди, лели! Не видите, что ли, брешет он, горлопан этот Красного цвета. Давид жив, а где – пока что неведомо.

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ. От нас, из Белой Скифии, на Киев побрел.

ТОЛПА. А зачем? Зачем ему Киев?

КНЯЗЬ РЮРИК (*вставая*). Киев важен нам, с карпами дружим. Змиев вал собираемся рыть, ров такой – от моря до моря. От Янтарного Берега до Геллеспонта. Торговый путь от степи прикрывать, обезопасить надо, пусть карпы разливают свое вино, а мы – свое. Слышал, в Балте где-то создан союз городов – Ганзой называется. Датские города торговые, датские вошли, вступим и мы, если что...

ГОРЛОПАНЫ (*в один голос, луженые глотки*). Да что ты, князь, все про Данию нам да про датских варягов! У нас и своих тут варягов по горло. Только и знают, что шныряют по дорогам, торговых гостей проверяют. Уж по лельским селеньям пошли, грабят всех подчистую.

КНЯЗЬ РЮРИК (*Власию-тамаде*). Чего это они у тебя, горлопаны эти твои, распоясались? Поперек всего вече идут, супротив лелей (*обращаясь к толпе*). Так ли говорю, братья?

ВЕРХУШКА ТОЛПЫ (*нерешительно*). Да так-то оно так. Да чего-то не то. Кабы в торге не проторговаться.

ИЗ ПОНИЗОВЬЯ ТОЛПЫ. Шу-шу-шу. Вы-то что, тугая мошна, за всех глотку дерете?

ВЕРХУШКА ТОЛПЫ. Мы свои купцы, славенские, нам есть что терять, а вы молчите уж, голодранцы, голь перекатная.

И давай в морду друг другу, стенка на стенку, ломить кулаками в открытом бою.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*объясняя скифскому гостю*). Это для нас дело привычное, для лелей-то. Всегда на вече так, на закуску.

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ (*через толмача*). Увечья? Не давать спуску?

ВАСИЛИЙ-ТАМАДА (*через толмача*). Потасовка! Хоть в морду дам – любому, а хошь наземь лягу – полежу. Ногами пинать не станут – нельзя, закон такой. Пары спускают, пока не уморятся. А потом вместе пить станут, за медовуху возьмутся, свежие раны зализывать (*толмачу*). Переведи ему.

ТОЛМАЧ (*скифу*). Он сказал, что лель – хороший человек. Все.

Уставать стали лели в кулачном бою. Нет уже стенки на стенку, все больше бойцов лежат наземь. И тут новый взрыв воплей где-то с краю площади, от Соснового бора. Повскакивали лели: что это, интересно?

В ТОЛПЕ: А Тригорича ведут! Тригорича! Поймали жеребца этого... ведут под уздцы...

Видит собрание вечевое: и взаправду – Тригорич, морда в кровищи. И ведут варяга сынок Власия и с ним еще два молодца.

КНЯЗЬ РЮРИК (*хмурия брови*). И где взяли? Как такого битюга одолели!

СЫН ТАМАДЫ (*весело*). В капище. Под Велесом отсиживался.

В ТОЛПЕ. А кто ж тогда на коне-то мотается! (*И к Рюрику*). Кто же это всадник без головы? Давид, что ль, все ж таки, недруг твой, враг твой закоренелый?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*глядя на князя в недоуменщи*). Верно, где же тогда Давид?

КНЯЗЬ РЮРИК (*Тригоричу строго, делая тайный знак рукой*). Ну, и чего ты там... сидел под деревянным Велесом, что делал?

Толпа опять замерла. Зорко следят лели за каждым движением, каждым мускулом на лицах варягов.

В ТОЛПЕ. В рожу, в рожу ему! Пушай гласит перед вече, как на духу! Это он убил Коляду? Насмерть извел вешуна.

И вот в круг вече, к самой его середине, вступает ветхий, светлоликий старик. Это грамотей-летописец Нострагор-Остромысл.

ОСТРОМЫСЛ. Вмешался уж, так приходится. Молодцы эти (*указывая на молодых лелей*) схватили вот его (*указывая на Тригорича*), когда он приношение вешал на Перуна (*показывая янтарное ожерелье*). Поташили на вече сюда – убивать.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. На вече, дед, не убивают. Тута (*глядя на князя*) сражаются только Словом (*отводя взгляд от рож, в кровь побитых в кулачном бою*).

КНЯЗЬ РЮРИК (*поправляя Тамаду*). Да, старик, здесь не убивают.

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ (*приглядываясь к янтарному ожерелью*). Мое! Боги, ожерелье мое! Вот кто ограбил меня! Ты, разбойник! (*Хватая за горло Тригорича*.)

ТРИГОРИЧ (*отбиваясь от скифа*). Ну ты, тихо, скиф! Это моя профессия.

КНЯЗЬ РЮРИК (*скифу*). В чистом поле?

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ. Что?

КНЯЗЬ РЮРИК. Грабили.

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ. В чистом поле, в каком это чистом?

КНЯЗЬ РЮРИК. Ну, в низочке, у мостика.

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ (*недоуменно*). Ну да, у маленького моста.

КНЯЗЬ РЮРИК (*теперь уж презрительно*). Валяй туда, скиф. Хоть конно, хоть пеше. Завтра найдешь все, что взято. (*И глядя на всех*). Ну, надо же (*разведя руками*), им, значит, можно нас, славно, грабить, а нам, значит, их нельзя?

ОБА ГОРЛОПАНА (*во всю глотку*). Можно, можно! Как нельзя?!
КНЯЗЬ РЮРИК (*строго, пальчиком*). Ну-ну! Однако знать надо, братья, что когда где с кого и сколько, поняли?

Скифский вождь аж закрутился на месте и тут же сник, получив удар в шею.

ТОЛПА (*то молча, то неистовствуя*). Га-га-га... ги-ги-ги... мудрый наш князь, рыжая борода... что где с кого когда и сколько ... поняли или нет?..

КНЯЗЬ РЮРИК (*Тригоричу*). Тебя первого! (*На все вече*). И остальных тоже в школу пошлю. Учиться будешь считать и читать дощечки Велесовы! (*Острымыслу*). Тебе, дед, контингент набираю.

(И, уже уходя, крикнул обочь кому-то из челяди.)

Эй, эй, разгружай! Кати, верти бочки!

ГОРЛОПАНЫ (*в один голос*). Эх, пить будем! Да гулять будем! Эх, да князя своего прославлять будем! (*замечая Скифского вождя, все еще стоящего в недоумении*). А после школы мы волосы у тебя из бороды будем дергать, все пересчитаем, понял, скиф, все твои денежки?

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ (*убираясь поскорее отсюда*). Стихия, стихия какая – помесь леса со степью.

А князь Рюрик уже отводил с глаз долой, куда подальше, Тригорича.

КНЯЗЬ РЮРИК (*остановясь у трех сосен, где обычно отдыхает его рыжий со всадником без головы*). Ну!

ТРИГОРИЧ (*опустив голову*). Что ну?

КНЯЗЬ РЮРИК (*строго*). Говори.

ТРИГОРИЧ. Сделал, как ты сказал.

КНЯЗЬ РЮРИК. Я тебе ничего не говорил, а ты ничего не слышал.

ТРИГОРИЧ. Понял, князь.

КНЯЗЬ РЮРИК. Эх, да зачем только его на коня-то мово усадил!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Славен. Княжеские покои. Рюрик в своей опочивальне.

КНЯЗЬ РЮРИК. Три дня и три ночи не выхожу. Днем обмышляю перипетии, путь Славена, Славенской Роси, лелей и викингов. И свою судьбу! А ночами ко мне приходит Заура. Вот и сейчас должна уж прийти, а все нет.

Вкрадчиво, как пантера какая-нибудь, появляется Заура – девушка из лелей. Ложится на привычное место – с князем, к стене.

ЗАУРА (*обнимая Рюрика*). Старый уж, на ночь тебя не хватает.

КНЯЗЬ РЮРИК. А кто молодой?

ЗАУРА. Тригорич опять вчера домогался. Говорит, все для тебя сделаю. Даже Волхов вспять поверну, хочешь – князем стану?

КНЯЗЬ РЮРИК (*насторожась*). Князем? И чьим же?

ЗАУРА. А там у них, лелей. Вместо Давида.

КНЯЗЬ РЮРИК. А нас с Давидом куда?

Тишина. Молчит Заура. Светает уже, за окном кукует кукушка.

ЗАУРА. Мало, князь, пять раз всего прокуковала.

КНЯЗЬ РЮРИК. Врет кукушка твоя, врут все ваши боги – все лели, Тригорич тоже. А кукушка колосом подавилась, все, откуковала.

ЗАУРА. Тригорич не врет, сказал – сделал.

КНЯЗЬ РЮРИК. Что сделал?

ЗАУРА. Не знаю. Жду ребеночка, а от кого?

КНЯЗЬ РЮРИК (*нахмурясь*). От кого же еще?

ЗАУРА. Наверно, от Перуна. Вот, смотри, что он подарил.

КНЯЗЬ РЮРИК. Перун?

ЗАУРА. Тригорич.

(Показывает янтарную брошь, похожую на жука.)

ЗАУРА. А остальное отняли.

КНЯЗЬ РЮРИК. Кто?!

ЗАУРА (*глядя ему прямо в глаза*). Ты! Люди твои!

КНЯЗЬ РЮРИК (*вскакивая*). Уходи! Уходи к молодому, который может с тобой ночи все напролет.

Заура исчезает, Рюрик остается один.

КНЯЗЬ РЮРИК (*в дверь*). Эй, коня мне! Моего вороного! И меч обоюдоострый!

Опясавшись мечом, Рюрик выходит из опочивальни. Голоса вслед ему: "И куда чуть свет, на вороного коня прямо с крыльца!" То же чистое поле. Тот же мостик – разбойное место. Рюрик кладет коня в траву, присаживается на корточки перед ним. Наконец, показывается скиф, тот самый – Скифский вождь. С вечера еще под хмельком, под нос себе мурлычет песенку. К седлу приторочена торба. Испытанным воровским приемом – сзади локтем под горло, Рюрик валит скифа с коня. Скиф оказывается под ним. Удар молнии, скиф видит Рюрика лицом в лицо прямо перед собой.

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ (*в ужасе*). Ты?! Князь?!

Рюрик молча всаживает в горло ему кинжал. Открывает торбу, роется в ней, что-то перекладывает себе из нее. Сажает мертвого скифа на коня, привязывает к седлу и камчой по крупу: лети в свою Скифию, добрый конь!

Княжеские покои. Опочивальня. Рюрик, лежа в постели, ждет Зауру.

КНЯЗЬ РЮРИК. Опять ты, пантера, тенью скользнула, сзади, по-воровски.

ЗАУРА (*отвернувшись*). Боюсь, князь, тебя. Не такой ты сегодня.

КНЯЗЬ РЮРИК. Колдунья. Да такой я, такой! Вот!

Достаёт из кармана тяжелое янтарное ожерелье, которое на вече Тригорич возвращал его хозяину – Скифскому вождю. Одевает ожерелье на шею Зауре.

ЗАУРА (*ахнув*). Какое красивое! (*И тут же, пугаясь*). Где взяло?

КНЯЗЬ РЮРИК. А где и тот, молодой. Ну, где все варяги берут!

ЗАУРА (*срывая с себя ожерелье*). Не надо мне! Мне ничего от тебя не надо!

КНЯЗЬ РЮРИК. Не видишь, что ли? То же самое. Скиф подарил на прощанье. Князьям дарят такие подарки. А князья дарят потом, кому захотят.

Заура надевает янтарное ожерелье на шею, любителю им, разглядывает себя. Вдохи и выдохи оглашают княжеские покои.

КНЯЗЬ РЮРИК (*отстраняя Зауру*). Уходи. Уходи, уходи!

Рюрик остается один.

КНЯЗЬ РЮРИК (*в сторону, внутренним голосом*). “Успокойся же, сам-то хоть не трепещи! Кто видел, кроме скифа, а скифа уж нет. И скачет сейчас конь его по степи, а степь-то широкая, вольная, сколько народов ходит, сколько варягов. И все любят шарить по чужим карманам, по чужим дорогам, чужим городам. Всем надо есть и пить, все любят красивое и дорогое... Да, но не князьям же делать это, да еще сидящим на княжении! Ватажники, князья-ватажники, это они так зовут себя – “конежи – князи”. А сами ведь знают, кто они и зачем? Сколько, с кем, когда, куда и зачем, для кого?”

Вбегают слуги.

ПЕРВЫЙ СЛУГА (*взволнованно*). Скифа поймали только что в поле. Вождя скифского зарезали, гостя!

ВТОРОЙ СЛУГА. Наша дружина ехала из Киева и наткнулась, скифа мертвого привезли.

КНЯЗЬ РЮРИК (*махнув рукой, не поднимаясь с постели*). Пусть отправят скифа за Волхов, к Сосновому бору поближе, к Пути “из варяг в греки”, где орудуют банды. А нам и так тут хватает всякого.

Слуги уходят. Рюрик снова один.

КНЯЗЬ РЮРИК (*в сторону, продолжая*). Дыхнуть не дают! Не жизнь, а скачка сплошная, лава конная все тебя накрывает своим топотом, свистом. То яду в ухо тебе вливает собственный брат, а то гостей твоих сами режут где-то в поле, а все думают на тебя. Концы, во всяком случае, со мной вяжут во времени и пространстве. Я им покажу! Всем, кто так только может подумать! Пусть лели живут в наивности веры своей Перуновой в высшую власть, в князей своих. Уже то хорошо, что белые флаги с красными в одно я им составил, избежали большого кровопролития, тяжелой братской войны.

А это что? Подумаешь, зарезали скифа! Всего одного. Да у нас от мора да глада за год тысячи мрут, и Перун терпит все это, князю не помогает. Скоро половина дружины останется совсем без коней – конину по чанам распихали, мясом поели.

И только тут замечает кровь у себя снизу на животе.

КНЯЗЬ РЮРИК (*поморщась от боли*). Негодяй! Успел-таки пырнуть в последний момент. Такая-то участь правителей: князей-конунгов, царей-королей. Ты их лелей, корми, пои да еще и развлекай на вече, торговых гостей зазывай, а они где-нибудь в темном углу пырнут тебя и – концы в воду.

Коварство и любовь.

Братья-разбойники.

Бедный, бедный Рюрик.

Надо молодого леля – сына Власия – поощрять, пусть всерьез займется этим Тригоричем.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Княжеская хоромина. Все та же опочивальня. Рюрик лежит на ложе перевязанный. Перед ним щит и меч. И еще десять ночей и дней пребывал князь в уединении, на постели. И вернулось все к нему, что когда-то вошло, выгрызло всего изнутри.

КНЯЗЬ РЮРИК (*в сторону, про себя*). Опять закружило, Земля вокруг тебя завертелась, валькирии взмыкались, полетели Керры черные – души умерших. А вот на третью ночь явилась и сама королева Гертруда – этот “город-призрак”, “красный, горящий во мгле”. Чур, Гертруда, чур тебя! Зачем ты приходишь сюда ко мне из минувшего? К Зауре ревнуешь – к этой девушке льельской, белокурой, с голубыми глазами?

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. Не хочу, чтобы ты с ней встречался.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ты убила меня, влила в ухо мне яду змеиного, когда я спал, как в раю, в цветущем саду. И ты же теперь ревнуешь.

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. Влила, потому что любила. Не хотела, чтобы это сделал твой брат Клавдий. Слабым был ты, конунг, не мог огрადить меня от тайных притязаний, не мог быть со мной всю ночь, а Клавдий – мог. Бросал свои палочки, ты же их только считал.

КНЯЗЬ РЮРИК. Двадцать лет Пенелопа ждала своего Одиссея. И дождалась. А Одиссей – это ж я назад, через годы-периоды, он мой “двойник”.

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. Так, через века по периодам захотелось даже не автору, жизнь уже стала другой. Шекспир просто на мне отыгрался за все человечество, жертва я, женщина, потерявшая власть над собой. Я слабой оказалась, как ты, а автор сильнее меня, он – философ.

КНЯЗЬ РЮРИК. Бедный, бедный Юрик! Это он заплатил за все твои и свои слабости жизнью. Такова участь придворных – платить за господ. В кругу королей быть опасно, круг тебя вовлечет и обманет. Нострадамуса знаешь? Видел монах все наперед, жил сразу в трех измерениях... Впрочем, откуда же знать тебе, ты же не правящая мать-королева, чтобы предвидеть. Что будет с нами от того, что они затевают... Итак, год такой будет, а для кого-то он уже был – 1555-й н.э., новой эры. Что для одних будущее, то для других уж минувшее, так в цепочке времен. В том году в Белой Скифии сколоты разбили степняков, решили свою участь, судьбу-судьбинушку. А во Франции монах Нострадамус озарился видением будущего, был взят во дворец королем и умер в интригах. То же самое будет потом в России с другим монахом – царедворцем...

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ (*перебивая*). Какой же ты зануда! И таким был всегда. Все про оракулов, времена и пространства. А я просто женщина, земной человек. Мне балы нужны, платья, обожатели. И Клавдий был земным человеком.

КНЯЗЬ РЮРИК. И что же, с ним ты стала счастливее? Меня отравила, сына сделала глубоко несчастным, разбитым, раздавленным жизнью, жалким.

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. Я не была оракулом, жила одним днем, как и все. А Гамлет умен и честен, и справедлив.

КНЯЗЬ РЮРИК (*горько*). А Пенелопа предвидела.

ГОЛОС ГЕРТРУДЫ (*явственно, четко*). Пенелопа просто жила, а я мучалась.

Юрик даже голову втягивает в себя, на дверь глядит: вот-вот войдет ли?

КНЯЗЬ РЮРИК (*Гертруде*). Прямо-таки живая.

Тень скользнула мимо.

Сейчас, сию минуту войдешь ты, живая! Гертруда!

А это облако над княжим окном проплыло тенью, окно прикрыло.

И это ты, Гертруда, сияя,ходишь в мою опочивальню?

Ах, это ты, Заура, с длинными своими до пят волосами! Смотри-ка, опять они, как и прежде, белокуры, солнечны, сиятельны, а не змеи – черны, перекрашены, ты вернула свой цвет?

КНЯЗЬ РЮРИК (*припадая к груди*). А где ожерелье?

ЗАУРА (*улыбаясь*). А вот.

И одевает свои янтари – подарок князя. И стоит, сияя ярче Солнца, в своих янтарях, ярче тысячи Солнц.

КНЯЗЬ РЮРИК. Молодая, красивая!

ЗАУРА (*ложась рядом, на привычное место*). Ну что, Гертруду изображать?

КНЯЗЬ РЮРИК (*закрывая глаза*). Колдунья, вещунья.

ЗАУРА (*встает, раскратив по плечам золотистые волосы, длиной аж до Янтарного Берега, до датчан и норвегов*). От красивых слов родятся красивые дети.

И валит Рюрик ее под себя. Так, чтоб взгляд ее сияющий оказался ниже, где-то под ним, и целует.

КНЯЗЬ РЮРИК. О божественная, молодая Заура! Это мы с тобой пустим по белому свету детей, создадим свою славянско-норманнскую династию Рюриковичей, утвердим свою белую, белую Русь!

ЗАУРА (*смеясь*). Ну ложись, ложись на меня, будь моим.

КНЯЗЬ РЮРИК. О, женщины! Коварство и любовь. Без нужды не вынимать...

В самый разгар борьбы с Заурой на стене напротив опять возникает видение, слышится голос.

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. У тебя родится сын от неё.

КНЯЗЬ РЮРИК. Один?

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. И как ты его назовешь?

КНЯЗЬ РЮРИК. Кого?

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. Сына своего от Зауры.

КНЯЗЬ РЮРИК (*через паузу*). Летигам.

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ. Странно, долго не проживет. И ещё двух сыновей родишь от других женщин, вот они-то и создадут династию.

Заура высвобождается из объятий, садится в ногах у князя.

ЗАУРА (*Рюрику*). С кем это ты разговариваешь? Кто это?

Призрак исчезает, стена опять становится темной.

КНЯЗЬ РЮРИК. Никто.

ПРИЗРАК ГЕРТРУДЫ (*возникая опять и уже без стеснения*).
С двумя бабами живешь, а все один сидишь, без княгини?

КНЯЗЬ РЮРИК (*глядя шелковистую кожу Зауры*). Я для него детинец построю. Отдельно (*перебирая длинные золотистые пряди*). Нет, лучше пристрою к хороминам княжеским, к себе поближе, так будет вернее.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же, опочивальня. Рюрик все еще на ложе своем. Появляется Власий-Тамада, за ним – крестьянский сын Кожемяко, лели – вольные граждане Славена.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*склонясь над Рюриком*). Подымайся, князь! Хватит валяться, предаваться лени! Скифы царские прут видимо-невидимо, степи целые, полчища. Славен уже обкладывают. Вставай, князь! Для чего сажали тебя, военного человека?

КНЯЗЬ РЮРИК. А Кожемяко на что? Пусть выйдет к ним, шкуру воловью рванет, может быть, и отступят, уйдут в другие земли.

КОЖЕМЯКО (*переминаясь*). Уж выходил, рвал шкуру-то, гром и молния.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ну и что?

КОЖЕМЯКО. А они вывели такого же, мне под стать.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Свово богатыря, Черного, с тучу. Тот подсел под мово коня да и понес на шее. Донес до самого Волхова и сбросил прямо в Волхов.

КНЯЗЬ РЮРИК (*гневно, приподнимаясь на локте*). Кто позволил! Сарталета мово подставлять под кого-то?!

ЛЕЛИ (*загудев, кланяясь*). Они сами поймали его, степняки же, всадника без головы. Видишь, уже не мотается... Идет степь по лельским селениям, грабят степняки, жгут нас, девок бесчестят... Вставай, князь, не держи обиды...

КОЖЕМЯКО. Вставай, подмогни уж.

ЛЕЛИ (*в один голос*). Встань, постой за Славен, лельскую Рось – за белую и за красную. После будем-то разбираться.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Говорят, Давида видели с ними, этого басурмана.

КНЯЗЬ РЮРИК (*вскакивая*). Я ж говорил! Каким он князем будет, басурман этакий! Рось продавать за ярлык, лелей своих предавать. Коня мне мово вороного! Дай на рожу его хоть погляжу, на поганца проклятого!

(Опясывается мечом, берет в руки камчу.)

(Первому воину). Все, оборону держим. Запереть ворота. Старую дружину к Сосновому бору, в тыл степи. *(Второму воину – Дружиннику)*. Рассыпь Молодую дружину по Волхову, с берега чтоб не зашли.

А ты, Власий, народ поднимай! Созывай ополченцев! Ров досыпать, вар варить... *(И сверкнув глазами, всем лелям)*. А вы, лели, на коней да по поселеньям. Скачите, чтоб все до единого хоть с камнями, хоть с копьями. Чтобы земля горела у них под ногами!

(Опираясь на меч свой испытанный.)

ТАМАДА. Ржу долой с мечей, по кузням оружие ковать, коням гривы резать, в битве гривы не нужны, мешают.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Давно бы так! А то пока гром не грянет, лель не...

КНЯЗЬ РЮРИК *(перебивая)*. А я к купцам своим и ганзейским. Как раз гостят тут у нас из Ганзы. Пусть денег дают, а то и до них красный петух доберется.

Лели, шапки оземь, ногами топчут.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Лихо, лихо, князь! Гляди, хмарь-то сошла, лики даже разулыбались.

СЫН ВЛАСИЯ-МОЛОДОЙ ТАМАДЕНОК. А я? А мне, князь, куда?

КНЯЗЬ РЮРИК *(задержавшись)*. Тебе? А ты в капище! К богам – к Перуну и Велесу. За Коляду будешь. Идолов, какие трухлявые, подновишь, доски деду поможешь долбить, многому чему у Остромысла научишься.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. А с Тригоричем как? Ведь на капище где-то скрывается, у Перуна.

КНЯЗЬ РЮРИК. И с Тригоричем мы потом.

Бегут воины с вала: “Скифы, скифы! Послы ихние под белым стягом!”

КНЯЗЬ РЮРИК. Встретить, за стол посадить, угостить, как следует. А мы пока вот с ним *(показывая на Власия-Тамаду)*, тут маленько пошурупим, пораскинем мозгами.

Князь Рюрик отводит тамаду в сторону, что-то шепчет ему. Тот кивает, смеется и хлоп себя по коленке: “Так оно, так-перетак!” И бежать скорее – выполнять, что сказано князем.

Перетаскивают трон во двор и тут же напротив колодезя ставят. Чаны выставляют из-под каши, когда варят для вече – разом по три телеги.

КНЯЗЬ РЮРИК *(усаживаясь на троне)*. Давай сюда их, пушай идут!

Входят три скифа, потом еще три, дожевывая пищу аж от самых ворот.

СТАРШИЙ СКИФ *(нагло)*. Вы нашего вождя убили, власть у Давида забрали! Все отдайте или сами возьмем!

КНЯЗЬ РЮРИК *(показывая им фигуру из трех пальцев)*. Первое – вождя вашего Давид убил. Второе – нам свое и самим нужно.

А на третье – вот, глядите... мы готовы осаду держать, вечно. Вал неприступен, а еды и питья – навалом, сколько хошь, смотрите! (*кивнув Власию-Тамаде*).

Тамада дает команду и из чана тащат чугуны с гречневой кашей. Самовар, сама каша варится, чаны без берегов, шириной до Черного моря.

Глянули скифы: верно, если уж не до Черного моря, то вкусно-та, вкуснотища, это уж точно.

Тамада дает команду, и из колодца ведро достается с сурьей-медовухой.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. А этого добра у нас еще больше. Колодец соединяется с Волховом, а Волхов течет в обе стороны – и в Черное, и в Балтийское море. Называется Путь “из варяг в греки”. Вот, отведай за столом.

Попробовали скифы и песню было затянули про Черное море – Белый пароход, да князь не велел петь далее, с продолжением. Пусть обратно идут, своим все рассказывают.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Так что вы, господа скифы, там посидите под валом, а мы, граждане, будем пить, есть, гулять по подвалам. А вам, скифам, еще и хвост подпалим.

КНЯЗЬ РЮРИК (*похвалив Власия*). А за то, как тот все это излагал, – пиктографическое письмо называется. Как из трагедии можно ломать комедию. Вот, гляди, с самими горячими воспоминаньями. Возьмем и руками помашем, а так мы вас приглашаем, когда вам опять есть, пить захочется.

И после ухода послов опять сидит Рюрик, нахохлясь. Полетели Керры – души усопших, лишь одно в мыслях пятнышко и осталось: Одиссей, друг его и двойник, опять возникает, разбивая его как бы напополам.

ОДИССЕЙ (*ему явственно этак, на ухо*). Байки все это, сказки. Слыхано-переслыхано.

РЮРИК. А, бывает, срабатывает. Забывают ведь люди минувшее.

И вот князь Рюрик собирает купцов Славена, лелей богатых: давайте учтем, сколько еды, питья в городе, а сколько ртов пустых? Отвечают: что, не знаешь что ль? Мор уже пошел, всюду болезни всякие. А сейчас так и вовсе – подвоза никакого, Путь “из варяг в греки” совсем закрыт.

Вот князь и сидит, думу думает до помрачения. То в потолок глядит, то – в какую сторону скифы двинутся? На вал сюда или мимо пойдут, на другие земли?

* * *

Промучась, Рюрик едва уснул в своей опочивальне, как вбегает Дружинник.

МОЛОДОЙ ЛЕЛЬ (*тряся Рюрика*). Князь, князь! Скифы уходят!
КНЯЗЬ РЮРИК (*вскочив*). Слышу, слышу! Телеги скифские скрипят уже по степи. Лес шумит, река играет, а телеги скрипят!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Берег Волхова, тихая заводь. Славен отсюда, как на ладони. Рюрик сидит, опустив прутик в воду.

КНЯЗЬ РЮРИК (*размышляя*). “Все течет, все изменяется. Одно неизменно у конунгов: власть держат не только силой, но и мнением народным. А лелей, дружины кормить надо. Вон как поднялись за князя, за свой Славен! Это когда припекло. А до моря, глаза-хлада надо было не допускать”.

Рюрик крутит ивовым прутиком, пытаясь мутить Волхов, но вода все также текуча, чиста.

КНЯЗЬ РЮРИК. “Так и народ в своих мнениях всегда прав, его интересы шире, глубже интересов кучки. Мошна тугая – это еще не вся правда, истина там, где лели, им еще жить да жить, рождая хотя бы мысль о Бессмертии... Так что же – быть или не быть? Об этом знает только Перун, да сам-то бессмертен ли? Сколько их, деревянных идов, в капище, по погостам, даже по дворам у лелей, и только у него в покоях никого – ни Перуна, ни Велеса. Что у вас с Одиссеем – боги, что ли, другие? Перуны следят с неба, а восходят туда от людей, зависимы от тех мест, где живут. Боги стали что-то уж очень старенькие, потускнели как-то, нужны новые, приспособленные, помогающие.

Одиссеей попал сюда к нам оттого, что недоволен богами, искал успокоение где-то, свои боги не давали Одиссею Бессмертия. В капище надо сходить, спросить главного Перуна, что про это он в мыслях-то держит? Жаль, Коляды нет. Старый ведун бы что-то сказал, много чего за жизнь свою накопил.

Теперь на его месте молодой лель – Тамаденок, сын Власия. Эх, да что там молодые-то знают, ведают из вешего, недоступного! Недаром Тригорич то в капище, около ведуна, а то возле Давида. В князя, видать, собирается, дружины водить и лелей, мысли всякие нарабатывает. А со мной, князем, в игры играл... сопляк... Ладно, а мы его, в самом деле, на Тамаденка и переключим, из Тамаденка ему соперника сделаем. Тот его доконает, время за ним. Силы его прибывать будут, а того убывать... Перун-то уже не справляется, молодые служки богу нужны.

Капище. Нострагор на пне у светлицы шалашиком долбит свое, нескончаемое в “Велесовой книге”. Тамаденок хлопочет у пчелиных колодин. Появляется князь Рюрик. Оглядев поляну, подходит к одноглазому Перуну.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ну, здорово, старый пень! Глуховат стал, совсем стал трухлявый? Мало, что глаза нет, так еще и нос восковой, еще Колядой прилеплен. Не видишь, не чуешь, как с того боку, где глаза нет, я к тебе подобрался. Скоро по речке поплывешь, бросят в воду тебя, гробину! Мух не топчешь, заветы не претворяешь.

ТАМАДЕНОК (*подходя сзади*). Слышу голос и думаю: кто бы это? А это ты, княже.

КНЯЗЬ РЮРИК. Не люблю, когда сзади, со спины.

ТАМАДЕНОК. Воровская привычка, мы, лели, тоже варяги.

КНЯЗЬ РЮРИК. Кто варяг? Кто тоже?

ТАМАДЕНОК (*почуяв перемену в тоне*). Нет, ты князь, не варяг, ты теперь по дорогам не шастаешь. Это мы с отцом еще ходим с ватажкой, проверяем челны.

КНЯЗЬ РЮРИК. Слышал, небось? Это я уже запретил. Категорически!

ТАМАДЕНОК (*пожимая плечами*). А чем жить-то, где брать?

КНЯЗЬ РЮРИК (*усмехнувшись*). Перунов будешь новых делать, идолов деревянных, и продавать. В Ганзу посылать будем, Тригорича видел?

ТАМАДЕНОК. Где-то в дебрях. Приходит иногда то к Перуну, а то к Остромыслу.

КНЯЗЬ РЮРИК. Брось ты этого идола, трухляв (*пиная старого Перуна*), по Волхову пусть плывет. А ты нового сделай, на меня похожего.

ТАМАДЕНОК. Скажешь тоже, что же, князь, стоять будешь тут за Перуна?

КНЯЗЬ РЮРИК. Больше догляда будет, Тригорич перестанет ходить.

ТАМАДЕНОК. А лели че скажут?

КНЯЗЬ РЮРИК. Что лели? Лели привыкнут. Ты побольше их сделай – кумиров-то. Разберут по погостам, лели будут по богам разделяться – по новым Перунам и по старым. А веры одной и лики одни – старые Перуны. Ты тоже молодой при капище, боги молодые, но все Перуны. А потом и кумирню всю обновишь. Идолов понаделай – что раздашь, что продашь, вот и деньги вам с Остромыслом. Кумиров тоже ведь надо кормить... Ну ладно, иди. Мы тут один на один с главным-то поболтаем. Как он тут против князя ничего не возражает? Лик смени ему, пьедестал, чтобы крепче стоял, с лелями лучше справлялся.

Тамада уходит. Рюрик остается один.

“Ну что, Перун? С чем лели идут к тебе, что несут, что поведывают? Какие горести, чтобы что-нибудь выпросить? Ну, ты прямо князь! У меня просят и меня же за все мое хорошее и кастрюлей... Ах, чтоб верили не мне, а в меня, говоришь? Так даже лучше.

А Тригорич к тебе когда приходил? Ходит? И что говорит? Молчишь, старый пень! У тебя еще и язык, что ли, вырван, чтобы ты тут молчал, когда князь с тобой разговаривает? Ну молчи, молчи,

а ведь князь Слова ждет, лели ждут, нам твое Слово нужно. Вон гляди, как Нострагор долбит клинья, доски отлетают одна за другой. Ах, ты за смысл? Ну да, ты разгадывать не умеешь, то есть знаки читать. Деньги считать, какие лели тебе приносят, а это мы можем. А вот Слова Острогоровы – нет. Я тебя тоже скоро учиться направлю – в школу, в Славене открываем, будем учить детей читать и писать на бересте, так попроще. Мы тебя там, старый Перун, в угол поставим, а тут нового взгромоздим. И пусть смотрят и выбирают: как надо и как не надо, что плохо, а что хорошо.

Дед, Велеса не обижай – бога скотъего! Люди любят его, он же из кравенцев, от священных коров. Лели, как все росы, – кравенцы. Издревле по небу ходите по Млечному Пути, пьете молоко от священных коров...”

ТАМАДЕНОК (*подходя к Рюрику*). Эй, князь!

КНЯЗЬ РЮРИК. Опять сзади?

Молодой ведун ставит перед князем поднос с глыбами истекающе изжелта-белого янтарного меду.

МОЛОДОЙ ВЕДУН. И что будем пить?

КНЯЗЬ РЮРИК (*на Перуна*). Вон кто пил сурью с Колядой. И допил, что нос отвалился. А я мужик простой, нам взварок подавай – душистый настой. Да с медком твоим янтароточимым.

МОЛОДЙ ВЕДУН (*отгоняя пчелу над Рюриком*). Князь, не лицемерь! Вот негодяйка! Сказал же ей, посиди, пока князь тут чайку попьет.

КНЯЗЬ РЮРИК. А где она у тебя должна посидеть, пчела-то?

МОЛОДОЙ ВЕДУН. Да вон в спине у Перуна, в этой колодине. Гнездо себе там пчелы свили. Кормят нас с Остромыслом.

И Нострагор-Остромысл выбил в тот же день на дощечках новые клинья: “И был на капище князь Рюрик. Ругал Перуна, всю кумирню. И когда пил из ведра, так медовухи набрался, что пчела укусила князя. Лели так не кусают, умный народ”.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Десять лет спустя. Славен. Княжеские покои. В тронном зале восседает князь Рюрик. С ним – вся свита, весь двор. Знать славянская: норманны-дружинники, богатые лели – купцы.

КНЯЗЬ РЮРИК (*не поднимаясь с трона, говоря норманнам-викингам*). Опять вы, братки, почистили греков, греческий караван?

И закрывает глаза. И все происходит в нем как бы во сне и в то же время как наяву – в настоящем и будущем времени.

ПЕРВЫЙ ВОИН (*вставая перед всеми*). Да что ты, князь. Так, пошалили чуть-чуть ребята, только карманы всего и проверили. Смех один, взяли – в горсти унесешь.

КНЯЗЬ РЮРИК. В горсти! Горстью можно весь Путь “из варяг в греки” вычерпать, ничего не останется. Гости жалуются. Вы это старую хватку бросьте, когда еще сказано было: берем за проход, что же с них по три шкуры драть?

ПЕРВЫЙ ВОИН. И кто ж, интересно, жалуется? Мы таких на дно провожаем, рыбу ловить.

КНЯЗЬ РЮРИК. Братья-разбойники! Варяги! Славену славу варяжскую не создавайте, хватит! Кто челобитничает? Сейчас очную ставку сделаем (*Власию-Тамаде*). Позвать сюда вчерашних греков! Нет, лучше норманнов, норманнских гостей, заодно и тех и этих проверим.

Входят ганзейские торговые гости.

КНЯЗЬ РЮРИК (*Первому воину*). Во! Видишь, как морды им твои ребята почистили? (*И купцам*). На что челом бьете, ребята, жалуетесь на кого?

НОРМАННСКИЕ ГОСТИ. Да кто жалуется! Мы и не жалуемся. Это мы “чайники” -то сами себе начистили. Берегом плыли, о ракиты цеплялись.

КНЯЗЬ РЮРИК. “Чайники”! У нас так не говорят про гостей, уважаем. Не “чайники”, а лики, рожи подрали, сами себе начистили.

НОРМАННСКИЕ ГОСТИ. Да лики мы сами себе о ракиты начистили, что же варяги твои драть нас, что ли, будут? Привет с родины мы привезли, земляки-братья, все же, тоже норманны.

МОЛОДОЙ ТАМАДЕНОК (*ныне главный на капище, Первый ведун, гневаясь*). Лики! Какие же это лики? Тоже рожи разбойные! Лики на капище, у богов.

КНЯЗЬ РЮРИК. А ты, Тамаденок, молчи, не встречай! Я с тебя еще испрошу, почему это лики вы там, у себя на капище, делаете похожими на Тригорича?

ПЕРВЫЙ ВЕДУН. Так получается. Рука сама творит, что глаз кажет. А Тригорич живет в других землях, капище не посещает.

КНЯЗЬ РЮРИК. По погостам Перуны и Велесы расставлены – да, но на Тригорича все похожи.

ПЕРВЫЙ ВЕДУН. На тебя, князь, на тебя похожи. Ну, может, самую малость смахивают на Давида. Это какие Остромысл творит, мне помогая. Старый ум, рука на Давида набита, тот же был когда-то начальником погоста. Так дед внизу под божками-то клинья ставит, а тебя называет, сплошь на всех одно твое имя пишет.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ага, значит мордой, ликом то есть, все похожи на Давида, а клинья ставите, что это я?

ВЕДУН-ТАМАДЕНОК. А что лучше – может, наоборот?

КНЯЗЬ РЮРИК. Как наоборот?

ВЕДУН. Ну мордой... ликом, чтобы ты был, князь. Чтобы ликом был похож на тебя, а клинья – что это Давид? Так, да?

КНЯЗЬ РЮРИК (*махнув рукой*). Да шут с тобой! Твори, созидай, но чтоб лики везде по погостам стояли. В каждой дыре!.. Так, переходим к главному вопросу: снабжение лелей рыбой, гречкой. И прочими колониальными товарами. В общем, едой. Чтоб народ у нас был справный, а не вымирал. А то, как приспичит, с кем в бой пойдете, товарищи? Кто у нас по этому поводу? Ты, Власий? Ты еще Тамада, или уже освобожден от занимаемой должности?

ВЛАСИЙ. Пока вече держит, еще тамадим. А рыбка плавает по дну, не поймаешь не одну. Так на одной берестине прочитал.

КНЯЗЬ РЮРИК. Во ! Читать уже научился? А как народ у тебя? Считать, особо деньги, – это мы хорошо. А как читать – отвратительно. Особенно клинья под ликами путают.

ВЛАСИЙ. Так не к нам претензия, к Ведуну.

КНЯЗЬ РЮРИК. Разъясняйте! Для чего тебя там и тут держим. На вече и при дворе – сразу на двух должностях. Возами рыбу по народу возите, где хочешь, бери. Но Волхов не тронь, и так весь выловлен вдребезги. Проеду по точкам – проверю...

ВЛАСИЙ (*жалуясь*). Узкое место, князь: чиновники врут беспощадно.

КНЯЗЬ РЮРИК (*вставая с трона и протирая глаза*). А само кто?!

(И в сторону про себя.)

“О боги! Какая картина привиделась только что. Как будто и тут я, и в будущем сразу обеими ногами, просто ужас!” “Засилье чиновников – узкое место” (*И в зал свите*). Это Перуна проделки? Или Велеса? С кого спрашивать? Чё ты сказал?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*угодливо*). В животе, князь, бурчит у тебя. Я только что слышал.

КНЯЗЬ РЮРИК. Рыбу, какую греки привезли, развези по карманам, самым бедным. Гречку, какую отняли у викингов, тоже ничего себе, половину раздайте, а половину обратно гостям, сколько останется.

ПЕРВЫЙ ВОИН. Так уж съели все, обе половины зараз, все вместе.

Рюрик приостанавливается: что это?

Голос откуда-то сверху (так явственно). “Критическая масса, как водородная бомба”.

КНЯЗЬ РЮРИК (*тихо, в сторону*). “Кто это сказал”? (*И громко вслух*). От кого это слышу – и про какую это “водородную бомбу”?

И тут весь двор загудел, вся свита, стоят шушукуются, переталкиваются.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*озвучивая*). Может, ты, князь, нездоров? Перегрелся в заботах? О дружбе народов.

КНЯЗЬ РЮРИК (*глядя бессмысленно в зал*). Это у кого же с кем?

ВТОРОЙ ВОИН. Это он про норманнов и лелей и ... и...

ПЕРВЫЙ ВОИН. И греков. Что – до трех считать разучился?

КНЯЗЬ РЮРИК. Бедный, бедный Йорик, и куда же тебя занесло? В какие дебри попал ты? Какие лики кругом – одни морды и рожи...

А сверху ему опять-таки: “Физиономии, князь, надо говорить фи-зио-номии”.

КНЯЗЬ РЮРИК (*приподнимаясь на цыпочках, повыше к голосу*). Физиономии?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*угодливо*). Физиономии – это в Дании?

КНЯЗЬ РЮРИК (*напрягаясь*). Дай вспомнить... Ну да, в Дании. Где Гамлет – мой сын. Там в ухо тайно вливают яды, теперь всему миру известно... А спецназ – это на Руси, только для избранных, кто князю не нравится... Одиссей воблы вяленой мне не присылал?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Слушай, князь, ты устал, путаешь времена.

ПЕРВЫЙ ВОИН. И главное – стили, стили!

ТАМАДЕНОК, ОН ЖЕ ПЕРВЫЙ ВЕДУН. Так надо. У идолов это допускается. А его истуканы (*показывая на Рюрика*) всюду теперь по погостам. В каждой дырке, даже по детским библиотекам.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*настойчиво*). Может, князь, сойти тебе с трапа? Пойти прилечь, перемогнуться?

КНЯЗЬ РЮРИК (*хрипя горлом и клокоча, вцепившись руками в трон, не отдерешь*). Нет-нет, я не уйду! Ни за что! Никогда! Не для того мы брали (*а в ухо все шепчут ему откуда-то сверху: “Скипидар”*)... я брал, я брал (*наконец выговаривает*)... Я брал “забрало”... Что забрало, кого забрало, куда забрало? – вот в чем вопрос. Так быть или не быть? Есть Бессмертие или нет? Понаучились по школам, слова новые вставляете в старые времена. Одиссей мне воблы оттудова не присылал?

ВЛАСИЙ (*угодливо*). Поднимайся, поднимайся, князь (*ведя его под руку*). А мы пошли.. мы пошли... топ-топ, в люлю, и в люлю – в постельку... полежи, и все пройдет...

КНЯЗЬ РЮРИК (*выговаривая усиленно, четко*). Мы с тобой лежать не будем, я лежать буду один, отдельно. Только где именно? – вот в чем вопрос, на Ваганьковском ли, на Новодевичьем?

ЛЕЛИ, КУПЦЫ ЛЕЛЬСКИЕ ИЗ СВИТЫ. Да кровь же, кровь пустите ему! Поставьте пивок!

НОРМАННЫ (*держа руку при свечах и сплачиваясь*). Скорее вам всем тут пустим кровь, всем тут хана, пьяные морды. Вон откуда за-силые бюрократии!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Там же. Княжеская свита, челядь сразу, после Рюрика "исхода", приступа, хватившего князя.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*успокаивая закипевшие страсти*). Ну бывает, бывает. Белая горячка. От сурьи, перегрелся. Ничего, полежит, денек-другой и как новенький, как огурчик. Сядет опять на трон, строго спросит, товарищи, со всех нас, а кто чего недодал из напечатанного Остромыслом народу.

ПЕРВЫЙ ВОИН. Трон, гляди, сам-то не захвати! Самозахвата не сделай!

Норманны, звякнув мечами, уже строятся за княжеской спиной.

ВТОРОЙ ВОИН. Бронзой надо греметь, бронзой! Медным литьем.

ПЕРВЫЙ ВОИН. Перуновы лики, вперед!

ВТОРОЙ ВОИН. Перуновы лики, назад!

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Да что вы, что вы, ребятки! Вперед, назад! Самоотвод называется, а никакой не переворот. Стоять на месте и ждать, когда князь проснется. И сон в руку, утром сам все расскажет. Где был и че видел? Где был и че делал? Где ... где ... где ...

ТАМАДЕНОК, ОН ЖЕ ПЕРВЫЙ ВЕДУН. Дурак. Поди тоже пропись после вчерашнего.

ПЕРВЫЙ ВОИН. Видал, кто правит миром? А также войной? Как сын идет на отца? Гражданская война.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*поспешно*). Ничего-ничего, всего-то внутри-семейный конфликт.

Вечевая площадь. Собрался народ. Необычайная тишина. Все искоса смотрят на завешенные окна княжьих покоев.

В ТОЛПЕ (*одни*). Прихватило князя, гипертонический криз.

В ТОЛПЕ (*другие*). Объялся крыс. Сурьи вчера взяли лишнего.

В ТОЛПЕ (*третьи*). С тамадой пили. Только Власию ничего, а князь – с копыт.

В СЕМЬЕ У ЛЕЛЕЙ. А по Славену уже понеслось, пошло-поехало. Все дело в дозе. Ведро свалит и коня.

В СЕМЬЕ ВИКИНГА. Скоро на коня и айда на Киев.

Лель мой, лель мой,

Лель вороной!

В СЕМЬЕ ЛЕЛЕЙ. Теперь все понятнее станет. А то кумиры свои везде порассставил, по всем учреждениям.

В СЕМЬЕ ВИКИНГОВ. Правильно, чтобы с детства впитывали.

Щит и меч.

Меч и щит.

В СЕМЬЕ ЛЕЛЕЙ. Появились Давидовы детки. С хорошим слухом, слухачи. Поташили из магазинов антиквариат. Все больше норманны, а не лели.

В СЕМЬЕ ВИКИНГОВ. Изрубили за это их в крошево. За брехню. И закинули в Волхов, в Волхов! Нормандия-Неман, Нострадамус и Нострагор.

И Нострагор-Остромысл выбил в тот же день клиньями на дощечках "Велесовой книги": "И князь прихворнул головой, видения одолели. И началась бы у лелей смута, да норманны не хотят. Чайники братьям опять начистили. Опасность гражданской войны миновала".

Утро. Народ с Вечевой площади не расходится. Всю ночь простояли. Как стояли, так и стоят.

КНЯЗЬ РЮРИК (в своей опочивальне, свесив ноги с постели). Все тело в шрамах, а кто знает? После битвы отлежишься в шатре, и все. А тут прямо на троне, – это кошмар! – прихватило. Как-то не так себя показал (открывая окно, прислушиваясь: и что там на площади делается?).

А на площади норманны отдельно – при щитах и мечах, а лели, лиры, дулебы, ильмеры отдельно – одни и те же, только в разных сочетаниях, только одно непременно – стяг впереди. За дубины взялись, к камням потянулись, появились заводилы, затейники.

ГОРЛОПАН БЕЛОГО ЦВЕТА. Идолов понаставили, карманы понабивали.

ГОРЛОПАН КРАСНОГО ЦВЕТА. Глотку вырву! А еще рыбу его едите, сурью его пьете! Эй, на подиуме! Тут князь слушал, слушал все это, да так увлекся, едва из окна не вывалился. Видите, подбежали слуги из княжеской челяди: "Да куда же ты, князь?"

КНЯЗЬ РЮРИК. А я в дверь, на коня, а ведь узкое место! Получается, все в окно попадаю. Прорубаю окно, аж в ушах шум.

ЧЕЛЯДЬ. Вы как Брежнев Леонид Ильич. На большой земле сидите, а на малую претендуете.

КНЯЗЬ РЮРИК (приостанавливаясь, реально). Это кто ж такой, это вы так сказали все сразу или мне голос отдельный откуда-то свыше?

ЧЕЛЯДЬ. Свыше, свыше, конечно! Это вы, отцы наши, все вперед видите, все себе про Бессмертье толкуете, а сами за три шага не в дверь, а в окно попадаете.

КНЯЗЬ РЮРИК. Что – опять голос? Или опять это вы?

ЧЕЛЯДЬ. Это площадь гудит, кто-то в толпе сидит и подзуживает. Это Ельцин один геройством богатый, а ниже бедные, бедные.

КНЯЗЬ РЮРИК. Бедный, бедный Йорик. Все голос и голос, все голоса и голоса. А где Гертруда? У Нострадамуса, у Нострагора? Сами видят все наперед, вверх ногами, а другим не дают поглядеть. Вот кто делает историю, прямо-таки на глазах. Путают времена.

ЧЕЛЯДЬ (*посмеиваясь*). А на глазах разве можно что-либо делать? Например, дом инвалидов построить?

КНЯЗЬ РЮРИК. Это я сейчас где? В двадцатом веке? Денег князьям платят по две-три тыщи, а хоромы строят на три миллиона.

ЧЕЛЯДЬ (*весело*). Так еще в конвертах себя изображают.

КНЯЗЬ РЮРИК (*голову вверх*). Искажено. Голос свыше не тот. Выключай телевизор! Не в тот жанр попали, не в седую историю. Ни слышать, культура, тебя не хочу, ни видеть. А вот один мужик даже не двух генералов, а целую армию прокормил.

Князь Рюрик, оглядываясь вокруг, сидя привычно в постели.

КНЯЗЬ РЮРИК (*приходя в себя*). “Смутное время. Новых не надо. Родственники обидятся, еще живые, платить надо. А в истории – можно пристроить к Гертруде и Одиссею. Им все можно, чего нам нельзя”.

КНЯЗЬ РЮРИК (*окончательно приходя в себя, прозревая*). “Очень просто. Это я в облике своего “двойника” в двадцать первый век забрался, заблудился во времени. Счет дверям потерял, все ткаюсь в окно вместо двери. И голос во мне к вам от “двойника” (*вижу его боковым зрением*), с ним “прорубаюсь” в Европу... Слышу его боковыми ушами, остальное смехом уже не стыкуется. Раскоординировалось все, перепуталось: окна с порогами днепровскими, а пороги – с дверью, Пенелопа – с Гертрудой... В самом деле, пора отряхнуть прах со своих ног, отречься от старого мира и повалить дурака... повалить дураков... кумиров этих, идолов, истуканов на капище, похожих ликами на Давида, Давидовых отпрысков... Тонкая струна скрипки Страдивариуса, тонкие слова катренов Нострадамуса вот-вот перервутся...”

В уголке тронного зала слушают князя Власий-Тамада и сын его Тамаденек – ныне Первый ведун.

ВАСИЛИЙ-ТАМАДА (*в сторону князя Рюрика*). Совсем старик не того. Так прозрел, так прозрел. Заезжает даже в слова Автора.

ПЕРВЫЙ ВЕДУН. Гляди, отец, кабы он тебе башку не срубил. Сказочки про голоса сочиняет.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Да нет. Хочет знать про себя народное мнение. А народ теперь не таков, чтобы валить все в кучу, на всех вообще выражаться. Теперча все отдельно, в узком кругу, по закоулочкам. Расставил князь идолов этих по всему Славену, по погостам и округам Перунов со своими “физиономиями”. Перунов-то теснят, утесняют. “Кто, с кем, когда, сколько и по чем, почему?” Прислушайся – шип змеиный возле “патретов”.

ПЕРВЫЙ ВЕДУН. Глубоко, отец, ошибаешься. Шип змеиный не возле “патретов”, а в самих Перунах, так задумывалось. Пчелка со спины в колодину вставлена, чтобы бодрить Перуна, все жужжала бы там, дремать не давала.

Чтоб истукан больше глаза пучил. Чтоб работала божья пчелка, в конечном счете, на благо народа.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Вам, отцы родные, лучше видать, кого сажать, кого сымать, кому перо вставить – куда что по чем, с кем, за что и на сколько.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Княжеские покои. Опочивальня. Князь Рюрик с бывшей лельской девушкой, ныне женой своей, в янтарном кокошнике и расшитой паневе.

ЖЕНА РЮРИКА. Вишь, я теперь, как конь в чепраке. А рядом, на трон, не сажаешь. И все не княгиня ведь. Все с тенью на троне сидишь, с первой своей – с норманнкой.

КНЯЗЬ РЮРИК. Как сын наш болезный, наш Лечитим?

ЖЕНА РЮРИКА. Летигам! Ничего, поправляется. *(И, задышав тяжело, князю на ухо)*. Боюсь я что-то. Не за себя – за него. Кабы его... не того...

КНЯЗЬ РЮРИК *(вздыхая)*. И кто же?

ЖЕНА РЮРИКА. Сам знаешь всех наперечет, а при себе держишь.

КНЯЗЬ РЮРИК *(покорно)*. Перун заберет к себе, другие придут, будут так же действовать.

ЖЕНА РЮРИКА *(гневно)*. Сыны твои от прошалычек этих, какие тебе невесть кто! Ни жены и ни любовницы! От них – дети случая, династию создаешь с кем?

КНЯЗЬ РЮРИК *(оборачиваясь спиной)*. Иди, милаша, иди, мое солнышко. А мне на работу, на трон – восседать... Уходи, сука, кому сказал, брысь!...

Поправив на груди тяжелое янтарное ожерелье, жена Рюрикова выплывает из опочивальни, плывет, улыбаясь перед всеми и каждым, мученица такая, раздобревшая, сдоба-булка. И Рюрик остается один, в одиночестве, в уединении.

КНЯЗЬ РЮРИК. “Дыхнуть не дают! По пятам все, перед глазами! То, бывало, на коне, меч в зубы и айда в степь. Хоть сколько вслед за солнцем скачи, пока не свалишься. А как рыжего съели, а вороного куда-то дели, так мне теперь любой конь не люб. И чресла разломаны все, от скачек. Эх-эх-эх, старость уже не младость! Боюсь, на свежого-то коня сядешь, а он, с норовом, возьмет и свалит. Вот будет потеха норманнам и лелям, посмеются над Рюриком. Так и ждуг, особенно лели,

куда бы это перо князю вставить? Эх ты, доля-долюшка-то тайная, то все на виду. Всем отец родной, для всех стараешься, жилы вытягиваешь. Всё об их животе, о чадах страждешь, всё о прибавлении нации, всё о бездонных карманах, чтобы купцы ганзейские наших, славенских, не стоптали, в грязь не вломили своими товарами, а они, лели, что? Одна корысть и остается, ничего, окромя корысти и зла, – ничего, кроме слов брехливых – внешне гладких, но скользких, гнилых внутренне, знаю, что говорю. Сам себя утверждаю в этом и прочищаю. И сам стал уже, как они, даже мыслю по-лельски и говорю. Все слова прежние, датские, ганзейские куда-то делись, перезабылись. Один мрак и холод в груди к своей бывшей стране... Да, но там, князь, тебя отравили, в ухо яд лили...

И тут жизнь не мед, если вникнуть. Воедино слить всё, чего натерпелся, как явился сюда, особо когда сел на княжение. Всякий на вече может тебя ободрать, как угодно, сказать, а ты терпи, ты – Власть! Её все ругают, клянут, а без нее никуда. Вон рыбу развезли по лелям – из моих садков, добро княжее, а берут, как своё. Гречу на кашу раздам – с княжеских складов, а считают, так и надо, спасибо никто не скажет, еще давай! А сами-то что? Только рот во всю ширку да на вече князя клеймить, трон из-под ног вышибать.

Рожи стали во – в полдвери, глазенки сделались узкие, так и ширяют, так и буравят “патреты” твои по погостам, нарочно их понаставил, чтобы клеймили. Зато как в рот воды набрали, даже на вече, на что, бывало, орали, аж до посиненья, шли, бывало, стенка на стенку, а теперь молча глядят, а если и говорят, так даже не то, что думают, все ищут у князя “узкие места”.

У горлопанов рожи-то, причем у обоих, совсем сделались синими – от сурьи. Уж сколько видишь на вече таких синерожих. Горлохваты! Матерь родную из-за сурьи продадут, а не то что Славен, Рось, князя.

Я уже внес на вече такую мысль: говорю ай во стяг наш в век двадцатый в красно-белый цвет ещё и третий вставить – синий? Это я им так, для потехи. А они проглотили, как кутью с медом. Слопали, все-рьез обсуждают.

А врагов-то – то с Запада, то с Востока. Но заставы у меня с обеих сторон, – княжее око. В степь ежжу – гляжу, наблюдаю. Пока тихо, степь на месте, стоит. Это мы пока платим дань, а все равно сдвинется и пойдет. Лелям – дай, дружине – дай, стремена, гляди, оборвутся. Тем детей кормить – пустые рты, что в гнезде у вороны. Тем – коней холить, аж бока чтоб лоснились, боевому коню на себе железа таскать, врубаться в железные ряды, особая сила нужна и хоробрость. А сам – вот, хожу кое в чем. Совсем опростился. Ем, как все, простую, скоромную пищу. Как у всех, порты холшовые, на ногах онучи, опорки.

Стыдоба иной раз берет, перед гостями – князь в простой-то одежде. Стель такой, говорю, особый, лельский. Едим и ходим, как все. Власть у нас такая, народная....

ЖЕНА (*через стенку*). Хвалиться нечем. На выход к торговым людям и другой наряд надо иметь – праздничный. Сами-то господа-купцы в златах и жемчугах, а ты, как последний лель, всё в портах да опорках. А ты ведь – конезы! На самом верху сидишь. Выгораживать-ся надо, а ты с “синюшниками” пить взялся. Допьешься тоже. Они же в тебя первыми камень и бросят.

КНЯЗЬ РЮРИК (*смеясь*). Дык и я, когда конунгом был, в брильянтах ходил, восседал. На троне из злата литого. Ну и что? В ухо влито? Это куда повернет: кому мало, кому – долговато? Судьба такая.

ЖЕНА (*выходя к нему, с булавкой в зубах*). Боги знают, а телеги-то торонись.

КНЯЗЬ РЮРИК (*строго*). А ты чего так? Выходишь нечесаная, лахудра. Не токмо к князю – к мужу выходишь, корова!

ЖЕНА (*вспыхнув*). Да уж видали виды... Ночью в дверь не стучись, не впушу.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Берег Волхова. Праздник у лелей, карнавал красок и звуков. Спускается на воду большой княжеский струг. Под алыми парусами. Тут же, на холме, князь Рюрик и вся его свита.

КНЯЗЬ РЮРИК (*поправляет на груди янтарное ожерелье, давая всем на него поглядеть. И поднимаясь*). Ну, лели и гости наши дорогие, заморские! Видите, струг пока без названия, как мы его назовем?

НОРМАННЫ. “Варяг”!

ЛЕЛИ. “Рюрик”, “Рюрик”!

КНЯЗЬ РЮРИК (*к грекам, только что причалившим к берегу из Итаки, с товарами*). А вы?

ГРЕЧЕСКИЕ КУПЦЫ (*скаля белые зубы*). А мы еще не врубились.

КНЯЗЬ РЮРИК (*подняв обе руки*). Наш первый корабль! Первенец флота! Будем сами ходить в Грецию и Данию, в ганзейские города! (*Обращаясь сразу ко всем*). Назовем его “Одиссей”. В честь друга моего, “двойника”. Под меня, значит.

ИЗ ТОЛПЫ (*один голос*). Почему под алым парусом? Под белым все ходят.

ИЗ ТОЛПЫ (*другой голос*). Или под синим!

ВСЯ ТОЛПА (*загудев*). Как это так сразу – и под белым, и под алым, и под синим парусом? Князь!

КНЯЗЬ РЮРИК (*махнув рукой всему берегу, сразу тысячам глаз*). Мы пойдем под трехцветным! (*Поворачиваясь к лелям*) Ну как я сказал?

(И сюда к своей свите.)

А когда ветры, дожди и бури смоят красный и синий, останется только белый. И тогда мы на белом нарисуем крест косой, цвета речной волны. В знак Пути “из варяг в греки” – вот этого, нашего торгового пути, каким мы ходили уже и будут потомки века ходить да ходить! Под белым Андреевским флагом! (*Оборачиваясь к жене, сидящей рядом*). Ну, как я сказал?

И лихо лелям всем, в толпу, стоящую на берегу.

Ну как, мои дорогие, как князь ваш сказал?!

ТОЛПА. О-о-о!.. У-у-у-у!..

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*замечая*). А площадь молчит. То грачи над площадью.

ПЕРВЫЙ ВЕДУН. Прилетели со стороны Соснового бора. Опять, говорят, объявился Тригорич.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*в сторону*). Бессмертные ждут нас моменты (*И вслух*). Да, князь! Хорошо, хорошо.

КНЯЗЬ РЮРИК (*восторженно, в толпу*). Хорошо, “Одиссей”, хорошо! Мы так и назовем корабль: “Одиссей”!

ПЕРВЫЙ ВЕДУН. Этот струг узкий, как норманнская лодья. А у Одиссея корабли крутобоки, князь.

КНЯЗЬ РЮРИК (*недовольно*). Что нам класть-то туда? Пусть будет военный корабль. Римская галера. Помните, заходила сюда?

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Как же, заходила. Все княже, помним. И хорошее, и плохое.

ПЕРВЫЙ ВЕДУН. А плохое зачем? Только хорошее, лучшее. Но смотря для кого. Да, отец?

КНЯЗЬ РЮРИК (*уловив остатки слов, брошенных на ветер*). Да, да! “Одиссей”, “Одиссей”!

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*сыну, вскользь*). Князь считает себя отцом всех лелей, всей сыновей на Земле.

СЫН ВЛАСИЯ. Даже Одисеева Гамлета.

ВЛАСИЙ-ТАМАДА (*в тон ему*). И датского Телемаха.

ПЕРВЫЙ ВЕДУН (*кулак вверх, толпе*). Гамлет и Телемах, Телемах и Гамлет!

ВЛАСИЙ-ТАМАДА. Гамлет и Телемах!

За спиной мелькнуло лицо чьё-то бледное, в черном, скорее всего, Первого воина. Но Ведун не обратил на это никакого внимания. А зря. Утро. Капище. Появляется сам Первый воин со стражей и палачом в красной рубахе. Голова в красном колпаке с двумя дырами для глаз.

ПЕРВЫЙ ВОИН (*кладя руку ему на плечо*). Ну что, молодой! Доигрался? Где отец твой – Тамада Власий? А Тригорич где? А Давид? Кат, помоги ему вспомнить!

Палач хватается молодого Ведуна, начинает выкручивать руки, терзать. На крик выползает старик Остромысл.

НОСТРАГОР-ОСТРОМЫСЛ. Что же вы творите? (*Взывая к Перуну*). О бог мой! Князь где, о княже!

ПАЛАЧ (*Первому ведуну*). Ну вспоминай, вспоминай, где Тригорич? Где ты его укрываешь?

МОЛОДОЙ ЛЕЛЬ (*извиваясь и хрипя*). Перуна спросите, он все видит и знает.

ПЕРВЫЙ ВОИН (*новому Перуну, старый пень валяется тут же, у его ног*). Лик-то твой, с тебя, Ведун, а мы-то думали – с Рюрика.

ОСТРОМЫСЛ (*причитая*). Гляньте лучше, взглядитесь: что Ведун, что Рюрик – одно. Как похожи!

ПЕРВЫЙ ВОИН (*усмехаясь*). Что – еще один сын у конунга? Развел племя, все династию хочет создать. Но мы этого не позволим, мы – викинги! Где, сопляк, твой отец, Власий, где? Говори, где Тригорич!

ТАМАДЕНОК (*сплевывая кровь*). Перуна... кгхм... спросите, Перун... кгхм-кгхм.. всё знает.

Первый воин валит наземь нового Перуна, топчется по нему. За ним еще усерднее топчутся стражники.

ОСТРОМЫСЛ (*Первому воину*). Для чего существует дружина? Родину защищать, а не богов топтать.

ПЕРВЫЙ ВОИН. А ты, старый сыч, помолчи! Знай, долби свои клинья, не то вырвем язык. Развели тут малину – лесную ягоду, причем белую, а не красную.

ОСТРОМЫСЛ. Какие Перун послал, Триглав, божья Троица.

ПЕРВЫЙ ВОИН (*делая знак палачу*). Всё, кат, кончай!

Палач вешает на суку молодого леля вниз головой. Глаза в глаза, к Перуну. Молодой лель, извиваясь, кричит палачу: "Кто ты? Кто ты? Кто ты-ы-ы? А-а-а..."

Первый воин со стражей уходит. Палач, слегка задержавшись, стоит в нерешительности.

КАТ-ПАЛАЧ. Лес шумит, река играет, люди орут благим матом.

И приоткрывает лицо.

Вот кто я!

ОСТРОМЫСЛ (*так и ахнув*). Тригорич!

Лишь на третий день в капище появляется князь. Подходит к висящему вниз головой.

КНЯЗЬ РЮРИК (*с грустью*). Понял, Гамлет, сын человеческий, что такое Бессмертие?

Виси, Первый ведун, ликом к самому Перуну, так похожему, говорят, на меня, Рюрика. Виси, виси, пока вороны не расклюют тебя, не расхватают всего на куски, а черные Керры не разнесут твой дух.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Княжеские хоромы. Опочивальня. Рюрик сидит невесел, свесив ноги с постели. Оглядываясь по сторонам.

КНЯЗЬ РЮРИК. Представьте себе, боюсь выходить. То призрак Гертруды является, а то Одиссеей вчера приходил. Все заговоры мерещатся, толпа, убиенные. Для лелей делаешь – норманнам не нравятся, для норманнов – лелям. Дружина совсем от рук отбилась, требует абсолютной власти. Хотят опять на ватажки разбиться, варягами, как и прежде, походить по погостам, пограбиться вволю, попить сурьи. На вече уже начинают свергать кумиров, ликами похожими на меня. Вот-вот князь опять начнут кострошить.

Ближих теряем, скоро всех твоих людей перебьют и за тебя, князь, возьмутся. Лик молодого Ведуна искаженный, с языком изо рта, не выходит из головы. Проклятья последние посылал Ведунок. На мою голову. Записалось на соснах – тайно сходить на капище, послушать тайно, что там со сна мне напорочил?

Рюрик ищет кинжал под подушкой – нет кинжала!

КНЯЗЬ РЮРИК (*похолодев*). Керры забрали! Этим кинжалом меня и зарежут. Моим же! Чтобы сказать потом, сказать лелям, что это я сам с собой сотворил. В порыве, когда отбивался от призраков, от Ведунка, загубленного по моему указанию. Надо опередить. Норманны – главная опасность, с них и начинать. Заговоры и заговорщики, потихонечку раскрыть и потихонечку обезглавить. (*Вздвонув*). О боги! Слово какое на язык подвернулось, опять кровь. Керры-то, Керры! Так и вьются, чужие, возле меня.

Встает, волнуясь, ходит по опочивальне из угла в угол, из одного угла в другой угол.

КНЯЗЬ РЮРИК (*в сторону*). Как крест на стяге, для струга. (*Замечая тень в двери*). Эй, кто там? Никого. Тишина гробовая... Эй, служба!.. Опять никого...

Рюрик вздрагивает, входит Второй воин.

КНЯЗЬ РЮРИК (*подозрительно*). Чего так поздно?

ВТОРОЙ ВОИН. Да дело есть (*наклоняясь к князю, шепотом, оглядчиво*). Струги твои, князь, Первый воин этой ночью сжечь хочет.

КНЯЗЬ РЮРИК (*вздвргнув*). Ну хорошо. Пушай жжет. Завтра ты, норманн, будешь Первым воином. А пока постой у меня на воротах.

Второй воин уходит. Князь остается один.

КНЯЗЬ РЮРИК (*решительно*). Эй, эй, эй! Служка, служка!

Появляется Молодой норманн из княжеской челяди.

Ступай к Сосне, что у берега. Прямо за Вечевой площадью. Где рыжий мой любит стоять со всадником без головы. Тайно проведи сюда ко мне, тайно! Человека в чёрном. Тайно! Чтоб и духа не было видно. Никто не видел чтобы вас, понял?

Молодой норманн исчезает.

КНЯЗЬ РЮРИК. Опять закрутились стенки, полетели то белые, то черные мухи. Вперемежку. То белая Гертруда, то черная Пенелопа. То черный Одиссей, то белый брат Клавдий. Чего это они так путаются? Ну не дают сосредоточиться, рассчитать...

Кидается к тайной двери, где как провалился посланный за человеком норманн. Натыкается на кого-то.

КНЯЗЬ РЮРИК (*выхватывая кинжал*). Ты чего тут?
ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Стою.

Рюрик всаживает кинжал ему в горло, по самую рукоятку. Человек кулём валится на пол.

КНЯЗЬ РЮРИК (*служке*). Не того привел. Другого приведи. Кого надо.

Пауза. Стук в дверь. Шепот оттуда:

Коварство и любовь.

КНЯЗЬ РЮРИК (*в ответ*). Братья-разбойники.

Входит человек в чёрном, проходит в угол. Оба шепчутся, после чего человек в чёрном исчезает в тайной двери. Князь Рюрик замирает, сидит без движения. Вздыхая, кладет голову на подушку, шевелит рукой под подушкой кинжалом.

Утро. В опочивальню (к князю Рюрику) вбегают Пава – Рюрикова жена.

ПАВА. Брата моего убили ночью, Первого воина. У Вечевой сосны, так горло и перехватили.

КНЯЗЬ РЮРИК (*спокойно*). А чего он ночью там делал?

ПАВА – ЖЕНА КНЯЗЯ. Да н-не зннаю. Наверно, коня прогуливал, конь у него захромал.

КНЯЗЬ РЮРИК. На обезноженных конях Первые воины не ездят.

Князь на троне и под черным орлом. Входят старые дружинники. Решительно становятся на обе стороны трона.

СТАРЕЙШИЙ ИЗ НИХ. Князь! Мы пришли.

Вбегают Второй воин.

ВТОРОЙ ВОИН. Князь! Первый воин убит, у струга схвачены поджигатели.

КНЯЗЬ РЮРИК. Ты теперь Первый воин! Бери Старую дружину! И на берег, к стругам!

НОВЫЙ ПЕРВЫЙ ВОИН. Дружина, за мной!

Старые дружинники нехотя покидают тронный зал, выходя в обе двери.

Князь сидит в оцепенении. Вытирает со лба испарину: "Уфффф!.."

КНЯЗЬ РЮРИК (страже). Половина – тут, половина – к детинцу!

Смотрит в окно долгим, пронзительным взглядом. Вбегают норманны во главе с новым Первым воином.

ПЕРВЫЙ ВОИН. Князь! Поджигатели убиты, струги целы, заговор предотвращен!

КНЯЗЬ РЮРИК (обнимая его). Спасибо, голубчик.

А в тронный зал уже входит свита – лельская знать, купцы, богатые люди Славена. Князь встречает всех у дверей, переходит к трону, садится под черного Орла с двумя головами на разные стороны.

КНЯЗЬ РЮРИК (улыбаясь). Так что, какое у нас сегодня главное дело? На Киев наши струги посылать будем, сами будем ходить по Пути "из варяг в греки". И далее к Одиссею, до самой Итаки.

БОГАТЫЕ ЛЕЛИ, КУПЦЫ. Денег дадим, князь. Хватит на дело такое... тряхнем-то мощной...

КНЯЗЬ РЮРИК (в сторону). Дружины, если они есть, должны воевать, нечего сиднем сидеть. Пусть себе в стругах ходят на Киев и ниже, до днепровских порогов.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Там же. Князь Рюрик на троне один, при оружи.

ПАВА – ЖЕНА КНЯЗЯ (появляясь). Кто же убил моего брата – Первого воина! А, князь?

КНЯЗЬ РЮРИК (вставая). В доме покойного не говорят о покойниках.

ЖЕНА КНЯЗЯ. Нет, скажи – кто убил?!

КНЯЗЬ РЮРИК. Садись рядом. Сюда вот, со мной вместе. Будешь отныне княгиней.

СЛУЖКА (*вбегая в возбуждении*). Князь! Тебя уже изождались там, на берегу! Лодьи готовы к отплытию!

Хлопают на ветру паруса. Князь с княгиней сидят на холме.

КНЯЗЬ РЮРИК (*считая*). Первая ватага в первой лодье! Вторая ватага!.. Седьмая!.. Девя...

КНЯГИНЯ (*рядом, шепча*). Как расслаился-то, нравится! Вот так бы и побрёл, всю жизнь ватажником, если б не я. Оградила от варягов. Лели струги сделали, на лельские деньги.

КНЯЗЬ РЮРИК. А норманны – на лодьях. Норманнские лодьи-то. Вон и Летигам с ними, на третьей лодье.

КНЯГИНЯ (*восхищенно*). Где, где?... А-а,вижу... Вот как. Небось, самому тебе, князь, поватажничать хочется. Пройтись, пограбиться по берегам.

КНЯЗЬ РЮРИК. Небось да вкось, а у меня тут все прямо, здесь надо мне быть, поняла?

КНЯГИНЯ. Поняла, отчего не понять? Чай вместе теперь на троне сидим. Не целуй в губы-то. Опосля.

КНЯЗЬ РЮРИК. Криво как-то слова кладешь. В школу пошлю, приставлю к самому Остромыслу. Этот тебя объездит, кобылицу необъезженную.

КНЯГИНЯ. Стар он уже объезжать-то таких кобылиц.

КНЯЗЬ РЮРИК. А он бессмертный. Что ему такие, как мы? Он и при внуках наших будет всё тем же, что ему – скрипи да скрипи, долби себе да долби стелом своим доски, пиши свою “Велесову книгу”.

* * *

Спустя ещё год. Тут же, на берегу Волхова. Норманн князь Рюрик и жена его, княгиня Пава, из лелей. Ждут струги со стороны Киева. Наконец, показываются паруса. Князь с княгиней в тревоге: почему белые? Белый ещё и цвет смерти, печали.

С лодьи снимают гроб-домовину.

ПЕРВЫЙ НОРМАНН (*ломаая перед князем с княгиней свою круглую матросскую шапочку*). Уже Киев прошли. На днепровских порогах встретили нас... степняки, половцы. Мы тучи их положили... но вот... ваш сын был храбрее нас...

КНЯГИНЯ ПАВА. Ах!

Падают замертво. Ее уносят в княжеские покои.

Князь Рюрик уходит от всех куда подальше. В степь. К небольшому деревянному мостику, где сам когда-то убил Скифского вождя, забрав у него янтарное ожерелье.

КНЯЗЬ РЮРИК (*шепча ветру, сквозь слезы*). Бей копытом, мой рыжий! Летите искры из-под копыт, пламените всю эту рыжую, дикую степь! Клянусь, они мне ответят за Ле-тигама – все эти половцы, царские скифы, воры. Отравители жизни! Яду льют тебе в ухо, когда просишь меду. И меду – в уста, когда просишь яду.

К чему князь, Бессмертие, коли нет смысла жить?

Достаёт кинжал, приставляет к шее своей.

“Бедный, бедный Юрик, куда попал ты, куда же тебя занесло?”

Взяв себя в руки, садится на коня и направляется в Славен.

Проходит перед строем вытянувшихся норманнов. Первый воин, в знак верности, просит положить ему на плечо княжеский меч. Подходит Старейший дружинник, в наградах и шрамах весь, как в репьях.

СТАРЫЙ ДРУЖИНИК. Прощай, князь! Мы уходим отсюда навсегда.

КНЯЗЬ РЮРИК. Куда же вы, погодите! Я сам поведу ваши ватаги обратно, на родину, в Данию. Мы славно походим по призракам, по воспоминаниям.

СТАРЕЙШИЙ ДРУЖИНИК. Нет, князь. Мы уходим по Великому пути “из варяг в греки” – на Киев, к порогам и туда, за пороги. С огнём и мечом идем на степь и за море, на настоящую жизнь, полную свиста стрел и мечей (*обращаясь к дружине*). Огонь и меч!

СТАРАЯ ДРУЖИНА (*сдвинув ряды*). Меч и огонь!

КНЯЗЬ РЮРИК (*взволнованно*). Идите! Я вам пришлю других своих сыновей. Однако не трогайте Киев, не жгите. Войдите в него и станьте ими – карпами, росами. Им нужен князь – военный человек, степь пошла, они не могут быть без князя, и мы создадим там династию, свою – славенскую страну – белую, белую Рось.

ГОЛОС ИЗ МОЛОДОЙ ДРУЖИНЫ. Ну вот, а ходили туда под алыми парусами.

КНЯЗЬ РЮРИК. Пусть паруса будут алыми, зато белыми – корабли.

СТАРЕЙШИЙ ДРУЖИНИК. Так уходим, князь!

МОЛОДАЯ ДРУЖИНА. В борьбу, в приключения!

КНЯЗЬ РЮРИК (*в сторону, дрогнувшим голосом*). Вот тут был бы в строю норвегов и мой сын Летигам. (*И вслух, громко*). Коли где-нибудь встретите его на том берегу, возьмите с собой и его, он тоже любил пути. Ждите, ждите меня, варяги! Я с вами, я скоро вернусь...

МОЛОДОЙ ДРУЖИНИК. Проходят, уходят дружины.

Князь Рюрик ступает на Вечевую площадь. Приблизясь к Разговорному камню, ложится, кладет голову на него.

КНЯЗЬ РЮРИК (*стеная*). Бейте, рубите, секите меня, лели, норвеги! За кровь пролитую, за всё, что было и не было, сбилось-не сбилось. Сын мой уж навеки тут, на лельской земле, мой Гамлет, мой Телемах...

(Доставая кинжал.)

... я и сам туда к вам, иду за черту.

МОЛОДОЙ ДРУЖИННИК (*читая дощечки "Велесовой книги" врастяг*).

"И подходит мальчик, встает рядом и принимается писать прямо на князя. И князь встает и принимается тоже писать с ним, попадая в его струю. И мальчик тот засмеялся, помахал ему рукой и ушел. А светлое пятно стоит, держится и превращается в камень.

И тут, когда князю снова вдруг жить захотелось, выходит Перун, ликом похожий на Первого ведуна, и всаживает в брюхо ему кинжал".

ГОЛОС АВТОРА. Но княгиня выходила его.

И долго еще, уже ветхий, сумасбродный старик ходил на берег Волхова. И, опираясь грудью на меч, все ждал, когда же из-за поворота покажутся крутобокие Одиссеевы корабли?

И, уходя в Бессмертие, Рюрик сказал:

"Бедный, бедный Йорик! Эпос богат, души бедны, а не вмещаются. Люди, вы просто живёте, а я прорезаю горем века и мраки".

И Нострагор-Остромысл записал в тот же день на первой дощечке: "И молодые уходят, старые остаются". На другой день выбил на второй дощечке: "Молодые походят и вернутся старыми, чтобы остаться".

И княгиня Пава велела положить его под курганом – подобием величественных пирамид. И люди искали его где-то под Старой Ладогой, а он оказался тут, под Славеном. Господин Великий Новгород умеет хранить свои тайны.

И голос то громоподобный, то совсем-совсем тихий вывел эту мелодию с Рюриковыми словами:

Конь мой конь, конь мой!

Конь вороной,

Эх, распластался подо мно-о-ой!

ЗАНАВЕС

31 августа – 8 сентября 2005 г.,
г. Малоархангельск-Орловский.

В качестве Послесловия **(для осовременивания эпоса)**

ОПЯТЬ ПРО СТУЛЬЯ **(из глупых рассказиков)**

Сел плотно на стул, года ещё нет после смерти Матери, сижу и пишу в своем доме. Наладился в день писать по три сцены. Ну, думаю, на рекорд иду, в книгу Гиннеса, а чего не попробовать, если получится.

Достоевский – “Игрока” в семьдесят страниц за месяц, Болдинская осень – рекордсменка у Пушкина. И у меня уже два раза по три осталось (три на четыре дважды – каких-то двадцать четыре страницы). И тут! У соседней напротив ребенка машиной сбивает. Насмерть. Выскочил он на велосипеде, а тут магистраль, глину возят в Орел на ВЕЛОР... Крики, ужас! То мать, то бабка тонко кричит, воет, то обе разом. Свет в окнах напротив две ночи не гаснет, и я не сплю, не могу. А как хоронить, народу пришло немало. Тут, в нашем квартальчике, уже десять смертей за каких-то три года. Пустые и полупустые дома. А тут мальчишка – всего девяти лет, в третий класс перешел. Господи! Вымирает, думаю, русский народ. Проводил я мальчишечку, вернулся, а взяться никак не могу, ни странички. Стресс, тело как мешками побитое. Ну, думаю, накрылся рекорд. До вечера так промучился. Взял и выпил крепкого чаю, кофе – дай, думаю, за перо хоть возьмусь, подержу его.

Гляжу, пошло-поехало, полторы сцены – полнормы до полуночи. А на другой день с утра пораньше одолел и эти полнормы. Да после обеда прошел всё остальное, норму свою в три сцены. Так до “завеса” и добрался. Поставил число, погладил стул, на каком просидел все девять дней, стул мой, с малиновым верхом: “Ну спасибо тебе, мой стул, молодец! Не дал рекорду сорваться! Выломил-таки мистерию мою из небытия. Не позволил реальной драме перемякнуть энергетику народу, стрессу во мне состояться”.

И первым читателем был мой кот Васька. Все девять дней. И, как только была поставлена точка, тут же перебрался со стула на рукопись и не хотел слезать.

В ту же малоархангельскую осень, точнее – в том же месяце (сентябрь 2005 г.) мной была написана вторая книга романа-эпопеи в стихах “Арсений Чигринев” (“Кремль, Соловки”) – за 20 дней 10 глав, 240 страниц. Как сказал Бисмарк. русский мужик долго запрягает, да быстро ездит.

В апреле-мае следующего (2006) года была написана третья книга в стихах “Неопалимые”, ровно через год (апрель-май 2007 г.) – последняя, четвертая книга современного многопланового романа-эпопеи в стихах “Москва – третий Рим”.

Итак, работа с поэзией завершена этой эпопеей в стихах. Кроме текстов к песням, я ещё стихи буду петь. Они сами пока из меня так и рвутся.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

(драматическая эпопея в стихах)

КВИНТОЛОГИЯ

Кентавр – человек, сросшийся с конем.

Кентавриада – конница, скачущая по эпохам.

Из разговора

Всё проистекает из движения.

Декарт

КНИГА ПЕРВАЯ

КЕНТАВРИАДА

(дилогия, трагедии)

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ:

– Начинать мне войну, отправляться ль
с войском в поход?

Дельфийский Оракул:

– Начнешь – разрушишь величайшую
в мире империю.

ПРОМЕТЕЙ:

Скала Свободы!

Скала Свободы!

Неси идеи

Моей Скалы,

Иди в народы.

Леонард Золотарёв. Из “Прометей”.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ

(трагедия первая, полумистическая)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ – сын царя Филиппа, молодой царь Македонии.

ЗЕВС – царь богов, властитель Олимпа.

ФИЛИПП – одноглазый царь Македонии, отец Александра.

ПЛАТОН – ученый муж Эллады, учитель Аристотеля.

АРИСТОТЕЛЬ – ученый муж Эллады, учитель Александра.

ГЕФЕСТИОН – друг Александра, свет его души.

ПТОЛЕМЕЙ – друг Александра, военачальник потешных полков.

ВОЕНАЧАЛЬНИКИ ЦАРЯ ФИЛИППА – Командир пехоты горцев,

Командир фракийской конницы.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ.

ОЛИМПИАДА – царица Македонская, жена Филиппа, мать Александра.

ТРИ ЖРИЦЫ – ПИФИИ в Дельфах.

ЛИДИЯ – одна из Дельфийских жриц, земная, любимая женщина Александра.

АСПАЗИЯ – учительница Сократа, обучавшая его риторике.

СТРАЖ У ДЕЛЬФИЙСКИХ ВОРОТ.

КАЗНАЧЕЙ.

КУЗНЕЦ.

КОРАБЕЛЬЩИК.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК

БАБКА С КОЗЛЯТАМИ.

ЧЕЛОВЕК, УБИВШИЙ ЦАРЯ ФИЛИППА.

Военачальники, воины, царские слуги, пастухи, жители Дельф, поэты Эллады, друзья и враги молодого Александра, родившегося у подножия Олимпа и мечтающего стать бессмертным, как и предок его по матери Ахиллес – герой Троянской войны праславянского происхождения.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Действие происходит в Македонии, у подошвы божественного Олимпа, где обитают боги-олимпийцы во главе с царем богов Зевсом. На зеленой поляне, среди цветущих олив, молодой Александр – сын царя Филиппа, правящего Македонией, и ближайший друг Александра – Гефестион.

АЛЕКСАНДР (глядя на белоснежную вершину Олимпа).

Сияет Солнце на весь мир,
А холодами так и нижез тело.
Играет Зевс людьми – святой потир
Сжигает дух людской осатанело.

ГЕФЕСТИОН.

Да что людьми! Играет и царями.
Мы смертны для него,
К себе не подпускает.
Однако царь он, пламя,
Что, млея от всего,
Само не тает.
Мы на царей не ропщем,
В общем.
Как можно
На царей роптать?
Мы землю топчем,
А им, царям, летать
От тех многозначительных идей,
Какими озарил нас Прометей.
Что у тебя в руках, царь Александр?

АЛЕКСАНДР.

Так не зови заранее,
А то убьют. Вон сколько у отца детей,
Жен – целый шлейф,
Мать, правда, первая из шестерых,
Всех не глупей,
А лучшая из них.

ГЕФЕСТИОН.

Вот и зовут Олимпиада,
Ведет свой род она от Ахиллеса,
Герою признанному рада.

АЛЕКСАНДР.

Колдуньей царь ее зовет,
Отец мой. Больно много знает.
Но не от Солнца знания, а как лед,
Все тьма внутри ее витает.
Но все равно мне мать дороже всех.
Судьбу богов с рожденья мне пророчит,
Отца же моего берет на смех,
Царем его считать не хочет.

ГЕФЕСТИОН (*уклончиво*).

Так что за книга у тебя в руках?

АЛЕКСАНДР.

Ах, книга? Да Гомера сочиненья.
Вот "Илиада", тут и "Одиссея".
Хоть был и слеп, есть внутреннее зренье,
Все старец видит, вплоть до Прометея,
Принесшего огонь, вскормившего поэтов.
Читаю и зимой, и летом,
Героев почитаю всегреческих,
Всечеловеческих.

ГЕФЕСТИОН (*угодливо*).

Да ты и сам герой,
Твой род – от Ахиллеса.
Боишься лишь змеи, ужа порой,
Что петли вьет, кружа.
Боюсь, ужалит в пятку,
Поставит латку, –
Из интереса.

АЛЕКСАНДР (*вспыхнув*).

Какого беса! Ишь, глядит из леса!
Бессмертен Ахиллес! Порочить Ахиллеса?
В душе моей змей к общему порядку
Как прикипел, с Гомером вместе,
Поборник чести.

Появляется мать Александра – Олимпиада.

МАТЬ АЛЕКСАНДРА.

Сынок, а я тебя ишу, ишу.
Уж так обеспокоена. Хоть тресни.
И не из лести, просто так скажу, о чем грущу:
Не любит нас с тобой отец!
Вешают боги – близится конец,

Недолго просидит Филипп на месте.
Тебя на троне вижу, все болит,
Не просто подобраться к власти,
Стрела не в глаз, а в бровь.
Дай руку! – погляжу,
Кто и на чем сидит.
Вот, его слава пресечется вскоре,
Твоя же расцветет, как по ножу –
По рубежу... за морем...
Да что там – на весь мир,
На наше горе...
А что спасет тебя, так это то,
Что сам ты станешь богом, –
Вот на ладони.
Царям же неподступен.
Не простой, по всем дорогам
Походка льва, не лисова.
Как скачут кони!
Царь не на малом, а на многом.
Да с Богом, с Богом!

АЛЕКСАНДР (*озадаченно*).

Как верить можно?

Волхова! А все ж на чем проверишь?

МАТЬ АЛЕКСАНДРА.

Ходи, сынок, ступай, сын, осторожно.

Смотри, что ты ногами меришь.

А все-таки пройдешь сквозь все и вся,

Дойдешь до Согдианы, глаз кося.

До Мидии, до ее черных пятен, лун и гор,

Там плату и узришь за свои раны,

За что нас ночь швыряет на костер.

ГЕФЕСТИОН (*вступаясь*).

Не надо, мать, мне страшно, боже.

МАТЬ АЛЕКСАНДРА.

Молчи, щенок! Не суйся своей рожей

В костры, замри!

Пусть говорят то боги, то цари.

Судьба, мой сын, – смотри,

Вот на ладони,

Вся из страданий и агоний.

Я – твоя мать! И мне ножом по сердцу.

Боюсь судьбы, за сына.

Вокруг тебя, дитя мое, детина,
Все рыла мерзки.
Ишь, скрипнула в Египте где-то дверца,
Там ждут... не развлеченья, вина...
То гроба скрип, где вечно будешь ты
Лежать без ощущений у древа апельсина,
Которого не будешь уж вкушать, –
Так ощущает твоё время мать.

Появляется Аристотель – ученый муж из Афин, приглашенный царем Филиппом для обучения сына. В свите молодого Александра – его сверстники, среди них Птолемей – ближайший друг Александра.

АРИСТОТЕЛЬ (*кланяясь Олимпиаде*).

Уходит тьма, коль Солнце появилось.

ПТОЛЕМЕЙ (*вполголоса, из-за его спины*).

Царица-мать хоть и не правит,
А все-таки на троне.

АРИСТОТЕЛЬ (*широким жестом*).

В своей державе.

(*В сторону*) Вот вроде мы тут и сидели,

(*Вслух*) Друг на друга глядя.

Не будем ждать, когда посадят,

Как многих в будущих веках –

Себе во страх. Свобода что?

Лекарство от безумства!

Лишь знания сменяют боли в снах,

Дают душе преображенье,

Цель и движенье.

Замечая Гефестиона.

Так, отрок, мы на чем

Вчера остановились днем?

ГЕФЕСТИОН (*указывая на Александра*).

Вот на его душе –

Быть ей бессмертной или нет?

АРИСТОТЕЛЬ.

Быть ей бессмертной или нет?

Каков сюжет!

Нет, вы представьте!

Указывая ученикам не Гефестиона.

Бессмертья нам не надо. Да?

Ведь в нас и так заключена свобода.

Хотим всю жизнь мы в рабстве провести.
Такая нам награда, как ограда,
За все деяния народа

ГЕФЕСТИОН.

Нет, я не раб! Но друг мой Александр –
Наш царь уже, а в будущем и бог.

АРИСТОТЕЛЬ *(усаживаясь на Камне поудобнее)*.

Сегодня мы занятие посвятим
Не яви Александра, а призраку,
Которого мы тут вообразим, –
Философу и лирику,
Учителю когда-то моему.
Платон, явись! Обогати меня,
Одушеви сухое древо знаний, я к тому,
Что не хватает дереву огня,
Чтоб вспыхнуть, Прометея изогнать.

Появляется призрак Платона. Тоже в белой тоге, как и Аристотель, слегка в тумане инобытия.

АРИСТОТЕЛЬ.

Чего дрожишь? За прошлое – сейчас?

ПРИЗРАК ПЛАТОНА.

За вашу жизнь, за вольные слова.

АРИСТОТЕЛЬ.

Чего бояться – царь ведь среди нас.

ПРИЗРАК ПЛАТОНА.

Пусть царь прочтет стихи,
А мы их будем слушать.
Оценим, все тут не глухи.
Пойдем, коль потечет по душам.
Ну, Александр, давай.

КТО-ТО ИЗ УЧЕНИКОВ.

Садись в трамвай.

АРИСТОТЕЛЬ.

А ты откуда взялся?

МОЛОДОЙ ПТОЛЕМЕЙ *(на соседа)*.

Благодаря Гомеру,
Его “машине времени”,
Наверное, из века из двадцатого.

АРИСТОТЕЛЬ *(кивнув Александру)*.

Вот собрались!
Как яблочком по темени.
Ну, что, читаем – восклицая?

АЛЕКСАНДР.

На память или как?
Читай, читай! На тот и этот мир.

ПРИЗРАК ПЛАТОНА.

Создай нам атмосферу, но – в меру.

АЛЕКСАНДР.

Какая мера? Наши атмосферы – без меры,
Однако с признаками веры.
Итак, кто вам я –
Богочеловек или человекобог?
Еще не царь, а уже знать хочу.
Что Зевсу там известно, олимпийцам –
Богам бессмертным, что дано с рожденья,
С явленья на Олимпе им,
То тайна нам в Итаке и Коринфе,
То главная из тайн – да будут ли бессмертны
Земные твари, богочеловеки?
Сотрем ли мы черту, какая отделяет
Нас между миром тем и этим,
Что, если проще, зовется “смертью”?
А если философски на все взглянуть –
Концом земного и началом новой эры.
Считать бессмертным – значит, бесконечным,
Как арии когда-то, в тьме веков,
Спустились к нам сюда, в перипетии,
С высоких гор иль пали с поднебесья.
Там всякий вечно жил,
А тут живут лишь боги,
Цари и те ведь смертны,
Все пляшут тут под дудочку богов.

ТОТ ЖЕ УЧЕНИК, ИЗ XXI ВЕКА.

Да как и мы!
Гляди, договоришься до тюрьмы.

АЛЕКСАНДР (*не обращая внимания*).

Хочу я испытать мир на себе,
Возможно ль это?
Разломы бытия соединить собой
С высоким, бесконечным, с божеством, –
С посланием себе, –
Смогу ли?

АРИСТОТЕЛЬ.

Множество в едином, тождеством
Себя “материя” удержит.

ПРИЗРАК ПЛАТОНА.

Скорбь мировой души.
Господь – от господина
Иль господин – от Господа?

УЧЕНИКИ (*оживясь*).

Зачем, куда, когда?
И так тут хорошо.
Как было, есть и будет –
На муле, лошади, верблюде
Проехать жизнь – куда, зачем еще?

АЛЕКСАНДР (*продолжая*).

Проехать жизнь – куда, зачем еще?
Так есть ли Бог над всей Землей единый?
Иль как у нас в Элладе этот Зевс,
Который правит только тут над Геей
Да ещё кучкой родичей своих,
Каким раздал чины и не пускает
К себе не то чтобы народ, но даже и царей.
Вон стражи верные, подкормлены Зевесом.
На персов все вали, персты не оскверняй.
Олимп, где боги-олимпийцы
Из тьмы ночной сгустившуюся рать.
Пьют вино, разврату предаются
За стражей, за закрытыми дверьми.
Так есть ли Бог, какой бы прекратил
Зевесову мышиную возню?
Зевеса лишь в Элладе почитают,
А на Востоке – нет, за Геллеспонтом тоже.
Другие даже не цари, а боги –
У многих. Из тьмы своей, из трезвости, привычки.
Замки другие, также и отмычки.
На Зевса Прометей восстал давно,
Зато и на Скале Индийского Кавказа
Страдает где-то очень далеко.

Появляется Орел с широкими чёрными крыльями, делает круг над головой Александра, улетает в сторону Олимпа.

ГЕФЕСТИОН (*проводя его взглядом*).

К Зевесу полетел.

ПРОМЕТЕЙ.

Встарь, как и сейчас,
В тени врагов,
Докладывать о нас,

Что мы собрались
Без ведома богов.

АРИСТОТЕЛЬ (*Александру*).

Смотри прямой на Солнце.
Молись ему, оно всему предел.
Оно в нас входит через глаз
В миры на донце,
В предошущенья дел,
В сны ощущений, чувственных вещей,
“Материя” в нем – стронций, атом.

ПРИЗРАК ПЛАТОНА.

Мир тот и этот,
Чувствен человек,
А есть еще “идея” человека,
“Второго” как бы, есть еще и “третий”.
Над ним всевозвышающ, всеобъемлющ,
Он состоит из всего.

АРИСТОТЕЛЬ (*тени своего учителя*).

Не получается число.
Математические эти
Идеи “сами по себе”,
А человек – живое существо
“Сам по себе”.

АЛЕКСАНДР.

Схватились в споре,
В таком задоре.
Учитель! Так есть ли хоть начало бытия?

АРИСТОТЕЛЬ.

Во истину сияя!
“Материя” есть, “форма” как переход
Возможного в реальность.
Причина есть движения и цель.
Ну, например, построить дом.
Теория на то моя простая.
Переведем же дух в материальность,
Построим рассуждения на том,
Слова листая.

УЧЕНИК ИЗ XXI ВЕКА.

Как в стенку – дрель.

АРИСТОТЕЛЬ (*глядя строго на Александра*).

Продолжим рассмотрение вопроса:
Возник ли мир во времени?

АЛЕКСАНДР.

Согласно теореме,
Вчера доказанной и нами,
Движение в мире вечно, как семя –
Начала не имеет и конца. Мы сами
Тут к тому пришли вчера.
Причина вечного движения
Есть Бог, такое положение.
Тут бытие, сливаясь с мирозданием,
От дома переходит...

УЧЕНИК ИЗ XXI ВЕКА.

К зданьям.

АРИСТОТЕЛЬ.

И человек по сущности от Бога,
По аналогии, когда нас много,
Реальность наивысшая к нему восходит.
Бог ум есть, мысль активная,
Теоретически направлена на знания.

(Поворачиваясь лицом к Александру.)

Ты вроде царь
И в вечном вроде бы походе
За знаниями для сердца и ума,
Такие сочетанья.

ГЕФЕСТИОН.

Такие сочетанья –
Для Бога, да?

АРИСТОТЕЛЬ.

Бог – мысль есть совершенная сама,
Направлена на что-нибудь всегда,
На совершенные предметы.

ПРИЗРАК ПЛАТОНА *(всплывая)*.

Да что ты, где ты
Взял у меня все это!
Что говорил тогда я в роще
Вам в Академии своей?
Ученикам своим? Да, если проще,
То высшая бытийность бестелесна,
На то “идеи”, “эйдосы”...

АРИСТОТЕЛЬ *(перебивая тень учителя)*.

Какие ребусы!
Уж выросли мы из таких штанишек.

Бытийность высшая – “материя” и “форма”,
Ума божественный излишек.
У нас монизм – единый Бог, творец,
А ты из “эйдосов” своих
Построил иерархию, отец!
Свой плюрализм развел,
Осел!...

АЛЕКСАНДР (*вскакывая с Камня*).

Да что вы, что вы, деды!
Еще и в бороды вопьетесь,
Крезы, веды!

АРИСТОТЕЛЬ (*успокаиваясь*).

Да нет, он – призрак,
А туда же, спорит.

АЛЕКСАНДР.

Так что же, это признак,
Что вечно бытие?
Не может мир погибнуть вроде?

АРИСТОТЕЛЬ (*уклончиво*).

Сынок, свое сказал я.
Мир не возник, не может и пропасть.
А если надобно другое вам, друзья,

(кивая ученикам, сидящим на поляне),

То спросите у Плотина, неоплатоника.
Все б ему нас неизреченно клясть,
Вселился в душу бес.
В коробку все б ему конечность света класть,
Весь мировой процесс.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Площадь Ристалищ по другую сторону Олимпа. Царь македонский Филипп в кольчуге и при оружии на простом, грубо сколоченном деревянном помосте. По сторонам – военачальники, приближенные в ожидании смотра войск. Вся площадь кипит, гудит от народа.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*махнув хлыстом на Олимп*).

Опять вчера до чёртиков надрался,
Едва туда взобрался.

ЗЕВС (*выглядывая из-за облаков*).

Ты на меня?

ЦАРЬ ФИЛИПП.

На что ты сдался!
Вот на нее (*показывая на царицу Олимпиаду*).

Жену свою. А ты
Гол, как сокол. Пьешь, а за что?
ЗЕВС (*скрываясь опять в облака*).

Не твое дело, пью за свои деньги.
Гляди у нас, а то... а то... а то...
ЦАРЬ ФИЛИПП (*уже пьяный, едва ворочая языком*).
Вот день-ги-ги.. день, ги...

(*Стоящему рядом военачальнику.*)

Являлся Зевс иль это показалось?
ВОЕНАЧАЛЬНИК, КОМАНДИР ПЕХОТЫ ГОРЦЕВ.
Да показалось, показалось.
О царь! Забрал в горах всех мужиков.
Пасти коз некому, лозу стричь тоже.
Что пить, что есть? Вон сколько мудаков,
Уж всех кормить не можем.

(*Показывая на отряды, ждущие за оливковой рощей*),

ЦАРЬ ФИЛИПП.
Не твое дело, дело казначея.
Талантов начеканит, сколько надо.
Как драхм себе же на беду
В семнадцатом году.

ВОЕНАЧАЛЬНИК ГОРЦЕВ.

А из чего?

ЦАРЬ ФИЛИПП (*испивая амфору до самого дна*).
Да хоть бы из камней,
Товара своего.
Змея ведь под тобой, стоишь на ней.
Вишь, армия какая! Сколько силы!
А там, во глубине азийской, еще сильнее.

КОМАНДИР ГОРЦЕВ (*вздыхая*).

Опять нам скоро рыть могилы.

ЦАРЬ ФИЛИПП.
А думал как! Коль армию собрали,
Так ее надобно гонять.
А ты все мне: едва от титьки оторвали.
Они уж воины мне, рать,
А рать ведь надобно гонять!
Чтоб не загнили,
Чтоб в мыле все ходили,
Хлеба не просили,
Хлеб и оружие в бою себе добыли,
Да и царю в ладошке принесли...

Сейчас пойдут. Увидим всех в пыли,
Сто верст прошли.

ВОЕНАЧАЛЬНИК ФРАКИЙСКОЙ КОННИЦЫ (*ехидно, из-за чьей-то спины*).

Вот родная матушка-пехота,
Сто прошли, еще идти охота.

КОМАНДИР ГОРЦЕВ.

Молчал бы уж.
Навешал на коней своих игрушки,
Как побрякушки.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Пушай висят. Сегодня – при параде,
А завтра персы срубят и башку.

(Махнув рукой.)

Ну что ж, пошли! Не напирайте сзади!
Смотри, народ! Вот конница идет!
Вот горцы! Поддают душку,
Ха-ха, хи-хи... А вот стрелки
С колчанами... Вот колесницы...

КТО-ТО ИЗ ПРИБЛИЖЕННЫХ (*на ухо царю Филиппу*).

Гляди, куда девались спицы?

КОМАНДИР ФРАКИЙСКОЙ КОННИЦЫ.

Нет, не готово войско к битве,
Одни слова, молва, молитвы.
Пропили стрелы, сбрую...

ЦАРЬ ФИЛИПП (*наливаясь кровью*).

Башку срублю любую!

Уже невесело глядит на проходящие войска.

Отворачивается, садится даже спиной, фракийская конница тут же и останавливается. Царь Филипп вскакивает, машет рукой. Однако настроение площади спало. И только в углу, под оливами, как ни в чём не бывало, весело. Жизнерадостно бегают, прыгают, борются, сражаются деревянными мечами молодые македонцы. Среди них сын царя – Александр со своими ровесниками.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*подзывая Александра*).

Построй фаланги, проведи
Перед царем, народом
Орлов своих! Сам будешь впереди –
Царь некоторым родом!

Сверстники Александра тут же собираются в развернутые шеренги. Ряд за рядом, в ногу идут по Ристалищу Александровы фаланги.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*смахивая слезу*).

Пошли, потешные!
Сыны мои, сынки!
Надежда наша и опора! Грешные –
Щиты наперевес руки!
Вот красота! От строя, шага, взора!
Орлы, спасибо! Сынок, веди!

Толпы замирают, впиваются взглядом в Александра, в шеренги его, быстро и четко идущие.

МАТЬ АЛЕКСАНДРА – ЦАРИЦА ОЛИМПИАДА (*шепча под нос себе*).

Быстро и четко идущие –
В завтра, в грядущее.

И взвизывает голос, который фаланги тут же и подхватывают, шагают шеренги с песней – неизвестной, незнакомой, забирающей душу, неожиданной и лихой.

“Мы в бой поедем на тачанке
И пулемёт с собой возьмём!”

ИЗ ТОЛПЫ (*ахнув*).

И откуда ж такое, ребята?

ИЗ ШЕРЕНГИ.

Да вот парень, вот его латы!
Из XXI-го века зоил,
Песне нас обучил,
А Александр недокумекал,
Откуда она, из какого века.

ГОЛОС АВТОРА. И в строй непременно включил.

Тем и затёрли пятно от смотра Филиппова войска потешными полками Александра, пока еще не геройскими, но очень даже понравились всем – и царю, и народу. Будет кому постоять за свободу. Если персы нагрянут – ребята подрастут еще, встанут.

И стал царь Филипп после того принимать меры: оружие ковать, коней покупать, гонять конницу и пехоту по всем правилам военной науки, в бранной хитрости военачальников всемерно поощрять. Так готовилась рать.

Тут же, на ристалище, через несколько дней. Войска и народ. Царь Филипп сидит на том же помосте. Перед ним проводят коней, пригнанных из степей для новых отрядов царской конницы. Всюду короткие взвизги, беспокойное ржанье, мерный стук-постук, это удары молота о наковальню.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*хмурясь*).

А позвать мне сюда конного Казначей!

Приходит Казначей с мешком – тощий белобородый старик.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*ему за спину*).

А другого не нашли, какого позвончее?

СЛУГИ ЦАРСКИЕ.

Хорош и такой, в конях знает толк.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Ты, что ж, зубами щёлк да щёлк?

Как волк –

Голодный.

КАЗНАЧЕЙ.

Монеты царские считаю.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Коней получше бы привёл,

А то сажать кого куда – не знаю,

Фракийцы, ишь, богатыри!

А кони – мелочь, только бы кусаться.

Хвосты обрежь – в копыта хлещут!

Так можно и без конницы остаться,

Посмотри:

Откуда хоть такие?

КАЗНАЧЕЙ.

Из Скифии, из внутренних степей,

Зато в работе дюже злые.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Не экономь на этом, прохиндей.

Нам чтобы всадник был во всей броне,

Вот, Казначей, что нужно мне!

А это что там стук да стук?

КАЗНАЧЕЙ.

Да так, мой внук,

Работает тут в кузне кузнецом.

Кует доспехи, чистит и копыта.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Кому?

КАЗНАЧЕЙ.

Коням.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Поставь сюда лицом.

КАЗНАЧЕЙ.

Кого?

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Да внука своего,

Бандита.

Ты, что ль, совсем, старик, не слышишь?

А как же торг ведёшь?

Чем, как говорится, дышишь?

Приводят кузнеца.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Куёшь?

КУЗНЕЦ.

Кую.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

А на каком... шлею
Сперва ты удержишь?..

КУЗНЕЦ.

Что на каком?

ЦАРЬ ФИЛИПП *(наливая ему из своей амфоры).*

Команду собери – вишь, лук?

Чтоб было их, таких, нам десять тысяч штук,
Да через две недели.

КУЗНЕЦ *(выпивая до дна).*

Царь, будет! К той вон ели
Положим через две недели.

КАЗНАЧЕЙ *(царю).*

Так что с конями-то –
Назад или в котел?

ЦАРЬ ФИЛИПП.

А то вон на кусте – что там висит?
Ах, шкура конская – уже?
Уж съели? Мне мальчик говорит.
Мой приговор сейчас же в исполнение привести!
Коня такого съест! С лица земли смести!
Найти виновника – повесить!
Нет, лучше расстрелять!
Вот, в самом деле,
Как распоясались!
Не армия, а сброд!
Собрать народ, пушай глядят,
Как будем казнь вчинять.
Ущерб наш царский
С виновного кто будет возмещать?
Народ дикаррррский!

Сбегают люди, отряд фракийцев в полном составе держится в стороне. Появляется простоволосая Олимпиада – жена Филиппа, царица. С ней мать того самого воина, кого ведут уже к дубу.

ЦАРИЦА ОЛИМПИАДА *(царю).*

Не смей казнить!
Ты любишь лишь лошадей,

Но не людей...
Он наша нить
С самим героем Ахиллесом,
Его он роду,
Дай ему свободу!

ЦАРЬ ФИЛИПП (*гневно*).

Вот распустились, взяли моду!
Ну, ладно. Там казнить, за лесом.
Пусть уведут! Под кнут!
Под кнут, под кнут стрелу воткнут!

ОТРЯД ФРАКИЙЦЕВ (*с ропотом*). У-у-у! У-у-у-!

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Не войте, волки!
Всё злобы, недомолвки.
Пошлю вас завтра же в разведку
За море к персам...
Сломили бы хотя бы ветку
Да мух бы отогнали там, за лесом...
Всё, уходите, не хочу вас видеть.
Ко мне, военачальники мои!

Живо сбегаются военачальники, медленно тянутся царедворцы.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Гуляем, братья! Праздник будет, той!
Но прежде – дело, элемент простой!
Коней смотреть, группировать.
Негодных будем браковать!
За так народу отдавать.

Ристалище опять кипит от людей. Снова конское ржанье, запах паленого – это ставят на крупы клейма. Тут же сын царя Филиппа – молодой Алесандр. Проводят жеребца – вороного, огромных размеров.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*глядя зачарованно*).

Ого! Откуда, как зовут?

СЛУГА.

Да Буцефал.
Из призакатных стран,
Ещё неезжен.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

А ничего, а ничего.
Ну, прямо под царя!
Свободу дать, освободить от пут.

Пусть побрыкается,
На стрежень дня взвивается,
Мы укротим!

Садится на Буцефала, конь тут же сбрасывает его. Царь Филипп, поднимаясь с земли, почёсывает бока себе. Постепенно лицо его наливается кровью, гневом. Подбегает молодой Александр.

АЛЕКСАНДР.

Отец! Вот случай!
Не мучь его, не мучай!
Дай я попробую хоть раз!
Да хоть сейчас!

Царь Филипп медленно обнажает короткий меч, подходит к горлу чёрного гиганта. Тот косит лиловым глазом, прыдет ушами – от ужаса нервно перебирает ногами.

АЛЕКСАНДР.

Отец! Молю!
Попробовать мне дай!

ЦАРЬ ФИЛИПП (*махнув рукой*).

Валяй!

АЛЕКСАНДР.

Валю!

Александр стоит перед Буцефалом, прицеливается. Конь, трепеща, не даёт подойти сзади, целит копытами в Александра. Тот стоит прямо перед глазами коня, берёт чуть в сторону, Буцефал поворачивается за ним, ещё за ним. Александр выводит коня глазами к Солнцу, тень теперь сзади, её не видеть. Александр тоже сзади, конь не видит его. Миг – и Александр взлетает на круп! Конь так и приседает, стоит, дрожит, мелко перебирая ногами. Косит лиловым глазом назад, а Александр у него уж на крупе расселся.

Толпа воет от восторга. Александр бросает поводья слуге, подходит отец.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Он твой! Бери!
Уж вырос, сын ты, скоро воин.
А вот и конь, и ты его достоин.
Гляди не умори!

АЛЕКСАНДР (*восторженно*).

Не уморю, отец!
Вот на коне я, наконец!

Вечером, глядя на закат, на том же деревянном помосте царь Филипп и его ближайший сподвижник, военачальник – Командир горцев.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*тяжко вздохнув*).

Видал, что происходит?
Уж ропшет армия,
Разложится вот-вот.
При всем честном народе
Фракиец этот, обормот,
С коня снял шкуру.

КОМАНДИР ГОРЦЕВ.

Сдуру.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Не сдуру,
А мог себе позволить
Так сделать при царе живом.
Все держится на чём?

КОМАНДИР ГОРЦЕВ (*показав кулак*).

Понял,
Как надо армию вести?
Немножко хорохорить,
С соседом вздорить,
Бросать в дела
Хотя б мою пехоту.
Маленько кровушку спусти
И вызовешь икоту –
Коню, пехоте, флоту.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Куда вести, чего скрести?

КОМАНДИР ГОРЦЕВ (*оглядчиво*).

Эллада вся враздробь,
Все земли кто куда.
Объединить, собрать в одно,
Подобное подобным уподобь.
Объедини, Афины приструни!

ЦАРЬ ФИЛИПП (*раздумчиво*).

Кровь лить свою, элладскую
Как раз перед нашествием с Востока?
Зови Аспазию, вчера тут появилась.
Пусть скажет свою речь,
Как Македонию сберечь.

*Командир горцев уходит, появляется Аспазия – учитель Со-
крата, обучавшая его риторике.*

АСПАЗИЯ.

Пришла сама я, ничего себе!
Сама ведь догадалась,
Зачем нужна тебе,
Царь Македонский.
Какая жалость!
С Афинами давно ли я рассталась,
А тянет снова в их дух подонский.
Прогнили, разогнали все умы,
Все лидерства давно порастеряли...

ЦАРЬ ФИЛИПП (*строго*).

Короче, мать!
Не обобщай. Сумы
С нас не тяни,
Казна, казна пуста.
На то у вас имеются места.
Но дай совет... ты поняла иль нет?..

АСПАЗИЯ.

Я песню павшим только что пропела,
Сказала утешительную речь.
Эллины на эллинов – это дело?
Нам всю Элладу надобно беречь.
Я не казны пришла тебя просить,
Наоборот, пойду по всей Элладе –
По Спарте, по Коринфу, по Аркаде, –
Чтоб отовсюду к вам сюда носить.
Собраться с силой! Нужно много сил!
Велик Восток, царь Дарий молодой.
На троне уже пятый иль седьмой, –
Играет бородой.
Протянется сюда та борода,
Сметет все в наши города.

Утро. На Олимп ложатся солнечные лучи. Молодой Александр всматривается в снеговую вершину священной горы. Прилетает Орёл, снова кружится над Александром, спускаясь всё ниже.

АЛЕКСАНДР (*напевая под нос себе песню, услышанную из того же источника*).

“Чёрный ворон, ты не вейся
Над моею головой.
На удачу не надейся,
Чёрный ворон, я не твой”.

(Появляется мать Александра – царица Олимпиада, обнимает сына.)

АЛЕКСАНДР (*отстраняясь*).

Так всё же кто я?
Богочеловек иль Человекобог?
Деды-философы, мои друзья,
Так мне и не сказали,
Никто сказать не смог.

МАТЬ АЛЕКСАНДРА – ЦАРИЦА ОЛИМПИАДА.

Кто скажет, сын? *Никто* не скажет.
Иди к дельфийцам,
К Дельфийскому Оракулу сходи.
Он знает Истину – на страже,
Чтоб говорить всем прямо в лица,
Что и когда и почему случится!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Дельфы – в сотне километрах южнее Афин. Местонахождение Дельфийского Оракула, прорицающего судьбу. Молодой Александр и друг его Гефестийон, как и Одиссей когда-то, в круглых матросских шапочках сходят на берег со своего корабля.

АЛЕКСАНДР (*оглядывая окрестность*).

Красиво как! Ручьи, долины, горы.

ГЕФЕСТИОН.

И море – Посейдонова обитель.

АЛЕКСАНДР.

Мать говорит, несет Оракул вздоры.
Однако ведь послала, – поглядите,
Послушайте, воздаст чего Оракул –
Дельфийский прорицатель и колдун.
Вот мы и тут. Вот книга про Итаку,
Про Одиссея – блеск, владенья Лун.
Вступаем в чары Дельфов бледноликих,

ГЕФЕСТИОН (*с готовностью*).

В хламидах. Вида царского туники
Оставлены, где мать моя, земля
Родная, Македония моя.

АЛЕКСАНДР.

Мы кто с тобой? Матросы с корабля.
Зачем нам представлять царя?

Соврет Оракул, обовьет змея
Порочным взором, злобою горя.
Войдем с котомкой в город, как и все.

ГЕФЕСТИОН.

Чего они тут понагородили?
Да быть бы живу, выбратся б отсюда.

АЛЕКСАНДР.

И душу сохранить. Чтоб Дельфы полюбили,
В объятых нас с тобой не задушили.
Не осквернили б мысль средь опьяненья, блуда.

ГЕФЕСТИОН.

Гляди – попутчики! Ещё ведь не дошли
До Дельфов, а уже пьют.
Повсюду амфоры, из амфор льют,
Назад не выльют. Что же там вдали?
Войдем в поток людской и растворимся,
Но пить вина не будем.

ГЕФЕСТИОН.

Не будем пить воды, не будем
Пить и вино, оно – оно
Зачем на радость нам дано?
Разве чуть-чуть, чуток?

АЛЕКСАНДР.

Утонем в блуде,
Сметет таинственный поток.
Нас проверяют тут, чем и Восток,
Когда уносят голову на блюде.

Проходят по многолюдным, златокипящим площадям, приходят к узкой, едва заметной тропе, ведущей в гору, к Дельфийскому храму, царящему над долиной. У начала каменных ступенек Стража скрещивает перед носом пики. Появляется Слуга.

СЛУГА.

Кто вы? Куда?

ГЕФЕСТ.

Матросы мы. К Оракулу тут, в Дельфах.
Хотим узнать, что Посейдон сулит.

СЛУГА.

Оракул спит. Что ж он вам – раб?
Работать днем и ночью.
На том и зиждемся. Не слаб,
Доказывает всякому воочию,
Что Истина нам ловится не в раз,
А бьет так прямо в глаз.

Да по наитию, когда лишь свыше –
Всевышний пламена напишет.
Все ждут. Вон видите вас сколько?

(Указуя на Дельфы – город, расположенный ниже, в долине.)

И вы дождетесь своего.
Там развлечений всяких столько,
Что обалдеешь от всего.
Вас, когда надо, там отыщут
И в храм высокий приведут.
Но, помните, к нам допускается из тыщи
Не больше двух, и только те,
Кто чист душой,
С незамутненным разумом. Вино?
Когда душа стенает, грезит,
Нам все равно.
Да пейте, сколько влезет!

*Александр с другом в своих круглых матросских шапочках
отходят от каменных ступенек, ведущих к Дельфийскому храму,
и направляются в город.*

АЛЕКСАНДР.

Противоречие в словах.
Сказал, чтоб был “незамутненным” разум,
А пить вино позволил.

ГЕФЕСТИОН.

Торговля ведь. Дает доходы сразу.

АЛЕКСАНДР *(подхватывая)*.

И Дельфам, и Афинам, тем более...

ГЕФЕСТИОН *(перехватывая)*.

Поболее, наверно, чем Оракул.

АЛЕКСАНДР *(подхватывая)*.

Оракул сам, наверно, не берет,

А если и берет, то...

ГЕФЕСТИОН *(перехватывая)*...

сколько кот наплакал.

*Оба взрываются смехом. И, положив руки на плечи друг другу,
Александр с Гефестионом вливаются в людской поток, ведущий
к веселью и развлечениям.*

АЛЕКСАНДР *(останавливаясь у места, где поток разделяется)*.

Гляди, мой Гефестион, дружок ближайший!

Вот стадион. Вот музыкон. А вот товары,

Вино и лучшая еда,

Куда пойдём?
На стадион? Где бегают, копьём удары
Наносят в тело, вот сюда?

ГЕФЕСТИОН.

На стадион! На стадион!
По стадию хотя бы пробежимся.
Вон все бегут со всех сторон,
А мы с тобой стоим, бежать боимся,
Вот до конца разок и добежим.
После столицы македонской
Мне город, знаешь, люб какой?

АЛЕКСАНДР.

Какой?

ГЕФЕСТИОН.

А Марафон. Подать рукой
Там до Афин, до посеидонской
Воды – ласкающей, морской.

АЛЕКСАНДР.

Так сколько стадий?
Тот воин сколько пробежал?
Чтоб столько ж нам тут одолеть?

ГЕФЕСТИОН (*запнувшись*).

Забыл! (*Через паузу.*)
Сейчас скажу.
Тот ученик опять явился,
В моем воображеньи чисел медь:
Да “42 и 195”!

АЛЕКСАНДР.

Пошевелил “машину времени”
Учитель мой, наш Аристотель.
Дал, разгрузясь от бремени,
Наверно, это в километрах,
В арабских числах.

ГЕФЕСТИОН.

Я круглых числ люблю овал.
Чтобы поменьше дух стенал,
Душа не висла, не зарывалась в числа.

АЛЕКСАНДР.

Ну хватит, хватит в снах копатьсь!
Давай по улочкам пойдём.
И вот подъем, ещё подъем,
Грешно нам тут не задержаться.

Поэты собрались, стихи читают!
Не обойдем их стороной,
Тряхнем и мы тут стариной.

ГЕФЕСТИОН.

А там вон марафонцы убегают,
Без нас с тобой приз первый разыграют.

АЛЕКСАНДР.

Пехота ты природная, из горцев!
А я привык уж на коне скакать.
Мой Буцефал! Где ты снучаешь? Солнце,
Где ты садишься, чтоб тебя встречать?
Идем читать! Идем любить! Идем страдать!
Идем словечко обожать!
Прошу тебя, мой друг любимый!
Сними барьер неодолимый!
Идем же к ним туда, к поэтам.
Хоть тут сыпь жемчуга, коль там нельзя,
Такая уж у нас с тобой стезя.
Я тут стихом, как кровию, умоюсь,
По саму бровь в себя заруюсь.

ГЕФЕСТИОН (*восторженно*).

Уже пошли как бы стихи.
Мой Александр, иди читай!

АЛЕКСАНДР.

Да мы еще и запоем!

ГОЛОС АВТОРА.

Со мной вдвоем!

Они подходят к поэтам, читающим свои стихи, – это аэды; читающие чужие стихи – это рапсоды. И первый среди них, кто сказал не эпически – не о народе, стране, а о себе лично, своей душе, о её страданиях, болях, был Архелок.

АЛЕКСАНДР (*восходя к нему, как на эшафот*).

Ты – Архелок?

И с ходу ему, с листа.

“Читайте, аэды! Читайте, рапсоды!
Не знаю, кто, собственно, я,
Но все мы влюбленные, все сумасброды,
Тут вся атмосфера своя.
Да кто я и кто ты? Кто все мы на свете?
Но знаю, что за человек.
У Бога “второй” я, а может быть, “третий”,
Свою бесконечность изрек?”

Запевая, Гефестион поддерживает друга, да так вдвоем и читают, поют. Стекаясь сюда, люди обращают внимание на матросов в этих круглых Одиссеевых шапочках.

АЛЕКСАНДР И ГЕФЕСТИОН *(продолжая)*.

“В моем Солнце – Эллада,
В моих Лунах – Олимпы,
В единичном – возможности снов.
Ничего мне не надо,
Афродита – Паллада
Не затмит трепетанья основ.
Под оливой лежу, на оливу гляжу,
Ты поспи, я тебя разбуджу.
Удивленные смотрим на Дельфы,
Пробужденные – гномы и эльфы”.

ГОЛОС АВТОРА. Пробежали три стройные, просто жуткие девы, невозможные в своей Красоте. Положили на плечи себе их напевы, как Аспазии редкие речи, как блистательный луч в высоте, эти жуткие, просто жуткие девы.

Одна из трех женщин, проходящих мимо (Александру и Гефестиону).

Вы не матросы, шапочки не ваши!
Учитель ваш – философ Аристотель.
Но ты – аэд, поэзией окрашен,
Душа твоя в немеркнувшей работе,
Люблю аэдов!

Все трое, качнув фестонем траурного платья, проходят мимо.

Мы любим, аэды, вас, любим!
И, хоть мы уходим сейчас,
Мы вас никогда, никогда не забудем,
Таких вот, поющих про нас.

АЛЕКСАНДР *(первой из них)*.

Как зовут вас, святая троица?
Вот тебя! Идет, не остановится.

ПЕРВАЯ *(из троицы)*.

Надежда.

АЛЕКСАНДР *(второй из них)*.

А как зовут тебя?

ВТОРАЯ *(из трех)*.

Вера.

АЛЕКСАНДР *(третьей)*.

Как тебя зовут?

ТРЕТЬЯ.

Любовь.

Обнявшись, все трое уходят. Вернувшись, первая подбегает к Александру, целует его прямо в губы.

ПЕРВАЯ.

Лидия меня зовут, Лидия.

Все трое исчезают в подступающих сумерках.

Александр с Гефестионом лежат где-то за городом. Совсем близко журчит ручей, несёт в море полные воды. Рядом валяется ещё одна амфора, от неё черепки.

АЛЕКСАНДР (Гефестиону).

Послушай, друг, ходили мы к невесте?
Иль это мне пригрезилось, приснилось?
Как будто я был с ней один и вместе,
Не мог нацеловаться, что случилось?

ГЕФЕСТИОН.

А ничего. Вон амфора пустая,
Вино в ней было "Лидия",
Так местность называется. Листая
Гомера, ты, Александр, то не предвиди я,
Все три, видать, таких бы осушил,
Чтоб обрести вдруг ощущение крыл,
На форуме поэзии блистая.

АЛЕКСАНДР.

Но девы были? Три, одна в одну.
Все три богини на одно лицо.
Не доверяю я тебе и сну.
Все трое, как из-под резца, в конце концов.
Из храма изваянья, все три одна в одну.
О, как с одной из них мы целовались!
Её одну лишь Лидией зовут,
Другие же абстракцией казались,
А эту совершенной сделал тут
Оракул в Дельфах, чтоб меня привлечь,
Чтоб не уплыли мы дочитывать ту речь,
Какую мне Аспазия сказала.
Такой речистой в Македонии слыла,
Дочитывали посредине лета
И тут, и где-то.

ГЕФЕСТИОН (мечтательно).

Что значит Дельфы, Греция, Эллада!

Тепло и ночью, спи тут на траве.
Лишь дождь бы не лупил по голове.

АЛЕКСАНДР (*вторя ему*).

Какой там дождь?
Нам дома быть не надо.
Нам крыша – небо, звезды и Луна,
Тепло – с долины, холодок – с ручья.
Я шапочку кладу на камень... жаль – одна...

ГЕФЕСТИОН.

Возьми мою,
Помягче будет.

АЛЕКСАНДР.

Ну, а ты?

ГЕФЕСТИОН.

А я? Я посижу,
На друга погляжу,
Как будешь спать
На свободном ложе,
Сын божий.

АЛЕКСАНДР.

Дождаться бы рассвета поскорей,
Чтоб Лидию назвать уже своей,
Сжать её в пламенных объятьях,
Не ощущая платья.

ГЕФЕСТИОН.

Вам, царским сыновьям,
Любить простых нельзя.
Невест вам выбирают боги, случай,
Что, то лаская, то порой грозя,
Играет тайно и могуче.

ГОЛОС АВТОРА. На следующее утро, по пояс оmyвшись у дельфийского ручья, Александр замечает рядом бегущую по скале трещину. Как змейка, скользит она и уходит в гору, где зияет белыми колоннами священный храм Дельфийского Оракула.

АЛЕКСАНДР.

Видал – миндал? Змея,
Как трещина какая.

ГЕФЕСТИОН.

Наоборот, то трещина была,
А то в скале уже змея.

АЛЕКСАНДР.

Однако что-то холодею я,
Как Ахиллес, змея такая!

Заманит в лес, в миры чудес, –
Змеюка вещая.

ГЕФЕСТИОН.

Ну и сиди тут, очереди жди,
Когда нас позовет к себе Оракул.
Я nanoшу еды тебе тут всякой,
А пития да сколько хошь, гляди!
Хрусталь – ручей! Нагнись и пей!

АЛЕКСАНДР (*беспокойно*).

Нет, лучше мы пойдём.
Мне как-то тут неловко.
Зайдем на стадион вдвоём,
Ты побежишь по стадиям, по бровкам,
А я останусь при своём.
Я Лидию пойду искать по Дельфам,
Случайно загляну к поэтам, эльфам.

ГЕФЕСТИОН.

Не пей вина и не читай стихов.
Что сделано успешного вчера,
Сегодня бы припрятать от волхвов.
Такая-то в судьбу игра,
Какую нам Оракул,
Я чувствую уже, видать, припас.
Пора!
Не в бровь, а в глаз.
Нет, от тебя я никуда.
Свой Марафон оставлю, не беда.
Бежать ещё успею –
От змея к змею.

АЛЕКСАНДР.

Ну что, пойдём побродим по местам,
По перекрёсткам и крестам?
И что меня всё больше беспокоит,
Так это мой отец, наш царь Филипп:
Как он быков своих-то кормит, доит?
Во что проник, к чему прилип?

ГЕФЕСТИОН.

Не беспокойся за отца.
Ведь у его кольца нет ни начала, ни конца.
Подумай, друг мой, о себе,
Наследнице своей – судьбе,
Вон у отца их целый шлейф –
Жен и подруг, сынов, детей.

Хоть говорить об этом грех,
А всё же нас, из тех сетей,
Волнует больше твой побег.

АЛЕКСАНДР.

Куда?

ГЕФЕСТИОН.

В успех.

АЛЕКСАНДР.

Ты, брат мой, сильно откровенен.
Про сети эти, про побег.
Растаял прошлогодний снег,
Олимп возник весь в македонской пене.

ГЕФЕСТИОН.

Как мыши.
Лезут все, куда повыше.

АЛЕКСАНДР.

Да, каждый в своей нише!

ГЕФЕСТИОН.

Нет, пусть теперь Оракул
Мне скажет, кто будет царь у нас наследный.
Не лезем в драку,
Но первый случай и последний.

АЛЕКСАНДР.

Да, кстати, кажется, вы с матерью моей
Единородцы? Едина с Ахиллесом рода?

ГЕФЕСТИОН.

Я к жизни прикипел твоей,
Мне не нужна моя свобода!
Мне всё равно, какого рода
Она – я, как и ты, при ней.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Там же, в Дельфах. Опять Александр с Гепестионом у каменных ступенек, ведущих в гору к Дельфийскому храму.

ГЕФЕСТИОН.

И как они нашли нас, в Дельфах этих?
Сколько народу, сколько кораблей.
Стремится всяк познать себя в комете,
Свою судьбу в запутанности дней.

АЛЕКСАНДР.

Узнали как? Неделя пролетела,
За это время разглядели нас.

Насквозь пронзили оком нас умело
Со всей Эллады голос, слух и глаз.
Спартанцы, афиняне, македонцы,
Матросы, бороздящие моря,
Заходят к ним сюда не зря,
Тут вся политика,
Хвальба и критика,
И рынок всяческих идей
От цикломены до людей.
Скрипит халдей,
Представлен каждый полис, города
Ум делегируют сюда.
Все знают, что творят в Афинах
И даже то, что будут там творить.
Вчера один переломился длинный,
Упал, так его стали колотить.
Финикиянин – мистики другой,
Из ассирийцев, что сюда пришли.
Так я не дал добить его ногой,
Сказал, чтоб на корабль финикиянский увели.
Так и у нас, пока мы тут,
Оракул уж прозрел маршрут,
Каким с тобою мы пришли.
Кто мы, зачем нас привело
Математически число,
А не какие-то нули,
Что представляют край земли?

Подходит Слуга, который встречал их тут и тогда. Кланяется Александру.

СЛУГА (*подчеркнуто*).

Сказали провести, Оракул ждёт вас.

ГЕФЕСТИОН (*шёпотом Александру*).

Следуй же за мной.

АЛЕКСАНДР (*так же шёпотом*).

За каменной стеной вдруг замуруют нас.

Путь, по какому кормчие прошли.

Все были тут, всем пифии вешали

У камня, стервы! Всех туда вели,

Где голоса пророчества пищали.

А вот и храм. Кто там за ним,

Где портик, круглые колонны?

Войдём, прохлада в стенах, дым –
И гулко.

Тут Аристотель меж колонн стенал, червлёный.

ГЕФЕСТИОН (*одним дыханием*).

Да, ничего себе прогулка.

СЛУГА (*обернувшись*).

Ни звука! Тут вещает Бог.

Да жрицы – пифии его.

Так вот!

В конце длинного темно-вишнёвого зала Человек в чёрных одеждах неожиданно выходит из-за белой колонны.

ЧЕЛОВЕК В ЧЁРНОМ.

Оракул я. Но все скажу потом,

Когда вы выйдете оттуда.

Оракул вводит обоих путников в небольшое квадратное помещение и удаляется. Гефестиона начинает трясти, Александр пальцами сжимает ему плечо. Оба делают несколько отчаянных шагов и оказываются у трещины, на которой сидят Три Женщины, тоже в чёрном. Откуда-то из-под них, из трещины, уходящей в недра, исходит дымка, исторгаются сильные, насыщенные запахи. Женщины что-то бормочут. Это и есть те самые жрицы-пифии, при которых вещает Дельфийский Оракул.

Александр с Гефестионом впиваются в них, жадно лоя острые сероводородные запахи.

АЛЕКСАНДР (*улавливая знакомые нотки в голосе*).

Лидия!

Жрица молчит.

АЛЕКСАНДР.

Надежда, Вера и Любовь.

Жрицы продолжают вздыхать, плачут и причитают.

АЛЕКСАНДР.

О Лидия, Лидия!

ПЕРВАЯ ПИФИЯ (*поднимая глаза на Александра, издали откуда-то, отделяя каждое слово*).

Твоя стихия – огонь.

Пойдешь в Египет, к Оракулу

В Сеулской пещере.

Он скажет, что делать.

И опять бормотанье. Всех троих. Не помня, что было, Александр оказывается опять внутри храма. Человек в чёрном – Дельфийский Оракул – уже на выходе, при дневном свете, кладёт правую руку ему на плечо.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ (*вещая*).

Станешь царем... Пойдешь войной – падет
Великая Империя...

Александр выходит наружу, Гепестион ждёт его перед храмом.

ГЕФЕСТИОН (*кидаясь к нему*).

Ну, что сказал Дельфиец?

Александр молчит. Ловит ноздрями воздух, пошатываясь от ветерка.

ГЕФЕСТИОН (*тряся его за плечо*).

Ну, что сказал, что?

Из мира птиц,

Не то?

Александр берет его за руку, молча они спускаются вниз той же дорожкой, которой всходили к Храму.

ГОЛОС АВТОРА. Остается ждать попутного корабля на Север – до Олимпа, родной Македонии. А пока Александр переваривает сказанное ему Дельфийским Оракулом. И смотрят друзья уже в оба, когда же встретятся им тут, в Дельфах, прекрасные девы. А пока они сидят то у того же ручья, то разгуливают по Дельфам. Александр явно обеспокоен, однако пытается скрыть это.

АЛЕКСАНДР.

Вряд ли увидим их,
Вряд ли в народ они выйдут.
Пока тут с тобой мы – на миг
Хотя бы увидеть Лиду.
Хотя бы коснуться взглядом
Шелка её волос.
Большого мне не надо,
Это хотя б удалось.

ГЕФЕСТИОН.

Может, на стадионе,
Силы слегка разогрев,
Выведем дух из агоний,
В беге перекипев?
Что-то мне душу волнуют
Те “42” как число,
По Марафонам кочуя,
Тело бы перенесло
К духам родного Олимпа.
Игры Дельфийские взяли
Свой бесконечный старт.

АЛЕКСАНДР (*иронично*).

Даже дают медали?
Их воспевают бард?
Царь я, и озадачен
Тысячью по “42”.
Ну, а как же иначе?
Стадии живы едва.
А конкретнее – сущности в сборе,
Полные категорий.
Царство на плечи валится,
Так на плечах и останется.

ГЕФЕСТИОН (*обеспокоенно*).

Все-таки что Оракул
В Дельфах тебе вешал?

АЛЕКСАНДР.

Так, пустотища, вакуум –
Нулик в себе ощущал.
Вон в порту корабли,
Новые подошли –
Грузят всё числа, нули.
Может, и с наших мест,
Полные все окрест.

ГЕФЕСТИОН.

Странно ты говоришь.
Что, “машину времени”
Употребляя, творишь –
Новые категории,
Опыты, “априории”.

АЛЕКСАНДР.

Завтра направимся в порт
Обозревать корабли.
Жизнь тут не первый сорт,
Даже среди мифов, красот
Материнской земли.
Обеспокоен отец –
Главный пастух у овец.

И тут со стадиона вываливается толпа. Закончены главные состязания – Дельфийские Игры. И кого среди всех Александр с Гефестионом видят?

АЛЕКСАНДР (*поразясь*).

Три девы! Ого!! Наконец!
Но что такое? Три старушки

С лицом, как яблоки печеные,
Они ли? Где тот червлёный, вещий чтец,
Что превратил их глазки-ушки
В сушеный перец, губки проперчённые?

ГЕФЕСТИОН.

Прошли и не заметили навроде –
В простых одеждах и в народе.

АЛЕКСАНДР.

О Лидия!

ГЕФЕСТИОН.

Она не обернулась.

АЛЕКСАНДР.

О Лидия!

Она не снизошла.

ГЕФЕСТИОН.

А в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь от нас с тобой ушла.

АЛЕКСАНДР.

Вот что такое есть рапсод.
Читаешь не своё, а Блока!
“Машины времени” оплот,
Предвосхишенье рока,
Когда потянутся Восток
Античности, морока.

ГЕФЕСТИОН.

Так что ещё предвосхищать
С тобой мы будем в Дельфах?
Реминисценции писать?

АЛЕКСАНДР.

Красивых женщин похищать,
Чтоб не старели эльфы.
Чтоб не работали на всех,
Как лошади и мулы,
За деньги, радости, успех
Не стягивало скулы.
Уничтожая Красоту,
Уничтожаем Жизнь.
Ты за химеры, пустоту
Таинственно держись.
В конце концов, и получай
Лет семьдесят за миг.

ГЕФЕСТИОН.

Мой Александр! Не обобщай.
Ты рассуждаешь, как старик.
“Машину” реже подключаешь,
Оберегай свой лик.
А всё же, всё же не поведал,
Что там сказал Оракул.
Все недомолвки до обеда,
После обеда – мраки.
Иль предаёмся мы за так
Платоновским “идеям”?
Чтоб Аристотель наш, чудак,
Отдал себя злодеям
На растерзание души.

АЛЕКСАНДР.

Мы сами тоже хороши.

ГЕФЕСТИОН.

Кто мы?

АЛЕКСАНДР.

Ученики.

ГОЛОС АВТОРА (*какой-то инобытийный, нереальный*).

Вот тут-то, на этом месте,
И услышал он совершенно чётко
Ночью во сне слуховую галлюцинацию,
Которую донесла до него Лидия:
“Товарищу Сталину”.
Докатилось всё же, вот как!
Прорицатели нации,
Куда забрался в некотором виде я,
В дела ещё первые, ранние,
По снегу проделав проталину.
Это все про царей и богов,
Докрутился до тех кругов.
Три часа спал после работы,
До часа ночи,
Бедный,
И услышал этот голос воочию –
Медный.
А ты слышишь меня, Александр?
Тишина говорит: “Не знаю”,
Значит, пока ещё до дна “колеса”
Не пробиваю.

В Дома Матери так и пишу – длинно,
Мучаюсь, каюсь.
От таких сил старинных
Возьму подкачаюсь.
Это Лидия мне сообщила
Про “Соловки”, скорее всего, –
Инобытийная сила.

ГОЛОС АВТОРА (*а это уже бытийный, реальный*).

И едва дождались рассвета Александр
с Гефестионом,
Побежали в порт они
Узнать что-нибудь про корабли.
Сказали им, прибыл, мол, есть два места
До олимпийской земли,
До Македонии, значит.
Да корабль пока разгружают,
Соль по земле сеют,
Дают кое-кому сдачи,
Мёртвых оплакивают,
В общем, как в “Одиссее”.
И вернулись в Дельфы,
Нашли свой ручей,
Пока что ничей,
И на трещину сели,
Как какие-нибудь пифии, эльфы,
Определили себе
Тому подобные цели,
Не думали,
Сколько будет это здоровью стоить.
Главное, чтобы дом построить,
Тратить большими суммами.

Александр и Гефестион сидят у бегущего к морю ручья.

АЛЕКСАНДР (*Гефестиону*).

Так были мы с тобой в порту
Или мне это приснилось?

ГЕФЕСТИОН.

Да были ж, были – по нутру
Прошлись там как бы с огнем.

АЛЕКСАНДР.

А что случилось?

ГЕФЕСТИОН.

Корабль пришел! Из наших мест.
И всё засияло окрест.

АЛЕКСАНДР.

Так, значит, скоро будем дома.
Как Одиссей, но из другого тома.
Вот тут, в гомеровской скрижали,
Опять мне буквы побежали.
Но мы к иному перейдём,
Обсудим то, что нам сказали.

ГЕФЕСТИОН (*дрожа телом*).

Они?

АЛЕКСАНДР.

Огни, а что ж ещё?
Пока мы тут, свободен кнут,
Чтобы стегать любую нить,
Судьбу на нити повернуть,
Так в путь же, в путь!
Дорогу завернуть,
Я – царь! А кто – отец?
Неужто вскоре и ему
Заплатят, наконец?
Но кто, зачем, когда и чем? –
Такого не забыть

ГЕФЕСТИОН.

Еще лишь только совершится,
А мы уж думаем о том.
Всё Македония нам снится –
И дом, и трон – в четвёртый том.

АЛЕКСАНДР.

Кто мог злодея погубить?
И то ли жив, то ль нет?

ГЕФЕСТИОН.

Да жив он, жив!
Я, корабельщика спросив,
Такой даю ответ.
Да будет жив,
Да будет жить!
Себе врага готов нажать,
Чтоб голову кружить.

АЛЕКСАНДР.

Пять версий мыслью насчитал.

ГЕФЕСТИОН.

Какие ж версии твои?

АЛЕКСАНДР.

Катитесь вдаль, мои ручьи!
И мойся ими, краснотал!
Не слышал ночью,
Чтобы так воочью
Мне кто-то что-нибудь сказал?

ГЕФЕСТИОН (*продолжая дрожать*).

Не слышал.

АЛЕКСАНДР.

Вот версия одна –
Лишили жизни той стрелой
За своего из того рода,
Что Ахиллес; фракийцы с силой своей злой –
Пехота, армия народа.

ГЕФЕСТИОН.

Но ведь и мать твоя оттуда,
Из Ахиллесовых глубин.

АЛЕКСАНДР.

Так, значит, я там не один.
Олимпиада, моя мать,
Хоть и ревнива, а сына любит,
А сын – отца; их не вини,
Вторую будем ночью брать...

ГЕФЕСТИОН.

Что – версию?

АЛЕКСАНДР.

А что ж?
Про горцев вспомним, свой народ.
Истощены. Ушла под нож
Овца, чтоб заплатить...

ГЕФЕСТИОН (*нетерпеливо*).

Кому?

АЛЕКСАНДР.

Царю. На армию. И вот
Себе одни нули.
Но всё же персы пострашнее.
Те всё возьмут, да нет, не горцы...

ГЕФЕСТИОН.

...не переварят эти порции.

АЛЕКСАНДР.

Есть третья версия – Афины,
Афин кровавая рука.
Однако персы всем на горе
Взирают косо за три моря,
А тут Филипп силен пока.
Нет, и не это есть причина.
А версия четвёртая – Зевес,
Какой сам на Олимп залез.
Да нет, не он. Его Восток не любит,
У них другие боги и цари.
Да Прометей, чего ни говори,
А на Скале Индийского Кавказа
Подозревает, обнажает, губит...

ГЕФЕСТИОН.

Кого?

АЛЕКСАНДР.

Вот мы и подобрались, наконец,
Кому всех негоднее отец!
Да перс же, перс! Царь Дарий на слуху, –
В династии как рыба на меху.

Появляется Орёл. Опять начинает вить круги, класть тень от крыльев на голову Александру.

ГЕФЕСТИОН.

Пора и в порт! На корабли!

АЛЕКСАНДР (*вскакивая и провожая взглядом Орла*).

Старик, рули!
Увидим пик родной Земли
Не так уж скоро,
Однако избежим обзора
Всемирного позора.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЯТАЯ

Македония. Молодой Александр со своим другом Гепестиионом возвращаются из поездки якобы в Афины, от своего учителя Аристотеля.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*заклячая сына в объятья*).

Ну, как там греки-афиняне

После сражений Саламинских?
Да как они здоровьем сами,
Когда им персы потопили флот?
Не поубавилось ли спеси
Иль всё при том же интересе?
Как тот Эней в палатах римских –
Трусливый грек малоазийский.
Сбежав из разоренной Трои,
Он в “сапоге” гнездо себе устроил.
Где и набрался спеси,
“Сапог” не помогал ему ни в чём.
А тут Восток опять навесил
Над нами меч, мы – под мечом.
То был царь Кир, теперь уж третий –
Царь Дарий, самый молодой,
А с бородой пустой, как ветер.
Удачлив, к нам уж подобрался.
Империю персидскую до моря
Так размахнул, уж за Египет взялся,
Его провинция теперь.
О горе! Горе на просторе!
Эллада, трепещи в ноши, как зверь!
Но мы не дети в малом споре,
Мы тоже дома не дремали,
Пока в Афинах вы бывали.
Как Аристотель? Чем озабочен
Ученый муж, учитель твой, сынок?
У нас всегда желанен. Между прочим,
И мы читать умеем между строк
И понимаем тон, намёк
Насчет того, что только зная
Удержат Запад и Восток
От схватки, противостоянья.
Какая мощь, какая сила
Теперь у Дария того!
Скачи хоть год, моя кобыла
Не доберётся до него.
Так что Афины там, сынок?
Как они смотрят на Восток?

АЛЕКСАНДР.

Да как и мы. Один Олимп.
У нас, у них – во все проник.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Ну ладно, будь. Потехи бросьте!
Твои потешные полки
Усы уж бреют, ходят в гости
К отцам невест. Уж кулаки
Сшибают древо, мужики.
Готовь на службу, в войско ставь.
Парад назначен в полдень,
Военачальники уж на подходе.
Хоть посиди при нём, хоть правь,
А я так сбоку погляжу,
Почищу войско. По ножу
Другим ножом я повожу.
Останься, жди!
С царем седи!

*Сходятся и съезжаются военачальники, бывалые воины, при-
ближённые – члены совета и не члены, просто богатые люди.*

ВОЕНАЧАЛЬНИК – КОМАНДИР ГОРЦЕВ.

Уж все, наверно, кому надо,
Пришли, сидят, ждут своего.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*усмехнувшись*).

А Зевс? Никак не вылезет из ада?

ЗЕВС (*из облаков*).

Я тут! Что – все опять на одного?

КОМАНДИР ГОРЦЕВ.

Да нет, ты Бог,
Не будь так строг.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*горцу*).

Ну, первым говори.
Лепи нам всё, как оно есть.
Нам не нужны тут ложь и лесть.

КОМАНДИР ГОРЦЕВ.

Набрали всякой твари –
По паре.
Развели полки –
В лохмотьях, в голоде, в неволе,
Как тигры в клетке.
Они нам скоро разнесут
Все в клочья сетки,
Какими кутаем огонь...

КОМАНДИР ФРАКИЙСКОЙ КОННИЦЫ.

... в реке Сморгонь.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*богатым людям*).

Ну, что ж вы так?
Не кормите народ,
Так ещё армию хотите мне зорить?

Всем в глубину зала.

Обоз направьте по дымам и весям.
Трясите, не просите – сами подавайте.
Все персы заберут,
Всех догола разденут,
Оставят при пиковом интересе.
Да вы хоть по-собачьи лайте,
А то меч в глаз воткнут,
Разрубят вену,
И кровь хлещи, хлещи...
Садитесь, майские хрущи!
Кусайте мёртвого, клещи!
Мечом рубите по колену!

КОМАНДИР ФРАКИЙСКОЙ КОННИЦЫ (*вскакивая*).

Да хватит, хватит! И так тут скользко!
Вошел в экстаз, изобразил картину.
Ты царь? О царь! Набрал бандитов в войско,
Они даже Олимп качают,
Когда царёво величают.
А сами – воры, жрут в болоте тину
Да жгут забор от имени царя.
В строю не знают “права”, “лева”,
Привязываю справа им солому...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА.

А зря.

ФРАКИЕЦ (*продолжая*)... это за царя.

А слева – сено, это – за царицу.
Чтобы ходили вместе стройно.
Зато как львы, когда рубиться!
Кормить их надобно довольноно.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА.

Всех бросить в бойню!

ДРУГОЙ ГОЛОС.

Пройтись в Афины
С пикой и мечом!

И пауза. Все замирают. Тяжелый момент.

КОМАНДИР КОННИЦЫ.

Эй, длинный!
Ты о чём?
Что скажет сын?

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Наш воин молодой?

МОЛОДОЙ АЛЕКСАНДР (*поднимаясь медленно, оглядывая всех и каждого в зале*).

Вишь, царь седой,
Такой один.

(И кратко, как мечом по камню.)

Аспазия нам это не велит!
О павших речь сказала
Как раз перед нашествием кирян,
Пред Дарием же снова повторяла.

И сел Александр, поклонился сначала Олимпу, потом царю.

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Назначается смотр потешных полков,
Будем старых учить дураков.
Как ходить, как любить, как Олимпу служить,
Как с царями Эллады дружить!

Молодой Александр возвращается к себе в фаланги – в свои потешные полки. Криками "Ура!" встречают его ровесники. Подходит Птолемей – с детства друг Александра, ныне военачальник потешных.

ПТОЛЕМЕЙ.

Ну, как?

АЛЕКСАНДР (*хмурясь*).

Да так. Никак.
Дом собираются построить,
Фалангам нашим смотр устроить.
А там решат – брать в войско или нет, –
Таков ответ.

ПТОЛЕМЕЙ (*отводя его в сторонку*).

А знаешь, что тебе скажу?
Давай по Фракии пройдемся
Иль в степь, подальше к рубежу,
Всего такого наберемся...

АЛЕКСАНДР (*насторожась*). Чего такого?

ПТОЛЕМЕЙ.

Коней, мечей, кольчуг и сбруй –
В шеренги, в цепи развернемся,

Аж ахнут! А после “сабантуй”
Устроим при приёме в войско.

АЛЕКСАНДР (*усмехаясь*).

Ты говоришь геройско.
Да Ахиллес оттуда родом,
Троянский конь
Не будет продан,
Мы лучше, друже, подождём.

ПТОЛЕМЕЙ.

А то со скифским встретиться вождём
Да степью в скифах походить
И к персу заглянуть с мечом.

АЛЕКСАНДР (*живо*).

Вот, вот. Немножко погодить
Да и Босфор собой промерить
И перса заодно проверить.
Давно за Дарием слежу,
Как он ногами по ножу
Давно тут ходит, зорит всех,
Богам наставил всяких вех.
Гонять потешные полки
Не больно умная наука.

ПТОЛЕМЕЙ (*в тон ему*).

Мы с детства тешим брань руки,
Гоняем колесницу. Внука
Зевеса возим по полям,
Аж пыль звенит.

АЛЕКСАНДР.

Гляди в зенит!
Смотри, куда глядит
Военный смысл, учись у всех,
Кто жадности да мародерству
Противопоставил цель, успех.
Мысль благодаря упорству
Мы воплощаем в мастерство, в дела.
Вот Кир хоть, Дарий тоже,
Хоть третий, что нам в сатрапы метил,
Когда был помоложе, –
Умён, хитёр и даровит,
С народом ладит, мыслью плодовит, –
Всё понимает, где плохо что лежит
И что чему противопоставить.

Да кус схватил, а знаний маловато.
Какие есть, и те черней булата.

ПТОЛЕМЕЙ (*живо*).

Так я пошел! Готовиться за море,
Босфор мы на мешках переплывем.

АЛЕКСАНДР.

Каких мешках?

ПТОЛЕМЕЙ.

На кожаных. Как скифы
Итиль переплывают у себя.

АЛЕКСАНДР.

Проверь на речке. Может, это мифы
Гермеса возбуждают и тебя?

*Утро. Царь Филипп призывает сына к себе, в царские покои.
Прямо у трона царь пьет с приближенными играющее искрами
золотое вино.*

ЦАРЬ ФИЛИПП (*широким жестом*).

Садись и ты,
Чего стоять?
Булат – мечты
Готов срубить.

ЦАРЬ ФИЛИПП (*резко*).

Тебе, мой сын, уж скоро девятнадцать.
Намечен праздник. Той великий, той!
Смотр учиним всегреческий, всей нации –
Афины, Спарта, контингент какой!
Сойдутся из доменов люди.
Отметим совершенный возраст твой,
Ты человек у нас тут не простой.

ОЛИМПИАДА – ЖЕНА ЦАРЯ (*возникая*).

Наследный сын –
Хозяин лоз, производитель вин.

(Царь Филипп слушает, как Слуга булькает ему в чашу.)

ОЛИМПИАДА (*настойчиво*).

Наследный сын!

(Царь делает отмашку рукой, Олимпиаду уводят.)

ЦАРЬ ФИЛИПП.

Здесь пьют мужи,
И женщине не место! В тесто,
Чуть-что, опять ужи полезут!

(И в сторону Сыну, делая такую же отмашку.)

Сынок, пока не завершили
Твой праздник, сотворение твоё.
Маленько по степи пошебуршили,
И вот уж вьём, и пьём, и льём.

Площадь Ристалищ. Войска готовы к прохождению четырёх колоннами, перед Филипповым троном – фаланги горцев, фракийская конница, царские колесницы, всадники всей Эллады. Пятая колонна будет внутри. Потешные полки молодого Александра стоят наизготовке, за спиной Александра.

Толпы народа, где и всегда, по ту сторону площади.

Напряжённое ожидание. Царь Филипп стоит уже в центре. Туда же, от своих фаланг, направляется молодой Александр, его друзья-военачальники. Чуть сзади, по обе стороны Александра, – его ровесники: начальник всех потешных полков Птолемей и лучший ученик Аристотеля – Гефестион. Мать Александра – Олимпиада рвётся туда к ним, но её не пускают.

ЦАРЬ ФИЛИПП (возлагая лавровый венок на голову Александру).

Сын мой! Прими же от отца
В день этот лучезарный
Весь в воссиянии лица
Лавр благородный, благодарный.

В толпе нарастает движение. Кто-то прорывается сквозь оцепление. Вырвавшись, человек подбегает к царю и всаживает ему прямо в живот короткий фракийский меч. Царь так и оседает замертво.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ.

Что там в руке – меч парный,
Фракийский?!
Или сабля кривая, персидская?

В ТОЛПЕ.

Кровь горлом у царя-отца...
Начало, стало быть, конца...

В ВОЙСКАХ (топот ногами). У-у-у! У-у-у!

Царица Олимпиада, выбегая за Стражу, бросается к ногам мужа. Александр склоняется над истекающим кровью отцом.

В войсках всё сильнее, всё резче топот ногами.

В ТОЛПЕ. Убили царя! Убили!!

Стражник тут же срубает голову убийце. Голова катится под ноги Олимпиаде.

В ТОЛПЕ. Царица убила, фракийцы!

В ВОЙСКЕ, ФРАКИЙСКАЯ КОННИЦА.

Горцы убили, горцы!
Горцу срубили голову!

ГОРСКАЯ ПЕХОТА (делая шаг вперед). У-у-у! У-у-у!!!

ЦАРИЦА (*поднимая вверх руку сына*).

Вот кто царь! Вот он – Александр!

ПТОЛЕМЕЙ (*поднимая другую руку Александру*).

Вот кто новый царь всей Македонии!

ИЗ ТОЛПЫ. Царицу на трон!.. Фракийца-военачальника!..

ПТОЛЕМЕЙ. Александра! Александра!

ПОТЕШНЫЕ ФАЛАНГИ (*следом за ним*). Александра!

ТОЛПА (*неистовствуя*). Алекс-а-андр-а-а!!

Птолемей принимает из чьих-то рук корону и венчает ею Александра. Царица Македонская – Олимпиада целует сына и кланяется ему.

Потешные полки уже окружают нового царя, берут Александра в защитное кольцо. Ученики Аристотеля – новые военачальники, отстраняя старых, сплачиваются вокруг Александра.

Александр восходит на трон, в пояс кланяется народу.

ВСЯ ТОЛПА ХОРОМ. О царь ты! Царь наш молодой!

ИЗ ГЛУБИНЫ ГОЛОСОК. Скажи нам, кто убил Филиппа, скажи!

ИЗ ТОЛПЫ (*выталкивая старую женщину*). Это мать убийцы!

Горянка!

Воин замахивается мечом.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР. Не сметь!

ТОЛПА (*выталкивая молодую женщину с ребенком*). Это жена убийцы!

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР. Не сметь!

ВОЙСКО (*топоча ногами*). У-у-у! У-у-у!

ВСЕ ТОТ ЖЕ ГОЛОС.

Так кто же убил Филиппа?

Горцы?

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*твёрдо*). Нет!

ДРУГОЙ ГОЛОС. Афиняне?

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР. Нет!

ТРЕТИЙ ГОЛОС. Так кто же, кто же – персы?

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*на всю площадь*). Да, персы!

ПТОЛЕМЕЙ (*доставая кошель с деньгами и швыряя его к ногам*).

Вот убийцы! Деньги вот!

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*на всю площадь*).

Армия! Войска!

Завтра же начинаем собираться в поход.

Вперёд же – к победе героической,

Вперёд!

Зевс взирает на нас с Олимпа!

Слава Зевесу, слава тебе, держава!

Свет льется с нимба,
Слава, слава, слава!

На другой день. Царский трон во дворце. Появляется Аристотель.

АРИСТОТЕЛЬ (*кланяясь Александру*).

Пришел поздравить
И сказать:
Что нужно, чтобы ладно править,
Успешно воевать.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР.

Садись, учитель! Чего стоишь?
Как солнце, рыж,
Что нужно? Знания и умения.
Спасибо, грек!
Умение – от знаний,
Человек!
Лишь тот Оракул, что свечение
В Египте источает от сияний,
В Сеулских катакомбах, – он лишь знает,
Зачем сияет.
И что же дальше делать?
Как нам к нему пробраться?
Я царь теперь...

АРИСТОТЕЛЬ.

Да, с войском! Надо постараться
Нам с войском ум соединить,
Меч с книгой, знания с огнем.
Такая тоненькая нить
И держится ведь ни на чём.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР.

Учитель! От твоих идей
Я молодею всё, молодею!

АРИСТОТЕЛЬ.

Ты старым никогда не будешь.
Познаешь жизнь, а смерть забудешь.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Круглая поляна у подножия Олимпа. Двое – Птолемей и Гефестион, друзья молодого царя Македонии Александра.

ГЕФЕСТИОН.

Уединились. В маленьком кругу!
Сюда даже олень не забредает.

ПТОЛЕМЕЙ.

Умов-то сколько развелось везде.
Все стучачи, кому стучат – не знаю.
Зеленые рептилии в воде –
Лягушки, что не нужны Александру.

ГЕФЕСТИОН.

Так стадо ж, стаю
Ещё Филипп развел, кокарду
Носят по привычке.

ПТОЛЕМЕЙ.

Бочонок на затычке,
Вину течь не дает.
Я всё к тому, нет и царям свободы.
Примерчик вот!
Куда теперь он ни пойдёт,
Везде препоны.

ГЕФЕСТИОН.

Каноны.

ПТОЛЕМЕЙ.

Туда нельзя, сюда не можно.
Ему бы надо осторожно,
А он ведь как с цепи сорвался.
То в степь скакать, то в лес подался.
А тут дней пять, как молодцы мои
Поймали перса... был в разведке...
Так тот в страну, убийца меткий,
Внёс вакханалии свои.

ГЕФЕСТИОН.

К войне готовимся на персов.

ПТОЛЕМЕЙ.

Берёмся не с того конца.
При помощи восточных явств и перцев
Опровергает в действиях отца.

ГЕФЕСТИОН.

Ко мне склонён,
А ты страдаешь,
Ревнуешь дружески ко мне.

ПТОЛЕМЕЙ.

Да нет, Гефес, он – эталон.
К нему любовь питая,
Я, как лишай, прирос к твоей спине.

ГЕФЕСТИОН.

Всё шутишь, брат, а шуточки плохие.
Казна пуста, Филипповы войска –
Одна тоска.
Хромые и глухие,
Изранены, развращены. Века
Как будто перед ними, а не жизнь,
Как вспышка.

ПТОЛЕМЕЙ.

Ничё, не слишком.
Пойдут в работу,
Начнут по войнам колесить,
Забудут глухоту, икоту.
Поменьше, может, станут пить.
Пока он так их отвлекает
От Брамапутры и тоски.

ГЕФЕСТИОН.

А что такое?

ПТОЛЕМЕЙ.

Кто их знает, те Брамапутры.
Кавказ Индийский, что ли, на второе,
На первое – там где-то Прометей,
Его герой. Какие-то лахудры
Живут на Дельфах, в царстве ахинея,
С ума чуть не свели.
Как друг ты жаловался
Или как царь земли?
Ещё не оборвалась живая нить.
С одной маленько поигрался,
Так сразу что – женить?

ГЕФЕСТИОН.

Вот откровенный царь,
Таким ли быть на троне?

ПТОЛЕМЕЙ.

Поможем усидеть.
А чуть прижарь,
Вдвоём в крови утонем.
Умру за Александра ведь,
Вопьюсь в железо, в бронзу, в медь!
Войска в руке удержим,
А ты по книжкам походи,
Чтоб с ним был, как и прежде.

Всё впереди, всё впереди –
Высот в груди
Отменных.

ГЕФЕСТИОН.

Мой друг, люблю военных!

Тёмная ночь. Царь Александр на лесной поляне.

АЛЕКСАНДР.

Зря Буцефала отпустил,
Он вынес бы отсюда.
Ни зги не видно.
Да кто хоть тьму так яростно сгустил?
Обидно.
Эй, Буцефал! Вернись, возьми!
Но мгла молчит. Как всё осточертело.
Руки не подадут. Шуми, о лес, шуми!
Наверно, правлю царством неумело.
Что просят – всё даю.
Лбом стенки бы хотели
Бить, как и прежде,
А я им: вот невежды,
На самом деле.
И всё опять, как бы в раю,
Что ни попросят – всё даю.
А чую недовольные оттенки,
Хотели б снова биться в стенки.
Забрёл во тьму. Не знаю, как и быть.
Все знания важны, а тут ещё и опыт,
Да конский топот,
Да скрежет сабель и мечей,
Где ты – ничей.
Один средь битвы,
Другие ритмы и молитвы.

ЗЕВС (*в виде Луны выглядывая из-за туч*).

Что – заблудился?
Изнемог?
Всё бы читал Гомера между строк.
А как на ложе царском посидел,
Так посидел
И с ритма сбился.
В хлеб царский, как в навоз, влипился.
А я ещё и бог царей,

И при особе состою твоей,
За всех хожу по колесу,
Ваш крест несу.
А вы меня же кроете как зря,
В свой корень зря.

АЛЕКСАНДР (*приходя в себя*).

Наш корень глубже, чем ты думаешь,
Что есть у нашего народа?
Эллада, Знания, Свобода.
Как что задумаешь
(Там у себя),
Так мы укоротим
(Тут у тебя).

ЗЕВС.

Раздал по отраслям богов вам,
Вот вы и главного не чтите.

АЛЕКСАНДР.

Не богохульствуй, Зевс, не чтим, а по делам
Тебя мы ценим, как ты сам?
Стою вот на колене,
Вы, олимпийцы, нам даже снитесь,
Перед тобой я – витязь.

ЗЕВС.

Всё сами знать хотите?
Вам боги не нужны,
Вы сами боги.
Ну и идите,
Коль одни знания вам важны
И прятки ноги.

АЛЕКСАНДР.

Да, знания важны.
И для себя, и для страны.
Для Греции, для состоянья мира.
Чтоб человека познавать,
Мы человечеству нужны,
Советы дать могла бы лира!
Вы, боги, – музыка из сфер
Небесных, стройное число.
Монизм – в едином много мер,
Под одного веду крыло,
На коем Азии сидеть взбрело.

ЗЕВС (*усмехнувшись*).

Совета просишь?
А что же Аристотель-то не даст?
Вроде помочь не против.

АЛЕКСАНДР.

Не против. Да в делах войны не спец.
Не то, что был отец.

ЗЕВС.

А тут спеца не надо.
Тут нужен бог,
Не очень строг,
Как я.

АЛЕКСАНДР.

Вот, на второе стал колено,
Мой царственный Зевес.
Вишь, царь стоит земной! Отменно.
Всё видит лес.

ЗЕВС.

Ну, ладно, встань!
Плачу как бы за вечность. При руле
Я на Олимпе уж давно сижу,
А он на вашей ведь земле.
Так вот, совет. Он дорогого стоит,
Тебе никто его не даст,
Хотя помочь вроде не против.
Тебя он славою покроет,
Но мы за это не берем.
Видал у Дария чубы?
А всё равно – рабы.
Вся иерархия такая,
Не то, что, видите, у нас.
Вся поднебесная кривая
На силе держится сейчас
Взамен той самой – давней веры,
С какой держались на любви,
Свободе, “тройке” и крови,
Пришли “четвёрки” и химеры...
В Египет, кажется, собрался?
Так он провинция у персов.
В Ливан придешь – и тут они...
Гляди же в корень интересов.
Несу свободу, говори.

Иду туда, мол, к Прометею,
Несу великую идею.
Пронзится всё, познает Дарий
Все “раз, два, три”, всё на себе.
А что там у него внутри,
Весь этот самый планетарий
В хозяйство перейдет к тебе.
Пронзишь Восток, в конце концов,
С идеей подберешься к краю,
Вот тут и Бог, вот тут кольцо,
Вот тут и знаний всех исток,
На горло тайны, как в моток,
Отсюда движется поток,
Кресты и скалы со крестами,
Перекрещённые местами.
Энергетически Восток
Перемещает к нам листок.
Афган, Тибет – такой совет...
И Согдиана, Гиркана –
При чёрном бархате луна...

На небе творится что-то невообразимое. Тучи налетают, схватывают полнеба, вместе с Луной исчезают в небе Олимп и Зевес. Александр остается один.

АЛЕКСАНДР.

Опять Луна. Опять все эти сны,
Черты богов, мои предначертанья.
Кто откусил лицо со стороны
“Материи” и “формы” мирозданья?
Советам внемлем, Аристотель прав,
Что нам ещё на царстве остается,
Как мне не впасть в объятия держав,
Когда за мыслью мысль, за кровью кровь прольется?

ГОЛОС АВТОРА. И тут возник в нём всё тот же голос, который звучал в нём, он понял это. Всегда и везде, везде и всегда. Он звучал ещё с трещины в Дельфах и шёл от пифии – жрицы, от самой Лидии, стоящей лицом сюда к нему, на берегу.

Я тебя никогда не увижу,
Я тебя никогда не забуду.
Я тебя.. я тебя... я тебя...

Душа шла по печальному голосу, как по лучу, и вывела, наконец, к царскому дворцу.

ГОЛОС АВТОРА. Утро. Царские конюшни. Александр чистит своего коня Буцефала. Возвращается к себе по тому же лучу – по печальному голосу.

Я тебя никогда не увижу,
Никогда, никогда на забуду.

АЛЕКСАНДР (*подзывая Гефестиона*).

Ты слышишь?

ГЕФЕСТИОН.

Что слышать должен, царь?
Насторожён, горю – свеча, фонарь!

АЛЕКСАНДР.

Мелодию из Дельфов.
Она надо мною то ниже, то выше.
В печаль этот голос уложен,
Обвитый страданиями эльфов.

ГЕФЕСТИОН.

Ты еще молодой, ты – поэт.
Это голос любви, разве нет?
От поэта к поэту – поэт.

АЛЕКСАНДР.

Это голос ее.

ГЕФЕСТИОН.

От кого же, кого?

АЛЕКСАНДР.

Голос пифии, Лидии – странный
Этот звук от неё,
От всего, от молчанья её,
От молчанья меня самого,
Очень странный и очень желанный.
Я печаями млечности движу,
В твоём голосе голосом буду.
“Я тебя никогда не увижу,
Я тебя никогда не забуду”.

Появляется Птолемей.

ПТОЛЕМЕЙ (*щелкая хлыстом*).

Ну что, мой царь!
Садись на Буцефала
И птицей – по лучу.

АЛЕКСАНДР (*вздвигнув*).

Ты знаешь всё?
Что было и что стало?

ПТОЛЕМЕЙ (*весело*).

Отвечу – что за это получу?

АЛЕКСАНДР.

Я про печаль издалека услышал,
Слух мой, как кошка, лазает по крышам.

И рассмеялись оба – Александр с Гефестионом.

ГОЛОС АВТОРА.

Прошлись шуточкой по невестам,
Не мальчишки уже, не святые,
Были люди ещё молодые,
Испечены из общего теста.

Появляется военачальник – Командир горцев. Запыхавшись, подходит к кучке собравшихся, отдельно кланяется царю.

КОМАНДИР ГОРЦЕВ.

О, Александр! Я только что из порта.
В порт прибыли галеры, корабли.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*живо*).

Откуда? Что привезли? Какого чёрта!
Всю ночь стояли, днём лишь донесли.

КОМАНДИР ГОРЦЕВ.

Да греки с юга – наши люди.
Оружие и рыба, ну и кони.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР.

Что – сами неумеки?
Не можем тут мы рыбины поймать?
Наверно, развели там вони.

КОМАНДИР ГОРЦЕВ.

Да нет. Сушеная, таранка.
Идемте разгружать,
Взять чуть, маленько – посолонцевать...

Командир горцев уходит.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*строго, в спину ему*).

Военный груз. Начальный провиант.
А там добудем.

ПТОЛЕМЕЙ.

Если живы будем.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*весело*).

Куда мы денемся, атлант?

ПТОЛЕМЕЙ.

Когда такой шлют провиант.

Ну, поскакали, братья, в порт!
Посмотрим этот натюрморт!

Вбегают Командир горцев.

КОМАНДИР ГОРЦЕВ (*в страхе*).

Мой царь! А трюмы корабля полупусты.
Таранка уплыла
Налево.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*стоит, медленно приходя в себя*).

Кто корабельщик?! Мне сюда!
Найти злодея!
Есть тут одна идея,
Найти, найти злодея!

Тащат Корабельщика. Он толст, неповоротлив, как бочка.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР.

Ну, хорошо! Засунув в бочку,
Ту бочку продержать всю ночь
На берегу. Вернемся в море
И проследим.

(Поясняя народу.)

Вон Диоген
Сам в бочку лезет, когда в споре.
И целый день, как господин,
В ней спит один.

КОРАБЕЛЬЩИК.

Так он философ ведь, бандит.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*собираясь уходить*).

Бандит в тебе сидит!
Так армию бездолить.
А тот корабль, что там?

КОМАНДИР ГОРЦЕВ.

Да так.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*строго*).

Тем боле!
Где Корабельщик?

Приводят Второго корабельщика.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*все так же строга*).

Что у тебя, Адам?

ВТОРОЙ КОРАБЕЛЬЩИК (*пожимая плечами*).

Да книги, книги!
Философы прислали,

Аристотель. Мол, книги, знания –
Главное в войне.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*всплеснув руками*).

Ну брат! Ну молодец!
Мне Аристотель – друг, отец!
Ты превзошел все ожидания!
Люб, Корабельщик, дорог мне.
Принять, кормить,
Вино из амфор царских лить!
Ты в Дельфах был?

ВТОРОЙ КОРАБЕЛЬЩИК.

Конечно.
Сюда Оракул и послал,
Вернее, пифия послала.
Всё рисовала свой овал,
Нули с числом согласовала.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР.

Зовут как – Лидия?

ВТОРОЙ КОРАБЕЛЬЩИК.

Не знаю.
Они про то не говорят,
Когда на трещине сидят.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*оглядчиво*).

Дня три на рейде постоишь,
А все равно нет ветра, тишь,
Да и возьмёшь тут одного,
А может, двух, с дружкой его.
Да в Дельфы отвезешь –
Туда, обратно.
Заплатим знатно.
Но тайна – гробовая.
Так? Не врешь?
Договорились, сфера деловая.

Спустя три дня Александр с Гепестионом в круглых своих матросских шапочках спускаются к кораблю, ждущему их у берега.

АЛЕКСАНДР.

Вот и опять с тобой мы “Одиссеи”.

ГЕФЕСТИОН.

Нельзя так рисковать.
Куда опять,
На сколько отбывать?
Ты все же царь. Живёшь – не сея.

АЛЕКСАНДР.

И началась – моя ты Одиссея!
Я Дельфам покажусь,
В их сероводороды погружусь,
А тут побудет Птолемей,
Мой друг и покоритель змей.
Дай испрошу язык основ,
Коль стал по их пророчеству царем.
Далекий, тайный смысл вторых их слов
Неясен мне.

ГЕФЕСТИОН.

Нам книги прояснят,
Дорогу, царь, тебе везде пробьют,
Сквозь страны ближние
До самого Египта.

АЛЕКСАНДР.

Эй, Корабельщик! Вот и мы
Явились дружески из тьмы.

(Гефестиону).

Там скрипнет дверца,
Тут отзовется сердце.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Море. Попутный ветер. Корабль летит на всех парусах.

АЛЕКСАНДР.

Эй, Корабельщик!
Когда ж мы будем в Дельфах?

КОРАБЕЛЬЩИК (*уклончиво*).

Да там увидим.
Нам Посейдон про то не говорит.

АЛЕКСАНДР.

Вот Красота! Хоть золото не в сейфах,
А взор собой таинственно манит.

Корабельщик спускается в трюм, выносит книгу.

КОРАБЕЛЬЩИК (*подавая Александру*).

“Гомер”. Просили передать.

Пауза. Ветер, плеск волн, звон тугих парусов.

КОРАБЕЛЬЩИК (*Александр*).

Она ушла его искать,
Какого-то матроса.
А так похожая на мать
Колосса из Родоса.

ГЕФЕСТИОН.

С собой подругу увела
Туда, где тень матроса.
Когда у птицы два крыла,
Как ноги у колосса,
То птицей с ним она была –
С Колоссом из Родоса!

АЛЕКСАНДР (*Корабельщику*).

Ты что-то, дед, не то запел,
Тут лежа на рулю.

КОРАБЕЛЬЩИК.

Я приключения люблю,
И мифы всякие ловлю,
И, молодея, их пою
И ветру отдаю.
Что я не вижу, что ль? Ты – царь!
Люблю таких царей!
Горит на мачте мой фонарь,
Фонарь из фонарей.
Бежит корабль среди огней.
Она ушла к нему.
Мне нравится, что мчишься к ней, –
Один по одному.
Корабль, фонарь! Летим за ней,
За чудом, где Родос.
Она одна среди огней,
А вот и ты, колосс!

АЛЕКСАНДР (*смеясь от совпадения чувств*).

Ну, дед, привет!
Ты и даешь!
Как будто молодой.
Как будто заново живёшь,
Слова свои с олив трясешь
И с бороды седой.

КОРАБЕЛЬЩИК.

Что нам года! Пока корабль
Летит по гребням волн,

Мой ветер, духа не ослабь!
Мой парус ветра полн,
Пока живёшь, пока ты царь!
Пока мы в лоне дней,
Фонарь навстречу, мчит фонарь
От Лидии твоей.

ГЕФЕСТИОН (*стоя на корме*).

О Господи! Что за стена,
Туда же Корабельщик,
Допьёт весь Океан до дна,
Уснет в кометах вещей.

ГОЛОС АВТОРА.

Хоть не меня, не нас – другого,
А все ж хвалю коня.
В античность заверните снова –
Корабль, Родос, меня.
Не сбросьте с вашего откоса –
Корабль, Родос, меня – колосса!

Дельфы. Александр с Гефестионом в круглых матросских шапочках идут по знакомому берегу, к знакомым ступенькам, ведущим в гору, к Дельфийскому храму. Слуга узнает их, не велит ждать, а прийти к Оракулу через три дня. Александр с Гефестионом направляются в город.

ГЕФЕСТИОН (*Александр*).

На стадион, до Марафона, –
Бежать все стадии свои?
Или к поэтам – время оно
Излить в дельфийские ручьи?

Александр не отвечает Гефестиону, стоит, углубленный в самого себя.

ГЕФЕСТИОН (*продолжая*).

Мой Александр! Опять ты грустен.
А ведь мы тут с числом.

Командир горцев уходит.

С числом, как с тлею на капусте,
Вот-вот проснёмся за углом.

АЛЕКСАНДР (*наконец размыкая уста*).

Ты всё иное порочишь,
А я ведь призраки люблю.
Ты не пророк и не пророчешь,
А я всё тень твою ловлю.

Число такое – “раз, два, три”,
Они втроем сейчас прошли –
Три бедных маленьких старушки.
Опять оливы расцвели
У роши белой, на опушке.
Не век в ручье сидеть лягушке,
На этой трещине своей.
Страдать, блаженствовать, стареть,
Преображать, сжигать, гореть,
Дай бог дожить, не умереть –
В воображенье дней
Ковать из бронзы медь.

ГЕФЕСТИОН.

Ты все про Лидию?

АЛЕКСАНДР.

Конечно.

ГЕФЕСТИОН.

Все про блаженство?

АЛЕКСАНДР.

Про него.

ГЕФЕСТИОН.

Все вам, царям, – что славно, вечно,
А нам что, смертным, оттого?

АЛЕКСАНДР.

Мы тоже смертны.

ГЕФЕСТИОН.

Вы – цари.
Но ты наш царь – иной, особый.
Что прорицали? Повтори.

АЛЕКСАНДР.

Что Вера нам за злобой,
За Верой движется Любовь.

ГЕФЕСТИОН.

Или Любовь идет за Верой?

АЛЕКСАНДР.

Бессмертны боги. Уготовь
Себе юдоль, проверь химерой.
Где Лидия? Не видно что-то.
Другие уж в полете жрицы.
Пусты мне Дельфы, вот работа.
Поулетали что-то птицы,
Припоминаемы – в зарницы
Поулетали что-то птицы.

ГЕФЕСТИОН (*раздумчиво*).

А вот Орёл, опять витает.
Что тут, что там у Прометея.
Ему что он, что ты – не знает
Особой разницы. Идея
Единый “эйдос” обретает.

АЛЕКСАНДР.

Платон сказал, когда спросили:
“Столица где?” – “Где моё кредо.
А кредо там же, где и я.
Столица, в общем-то, моя,
Моя столица, где и я”.

ГЕФЕСТИОН.

Ну да, ты царь.
Твоя столица там, где ты.
А как же я, земная тварь,
Национальные черты?

АЛЕКСАНДР.

Они – в тебя, они – внутри.
Не в них, а с ними Бог родится.
Ему везде своя столица.

ГЕФЕСТИОН.

А как Олимп наш, как Афины?

АЛЕКСАНДР.

Упал, переломился длинный.
Помчался ветер в колеснице,
Не смог, видать, остановиться,
Неувядаемы картины.
Что скажет мне теперь Оракул?
Судьбу какую предречет?
Уже я царь и лезу в драку,
В войну ввергаюсь. Строгий счет:
Иль то, иль это? Больше то.
Империя ведь там, ей и подать.
Мы Македония, всей сущности напасть.
Нам в пасть бы не попасть,
Как мышка кошке.

ГЕФЕСТИОН.

На львов мы сами львы –
Цари зверей, не мошки.

АЛЕКСАНДР (*вздыхнув*).

Они – цари!
И мы – цари!

Три дня уже прошло,
Сижу – царю,
За всё судьбу благодарю.
Оракул не стрела, а мы не глухари,
Чтоб не услышать высшее число.
Пророк что скажет, так тому и быть.
Война иль не война?
Так быть или не быть?
Из амфор, братец, что нам пить?

Проходят туда же, к каменным ступенькам, ведущим к высокому месту – Дельфийскому храму. Слуга провожает их до самых колонн. Так же, как и тогда, из-за белой колонны возникает Человек в чёрном – Дельфийский Оракул.

ОРАКУЛ.

Я всё сказал, а вы опять пришли?

АЛЕКСАНДР.

Неясно, дайте толкованье.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ.

Царям не пишут дважды те нули,
Что дали мы вам в виде волхованья.
Сказали – и спасибо за вниманье.

Слуга ведёт их назад – спускаются вниз по тем же ступеням.

ГЕФЕСТИОН (*не выдерживая, говорит при Слуге*).

Всё сплел в одно –
И наше, и своё.
И царское, и божье,
Верх и дно.

АЛЕКСАНДР (*сквозь зубы*).

Самим брать меч,
Самим и принимать решенья.

ГЕФЕСТИОН.

И пресекать сомненья.

АЛЕКСАНДР (*решительно*).

Да, пресекать сомненья.
Встречь! Кому весь мир, кого стеречь.
А всё же, друг мой, голубой
Весь мир сейчас у нас с тобой,
Как на ладони.
Страшновато что-то –
Огонь, агонии,
Работа!

ГЕФЕСТИОН.

Пойдем к ручью,
Себя там и проверим,
На трещинке мы в глубине ничью
Всю на себе промерим.

АЛЕКСАНДР.

Сначала бы пройтись по Дельфам,
Взглянуть ещё на толпы, лица.
Все врозь они – цветы да эльфы,
Не может разве так случиться?

ГЕФЕСТИОН (*подхватывая*).

С кем девы, с кем-нибудь ещё?
Ревнив ты, Александр. Прощён
Не будет лев твоею львицей,
Коль не помножим, не положим
Свои монеты в общий сбор.
Вишь, амфорка мила такая,
Слова по ней едва мелькая,
Наш рассуждают спор:
“За всех не надо,
Думай сам.
Клади на храм,
На Дельфы, пифий, дам”.

АЛЕКСАНДР.

Кладем мы. Ты клади, клади
Те знаки за меня.
Всё впереди! Всё впереди –
Воды, Земли, Огня!
А Дельфы уж полупусты,
Бескрылы для коня.

ГЕФЕСТИОН.

Пусты тебе, любезный царь!
Смотри – за валом вал,
За греками идут ливанцы,
Филистимляне и испанцы,
Шумеры, македонцы. В танце
Судьбы своей испытывают шансы.

АЛЕКСАНДР.

Она нужна, нужна она!
Но Лидии тут нет.
Она – Луна,
Моя – она,

На склоне дней,
В тени примет.
Идем к ручью! Играть вничью!
Над трещиной своей.

Приходят к ручью, бегущему вниз куда-то, к синему морю. Тут же, рядом, легкая трещина, она сизовато змеится. Александр с Гефестионом сбрасывают сандали, суют усталые ноги в поток.

АЛЕКСАНДР (оглядывая воды).

Какой залив!
Как призрак на ладони.

ГЕФЕСТИОН.

И корабли, и корабли
Со всех концов земли
В огне агонии
Бессрочной!
А уж с Эллады всей
И мифы, и ручей, –
Так это точно.

АЛЕКСАНДР.

Как у людей душа порочна!
И как им хочется отмыть,
Что наверху привыкло быть!
Когда всем телом отдыхаем,
Неплохо тут и нам, мы сами
Как бы меж адом, раем
Тут шевелим песок.
В чистилище своё играем,
И возбуждаем рок,
А Богу невдомек.

Появляется Старичок-рыбачок. Присаживается рядом на травку.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК.

Ну, как?

ГЕФЕСТИОН.

Что как?

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК.

Живётся.

ГЕФЕСТИОН.

Да как в колодце.
Воды по горло,
Аж дыхание сперло,
А выпить нету.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК (*доставая амфору*).

На – вот немножко,
Взял на дорожку
В котомку эту.

ГЕФЕСТИОН.

Не надо,
И без того всем сердце радо.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК.

Чего сидим?

ГЕФЕСТИОН.

Да вот глядим,
Как корабли
Рисуют по воде нули.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК.

А ваш-то где?

ГЕФЕСТИОН.

Ушел за рыбой вяленой,
Сюда отправленной,
Пока что не отравленной.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК

Философы. Учитель ваш –
Платон иль Аристотель?
Знавал, знавал,
Бывали тут в работе.

ГЕФЕСТИОН.

А что – видать со стороны,
Кто мы?
Тут в мифах всяко.
А скинь штаны –
Двояко.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК.

Как раз про это место
Всем всё известно.
Да, говорят инако:
Одни – мол, бабка коз пасла
Иль зерна веяла.
На трещину пришла,
Над нею побыла – забляела.
Другие – какой-то бес вселился
(Платон – идеалист,
А Аристотель – про другое),
В “материи” числом со счета сбился.

Тут сероводород
И правду говорит, и врёт.
Кому что нужно –
Внутри, наружно.
(К Александру).
Вот вам, чего сказали?

АЛЕКСАНДР (уклончиво).

Да так, фрагменты.
Про сероводород, про элементы,
Какие собирают нам моменты
Во время оно.
Творят от имени закона
Всем дружно,
Что Дельфам нужно.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК.

Философы!
А дальше они так:
Не Дельфам нужно, главное,
А Дельфам и дельфинам.
Афины всю заказывают муть,
Куда им дело гнуть,
В какую сторону дорогу повернуть.

ГЕФЕСТИОН.

Ну, дед, ты и матерьялист,
Притом вульгарный.
Где газ угарный,
Где подсознание, подкормка.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК.

Нам главное – подкормка.
На этой трещине живём,
В карман суём.
Пошел, сейчас приду,
Вы посадите тут в саду.

Старичок уходит. Александр с Гефестионом следят за берегом, куда должен причалить корабль.

АЛЕКСАНДР.

Пьян Корабельщик, лель?

ГЕФЕСТИОН.

Довяливает рыбу.

АЛЕКСАНДР.

Такая канитель!

ГЕФЕСТИОН.

Таких на дыбу.

Возвращается Старичок-рыбачок. Ведёт бабку.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК.

Пока ходил в Египет
Я на своем челне,
Она тут коз пасла на липе.
Гадала бабка обо мне
По картам, травам и луне.
Век просидела у ручья,
Припоминала вещее
На этой самой трещине –
И вдруг заблелая.
А после свои годы мерила.
Вот ей уже три тыщи лет,
А не поверишь, нет.

АЛЕКСАНДР.

Не надо бляеть,
Ей только б деньги везть!
(Гефестиону.)
Пускай морочит белый свет,
Но не царей же, нет.

Старичок-рыбачок с бабкой уходят, довольные, уводят коз своих. Александр с Гефестионом остаются одни.

Ушли в народ, других морочить.
Не говори – кто мы, сюда зачем.
На всякий случай, очень и не очень.
Чтоб слух не оскорбить ничем.

АЛЕКСАНДР.

А всё-таки проверить я хочу,
Нам знания очерчивают опыт.
Что ложное, что истина... молчу...
Уж слышу где-то брань и конский топот.
Я – полководец, лавы я веду.
На лаву – лава, я как бы в бреду...
А дай на “змейке” пог адаю даме.
Как Лидия сама тогда во храме,
Хочу в себе её вообразить.

ГЕФЕСТИОН.

Не надо, царь,
Не надо нам дерзить.

АЛЕКСАНДР.

Нет, надо, надо!
Я царь, мне опыт, как награда,
А Лидию я все-таки дождусь,
В химеры её лживо уложусь.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Там же, те же. Снимая одежды, Александр садится, находя её в траве, прямо на трещину, сбегающую вниз куда-то, к синему морю. А корабля всё нет.

АЛЕКСАНДР (*вяло, в прострации приподнимая голову*).

Я вижу её след,
Я слышу её голос,
Я поднимаюсь к ней под облака.
Родимое пятно
Темнит щеку, а волос,
Роскошный, шевелит
Проказница-рука.

ГЕФЕСТИОН (*шепча*).

Опять как бы романс,
Да в каждом слове, ноте.
Она, опять она, да всё одна, в одном.
Со мной впадает в транс.
Наш бедный Аристотель!
“Машина времени” его напряжена,
Боюсь, сорвется голос.

АЛЕКСАНДР (*не обращая внимания*).

Падет колосса колос.
За дымкой вижу дым,
За дымом – пламень царств,
Свой волос,
На царствах вижу тень от Буцефала.
Свободу – молодым,
Свободу постоянств,
И я её несу, а им все мало, мало.
Была ли там свобода и любовь.
Бессмертна жизнь, тепла ль текла река,
Но в первородный грех вслед за собой
Ты увела меня –
По топоту коня,
По битвам, по мотивам, по крови,
По сочетаньям смерти и любви.

Ты предрекла походы мне и страсти,
Ты назвала все множества одним.
Мученья вижу я, свои напасти,
Лишь знания – отдушиною к ним,
И те в огонь сбиваются отчасти...
Я оборвусь, я кану в пламень уст...

АЛЕКСАНДР (*где-то уже далеко*).

И я пою, пою,
Сгораю и пою.
Я царь или не царь?
Свободный мрак с диктатом?
Меня клянет за всё любая тварь,
Зачем тобой наполнен каждый атом?

ГЕФЕСТИОН (*расталкивая его*).

Да хватит же тебе!
Увидел и ушёл!
Вернулся в Дельфы из походов странных.
Тебя теряю я, едва вчера нашёл,
В твоих предназначениях и странах.

АЛЕКСАНДР (*очнувшись*).

Где Лидия? Еще не приходила?
Я ещё тут,
Наполовину там.
“Она меня за муки полюбила,
А я её за состраданье...” к нам...

ГЕФЕСТИОН.

Все знания,
Туга из разных мест.
Копытом Буцефал
В пятно лица колотит.
В пятне лица, как в зеркале невест,
Уходит одинокий Аристотель.
Учитель наш! Спаси его, не дай
Уйти, безрезультатно раствориться...

АЛЕКСАНДР (*вставая и отряхая чары с себя, как пыль, чётко поставленным голосом*).

Всё, хватит!
Утолили и пока.
Дай и другим воды в ручье напиться.
Элладе дай на долгие века
На трещине мятежной насладиться.

Александр с Гефестионом отходят в сторону, их место занимают другие, только что прибывшие на корабле. К ним туда они и приходят на берег, куда обещал пристать Корабельщик.

АЛЕКСАНДР (*швыряя камешки в воду*).

Власть Дельф доходит и до нас.

Все греки, вся Эллада тут в единстве.

ГЕФЕСТИОН.

А Зевс наш? А Олимп?

На всех одни сейчас,

Как и три тыщи лет тому. Бесчинства

Геи, её проделки вулканы гор не валят,

Не разрушат мир.

АЛЕКСАНДР.

О Дельфах я подумал и так дале.

О том, что газ там, наверху, эфир

Стал, что ли, в недрах истощаться?

Не каждый день работая во храме,

Оракул начал с бранным совмещаться,

Пореже принимать кровь при финале к драме.

Закроет трещину Бог – две плиты сойдутся.

ГЕФЕСТИОН (*хватая его за руку*).

Что будет? Ужас!

Что станет тут из нас!

АЛЕКСАНДР.

Да мало ль что, уже сейчас?

Уже сейчас Афины как столица

Куда-нибудь должны переноситься.

Давай применим логику и факты,

Рассудим здраво.

На чём вся ныне держится держава?

ГЕФЕСТИОН.

Какая там держава?

АЛЕКСАНДР.

Ну, не держава, просто греки.

А все ж Эллада –

В каждом человеке,

Понятие Афин у всех одно.

Смотри! Три тыщи лет

Работает Дельфиец как поэт

На всю Элладу.

ГЕФЕСТИОН.

Имеется в виду Оракул?

АЛЕКСАНДР (*блистая лихорадочным взором*).

Подземная энергия дает
Нам всем едва обузданную силу.
Какие города из ничего восстали!
Какой для всей Европы тут народ!
Не рыл, как степь нам, братскую могилу –
Одну на всех,
Чтоб свой иметь успех.
Философы, поэты, музыканты –
Творцы от следствия к началу:
Гомер, Геракл и Гераклит,
Герои Мельпомены и атланты, –
Да боже мой! Какие тут таланты!
Да все Афины, вся Эллада,
Когда ей надо и не надо,
Все к Дельфам, все сюда к причалу
Стремилась и стремятся.
Тут сила человека, человеческая,
Особо греческая,
Нас увенчала,
А сила – разум,
Сила – ум,
Источник размышлений, дум
Для всякой нации.

ГЕФЕСТИОН (*захваченный логикой Александра*).

Да кто же первый тут придумал
Всё это в нить соединить?
Плиту и трещину, газ и мозги –
Вся эта сумма, всем этим плыть
Из тьмы, где не видать ни зги.
Плюс храм, плюс блеск прекрасных дам,
И дали нам свои плоды,
А мы – цивилизации, Европе.
На трещине произошло, на...
Ну, понял, кто на чём сидит,
Когда повышен аппетит?

ГЕФЕСТИОН (*восхищенно*).

Ты – царь! Ты лучший ученик!
Ты в опыте почти как Аристотель!
Философы, возвышены огни,
Ты знаешь столько ж, как они,
Но ты ещё и к опыту приник,
Прагматик – к мозговой работе.

АЛЕКСАНДР.

А как нам Бог-то трещину закроет,
Так мир весь волком и завоюет.
По сути, Греция падёт,
Придет в движенье всё тут,
Совсем другой народ пойдёт.
“Сапог” с Энеем отпадёт,
Суровый Рим во вкус войдёт.
А нам еще на Дария идти,
Идеи лучшие нести –
Кимвал Свободы,
В единое собрать пространства и народы,
Столицу в центр перенести.

ГЕФЕСТИОН (*угодливо*).

Где ты, там и столица.

АЛЕКСАНДР.

Да, где я сам, там и столица!
Мне это так сегодня мнится.

ГЕФЕСТИОН.

Вот как на “змейке” подкачался!
Чем наш поход и увенчался!

АЛЕКСАНДР.

Спасибо Лидии. Благие,
Увы, порывы у Любви.
Теперь Огонь – моя стихия,
А там хоть вовсе не живи.

ГОЛОС АВТОРА. Александр смотрит на залив, где в условленное место как раз причаливает корабль. Македония словно воссияла перед ними до половины Греции снеговой вершиной Олимпа.

Появляется Корабельщик, неся на плече котомку, в котомке – вяленая рыба из трюма.

КОРАБЕЛЬЩИК.

Вы тут с голоду не померли?

АЛЕКСАНДР.

Так военный же провиант.

ГЕФЕСТИОН.

Больно суха. Как кол в горле.

КОРАБЕЛЬЩИК.

Сейчас сделаем мягче.
(*Александр*у).
Будешь у нас, как атлант.
Ночами – подпирать небо плечами.

ГЕФЕСТИОН (*улыбаясь*). А днём?

КОРАБЕЛЬЩИК.

А днём – мы ему другую работу найдём.

Корабельщик окунает рыбу в ручей. Покрутив её в быстротекущей воде, кладет на колено, бьёт по ней кулаком.

КОРАБЕЛЬЩИК (*подавая рыбку Александру*).

Вот тебе, царь!

С такой едой мир весь перевернёшь.

Как и отцы наши встарь,

Получаешь больше, чем отдаёшь.

АЛЕКСАНДР (*улыбаясь*).

Пока доплывем,

Всю переварим, всю провернем,

Пустым трюм оставим.

КОРАБЕЛЬЩИК.

А я насчет еды

Позаботился. Все же с нами тут царь!

Вишь, на мешке от солонины следы, –

Бери с солониной и жарь.

Появляется бабка, что была тут только что со Старичком-рыбачком. Гонит перед собой козлят. Берет одного – блеющего, кладет Александру прямо в руки.

КОРАБЕЛЬЩИК (*удивясь*).

Чего, старая,

Привела сюда их без пут?

Расщедрилась.

БАБКА (*закрывая рукой пустой рот*).

Да так. Говорят, царь, мол, тут,

Поумнела от этого я.

Дай, думаю, на царя хоть ещё разок погляжу,

Глазик на него положу.

АЛЕКСАНДР (*улыбаясь*).

Ну, и что? Поглядела?

БАБКА.

Слух идет, царь не простой,

А Македонский, герой!

Будет жить, говорят,

Три тысячи лет.

Как и я,

А может, и долее.

ГЕФЕСТИОН.

Бабка! Рукописи не горят,
А герои – тем более.

БАБКА.

Вот и я говорю деду –
Старому воину:
Видишь, рукописи, говорю, не горят,
А цари – тем более.
Будем жить три тысячи лет подряд,
Богом всё так устроено.
Это так говорила нам тут Лидия –
Жрица, моя ученица.
Философ один книгу создал
Про белый овал –
“Медея” иль “Мидия”?
Всем её тут совал
Перед обедом –
Рапсодам и аздам.

Бабка уходит и уводит козлят. Спускается вниз и Корабельщик – проверить мачту и паруса. Александр с Гефестионом остаются одни.

ГЕФЕСТИОН.

Прагматики дела ушли,
Поэты безделья остались.
Опять превратилась в нули
Олив высокая завязь.

АЛЕКСАНДР.

Ошибку одну вижу я –
Столетие повсеместно.
Властители, вроде как я,
Поэтов приветствуют тесно.
Дыхнуть не дают. Задушили
В своих заключеньях, объятых.
А нужно, чтобы власть делили,
У бога мы – разные братья.
Коль к власти приходит Поэт,
Так власти всё делают плохо.
А коли властитель – сосед,
Он думает, что тот поэт,
Глупее его или нет,
И жмёт до последнего вздоха.

Вот так вот и каждый, сдается,
Когда за чужое берется.
А чтоб доставать до глубокого...

ГЕФЕСТИОН.

Не возбуждай в бесе бесово.
Нужно, чтоб было богу – богово,
А кесарю – кесарево.
Что это ты, о царь, взялся-то за поэтов?
Что – нету других параллелей?

АЛЕКСАНДР.

Пока время есть, надо это учесть.
Знать, на место усевшись:
Поэты для царей – самый жуткий народ,
С армией даже легче.

ГЕФЕСТИОН.

Потому что армия – это мы,
Армия и флот.
А поэт – там, где Бог.
Конь у поэта мечен
Богом, Богом и встречен.
На небесах и оставлен,
Не брошен, если поэт – хороший...
Ладно, я что-то продрог,
Ветер сшибает с ног.
Идем-ка на берег греться,
Не то остановится сердце.

Прибегают Старичок-рыбачок.

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК (*крича издалека*).

Народ сбежался! Просят царя!
Царя давай! Героя молодого!

АЛЕКСАНДР (*вспыхивая*).

Да какой я герой, откровенно говоря!
Героя надо заслужить,
Здоровье в битвах положить,
А не так, за будь здорово.
Бродить должна была корова
По химерам Млечного Пути!
Нам до того не дойти.

ГЕФЕСТИОН.

Дед! Проводи незаметно
На берег, где ждёт нас корабль.

Скажи, с царем всё, мол, тщетно.
Уплыл, мол, царь, да голос ослабь,
Звёзды при этом должны уплывать,
Так нам легче считать
Их из-под нимба –
Отсюда и до самого-то Олимпа.

АЛЕКСАНДР (*уходя первым*).

Ну, что ж, поклон всем Дельфам.
А нам никакого не надо нимба.
Пусть этот нимб достанется вам тут, эльфам,
А нам идти тарань свою солонцевать,
Нам в Рим бы!

Старичок-рыбачок ведёт всех троих тропинкой мимо толпы – на берег, к ждущему их кораблю. Корабельщик поднимает парус, корабль выбирается из дельфийных теснин в открытое море.

Устремясь вперёд, Александр с Гефестионом смотрят вперёд, стоя на носу корабля.

АЛЕКСАНДР (*запевая*).

“Никогда я не был на Босфоре,
И ты мне не говори о нём,
Все равно глаза твои, как море,
Золотым колышутся огнём”.

Вместе с брызгами Гефестион глотает мелодию, ветер подхватывает её. Корабельщик становится рядом. “Всё равно глаза твои, как море...”

КОРАБЕЛЬЩИК.

Се манифик!
Есенин – это прекрасно!
Когда поэт поёт поэта!
Коль Солнце ясно,
То такая примета:
Что доплывет корыто это
И что влетит комета в лето,
Плыть не опасно.

А корабль бежит, летит на всех парусах к Македонии.

ГЕФЕСТИОН. О чём думаешь, царь?

АЛЕКСАНДР. О Египте.

Пауза.

И еще о колоссе Родосе, о висячих садах Семирамиды. О чудесах света, которые есть уже и которые будут. Дельфийский Оракул предрёк мне быть Богом, а Боги бессмертны. На занавесе пространства Дух Человеческий начертал на века слова такие жуткой стихией Огня: “Кто ты – Богочеловек или Человекобог?” Не знаю и знать не хочу!

ЗАНАВЕС.

15–19 февраля 2006 г.

ПЛАМЕНЬ АЛЕКСАНДРИИ

(трагедия вторая, героическая)

“Что надо сделать, чтобы стать знаменитым?” – спросил философа Александр Македонский. – “Надо убить самого знаменитого”, – ответил философ-циник. Александр Македонский взял и убил циника.

Из Плутарха

Каждая книга – пламень души.
Где я, там и столица.

Из разговора

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ – царь Македонии, властитель Египта, Персии, половины тогда известного мира, соперник богов.

ПТОЛЕМЕЙ, ПАРМЕНИОН, КАССАНДР, КРАТЕР И ДРУГИЕ – друзья Александра, военачальники; ПТОЛЕМЕЙ – впоследствии египетский фараон.

КАССАНДР – затем правитель Македонии, Греции.

ГЕФЕСТИОН – душевный друг Александра.

ОЛИМПИАДА – царица Македонии, мать Александра, прозревающая судьбу.

ЛИДИЯ – Дельфийская жрица – пифия, затем земная, любимая женщина царя Александра.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ.

ОРАКУЛ – в Сеулском оазисе, в пещере – тщетном разломе Земли.

ЦАРЬ ДАРИЙ – поверженный властитель Персии.

РОКСАНА – жена Александра, из магических персиянок.

ТАИДА – подруга Птолемея.

АРИСТОТЕЛЬ – ученый муж из Афин, материалист, учитель Александра.

КАЛЛИСФЕН – греческий философ, родственник Аристотеля.

ДИОГЕН – ученый муж, из циников, живущий в бездонной бочке.

ДЕСЯТЬ ГИМНОСОФОВ.

ТЕОСОФ НА МУЛЕ.

СКИФ, ГРЕК – певцы во стане македонских воинов, любимцы Александра.

ХАФИЗ – поэт из Ширази, Персия.

ГЛАВК – врач Александра.

АНАКСАРХ – придворный.

ТОКСИЛ – наемник, из индийцев.

ПОЛИСТРАТ – воин македонский.

СТАРИК-МИДИЕЦ и его сын, из мидийских воинов.

ПРОМЕТЕЙ – бог-титан, прикованный к Скале Индийского Кавказа.

АРХИТЕКТОР – проектирующий Александрию, Александрийскую библиотеку, а также ее филиалы “Серапион” и “Музисьон”.

ОРЁЛ – витающий над головой Александра, прилетающий долбить печень Прометею.

БУЦЕФАЛ – боевой конь Александра.

Военачальники, ученые мужи, строители Александрийской библиотеки, жители, воины Египта и Персии, Мидии и Гирканы, Индии, боги, призраки, друзья и враги Александра, мидийские тени у трещины земной, возникшей ещё до появления египетских пирамид.

Действие разворачивается в устье Нила, где Александр Македонский, освободив Египет, эту персидскую провинцию, от царя Дария, основывает свою новую столицу – Александрию. И в столице строит чудо света – Александрийскую библиотеку, а при ней – Форосский маяк.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Утро. Солнце сияет божественно. Александр на берегу Нила в доспехах и при оружии. Гефестион – ближайший друг царя – выходит из палатки, позевывая.

ГЕФЕСТИОН (Александрю)

“Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу?”

АЛЕКСАНДР.

Да, Александр так скажет!
Но – какой? Я в его строки погружен,
Мой Пушкин, друг и кредо!
Тут будет центр Вселенной, мира,
Совместно Запад и Восток.
В условиях эфира,
На этом самом месте
Пик знаний обозначит Бог!
Будь, Город! Будь, Библиотека!
Каких не видывал Никто!
Такое чудо, дерзость века!

ГЕФЕСТИОН. Александрийский столп?

АЛЕКСАНДР.

А то! А то!
Чем поразишь наш “истуарий” древний –
Мир фараонов, Нила, скарабеев?
Живых и мертвых, “двойки”, терний?
Уж тень Хеопса качеством слабее,
Мы придадим ей импульс к возрождению,
Божественный толчок, сам интерес к движенью.

Появляется Лидия – Дельфийская жрица, вещательница царской судьбы, ныне эквивалент земной, любимой женщины Александра.

АЛЕКСАНДР (хмурия брови).

Опять ты тут?

Прошла со мной Ливан, всю Ливию

И Финикию –
И тут уж место обрела?
ЛИДИЯ (*зардевшись*).
Тут, в устье Нила, я,
И тут опять мои идеи.
Тебе я в Дельфах предсказала путь,
Всё охраняла и вела.
ГЕФЕСТИОН (*под нос себе*).
Не эта жрица!
Царь, я твоя Вера на пути!
Она ж тебе мучила мать,
Нелегкий сокращала путь.
АЛЕКСАНДР (*Лидии*).
И что теперь?
Куда царю идти?
Да что я говорю!
ЛИДИЯ.
А то, что ты забыл, мой дорогой,
Куда? К Оракулу Сеулскому, в оазис!
В пещеру – расчленению Земли!
АЛЕКСАНДР (*Неуверенно*).
И ты со мной?
ЛИДИЯ.
Я твоя база, базис.
А этот? (*показывая на Гефестиона*). Пусть
посидит
Да на Форос усердней поглядит,
Покараулит царскую палатку –
Для видимости внешней, для порядку.
АЛЕКСАНДР (*притягивая её к себе*).
Ты где была?
С неделю как пропала.
ЛИДИЯ (*зардевшись*).
Да так. В оазисе проспала,
Тебе готовила визит.
АЛЕКСАНДР (*обеспокоясь*). Тебя *Никто* там не обидел?
ЛИДИЯ (*приникая к нему*).
Да что ты, царь! Нам это не грозит.
Мы – пифии, из Дельф мы, жрицы.
АЛЕКСАНДР.
Но – бывшие! А тут, гляди:
Страна чудес, пролистаны страницы –

Все фараоны, львы и львицы,
Переплелись эпохи, мифы.
Попробуй усиди,
Чтоб трон твой не склевали грифы.

ЛИДИЯ.

Вот я и при тебе,
Мой царь, мой Александр,
Мой юноша военный!
Все тянут нас к себе,
А я на всё иду! Наш век нетленный
Тебе я посвящаю, незабвенный.
Мой перл лучами Солнца осиян,
Идем же, в путь, в оазис!

АЛЕКСАНДР.

Коня мне, Буцефала!
И Лидии коня.
И Стражу позади меня,
Чтоб тень передо мной не клала!

Оазис в Сеулской пустыне. Пещера в скале – местопребывание Оракула.

АЛЕКСАНДР (*в сторону*).

С какой же стороны их брать?

ЛИДИЯ (*вниз туда, вслух*).

Красив Дельфиец! Друг Парнаса, зять!

А может, в яме чудище убогий?

ГОЛОС (*глухо, откуда-то снизу*).

Да, слышу, слышу!

Вот богохульница! Мы тут, как в преисподней,

В земных развалах, недрах, сломах, –

Где нам неба взять?

АЛЕКСАНДР.

Так ты нас звал, Оракул?

Ключами звякал?

ГОЛОС (*снизу, от Оракула из Сеула*).

Спускайся, прыгай нам на крышу.

ЛИДИЯ. А я?

ОРАКУЛ.

А ты зачем? Змеею подкольной

Побудешь там, где свод небесный, выше.

ЛИДИЯ.

А я вам не змея!

Я человек свободный,

Самой собой покинут мною храм.

(Спускаясь вслед за Александром – внизу уже, в пещере.)

А вот и я!
Как будто тут давно,
С кем будем пить вино?

Оракул сидит в углу, сияя фосфорически глазами. Воскуряя фимиам и тут же выпуская его изо рта.

ЛИДИЯ (*показывая на фимиам*).
Убери всю эту дребедень!
Не воскуряй! (*Александрю.*)
Мой фараон!
Не празднуй каждый день.

ОРАКУЛ.

Так он же царь!
Курю, чтоб был доволен.
АЛЕКСАНДР (*глядя на Лидию*).
На что я годен!
И без того давно свободен.

(Показывая Оракулу себе на голову).

Вот передал тот фараон –
Видал? Корона из корон.

ОРАКУЛ.

Да знаем, знаем.
ЛИДИЯ (*вздыхая*).
Вишь, тишина. Наш фараон
В сны, размышленья погружен.

ОРАКУЛ.

Сидим тут, все вешаем.
ЛИДИЯ.

Сказала ведь я в Дельфах –
Все ждут, что скажу я тут ему,
Что знаешь, ждешь.

ОРАКУЛ.

Нам это ни к чему,
Не льдины в дрейфах.

ЛИДИЯ.

Словами, аки в стенку, бьешь,
Из дона будущих времен.

ОРАКУЛ. Уйди – скажу.

Лидия отходит в сторону, Оракул вперяет глаза в Александра.

АЛЕКСАНДР.

Так, значит, что сказал Дельфиец?
Империя, мол, рухнет,
Мир падет?
Зачем же Александр туда идет?
Узнать – что Бог он? А если Бог – бессмертен?
Всю Персию пройдет в семь лун, за год?

И лишь в конце, на северо-востоке,
Услышит голос одинокий.

ОРАКУЛ.

И, вещий, скажет – Бог ты или нет?
Пройдешь сквозь кровь, шеренги, строй
Народов, стран, горнило бед, побед,
Сквозь испытаний рой, –
Ты понял или нет?

АЛЕКСАНДР (*появляясь из тьмы*).

Да понял, понял,

ОРАКУЛ (*Лидии*).

Ты тут при чём?
В такой момент?
И, вообще, вотще!
Вон вервие, по вервию и лезь
Обратно – здесь,
А я тут пошепчу ему на ушко.
Душка, тут с ним побудь
Иль посиди со мной,
Съедим по виноградинке одной.
Как в старые, былые времена,
Побудь со мной одна.

ЛИДИЯ (*краснея*).

Всегда ты ничего не знал!
Всегда всё врал!
Квалификации в работе никакой,
Не мастер в нашем деле!

ОРАКУЛ.

Квалификация моя – сидеть на взмахе острия,
В самом разломе я
И сквозь разломы зрю эпохи, эры пирамид,
Кто и на чём вотще сидит.
Цивилизаций пять уже мелькнули,
Мы на шестом разъятье,
Все пирамиды тут нам, кстати,
На один лик все, на едином стуле,
Что у ацтеков, что у дравидов –
Дают происхождение видов.
Все знания от них –
Эпох былых...
А ты нас предала.
Чуть посидела в Дельфах, жрицей побыла –

Любви житейской захотела,
Такое дело!

ЛИДИЯ.

Ревнуй, ревнуй, мой Дух!
Себя перед собой беснуй!
Душа моя к тебе уж не стремится,
Тут у тебя в пещере –
Эпоха на эпохе, эра к эре,
И все подержанные лица;
Цари, пророки, фараоны, звери,
Папирусы и манускрипты, свитки
И строки, строки, ключ к калитке.

ОРАКУЛ.

Давай, лепи в свои молитвы!
И я тут кое-что скажу,
Куда и как пройти по рубежу –
По острию, по времени по ону –
В калитку и к царю, и к фараону.
А на плечах Египта –
Грядет за битвой битва!

ЛИДИЯ.

Ну, хватит вам! Про апельсины, финики!
Ещё он молод,
А уж все тело в шрамах,
Погоду боги делают на драмах.

ОРАКУЛ.

Он – полководец! Вон платочек синенький.
Из-под руки махнет,
Тогда и отдохнет.
Есть армия – веди,
Не просто царь, на троне не сиди.
Веди, веди, на Дария гляди!

Александр и Лидия снова на берегу, у острова Форос, открывающего путь с моря к Александрийской библиотеке.

АЛЕКСАНДР.

Уж был ли там я, где и ты была?
У этого Оракула в разломе?
Наговорил такого мне. Орла
Сулил и мне в четвёртом томе.

ЛИДИЯ.

Спустись с небес, займись, о царь, земным!
Со мной Гомер тут, Аристотель тоже.

Кто поблаже.
А с книгой покуражить негде,
Все скарабеи пирамиды гложут,
Всё мысль – о фараонах,
Как им быть?
Кто и кого моложе?
В папирусах зелёных
И днём и ночью –
Как Аристотель,
На работе...
Библиотеку заложить!
Вот тут! Мне мифы указали.
Как ты сама?
Дельфийка, бахрома,
Всего в тебе видали!

Появляются Гефестион и Птолемей.

АЛЕКСАНДР.

Как вы, друзья?

ГЕФЕСТИОН.

А ты о чём, мой друг?

ПТОЛЕМЕЙ.

Поближе друга я.
(На голос где-то).
А этот пусть поёт нам,
Кормит песней.
Мы тут при ней –
Пролет, полет птиц вешний.
А при библиотеке
Заложим “Музисьон”!
Пусть человеки в них
Поют богов.
И главный у них – Солнце,
Из амфор пьёт вино до донца.

А голос разрастается, обрастает другими, звучит близко и далеко.

АЛЕКСАНДР.

А музыка чья, а слова откуда?

Звучит песня “Стелется лентой дорога”.

КТО-ТО ИЗ ВОИНОВ.

Да все оттуда же, из Скифии,

Или из Египта.
Какой-то Блантер...

АЛЕКСАНДР.

Вот Аристотель! Жрицы эти, пифии!
С “машиной времени” своей!
Да пусть поют,
Пока мы с вами тут.

ЛИДИЯ (*вмешиваясь*).

Ты все же Бог!
Бессмертен, Александр,
Средь всех этих Филиппов и Касандр.
Вбегают воин. Падая ниц.
О царь! Дурное предзнаменование!
Киркоров низко пал!
В “арийскость” не попал, его львице
Разметка не годится,
Муку всю поклевали птицы,
Вон воронье ещё кружится!

(Тени бегут по лицу Александра.)

АЛЕКСАНДР (*сбрасывая их с себя кивком головы*).

Пусть Каменный поет про ту дорогу,
Какой пришли они с Кассандром
Сюда ко мне.
Нам надо много с Александром,
Чего и им, чтоб поклоняться Богу.
Жрецов зовите! Речь их, как вода,
Пусть обтекает наши города.

Скопище народа тут же, на берегу, у острова Форос, – греки и египтяне, мирные персы, филистимляне и ассирийцы, жрецы и халдеи. Прежний фараон, свергнутый Александром, уже без короны. Сидит в сторонке под тенью. Пальму посадили, на всякий случай, тут ради него.

АЛЕКСАНДР. (*обращаясь к толпе*).

Вы знаете кто я?

ТОЛПА.

Царь Александр! Владыка Македонский!

АЛЕКСАНДР.

С Олимпа я! Отец мой Зевс,
Он – царь богов!
Но тут!!

ТОЛПА (*замирая*).

Что тут? Сквозь лес
И колыхание рогов.

АЛЕКСАНДР.

Но тут мне сон
Приснился вещей.
А впрочем...

ТОЛПА.

Вот этой ночью?

АЛЕКСАНДР.

Жрецы! Мне растолкуйте этот сон.
Как в клещи,
Меня он взял!
Как будто мать мою Олимпиаду
Бог главный наш тут – бог Аммон
Обнял.
И я, явясь на этот свет,
Воскликнул: правда или нет,
Что я у нас тут сын Аммона,
И, значит, тоже Бог
Во время оно?

Толпа замирает.

ПРОМЕТЕЙ (*выступая вперед*).

Да, правда, правда! Видел сон.

ЛИДИЯ (*развевая по ветру волосами*).

Я – пифия! И это подтверждаю!

ТОЛПА ГУДИТ.

Дельфийские Оракулы рекут!

ГЕФЕСТИОН.

В оазисе Сеулском Бога знают!
Царя уж на Небо влекут.

АЛЕКСАНДР (*бывшему фараону*).

Что скажешь ты?

ПТОЛЕМЕЙ (*жрецам, стоящим отдельной кучкой*).

А вы, мои благие –
Мешки тугие?
Какие древние черты
В обличье грека-фараона
Вы видите во время оно?

Жрецы вздрагивают, переходят с места на место. В руках у них возникает корона. Цепочкой, один за другим, они переходят сюда, на сторону царя Александра. Надевают ему на голову золотую корону, служат ему.

ТОЛПА (*возникая*).

Наш фараон! Наш фараон!

Вознесся в Небо ныне он!
Он там и нас не позабудет,
Что тут и мы с ним тоже люди.

*Древняя столица Египта – город у египетских пирамид.
Зал, где восседают фараоны. При троне – греки-военачальники,
приближенные царя, египетские жрецы.*

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (на простом деревянном сиденье).

Друзья! Вот мы у первой цели!
Египет перед нами – чудо, миф!
Пять тысяч лет тут их цари сидели,
Бессмертья не было у них.
Какие пирамиды, сколько камня!
А все равно меж тем и тем – черта.

ПТОЛЕМЕЙ.

Но все-таки издревле все тут, давне.

ГЕФЕСТИОН.

Он все поет.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР.

Да мелодия не та.
А все-таки сидели тыщи лет,
Попробуй на вулкане усиди,
Что их держало?
Чем жила держава?
Что выдержало, отражало
Чувствительность сверхсозидания,
Размеренность существования,
Величественность формы впереди?

ГЕФЕСТИОН.

Разливы Нила?
Урожай стабильный?

ПТОЛЕМЕЙ.

Чиновный аппарат?
Власть Бога и людей
В руке единой, меркантильной?

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР.

Да-да, возможности идей.
Но я о чем? О мудрости великой.
О пирамидах. Об ушедших ликах.
В чем мудрость их была
И в чем та мудрость есть?
В строительстве – движение и цель,

Все лишнее – вложения в Систему,
Что, собственно, их тут и создала.
Вот, греки, мы ту и продолжим тему,
Но в почву тут свою вкопаем ель.

ГЕФЕСТИОН.

Какую ель? Ливанский дуб, скорее?
То темный, а то серый изжелта.

ВОЕНАЧАЛЬНИКИ (*оживясь*).

Какой там дуб?
Какой Ливан и ель?
Постриг бы лучше чуб
Да похудел бы, что ли,
Уж не пролазишь в дверь.

ГЕФЕСТИОН (*смеясь*). Тогда или теперь?

ПТОЛЕМЕЙ.

Во, догадался! Строить –
Вот главное в науке
“Восседать и Править”.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР.

И быть, существовать в державе.

ПТОЛЕМЕЙ.

Ну да. И быть, существовать!
Библиотека, город – вот святое,
На чем нам, фараонам, восседать.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР.

Вот молодец, мой друг!
Насквозь царей читаешь.
Один сидишь за двух,
Когда-нибудь все это сам узнаешь.
Библиотеку строй!
И город созидай!

ВОЕНАЧАЛЬНИКИ (*зашумев*).

Так он же воин,
Ведь полководец он,
Не фараон!

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР.

А в чем вопрос:
Второе что – когда все первое?
Парменион!
Ты как считаешь?

ПАРМЕНИОН (*тоже военачальник*).

А что считать-то?

Строй Библиотеку,
Град создай от веку и до веку.
Сам поворачиваешь реку,
Дай что-нибудь другому человеку.

ПТОЛЕМЕЙ (*смеясь*).
Наив! А полководец, воин,
Не знаешь, что подают на первое-второе.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*твердо*).
И то, конечно, и другое!
Строй Вечность!
Эти пирамиды –
Путь в Млечность,
Посреди Державы.
Такие виды
Делай от души,
Все чудеса на свете хороши!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Тот же берег у острова Форос. Александр с Гепестионом в круглых одиссеевских шапочках, одетые под матросов, бредут по берегу. Навстречу им движется конный обоз.

АЛЕКСАНДР.

Чего везете?

ВОЗЧИКИ.

Ливанский кедр,
Аж двадцать метров высотой.

ГЕФЕСТИОН.

Какой-то бред!
Да как же вы на лошади простой?

ВОЗЧИКИ.

А вон корабль.
Сюда уж ходят корабли
Со всех концов Земли.

АЛЕКСАНДР.

Ну, хорошо, вези, вези!
Работу не ослабь!
Хоть не корабль,
А все ж как слон вблизи.

И тут второй обоз, с другой стороны.

АЛЕКСАНДР (*подходя к нему*).

А вы чего везете – камень?

ВОЗЧИК.

Ну, да. Из-под Хеопса, с пирамид.

АЛЕКСАНДР (*глядя ладонью шершавый брус*).

Все боги с нами!

ВОЗЧИК.

Каков пиит!

Как скажет, в ухе аж звенит!

АЛЕКСАНДР (*Гефестиону*).

Ну, ладно. И так далее.

Идем, идем же, Фессалия!

ГЕФЕСТИОН.

Я родом не оттуда.

АЛЕКСАНДР.

Хоть голову на блюдо.

Проходят к берегу. Кучка людей у костра, варят уху. Все расступаются, Александр с Гефестионом подсаживаются к огню.

АЛЕКСАНДР.

Чего вы тут?

ЛЮДИ У КОСТРА.

Да так.

АЛЕКСАНДР (*показывая на бочку*).

А там че?

ИЗ БОЧКИ.

Да Диоген я, Диоген, философ.

АЛЕКСАНДР.

Ну, и что?

ДИОГЕН.

Сижу тут в бочке.

Торчу, как посох.

АЛЕКСАНДР.

А зачем?

ДИОГЕН.

С утра до ночи

Показываю людям простоту.

Все бытие наружу –

Любому мужу.

А то воюет царь, а следом из Эллады греки –

Пришли, расселись по дворцам.

АЛЕКСАНДР.

Да, человеки.

А что же ты воюешь – сам?

ЛЮДИ У КОСТРА.

Он днем с огнем
По граду бродит.

АЛЕКСАНДР (*Диогену*).

А зачем? При всем честном народе,
Свеча горит и тает?

ДИОГЕН.

Высвечиваю то, что царь не замечает.
Ну, я пошел.

АЛЕКСАНДР.

Куда?

ДИОГЕН.

Светить. До самого Синопа.

АЛЕКСАНДР.

Ну, Азия! Да там, где и Европа!

Александр с Гепестионом подсаживаются к общему котлу.

АЛЕКСАНДР.

А вы чего тут –
Строите иль так?

ГОЛОСА У КОСТРА.

Сидим на рыбе, деньги задержали.

АЛЕКСАНДР.

Да кто хоть вы.
Откуда вы, ребята?

ГОЛОСА У КОСТРА.

Вон тот чужак –
Строитель. А мы – солдаты.

ГЕФЕСТИОН (*не выдержав, с пафосом – Александру*).

Когда идет война,
Кипит страна!

АЛЕКСАНДР.

При слове “пафос”
Закрываю книгу.

ГОЛОСА У КОСТРА.

Мы не кипим,
Неся одну веригу
В ракурс.
Мы рвемся в бой, в сраженья!
А тут сидим, гнием, едим
И жаждем пораженья.

Александр с Гепестионом в своих круглых матросских шапочках уходят, не глядя друг другу в глаза.

Жрица Лидия у одинокой палатки, где укрылся царь. Перебирает письма, посылаемые Александром в Элладу: матери своей – Олимпиаде и учителю – философу Аристотелю.

ЛИДИЯ (в сторону).

Чего сидишь там?
Не выходишь что-то
Уж третьи сутки,
На четвертый день?
Какая тяжелая работа!
У смертного даже вон икота,
Над смертным каждым нависает тень.
Орел тут над палаткой вьет круги.
Все ниже-ниже, к нам все ближе-ближе.
Неужто аж с Индийского Кавказа
Сюда летит?
Явись же, Призрак, помоги
Узнать, чего царь тут лежит,
Как ваза, –
Уж треснула
Иль только треснет?
Царь с вазой вместе,
Изделие совместное, –
Вторая фаза.

ПРИЗРАК (*тут же явясь*).

Все знают всех, кроме тебя.
А еще жрица, страж при Александре!
Шушукаетесь, стражи, допоздна!
Как тля в земле у олеандра,
Все судишь по себе, сторонница Кассандра,
Фактически одна.
А это ведь – военачальник!
Взроптало войско, прет на ветер,
И чем его кормить, то войско?
С кем воевать, коль все покорено?
Его души воинственной, геройской
Уже не прошибает и вино.
В пустыне, где Сеул живет, оазис,
Лев на царя напал,
Сражался царь со львом.
И вот тот мертв, а этот, –
Наш царь, твой этот самый “базис”, –
Лежит, сто львиных шкур на нем.

ЛИДИЯ (*вспыхнув*).

Оракул это, зло творя!
Колдун Сеулский!
Возненавидел нашего царя,
Бредун широкоскульский!

АЛЕКСАНДР (*из палатки*).

Да слышу, слышу!

ЛИДИЯ.

Все врешь, Оракулу не мил!

АЛЕКСАНДР.

В тебе Любовь зоря, на пик огня,
Он посылает вон куда меня –
В конец Персиды.
Чтоб я, познав в пути бессмертье,
Стал Богом настоящим,
А не делал виды
Тут с вами! Керры, пыл умерьте!

ЛИЛИЯ (*туда, в палатку*).

Я при тебе! Я вечно при тебе!
Я буду при тебе всю жизнь, поверьте!
Пока ты жив,
И даже после смерти.

АЛЕКСАНДР (*сквозь палатку*).

Но я же Бог!
Бессмертен!

ЛИДИЯ.

А львы – цари пустыни
Рвут на клочки царей земных.
Оракулу такого не прощу –
Лежит в тени и тине.
Его глаз мертвый, из кругов живых.
Я – при тебе, а он – напротив нас.
И я грущу, что впредь, как и сейчас,
Все так же будет,
Кто кого осудит?

(Лидия прислушивается к голосу за палаткой, но – тишина, ни звука.)

Уснул, со львом сражаясь,
Перед пустыней обнажась.
Да все тут, в письмах.
Вот матери, а вот, а вот, а вот –
Учителю, ученый из античных.

Так, Аристотель. Что ль, его вперед
Прочешь? От матери еще прочтем,
Письмо сначала.
Чем Александра дома увенчало?
Итак, читаем.
“... Готовь сюда свою библиотеку –
В центр мира. Тут она –
На месте век от века –
Собой Храм знаний
Отождествит сполна,
Александрийская библиотека!
Форос – на входе кораблям примета,
Маяк Форосский, пылающий века,
От века и до века – для человека!
Какое чудо света?
А пятое – она, Библиотека!
В твой список “Илиады” дух вложил,
Исправленный тобою, Аристотель.
С кинжалом под подушкой тень хранил,
Всегда и всюду при себе носил,
Как Лев в пустыне, как Орел в полете.
Отец изгнал из Македонии друзей
Моих – Гарпала и Неарха,
Эригия и Птолемея,
А я вернул сюда моих орлов, князей,
Осыпав пеплом шею олигарха.
Ты помнишь, как перед походом
Ходил я в Дельфы?
Мне не давали предсказаний
Перед народом те колдуны
И эльфы.
Я в Храме встретил жрицу,
Она сказала: “Александр!
Твой кипарис, твой олеандр
Пусть кровью капает от пота,
Но ты непобедим! Ты – от полета
Бога!” С тех пор мне это снится.
Но Персия стоит передо мной,
И нету цели мне иной,
Куда душа моя стремится,
А дух чего-то все страшится...
И я – больной...
Учитель мой...”

(Лидия берет другое письмо – адресованное Аристотелю.)

ЛИДИЯ *(вертя в руках оба письма)*.

Да что такое?

Читаем это вот, другое.

“Мать! Мне доколе тут страдать?

Во сне все львы тревожат душу.

Меня послушай – сына твоего,

Чем мне тебя оповещать...

Все мое войско – сорок тысяч

Пехоты, пять тысяч всадников,

А мне напротив

У Дария-царя под крышей –

Полмиллиона ратников,

Сокровища несметны.

Еды – так у меня на тридцать дней похода,

А денег – семьдесят талантов

Да двести – долга. Но мы атлантов

Поставим небо нам держать.

Я все раздал друзьям к невзгоде:

Поместье, все доходы, мать;

Без кораблей –

При всем честном народе –

Хожу в штанах одних.

И тут Пердикка вдруг спросил:

“Так что, царь, оставляешь ты себе?”

“Надежды! – ответил я. – Тебе,

Мой друг, всегда в себе свое носил,

Насколько мне хватало сил”.

С тем и переплыли Геллеспонт.

У Илиона принес Афине жертвы я

И возлиянья – путникам Улисса,

Из кипариса.

И падал пот – горячая струя

На грудь героям;

Знаменья были страшны, как и сейчас.

Но, сам собою жертвуя, как в Трое,

Я, у надгробия Ахилла,

Где герои,

Встал, зная, где его могила.

Пил по обычаю из кубка в честь не раз

Того, кто был глашатай славы тут у нас.

Меня вели они по Гелиону,

Искали лиру мне – их Александру.

А я, пройдя пыль стен, через колонны,
Ахиллу возносил хвалу, Кассандру.
Пердикка отказался от подарков,
И отказались близкие друзья.
Вот Граник так и перешли,
Где было жарко.
Парменион сражался, как и я”...

ЛИДИЯ (*оставляя и это письмо*).

“Мать! Я в палатке, львы меня помяли.
Но боги защищают, боги вняли
И миру вновь меня отдали...”

ЛИДИЯ (*оставляя и это письмо*).

Да что такое! Ах, перепутаны конверты!
Что матери предназначалось,
Философом бы прочиталось.
А так читаем мы, эксперты.

Диоген белым днем расхаживает со свечой по строящейся Александрии. Там и сям попадаются пьяные воины царя Александра.

МАКЕДОНЦЫ.

Чего с огнем-то бродишь
Белым днем?
По самым людным,
Солнечным местам?
Один, не с кем-нибудь вдвоем?

ДИОГЕН.

Сказал уже,
Играем мы навроде
И белым днем,
Опять-таки с огнем,
Богатства вычисляем.
Неравномерность – отчего народ
И разлагается, и мрет.
И сами мы со свечкой таем.
А вы чего?

МАКЕДОНЦЫ.

Чего мы, а?

ДИОГЕН.

Да прут из нас, из нашей бочки...

МАКЕДОНЦЫ.

Что – цветочки?
Дай вот дойдем до точки,

Тогда увидишь, чего стоит
Наш воин. Чего он тут достоин.

ДИОГЕН.

Вот молодцы!
Коль денег куры не клюют!
Нашли концы
И пьют из бочки.
А отчего ведь пьют?

МАКЕДОНЦЫ.

Не от богатств же, что излишне.
Пьют от того, что льют.

ДИОГЕН.

Попробуй-ка, не лей –
Вишневки, с вишни!
Видали, вон уже дворцы
Построены. А вы все злей!
Вот и ходите там,
Шатайте нам
Дворцы за все концы.
И не торчите тут, философы, поэты,
Зимой и летом –
Двумя перстами,
Одним цветом.

МАКЕДОНЦЫ.

Какие мудрецы!
Цари, и те бы позавидовали вам,
Из каравана строчек, драм –
Таким вот бочкам,
Цветам и точкам!

Александр оглядывает с холма спящие по гавани беспокойные тени. Делает знак военачальникам, гоняющим строем конные и пешие фаланги. Военачальники сбегаются к царю, сплачиваются вокруг в единстве мыслей и чувств.

АЛЕКСАНДР (*кивнув на фланги*).

Видали? Тут проходят маршем,
А там шуруют по домам.

ПТОЛЕМЕЙ (*пытаясь оправдаться*).

Какие старше.

АЛЕКСАНДР.

Какие пьяньше –
Те тут. А кто же там?
Куда уж дальше?

Пойдут опять ведь завтра грабить.
А Дарий-царь не станет дожидаться,
Вскочил и тут – на конь, в корабль!
В свою провинцию, из бывших,
Всяк рад стараться. Птолемей!
Ты меня слышишь, эй!

ПТОЛЕМЕЙ.

Да слышу, слышу, царь!
Как тебя лучше – царь иль Александр?

ДИОГЕН (*подходя к ним*).

Иль фараон?

КРАТЕР.

А ты вали отсюда!

КАССАНДР.

Иди, броди
Со своей свечкой.

ПАРМЕНИОН.

Свеча горела на столе,
Свеча горела.

ПТОЛЕМЕЙ (*Диогену*).

Иди, иди сюда, овечка,
Покуда цела.

Так что сказал я, чем казаться?

АЛЕКСАНДР (*укрошая всех и каждого*).

Что делать –
Дальше разлагаться?
Иль в монолит опять слагаться?
Как нам сам бог Аммон велит.

ДИОГЕН.

Какой Аммон – Египет это!
Наш бог – Зевес!

КРАТЕР.

Он печень Прометею треплет,
Царь наш ему на выручку полез.
В боях седея,
Спит македон.

АЛЕКСАНДР.

Аммон, Аммон!
Наш бог теперь и он.

ПАРМЕНИОН.

Так что – идем на Дария сегодня?

ПТОЛЕМЕЙ.

Ну не сегодня, а на склоне дня.

Там будет царь меня свободней!
А вы свободнее меня!

АЛЕКСАНДР (*решительно*).

Ну, вот все и сказали в споре.
Теперь пусть Бахус говорит,
А Дионисий вторит,
Что базис он, всего основа.
Когда мой Буцефал
Обрел крыла, летит –
В зенит
И жаждет боя снова,
Я б все за то отдал!

КРАТЕР.

А это уж второе,
А первое что ныне, что сейчас.

АЛЕКСАНДР.

Ты – Кратер! Жерло для вина!
Тебе виднее
Под твоей горою,
Что – первое, а что – второе.
Эй, виночерпий, нам пора!
Вишь, сколько нас?
По амфоре давай, и вы тащите!
Две тысячи на первый раз!
В поход идем, поход трубите!
Маслами тело жен мащите,
Вином плещите
В глотки, в лица!
Эй, лей в копытце!

КРАТЕР.

В какое?

ПТОЛЕМЕЙ.

Ослиное.

АЛЕКСАНДР.

В число арабской водки?

ГОЛОС ИЗ-ЗА СПИНЫ.

Ушел домой.

АЛЕКСАНДР.

Вернуть! Налить!
И бросить в бой –
Между собой!
Петь песни!

Да не царю мне, а так тому и быть,
Всем лить, всех нас любить!
А зло – забыть!
Вперед на Дария, в Дарьял!
Таинственность от ария –
Такая песня, ария –
Идет, все из себя изъял!

ГОЛОС ИЗ-ЗА СПИНЫ.

И Скиф теперь поет нам песни.
Слова не те и музыка не та.
И времена не те, хоть тресни!

АЛЕКСАНДР.

Да что нам время, если песни
И эти лезут в душу
И нашу жизнь куда влекут?
А к Гиндукушу,
Индийскому Кавказу,
Где на Скале наш Прометей,
Которого ни разу
Еще не видели мы,
Где друг наш Прометей
Нас ждет, Свободы жажда, из сетей
Сюда к нам рвется.
Свободу каждому, народу и народцу
Из всей империи!
Свой век уж Дарием прожит,
Теперь в пространствах он бежит,
Куда, не зная, деться.
А ну, как в песне той поется?
Где Скиф?

Появляется Скиф – любимец Александра.

АЛЕКСАНДР.

В поход идем – далекий и суровый,
Собрать такую песнь изо всего,
Чтоб каждый воин – всадник чернобровый
Взлетел до сфер, до Солнца самого.
Так пой число заветное, о Скиф!
Все музы пребывают в ликах Солнца.
Для нас они, как пир для македонцев,
Как и для всех воителей моих!

СКИФ *(запевая свою скифскую, отдаленную (в будущем) песню.)*

“Присядем, друзья, перед дальней дорогой,
Пусть легким окажется путь.
А ну-ка, ямщик, потихонечку трогай
И песню с собой не забудь”.

КРАТЕР.

Он пел эту песню,
Когда мы сюда
Еще проходили Ливан.

ПТОЛЕМЕЙ.

Он пел и тогда,
Как шли мы сюда,
Из Скифии той в Македонию к нам –
По диким горам,
По храмам, холмам,
В наш ведренный стан
По звездам народов и стран.

ВСЕ ХОРОМ.

“Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой.
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона.
Не нужен нам берег турецкий,
И Африка нам не нужна”.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

*Аравия. Войско царя Александра движется по Персидской империи, к Междуречью. Хоровая песня летит по раскаленной пустыне.
“Солнце скрылось за горюю.
Затуманились речные перекааты”.*

ПАРМЕНИОН.

Отчего мы поем не свои,
А вот эти все, скифские песни?

КРАТЕР.

Оттого что наши, мои
Персиянам тут неизвестны.

ПТОЛЕМЕЙ (*подъезжая на белом коне*).

Оттого, оттого, что они
Александру Великому нравятся.

Неизвестны слова их, пойми,
Неизвестно, откуда возьми,
Неизвестно, какими останутся.
А мелодии числа пронзают,
Сферы муз где-то там, в небеси.

КАССАНДР (*подъезжая на черном коне*).

Так ведь царских кровей! Боги знают,
На каких на кефарах играют
И поют что, едва попроси.

(*Птолемею.*)

Спой-ка, брат! Поддержи
Александра и царева любимчика – Скифа.

ПТОЛЕМЕЙ (*бросая поводья Кассандру*).

Дай из лука сразу того грифа,
Что опять над тобою взлетался.

Дай ссажу, чтобы тут не метался!

КРАТЕР (*примечая*).

То не гриф, то не маг,
То великий костер,
То Орел на устах!
Крылья в снах распростер,
Все круги вьет над Александром. (*Птолемею*).
Поглядите, взлетался, взметался сюда!
Как какая беда! Все дороги сюда!
Видишь, туча черна за Кассандром?
Дождь ли грянет
Иль выпадет град?
Всех нас туча обманет.

ПТОЛЕМЕЙ.

Прямо в рот выльет яд?
Это персы все так говорят.
Александр, знай, поет, подпевает!

КАССАНДР.

Как научили в школе для царей,
Когда еще мальчишкой был,
Так и поет он, что и Птолемей.

ПТОЛЕМЕЙ.

Не знаю что, но суть припоминаю.
Вот суть и брезжит в памяти моей.
(*Подпевая*) “Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты.

А дорогою степною
Шли из дому наши скифские ребята”.

АЛЕКСАНДР (*подъезжая на Буцефале*)
“...Свое знамя боевое
От врагов ребята сердцем заслонили”.

КАССАНДР (*подлевая*).
“...И разбили, победили
Всех врагов в борьбе за Грецию святую”.

АЛЕКСАНДР.
Прошли уже фаланги города,
Немало взято золота, скота,
А не обременены мы. Иногда
Даже свободны руки. Даль чиста –
Легко, свободно стелется дорога,
Хотя добычи все же много!

КАССАНДР.
А почему?
Да, почему
Чего-то мало, а чего-то много,
Когда свободно стелется дорога?

ПТОЛЕМЕЙ (*рассуждая*).
Не потому ль, что часть свободы
Несем мечом мы этим городам?
Расковываем страны и народы,
Идя дороги тяжким следом
К своим победам?
Иные сами города сдаются,
Иные же, махнув мечом,
В сраженья просто так суются,
Дабы не упрекнули их ни в чем.
Вот мы в степях и ковыляем –
По ковылям, по ковылю.
Обозы с грузом отправляем
За Геллеспонт, на Родину свою.
К себе, туда, “кого люблю,
Того дарю” и одаряю,
Свое – себе я возвращаю
С лихвой добычу ту свою,
Топчу в пустыне их змею,
Откуда те и натаскали
К себе в палаты за века,
Когда ковыль собой ласкали.

Как ты, пустыня, велика!
АЛЕКСАНДР (*Птолемию*).
Веди, мой друг, свои полки!
Пускай потешится рука,
Пусть от числа твоей руки
Нам станет, битвам вопреки,
Родимый дом все ближе, ближе.
Конечен путь, близки к победе, –
Поговорим об этом на обеде.
А конь устал, настолько стал он ниже,
Привал уже настолько близок.
Что уж забили мне барашка,
А воинам ведут теленка.

КАССАНДР.

А как с водою, Александр?

АЛЕКСАНДР.

Колодцы все отравлены, Кассандр.
Да есть пока вода в запасе,
В обозе нашем – бочки.
У Диогена взяты строчки,
Пусть почитают на привале.
Чтоб ноги как-то отдыхали,
Снимайте шлемы и сандали.

*Издалека сюда, к царю, мчится всадник, размахивая копьем.
На копье – белое страусиное перо ...знак тревоги.*

АЛЕКСАНДР (*встречая всадника*).

Чего ты машешь шлемом и копьем?
Что скажешь нам, о чем?

ВСАДНИК (*запыхавшись*).

По эстафете –
Принес тебе, о царь, я вести эти!
Там Дарий с войском!
Главного сраженья...

АЛЕКСАНДР (*сквозь зубы*).

...он добивался и добился.
С дороги сбился,
Добьется пораженья.

(И четко, отделяя каждое слово).

Какая – местность – впереди?

ВСАДНИК.

Сказали – Гавгамелы.

АЛЕКСАНДР.

А ты сиди пока, сиди.
И сколько стадий? Говори же смело!
От нас те Гавгамелы?
Ах, стадий десять? Ничего.
Привал тут, подождем его –
Царя всех персов, самого!
Пусть ночь пойдет на отдых нам.
Оружие проверить, дистанции промерить!
Подтянуть подпруги!
Пусть наши луки слуги
Гнут в дуги!
Сварить обильно мяса –
Раздать фалангам и полкам!
По всем туменным казанам –
Вина, вина поболе!
Устроим пир на целый мир!
Хмелеть подоле – от веселья, песен!
Устроим состязание певцов!
Мир тесен, но тем и интересен,
Что нас порой бросает в бой!
Потек с козла под солнцем жир,
Князек усталился в эфир,
В скуластый свой, гривастый мир.
Зажечь им марево костров!
Совать поболе также дров!
Орать подолее, покруче!
Влились фаланги, мол, могуче,
Нас стало больше, чем всегда,
Чем все их тучи, города.
Ах, Гавгамелы, Гавгамелы!
Дома “верблюжьи”, сны дремучи,
Запомните свои пределы!
Заполните долины у них трупами –
Голодными, трусливыми и глупыми.
Так ли сказал я, Птолемей?

ПТОЛЕМЕЙ.

Так, царь наш, так?
А если что не так,
Узнает завтра этот мрак!

АЛЕКСАНДР (военачальникам).

Скачите по туменам по своим,
Все вечером ко мне сюда на дым!

ВСАДНИК (*пролетая мимо, ослабься, Александру*).

Как хорошо царю быть молодым!

Сидеть перед фалангами седым!

Вечер, где-то взвыли шакалы. Стража вокруг царского стана. Военачальники собрались у главного казана. Приводят Скифа-любимца Александрова. Ищут Грека – тоже певца. Приводят и Грека. Подают Кубок Геракла, Скиф осушает его, отбрасывая в сторону. Виночерпий швыряет монету – кому первому. Царь сидит в тесном окружении: Гефестион, друг Александра – слева, Кратер, друг царя – справа, царский виночерпий Иол, сын Антипатра – перед всеми, замер в готовности.

АЛЕКСАНДР (*махнув рукой*).

Запевай.

КРАТЕР (*рассмеявшись*).

Сколько в бочке? Запивай!

АЛЕКСАНДР (*от души*).

Слова, слова!

“Как много в этом звуке

Для сердца скифского слилось!

В степи у нас отозвалось!”

СКИФ (*выступая вперед*).

Сам царь послал меня на муки,

Чтоб все сбылось иль не сбылось.

Тряхнем же, братцы, эти штуки.

(Кивнув на цитры, кифары).

Не влез в сарай,

Так пролетай же, пролетай!

Родной проходим стороной!

Тряхнем же, братцы, стариной!

(Запевая известную скифскую песню “Под звездами балканскими”).

“Где вы, где вы (девы, девы),

Где ж вы, очи карие?”

Александр и сам откровенно поет, подпевая Скифу. Песню свою начинает и Грек.

“Хороши весной в саду цветочки,

Еще лучше девушки весной”

Александр подпекает и Греку. Вокруг костра вовсю кипит веселье; покатило-поехало по всей Гавгамельской долине, по высоким кострам.

АЛЕКСАНДР (*справа Скифу*).

Про коней, да поскорей!

Кони – звери!
Ими я промерен,
Как в себе уверен!

ЛИДИЯ (*оказываясь за спиной Александра*).

Миленький ты мой!
Иди к себе домой!
Вино как бритва,
А завтра – битва.

АЛЕКСАНДР (*хмеля, вопя*).

Кони-звери!
Звери-кони!

СКИФ (*объявляя всем во всю глотку*).

Из трагедии “Большой Кирилл”.

АЛЕКСАНДР.

Какой трагедии?
Какой Кирилл?
Кони, кони!
Звери, звери!
Эх, да кубки прочь!
И во весь пыл!

СКИФ (*хриповатым, ссаженным голосом*).

“Эх вы, кони-звери!
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Черные да Серый,
Да медвежий мех.
А глаза сияют,
Ласкою маня,
Не меня встречают,
Ищут не меня.
Только жгут без меры
Из-под черных дуг.
Гей, чубарь мой серый,
Задушевный друг!”

ВОИН (*подбегая к царю*).

Персы рядом, лазутчики! Персы!

АЛЕКСАНДР.

Не кричи, дурак! Ну и пусть!
Нас не ввергнуть в страх и в грусть!

(*Вторая Скифу.*)

“Эх, я рыдать не стану,

В дурь не закучу –
Я тебя достану,
Я тебя умчу!
Припадешь устами,
Одуришь, как дым.
В польню с конями
К черту угодим!
Эх, вы кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Черные да Серый,
Черные да Серый,
Да медвежий мех!”

Александр падает головой в седло и бьется в истерике.

ВОИНЫ (*вокруг костра*).

Молодой царь, еще молодой!
Так нельзя!

ДРУЗЬЯ (*по обе стороны, заслоня царя*).

А седой уже, а седой!
Ввысь, стезя!
Грека давай, Грека!
Выпуска-а-ай!
Пар из человека-а-а!
Прррямо в ра-а-ай! Иех!
Выходи же, Грек!

ГРЕК (*делая шаг вперед, молодежью голосом*).

“В городском саду играет
Духовой оркестр.
На скамейке, где сидишь ты,
Нет свободных мест.
Прошел чуть не полмира я,
Нигде с тобой не встретился,
И думать не додумался,
Что встречу я тебя”.

ВИНОЧЕРПИЙ ИОЛ (*озирая костров несметность*).

Я не видал вина и песен боле,
Готовности к гибели, поверьте.
Вот как запело все, как закипело
В предчувствии сражения и смерти.

Закончив состязание, певцы ждут исхода.

ВОИНЫ (*вокруг костра*).

Дарить, дарить!

Выбегают вслед за фракийцами македонцы, поднимают руку Греку, Александр сидит насупясь. Очнувшись, подзывает Скифа, лично одаривает его.

АЛЕКСАНДР.

Вот тебе пять талантов.

ВИНОЧЕРПИЙ.

А греку подает один.

Откуда-то с Неба возникает

ГОЛОС ГРОМОПОДОБНЫЙ.

А после запишут так в Библии:

“И одному он дал пять талантов,

Иному – один, каждому по его силе”.

И едва люди, звери, звери-кони сомкнули глаза, как уже и рассвет. И загудела земля. “Гавгамелы” – начерталось на облаках. Только к вечеру Дарий бросился в бег, империя пала. Александр едва не достал до перса мечом.

ПТОЛЕМЕЙ (*на коне – царю Александру*). В Персеполю! В Персеполю!

КАССАНДР (*на коне*). В Персеполю! В царский дворец!

ВОИНЫ (*топча ногами*).

В Персеполю! Во дворец Дария!

К сокровищам царским!

ТОТ ЖЕ ГОЛОС. Персеполю – центр огромной империи, созданной еще Дарием I. Македонцы во главе с Александром, предвкушая плоды победы над восточным владыкой.

ПАРМЕНИОН (*Александру*).

“О царь! Пришли послы от Дария с письмом.

Десять тысяч талантов, –

Порешили на том, –

Предлагает тебе, народу эллинов,

Как выкуп за плененную жену его,

В жены дочь, да земли

По эту сторону Евфрата –

Все это предлагает их царь

Да союз себя самого –

Тирана всех персов.

АЛЕКСАНДР.

Не хули!

Он – царь! На нем плата,

Вся от него.

Клянусь Зевсом,
Не надо нам от него ничего!

ПАРМЕНИОН.

Будь Александром,
Я принял бы условия его.

АЛЕКСАНДР (*смеясь*).

Клянусь, я тоже буду Парменионом!
Так что с военнопленными?
Да с каждым непленным?
Как чувствует себя жена царя?

ПАРМЕНИОН.

Царица вдруг, обремененная, от горя
При родах умерла.
И с почестями, как жена царя,
По-царски похоронена была.
Тирей, их евнух, сбежав от нас,
О том уж властелину сообщил.
И Дарий пал ниц, плакал без прикрас,
Так искренне рыдал, вопил
О том, что ты – его жену, сестру
Вдруг обесчестил.
“Но нет! – сказал Тирей. –
Все на себя беру!
Клянусь я Оромаздой!
Благие вести:
Статира умерла,
Но не было добрей,
Честнее отношенья к ней,
Врагом оплакана гораздо
Сильней, чем даже думал Оромазда”.
Припал к богам царь Дарий,
Вознес молитвы:
– Никто, кроме тебя, о Александр,
На Киров трон не сядет после битвы!
Последней, завершающей, предсмертной –
В истории персидской, круговертной!

ЛИДИЯ (*шепча царю*).

Уже готов обед.
Царь, говори поменьше.

АЛЕКСАНДР (*гордо*).

Я не краду побед!
Тем более у женщин!

ПТОЛЕМЕЙ (*вбегая в тронный зал*).

О царь! Фаланги выстроены, ждут!

Вся площадь замерла, все тут!

Парад и смерть! Смерть и парад!

ГОЛОС СВЕРХУ. Александр медленно одевает все по порядку, как и вчера, перед главной битвой: блестящий железный шлем с драгоценными камнями на шейном щитке, доспехи сицилийской работы: гепендиму с поясом, поверх двойной льняной панцирь, еще поверх плащ – знаменитый пурпур от Геликона Старшего, подарок жителей Родоса. И к поясу, в конце концов, прилагает меч – подарок царя кийтйцев, удивительно легкий и прекрасной закалки.

АЛЕКСАНДР (*бросая на ходу*).

Коня мне, Буцефала моего!

Под длань Аммоса самого!

ГОЛОСА ПРИДВОРНЫХ.

Или под Зевса?

Александр проходит молча, садится на Буцефала, конь взвывает к небу.

АЛЕКСАНДР (*поднимая правую руку*).

Спасибо, македонцы! Победу взяли.

Спасибо, персы! Победу дали.

ТОЛПЫ (*падая ниц*).

Царь Азии! Персиды император!

АЛЕКСАНДР (*облегченно*).

Теперь я Богоравный!

Сокровищница взята! Все сорок тыщ талантов.

Тирана власть низвергнута!

Свободны все сатрапии, народы!

И прочее, и прочее, и прочее.

Все вам! Раздать и поделить!

Народ, все видь!

Из Нила воду, что в сокровищнице, – выпить!

Из Гермiona пурпур,

Лежавший двести лет

В тележном скрипе, –

Всем на плащи!

Для конницы моей!

Особое послание платейцам:

Отстроить город им,

Какой они отдали,

Чтобы Элладу нашу защитить!

Послать сокровищ часть
В Италию, всем жителям Кротона,
В честь их Фаила,
Пославшего корабль свой и себя
На Саламинский бой морской.
Когда все разуверились в Элладе,
Герой, – он принял бой! Мечом рубя!
Слава тебе, Фаил! Доблестью всех затмивший!

В ВОЙСКАХ. Слава! Слава! Слава!

В ТОЛПЕ. Слава тебе, Фаил!

ВОЕНАЧАЛЬНИКИ (*низко кланяясь*). Слава тебе, Фаил!

АЛЕКСАНДР.

Слава тебе, Огонь!
Из какого Медея
Приготовила зелье,
Каким она смазала
Венок, воспетый в трагедиях, в знак Победы.
Слава тебе, Огонь!
Победы седы,
Однако не превратило нас в пепелос.
Эпос великий, эпос –
В этом венке, в этой руке
Раны глубокие, беды.

В ВОЙСКАХ.

Слава! Слава! Слава!

АЛЕКСАНДР.

Царь Дарий разбит
И обратился в бегство!
К мидийцам ушел
Или же в Бактрию, Гиркану,
Достанем его! Там – все невесты!
Будет вам хорошо!
Вот пифия – жрица,
Еще в Дельфах афинских,
Мне, мальчишке, что тогда предсказала?
Лидия, где ты?

ЛИДИЯ (*возникая*).

Я тут, о царь!
Тебя охраняю!

АЛЕКСАНДР.

Ты что предсказала мне в Дельфах?

ЛИДИЯ. Викторию!

АЛЕКСАНДР.

Вот статуя исполинская Ксеркса!
В грязи вся, в блевотине, в эльфах,
Лежит, опрокинута, у дворца.
Оставить ее дальше лежать
Или поднять за величие духа
В других делах, кроме греческих?
Как нам сделать по-человечески,
Родина-мать?

Толпа безмолвствует. Войско не шевелится.

АЛЕКСАНДР.

Поднимем! В назидание всем –
За величие, человечность и доблесть.

Из толпы выбегает старец, бросается к ногам Александра.

СТАРЕЦ.

Я – Демокрит. Родом я из Коринфа!
Я – друг Филиппа, твоего отца!
Как жаль его, жаль всех эллинов – всех греков,
Какие умерли, погибли в битвах,
Что вторят имя твое в молитвах.
О, очи их карие!
Что видят тебя, Александра,
Сидящим, восседающим на троне Дария!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же, в Персеполе. В чертогах царских Александр на пышных подушках, весь в ярких персидских коврах.

ГЕФЕСТИОН (*открывая письмо от матери Олимпиады*).

Опять прислала матушка тебе,
Читать?

Александр сидит, помалкивая.

ГЕФЕСТИОН

“... Благодеяний для друзей
Не делай слишком много в жизни сей,
Иначе люди станут равными царю.
Благодарю! Сама себя дарю.
Даря, себе даю возможность
Иметь друзей, вести их в Колизей.
Раздаривая – обрекаешь
Себя на одиночество...”

Александр снимает с пальца кольцо, прикладывает печатью к губам Гефестиона. Гефестион уходит. Появляется сын Мазея – одного из влиятельнейших людей при дворе Дария.

АЛЕКСАНДР.

Вторую сатрапию тебе дарю,
Обширней первой вдвое.

СЫН МАЗЕЯ.

И все – нагое.
Не надо мне, благодарю!
Был Дарий тут один –
Мой господин,
Ты создал много Александров,
Парменов и Кассандров.

Сын Мазея кланяется и уходит. Появляется Парменион.

АЛЕКСАНДР.

Бери дворец Багоя,
Одних лишь одеяний в нем...

ПАРМЕНИОН.

На тысячу талантов?
Да что такое!
Зачем мне одеянья и таланты!

АЛЕКСАНДР (*сквозь зубы, в сторону*).

Отродие атлантов!
Ну, уходи и жди – что будет впереди.

Парменион кланяется и уходит.

АЛЕКСАНДР.

Зовите Антипатра.

Появляется Антипатр, придворный.

АЛЕКСАНДР.

Писал ты мне про мать мою Олимпиаду?
Вон сколько обвинений нагородил,
Не знаешь одного...

АНТИПАТР. Чего? Что в Кратере?

АЛЕКСАНДР.

Да Кратер независим.
Что учудил:
“Одна слезинка матери
Заставит позабыть мне тыщи писем”.

Антипатр уходит, опустив голову.

АЛЕКСАНДР (*в сторону*).

О приближенные!
Совсем уж обнаглели.
У Гагнона башмак с серебряными пряжками,
А у Ленната песок под ляжками,
И для какой же цели
Песок верблюдами привозят из Египта?
Филот укутал крону эвкалипта
Рыбацкой сетью.
Таскают банщиков с собой
Мои друзья, секут их плетью.
Там потрудились, рвались в бой,
А тут теперь, как те и сами эти, –
Спят на перинах – слаще побежденных.
Что еще боле рабское на свете,
Так это роскошь, нега, есть
Благая весть:
Что в мире царственной, чем труд?
Когда они поймут,
Уж будет поздно. Их дети
Несут мне, честь по чести,
Дурные вести:
Отцы не чистят сеть,
Копья, щита, коня. Ребята!
А ведь вы были воины когда-то,
И ныне есть.

Вбегают Кассандр.

КАССАНДР (*оглядчиво*).

Больных и старых –
Ты отпускаешь воинов домой?
В ночных кошмарах
Мне снился облик твой!
И вот грек Эврилох из Эг
В больные записался.
Со мной на вечерок остался,
Признался, что любит Телесиппу.
Вопил до хрипу,
Что хочет к морю вместе с ней.
Такой один, что всех больней, –
Так что – казнить иль миловать его?
Лишь только и всего.

АЛЕКСАНДР (*делая паузу*).

Сказать от имени меня:

“Сочувствуем любви, мой Эврилох,
К твоей свободно... да... рожденной Телесиппе.
Ты столько прошагал со мной дорог!
Однако нет же дыма без огня
В любом характере и типе.
Так одари ее и с помощью речей
Склони к тому, что твой огонь ничей,
Лишь ей принадлежит до дона дней.
Скажи своей свободной Телесиппе”.

КАССАНДР (*кланяясь в пояс*).

О царь! В плен взяты десять
Гимнософов. К измене Саббу все склоняли.
Дают ответы метко, просто блеск!
Всем интересен ход конем,
Что мы им тут с тобой даем.
Что будем делать?
Что с кем делить, кого прогневать?

АЛЕКСАНДР (*оживясь*).

А что б вы стали –
Какой бурлеск?
Серо-зеленый, белый?
Зови сюда, устроим состязанье;
Так с кем лобзанье?

Вводят всех десятерых гимнософистов. За спиной каждого – по вооруженному воину.

АЛЕКСАНДР (*гимнософистам*).

Садитесь все, чего стоять?
Нет правды ни у ног, ни выше,
Под самой крышей.
Вопросы у меня для всех.
Ответы плохи – пошлем в набег,
Где вас, скорей всего, убьют.
Не посчитайте же за труд,
Царю хоть несколько минут,
Мне то есть, уделите все же.
На десять каждого помножим.
Кто первый? Кто судья?
Вот этот старший, с ним и я.

ПЕРВЫЙ ГИМНОСОФИСТ (*выступая вперед*).

Ну я, о царь!

АЛЕКСАНДР.

Вопрос к тебе:
Кого всех больше в этом мире –
Живых иль мертвых?

ПЕРВЫЙ ГИМНОСОФИСТ.

Твой голос – звук в эфире,
Живых, конечно.
Нет ведь мертвых.
Не просто, а навечно,
Керр этих стертых.

АЛЕКСАНДР.

Давай второго.
Вопрос: земля иль море –
Самых крупных
Зверей родит?

ВТОРОЙ ГИМНОСОФИСТ.

Земля, конечно,
Люди.
А море –
Часть земного горя,
Такое еще будет!

АЛЕКСАНДР.

Давай другого.
Что раньше – день иль ночь?

ТРЕТИЙ ГИМНОСОФИСТ.

День раньше на день,
А ночью мы же спим.
Все десять стадий днем мы бдим.

ВОПРОС.

Любви достоин
Кто больше всех? Коли больной, приляг.

ОТВЕТ.

Тот, кто могущественен, воин,
Однако не внушает страх.

И ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС.

Да можно ль Богом
Стать Человеку?

И ПОСЛЕДНИЙ ОТВЕТ.

Подумаем немного:
Что невозможно совершить?
Вот чем и будешь суд вершить.

АЛЕКСАНДР (*вставая решительно*).

Все! Пусть живут!
Ученые-софисты.
Мне говорят, уже их ждут
Поэты и артисты.
Мне говорят, Эллада шлет
Три тысячи в театр?
Поддерживает армию народ,
Мне говорят,
Хотя победа за плечами,
А все не спим мы тут ночами.
А дням, как Диоген из бочки,
Все со свечою рвем цветочки.
Царь Дарий жив!
Бежал отсюда в горы!
Мидийцы – воры,
Режим их странен, лжив.
Живут, все тайны ощутив,
С ущербным месяцем обменивают взоры,
А с Солнцем – споры.
Скажите коннице фракийской,
Идем на север, северо-восток,
Куда царь Дарий к мистике истек,
К парфянской сути, гирканийской.
Пускай готовятся к походу,
А пока
Для услаждения народу
Им пощекочем мы бока.
Хор гирканийский с хором парфианским
Уже сомкнули, кажется, хорегии?
Военный, городской, селянский, –
Какие хоры в наши-то раздоры!
Какие изумительные тоги
Развозят нам персидские телеги
По всей стране, да в том числе и мне.
От взятки хоть на миг освободимся,
Так, Лидия?

ЛИДИЯ (*склоняясь к Александру*).

Так, царь наш, так.
Лечить нам нужно души,
А тело справится само.
Послушай!

Есть город в Персии такой,
Откуда нам не хочется домой,
Где все идет само собой?

АЛЕКСАНДР (*оживясь*).

Шираз?
Где их поэт Хафиз?
Люблю поэтов!

КАССАНДР (*с готовностью*).

Туда? Да хоть сейчас!

ЛИДИЯ.

Э, нет! Из дервишей он, софов.
Сюда к тебе сам не придет,
Не явится, – четырнадцатый век!
Юсупа тень, питье из соков,
Такой народ!
Попить захочется, покушать –
К нему туда, в его Шираз.
Так каждый час,
Так каждый раз,
Газель идут его послушать.

АЛЕКСАНДР.

Ну, едем, едем?
Где наш верный Скиф
Или хотя бы Грек?
А может, вместе?
Эй, колесницу на двоих!
Побольше доблести и чести!
В саду и в чистом поле
Пешком ходить поболе!
Поэты все же, не цари!
Певцы тем боле!
А Аристотель где?

КАССАНДР.

Прилипло что-то к бороде.
Болеет, бредит
И к нам сюда не едет.
Так за него, родной по крови,
Тут Каллисфен, философ тоже.

АЛЕКСАНДР (*строго*).

Не хмурьте брови!
Не стройте рожи!
Берите! Пусть в кругу нирван

Раскроет множественность тайн,
Чего он может.
Берите Скифа!
Кифару приведите в состоянье мифа.
Чтоб клокотало,
Рвало, метало!
Звук из металла!

Александр велит снять с себя македонские одежды, одевает персидские: пестрый, сложного рисунка, халат, шаровары и тюрбетейку. Военачальники смотрят на царя с удивлением. Персы прищоживают языком.

АЛЕКСАНДР (блаженно).

Отправляемся в мистику эту,
К софу-поэту!
Сейчас же, сейчас!
В Мидию эту, в Шираз!

ЛИДИЯ (Александрю, беспокоясь).

Может, не надо?
Может, сюда его все же?
Как, бывало, не раз,
К Богу являлся Шираз.

АЛЕКСАНДР.

Где Аристотель наш? Едем.
Или болеем все, бредим?
Мы в Македонии – как на ладони я
Вижу отсюда Олимп,
Где мы с Зевесом сидим.
Вижу Египет, вижу оазис,
Бога Аммона, себя.
И Прометей мой,
Дельфийский мой “базис”,
Цитру кладут на тебя.

ГОЛОС СВЕРХУ. Шираз, 14-й век. Но это только так кажется. На самом деле, может, и раньше, а может, и позже. Аристотель со своей “машиной времени” сразу бы определил. А нам все равно, лишь бы было все естественно, просто. Главное – это театр, а в театре живет и играет под топот конский сам Александр Македонский.

Кони выносят царскую свиту к Хафизу. К Соловьиному саду. А в саду как раз поют соловьи, столпотворенье народа.

СКИФ (стуча в калитку). Эй, открывай!

ХАФИЗ (появляясь). А ты кто такой?

СКИФ.

Я – певец. Издалека тут,
Впервые.

ХАФИЗ.

Спрашиваю! А то все говорят,
Как укутанные в пальто,
Разрешившись от бремени,
А все не то, все не то.
Что качаешься? Выпей!
Винограды любые!
Чем подтвердишь, что впервые?

Скиф стоит в замешательстве.

АЛЕКСАНДР *(в своем персидском халате, выступая вперед).*

Да вот строку забыл он первую,
А то б уж пел.

СКИФ *(оживясь).*

Вам бы такую работу нервную,
Каждый бы не сумел.

ХАФИЗ *(вглядываясь в них).*

Ага, так это у вас птицы муку, как мел,
Склеивают где-то в Египте?
А то песню из двадцатого века взяли
И строчку одну там оставили,
А тут мистики, мол, обойдутся,
Петь и без первой возьмутся,
Федя, давай!

СКИФ *(удивленно).*

Откуда ты такое имя знаешь?
И соловьи какие-то тихие.

ХАФИЗ.

Ты, что ль, один у нас тут бываешь
Из своей Белой Скифии?
Например, из России – Есенин, Золотарёв,
Из Испании – Гарсиа Лорка.

СКИФ.

Ну, тогда я пошел, будь здоров.

АЛЕКСАНДР.

Стой! Такая тебе установка!

СКИФ.

Хлеб откуда родом, я знаю:
С “Треугольника плодородия”,
Афганско-иранского плоскогорья.

Ну тогда, значит, я так начинаю –
Любимую с детства, про поле.
По сколотской воле
На срединном взгорье –
Хлеб выращивают, продают кораблям,
Элладе возят через Геллеспонтовы полисы.
Вот и вскормили Платона там
Эти Северные полюсы.

Объявляется на весь Соловьинный сад:

“Пшеница золотая”

(слова Михаила Исаковского)

Слова такие! Песня!
Которая всем известна!
Откуда и куда я?
Образчик тут местный,
Тоже пою и я
Про родные края.
“Мне хорошо, колосья раздвигая,
Сюда ходить вечернею порой.
Стеной стоит пшеница золотая
По сторонам дорожки полевой...
И хорошо мне здесь остановиться,
И, глядя вдаль, подумать, помолчать.
Стеной стоит высокая пшеница,
И ей конца и края не видать”.

АЛЕКСАНДР (*обняв Скифа*).

Слушай, друг! Спиши песню,
Сроду такой не слышал.
Всех замотала! С музыкой вместе
“Мой костер” во мне запольхал.

ХАФИЗ.

Подыщем тебе оком зрящим
К сюжету голос подходящий.

Замечает Александра.

(*Скифу*). А это кто?

СКИФ.

Да так, любитель песен.

АЛЕКСАНДР.

Да и стихов,
Какие рвут сцепления веков.

ХАФИЗ (*косясь на него*).

Поэт иль нет?

СКИФ.

Он царь.

ХАФИЗ.

Ты что!
К нам добираться может лишь поэт.

СКИФ.

Царь и поэт, поэт и царь.

ХАФИЗ.

Ну, слушайте про то!
А вот про это мы потом.

СКИФ.

Зимой и летом –
В четвертый том!
И завершим комедию на этом.

ХАФИЗ.

Действительно, какие злые шутки!
Трагедия народов, государств!
Погибель тут в какой-нибудь минутке
От нас, вон уже красный Марс.
Да, царь! Узнал. Ты – Александр,
Пришел учить нас Разуму, от греков.
А знаешь ли, что на любом экране
Премного всякой дряни –
От Бога до “недочеловеков”,
Гниль возникает на “турбине” ...
Как Гистер в глине...

АЛЕКСАНДР (*решительно*).

Нас мистикой не обморочишь,
Зачем людей порочишь?

ХАФИЗ.

Кто?

АЛЕКСАНДР.

Да ты!

ХАФИЗ.

Порочат ночи, да и то не очень,
Мы просто их поем.
Мозги себе словами точим,
Поем стихами, между прочим,

Когда один, когда вдвоем
В саду тут с соловьями пьем.
Читай, Хафиз!
А лучше пой!
Вдвоем с собой!
А то уж пересохла глотка.
И подбирается к нам крис,
На цыпочках идет, кокотка!
Куда-то вниз.

СКИФ.

Молодка.

ХАФИЗ.

Трон, синхрофазотрон и водка.

СКИФ.

Откуда знаешь,
Что говоришь,
Что создаешь?

ХАФИЗ.

Визирь великий,
При каком я был,
В анналы ввел меня,
В разгары тайн.

СКИФ.

Ты – соф! С рождения присох
К анналам.
Да еще поэт!
Валялся по канавам,
Всего набрался.

АЛЕКСАНДР (*вступая*).

Сто тысяч раз
В канаве отражался.

ХАФИЗ.

А ты молчи!
Ему все можно.
А тебе нельзя.
Ты – царь! При том великий.
Цари вы, надо делать лики,
Что ты – великий.
А мы поем, вот с ним

(указывая на Скифа),

Как птицы,
Покуда сердце шевелится.

СКИФ (*Александру*).

Вот видишь, царь?
Шел за Свободой, на край земли,
И тут Свободы нет,
Как на Олимпе встарь.
Зевес, крути свои рули!
И ты крутись, поэт!
Иль не крутись, твои дела
Свели тебя на нет!
Крутись, сосед! Вертись, поэт!
Но чтоб Земля цвела!

ХАФИЗ (*выдвигаясь вперед и читая стихи*).

“Я был пустынною страной;
Огонь мистический спалил
Моей души зеленый дол,
И я его забыл”.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЯТАЯ

Там же, те же.

ХАФИЗ (*продолжая*).

“Песок пустыни огневой
Я так взвивал, пылил,
Что, ветром уносимый зной,
На Небо угодил.
Хвала Творцу: во мне мой конь
Унял убийственный огонь
И дождик мне послал простой,
И охладил мой шепот, зной,
И я нашел себе покой.
И дал мне Бог своей рукой
Людей любить, любимым быть,
Цветущей быть землей!”

СКИФ (*запевая*).

“Где вы, где вы, где ж вы, очи карие?
Где ты, мой родимый край?
Впереди страна Болгаря,
Позади река Дунай”.

ХАФИЗ (*читая далее стихи*).

“Мы, Шейзеддин со чадами своими,

Мы, шейх Хафиз и все его монахи –
Особенный и странный мы народ.
Удручены и вечных жалоб полны,
Без устали ярмо свое влача,
Роняя перлы из очей горячих,
Мы веселы и ясны, как свеча.
Подобно ей, мы таем, исчезаем.
И, как она, улыбкой счастья светим,
Пронизаны кинжалами ресниц,
Жестоких, вечно требующих крови,
Мы только в этих муках и живем.
В греховном мире вечно утопая,
С раскаяньем несколько не знакомы,
А между тем, свободные от злого,
Мы вечно дети света, а не тьмы –
И тем толпе вполне непостижимы.
Она людей трех видов только знает:
Ханжу, во-первых, варвара тупого,
Фанатика, с его душою мрачной,
А во-вторых – развратника без сердца,
Ничтожного, сухого эгоиста,
И, наконец, – обычной колеей
Бредущего; но для людей, как мы,
Ей не найти понятия и названья”.

АЛЕКСАНДР (*оживясь*).

Так кто же то, Хафиз?
В ком все черты твои слились?

ХАФИЗ (*засмеявшись*).

Да так. Ну, что ль, интеллигенты?
Жизнь отразившие,
Свое преуспевая
В те первые моменты.

АЛЕКСАНДР.

Таких не знаю.

ХАФИЗ.

Тебя и воспеваю.
Ты, говорят, и сам поэт?
Так царь ты или нет?

АЛЕКСАНДР (*смущаясь*).

Да так. Ну, что ль, поэт?
А может быть, и нет.
И не певец.

Но песня вот, отец,
Не знаю,
Что сам и сочиняю.
ГОЛОС СВЫШЕ (*объявляя*).

“Одинокая душа”
(Песня Александра Македонского)

АЛЕКСАНДР.

Сим голосом я пел тогда в Египте,
Для пифии своей, на эвкалипте.
“Царь я, родился от нимба.
Сам же себе на беду.
Как я пошел от Олимпа,
Так все иду и иду.
Будет дорога широкой,
Узенько месяц сиять,
Голос души одинокой
Сон золотой навевать.
Сколько уже пережито,
Сколько еще пережить.
Сколько всего не забыто
И никогда не забыть.
Где-то родная Эллада,
Люди родные мои.
С детства любимая лада,
С гор снеговые ручьи.
Будет царю все открыто,
Под пирамидами стыть.
Вечно дельфийское жито
Раны твои тяготить.
Будет дорога широкой,
Узенько месяц сиять,
Голос души одинокой
Вещие сны навевать”.

АЛЕКСАНДР (*после, прослезясь*).

Да! Вспомнил первого поэта,
Какой рассказал мне это,
Про эти тернии души,
Нам и такие хороши.
Настолько спел, насколько смог, –
В Элладе этот Архелох.

А тут Хафиз, старик Хафиз!
Как верх и низ –
Одно оно, оно одно,
Когда душе не все равно.

*Александр со Скифом уходят из Соловьиного сада, а следом
летят слова песни, уже поющей всеми.*

“Где вы, где вы, где ж вы, очи карие?
Где ты, мой родимый край?
Впереди страна Болгария,
Позади река Дунай.
Много верст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но Олимпа нашей Родины
Не забыли мы нигде!”

ГОЛОС СВЕРХУ. Персеполь. Александру подводят его любимого коня Буцефала. С лучшей частью войска – отрядами конных фессалийцев царь македонян отправляется к мидийцам – преследовать укравшегося там Дария. Оставшиеся воины сжигают Персеполь – царский дворец. С грустью смотрят они, как погибают произведения искусства, сотворенные и руками эллинов. А там, по Мидии и Гиркане, уже движутся конно и пеше македонцы – воины царя Александра.

АЛЕКСАНДР (*утирая пот со лба*).

Уж сколько дней в пути мы?
Сколько стадий проскакали?
А Дария все нет, пустынны дали.
Во глубину ушел. Мы мимо, мимо.
Изнурены, все скачка, нет воды.
Жара и пыль. Три тыщи триста
Стадиев в три дня пути.
Песок. Все Дария следы
Средь ветра, сусличьего свиста.
Эй, кто там? Кичкудук? К чему
Тут человек с водою в шлеме?
Царю тот шлем? Мне одному?
Пусть льют себе на темя.
А вот и Гиркана, залив Гирканский –
Каспийским морем, кажется, зовут?
А дальше берег, что ли, Парфианский?
Огни от жирной нефти там и тут.
Истомлены мы скачкой, взором
Мидийцев, парфиян и гирканийцев.

Нигде меня
С таким позором
Не встречали лица.
В мидийском платье я,
Но не надел тиары,
Ни шаровар, ни киндия на мне.
Своим хочу казаться, братом я,
Но шелестенье змей по тишине,
Да глаз раскосый врежет по спине,
Да камнем кто-то в шею,
Стрелую – в голень.
В таком наряде – кто я, чем доволен?
Свою Медею
И ты вот не заставишь
Зреть в корень.
И налетели амазонки –
На седлах женки.
Кричали все, кричали,
Махали все мечами.
Царь скифов отдавал мне в жены дочь.
Смотрел я на Луну в такую ночь,
И Лидия монистами блистала,
Глаза как два кристалла.

Встревожась, подъезжает на коне Птолемей.

ПТОЛЕМЕЙ.

Какая-то подлунная страна,
Мистические племена и люди.
Костер такой, что даже пламена
Вещают, что в тысячелетьях будет.
Гляди же – тень из-под коряги.

АЛЕКСАНДР.

Построить лагерь!
Взять в круги телеги!
Возможны дерзости, набеги.

ГЕФЕСТИОН (*оглядчиво*).

Костры горят. Пустой огонь в глаза,
Не любит чар десница. В тьме знамений
Все ухаает сова. А там аул, гроза.
До новой битвы и землетрясений.
Колдун на колдуне,
Луна к Луне.

АЛЕКСАНДР.

Да хватит! Страхи нагонять!
Арканом мне палатку окрутить.
Тут думаю, как Дария поймать,
А вам Луну никак не преломить.
Напомните,
Чтоб ей ни плавать, ни стенать
И не ходить по комнате.
Она и так стыдлива и остра
У нашего кизячного костра.
Что скажешь мне на то, Гефестион?
Скажите мне, напомните.

ГЕФЕСТИОН (*подсаживаясь к костру*).

Поближе к варварам, к обычаям их, нравам.
Поменее ходить
По лезвию меча.

КРАТЕР (*шевели костер*).

В одежды выряженный их,
Берешь таких
Иль не берешь,
Всех этих ряженных, всю ложь
Да на себя, да всех любя!
Ты – сатана, Гефестион!

ГЕФЕСТИОН (*выхватывая меч*).

Ты что! Забылся?
Что с двух сторон
Царя сидим?
Когда едим
И пьем когда
За эти страны, города?

ПТОЛЕМЕЙ (*охлаждая пыл*).

А все же мы – потешные, с полком
Не выросли ведь из потех еще.
Чуть что за меч, по морде кулаком, –
Нехорошо, нехорошо!
О царь! Чего глядеть –
Отправь-ка одного в Египет,
Другого же – домой, к Олимпу,
С детьми сидеть,
В тележном скрипе.

АЛЕКСАНДР (*вскакивая наконец*).

Клянусь Аммоном! Зевсом тоже!

Я вас-таки поколочу!
Обоих сразу, этому – по роже,
Тебе – по правому плечу
Дубиной.
Вон посмотрите на Филота,
Пармениона сына,
Настолько тщателен и чист.

КРАТЕР.

Пропагандист!
А сам сокровища в Дамаске,
Как будто в сказке,
У Дария захваченные, царь,
Тобой, себе присвоил,
Карман свой удостоил.
И Антигону – пленницу из Пидны
Себе взял,
Мальчишкой Александра обозвал.

АЛЕКСАНДР (*насторожась*).

Да тише, вы! Рот на замок!
Ну, что бы вы и где когда узнали,
Что про меня Филот изрек,
И тайно тут же – что сказали,
Что прочитали между строк,
Кто где к кому когда и с чем притек.

Утро. К палатке Александра пробирается мидиец – глубокий старик. Воины схватывают его, приводят к царю.

АЛЕКСАНДР.

Отец, ты кто? С какой вестью?

СТАРИК-МИДИЕЦ.

Мне боги рассказали, я – к тебе.
В десятке стадий, это нам известно,
Царь Дарий сам был по себе,
Теперь взят Бессом в плен.

АЛЕКСАНДР (*вскакивая*).

Царь Дарий? Бессом?
Слышу с интересом.
А что тебе?

СТАРИК-МИДИЕЦ.

Мой сын у них,
Сам по себе. В плену.

АЛЕКСАНДР.

Ну, ну!

Веди, старик,
Сейчас же, вмиг!

АВТОР. Шестьдесят всадников врываются во вражеский стан. Повозки уже разбросаны, всюду золото и серебро. В отдалении слышатся крики детей и женщин. Македонцы бросаются вслед. Пронзенный множеством копий, Дарий, умирая, лежит на перевернутой колеснице.

ДАРИЙ (*испеченными губами*).

Пить, пить.

Полистрат-воин подносит ему воды.

ДАРИЙ (*утолив жажду*).

Дух! Александр вознаградит тебя,
А Александра – боги.
Он – из немногих,
Что дал добро
И матери моей, жене и детям.
Спасибо! Метим
Мы – в рай, а попадаем в ад.

Дарий умирает. Подходит Александр, укрывает тело его своим пурпурным плащом.

АЛЕКСАНДР (*приказывая*).

Найти мне Бесса!
За те вершины привязать
И отпустить, пусть надвое
И разорвет, – бес леса!
А тело Дария – отправить матери,
Для погребения
Под монотоны пения.
А брата Дария – Аксатра – в свиту,
В царево окружение.

АВТОР. Глубокой ночью к царскому костру из пустыни пробирается Старик-мидиец вместе с сыном. Сын был пленен персами и освобожден элладийцами, пришедшими сюда прямо из фессалийского ада. И глядя таинственно в мистически широкое небо, под шорохи звезд, Старик-мидиец о чем-то шепчется с царем-македонцем.

Утро. Погасает костер. Тишина.

ВОИН (*с ужасом вбегая в сферу присутствия Александра*).

О царь! Твой Буцефал!
Украден!

АЛЕКСАНДР.

К-как?!

ВОИН.

Конь уведен был прямо из-под носа!

АЛЕКСАНДР (*топоча ногами*).

Догнать их, гадин!

Сжечь всю страну, все города!

ПТОЛЕМЕЙ. Нет вопроса.

АЛЕКСАНДР.

И перебить всех жителей!

Детей – вон из обителей!

Все покорятся мне мидийцы, все!

Их кони выросли в пустыне на овсе!

Скачут всадники с другого бархана, машут руками.

ВСАДНИКИ (*приблизясь*).

Царь, царь!

Нашли, ведут!

За деньги крали!

АЛЕКСАНДР (*швыряя кошель*).

Вот им, пускай берут!

Ворюги! Красть не перестали!

А ведь за Дария им дали,

Еще дадут.

Войска Александра возвращаются в Вавилон. В честь окончательной победы Александр, теперь уже полноправный властитель империи, закатывает пир. В лоне чуда света – висячих садах Семирамиды.

АЛЕКСАНДР (*военачальникам*).

Староваты стали воины-македонцы,

Шрамы всюду, есть и безрукие.

Отослать домой отдыхать под Солнцем,

А тут отобрать тридцать тысяч мальчиков.

Вот такие-то мамелюки!

Говорю, пищали б дать им, чтоб не пищали –

Выдать, что положено, конское,

Оружие македонское,

Стрелы для маленьких пальчиков.

Дать хороших наставников,

Пусть дети растут и учатся,

Да и отцы не мучатся,

Менее обеспокоены, –

Вырастут воины!

С нами в огонь и в воду

Хоть за Зевса, хоть куда за Свободу!

ПТОЛЕМЕЙ (слева).

Хорошо говоришь, Александр!
Слушать хорошо Александра!
Вон какая красивая персиянка – Роксана,
Хоровод ведет, прямо лебедь.

ГЕФЕСТИОН (справа).

Выросли мы на сколотском хлебе,
Оказывается.
Скифом это доказывается.

ЛИДИЯ (подходит к Александру, присаживается на колени).

Видывала я виды
И не такое слыживала.

АЛЕКСАНДР (морщась).

Ну и что?
Держишь обиды?

ЛИДИЯ.

Эта Роксана – олива цветущая,
Женись на ней –
С Персией Македония сблизится.

ГЕФЕСТИОН.

Что ты, царь!
Конечно, держава будет могучая, вящая.
Но любой македонец обидится.
Вон как глаза-то
На тебя с Роксаной таращатся.

АЛЕКСАНДР (не отрывая взгляда от девушки).

Ничего, ничего.
Стерпится, слюбится.
Не пропащая,
Зримое, зрящее!
Варвары проникнутся доверием.
Однако натура моя не так уж умерена.
В шрамах весь, еще вроде молод,
А исполосован мечами, пиками весь исколот.
Да, а что там Филот,
Сын Пармениона?
Позвать Кратера! Пусть расскажет тот,
Что Филот, как живет, –
С изъяном или уже без изъяна?

Кратер предстает пред очи царя.

КРАТЕР (с готовностью).

Что тебе, царь,

Сказать про Филота?
Бахвалится перед Антигоной,
О тебе говорит неподобающе,
На преданность полагается Пармениона.
Пытался вовлечь юношу Никомаха,
Своего возлюбленного,
Что живет всезнающе,
А тот рассказал брату своему Кебалину,
А Кебалин рассказал Димне,
А тот не остался при гимне,
А стал только казаться.

АЛЕКСАНДР.

Ну так пошлите к нему кого-то,
А Филота пока не трогайте,
Все же сын Пармениона,
А тот в числе самых первых.
Не поверили в Бога те,
Что были среди нервных.

ПТОЛЕМЕЙ (*отвлекая его*).

Пойди, царь!
В хороводе развейся!
Походи с Роксаной.

ЛИДИЯ (*еще крепче держит Александра за шею*).

Чего тебе, Птолемей!
Смейся, смейся!

ГЕФЕСТИОН.

С Никомахой жил осиянно,
Вот на кого и надейся.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Вавилон. Александр готовится к походу дальше на Восток – в Индию. Белые и черные знамена выпадают на долю царя македонцев – властителя всей Персидской империи. К белым – принадлежит то, что после пиршества, когда Александр впервые увидел Роксану, она родила ему сына. Еще на год старше стали все тридцать тысяч мальчиков, отобранных в войско. А к черным – то, что среди македонян назревает недовольство, даже измена, скрытый дележ “наследства”.

АЛЕКСАНДР (*сидя в тронном зале, в глубокой задумчивости*).

Так где же центр теперь
Империи огромной, где?
Закрой врата, сделалась уже дверь,
Чтобы мне тут не дуло!

Чтобы можно было мне тут сидеть.
Эй! Посадить Теософа на мула!
Да и ввести в зал,
Чтобы Теософ кое-что мне сказал.

Вводят мула, на котором, как на троне, восседает Теософ. Излагают просьбу царя. Молча Теософ достает из-под себя высохшую шкуру дикой козы. Молча кладет на пол, голой пяткой становится на один край – другой задирается. Молча же становится на другой край – этот край задирается. Теософ становится посередине – шкура плотно прилегает к полу.

АЛЕКСАНДР (*рассмеявшись*).

Так, понятно,
Что делать.
Но все-таки где центр
Персияды белой?

(Подзывает Гефестиона.)

Где моей
Власти центр?

ГЕФЕСТИОН (*пожимая плечами*).

Наверное, тут.

Александр подзывает Птолемея.

ПТОЛЕМЕЙ (*твердо*).

Там, где Египет! Александрия.
А тут – внутри я.

Появляются стражники.

СТРАЖНИК (*Александр*).

О царь! Филотий схвачен
И приведен к тебе на допрос.

АЛЕКСАНДР (*отмахиваясь от него*).

Чур, чур! По Прометею плачем,
Нам снился бог-титан, колосс,
Пытаемый Зевсом! На Скале,
В пучине гроз!
Тут где-то рядом. Бета, аза –
С вершин Индийского Кавказа.

СТРАЖНИК.

Так мне вести?

АЛЕКСАНДР.

Вводи! Но слушать будет он.

(Показывая на Гефестиона.)

ГЕФЕСТИОН (*прикладывая руку к груди*). Да, царь.

Вводят Филота. Александр прячется за занавес.

ГЕФЕСТИОН.

Так среди тех ты,
Кто в заговоре, против
Царя – любимца всех македонян?
Преступник!

ФИЛОТ (*сильным голосом*).

В крови и поте
Я имя себе честно добыл
На службе, на работе.
А это все наветы, вражий стан –
На нервах, как на лютне.

ГЕФЕСТИОН. Пытать! Пусть скажет, кто с ним!

Александр выходит из-за занавеса. Филот, корчась, орет во всю глотку.

АЛЕКСАНДР.

Филот! Так как же ты,
Такой трусливый, слабый,
Решился в заговор войти!

ФИЛОТ.

Молю! Пошады мне, пошады!

АЛЕКСАНДР (*уходя*).

Дабы...

ГЕФЕСТИОН.

Что “дабы”?

АЛЕКСАНДР.

Все были рады
Послать им в Мидию людей,
Убить чтоб и Пармениона,
Его отца.

ГЕФЕСТИОН (*вздрагивая*).

Так он же друг твой, –
В первых!

АЛЕКСАНДР (*решительно*).

В таких делах у трона
Нет друга (*на Филота*). Повесить молодца!

Уходя.

Следить за Антипатром и за Клитом,
Всю жизнь их пересеять ситом.

Сумерки. Глухой берег Евфрата. Клит и Кассандр беседуют наедине.

КЛИТ (*оглядчиво*).

Царь-то каков! И на кого похож!
Мне рассказали, видел Александр
Свой странный сон за день иль два до пира.
Как будто я и ты со мной, Кассандр,
Не сея ржи, не видя рож,
На поле том кровь льешь во имя мира.
На поле чистом, в общем, льем.

КАССАНДР (*встревожась*).

И что ж? И что ж?

КЛИТ.

А после мы с Парменионом
В роскошных тогах на камнях сидим,
И мы мертвы, мы в списке оном,
И на царя – в одно глядим.
Но нам двоятся те черты,
Что всем...

КАССАНДР.

Троются?

КЛИТ.

Впустили одного троянца
Из деревянного коня.

КАССАНДР.

Итак достаточно огня,
Чтобы еще ему казаться.

КЛИТ.

Сошлись все как-то, говорю:
“Да что же это все такое,
Что нас уже, македонян...”

КАССАНДР.

Кому – царю?

КЛИТ.

Всем говорю...
“Что нас уж розгами
Секут мидийцы, и что персы
Дают к царю нам, македонцам, доступ”.

КАССАНДР.

С такими лозунгами
Сидел бы ты, афинец, дома –
В конце второго тома.

КЛИТ.

Сам Александр поднялся у дверей
К Ксенодоху Карфийскому и Колофонскому
Артемию,
Сидящим тут под двумя Солнцами,
Сказал: “Не кажется ли вам, что греки между
македонцами,
А меж израильтянами еврей
Прогуливаются, аки полубоги среди зверей?”

КАССАНДР.

Хотели б мы иль не хотели,
А как Ваал торчит под оконцами,
Так Солнце у нас – Александр!
А я – как Кассандр!

КЛИТ.

Вот ямбы из “Андромахи” Еврипида:
“Какой плохой обычай есть у эллинов...”

КАССАНДР.

Да знаю, знаю! Схватил он яблоко, кинжал,
По-македонски кликнул стражу
И трубачу сигнал подал,
Но тот смолчал, а ты сбежал,
И я поныне рану глажу.

ЛИДИЯ–ПИФИЯ (*возникая близко, голос из тростника*).

Он все равно тебя убьет.

КЛИТ (*вздрагивая*). Кто он?

ЛИДИЯ.

Да он!
Все будет так.
Откинув дерзко занавеску,
Идешь навстречу ты царю,
Он выхватит копьё и резко
Копьём в тебя! Насквозь. “Благодарю”, –
И, испуская дух, падешь.

КЛИТ.

Какая ложь!

ЛИДИЯ.

Падешь, падешь!

КАССАНДР.

О чем стенать!

ЛИДИЯ.

О ком?

КАССАНДР.

Об Александре.

ЛИДИЯ.

Так царь о нем начнет рыдать.
И лишь в пророке Аристандре,
В его знамении о сне
Найдет царь силы при огне.

Снова царский дворец. Тронный зал. На троне сам царь Александр. Перед ним Анаксарх из Абдер и философ Каллисфен – родственник Аристотеля.

АНАКСАРХ.

И это – Александр?!
Тот, на кого глядит весь мир?
Рыдает, словно раб, строясь закона
И порицания людей?
Зевс усложнит эфир.

ЛИДИЯ.

Во время оно,
При завершении идей.
По обе стороны тебя посадят две оливы –
Справедливость и Правосудие.
А вот он (*указывая на Каллисфена*)
Всем говорит, что тут нам холодной,
Чем в Греции, но так ли?

КАЛЛИСФЕН.

Да, говорю! Уж я-то говорить умею!

АЛЕКСАНДР (*иронично*).

Оратор! Как на пиру недавно
За кубком речь в честь македонцев
Закатил – хвалебную, нет равных.
Ну, может быть, Аспазия да Солнце
Еще способны что-нибудь свершить.
Венки ему бросали, стоя рукоплескали.

КАЛЛИСФЕН.

Да, было.

АЛЕКСАНДР.

В письме хвалила мать,
И той сказали.

КАЛЛИСФЕН.

Да, было, есть.

АЛЕКСАНДР.

Как Еврипид – отцов учитель

Идею выразил: мол, в честь
Сказать, прекрасно о прекрасном –
Всем ясно, скажешь страстно.
А ты скажи нам в откровенной речи,
Как камень, положи себе на плечи.
Ты предъяви нам обвиненья,
Чтоб чище стали наши рвенья.
Что прав я – стих сложи такой,
Что так и льется.
Да знаю, знаю!
“Часто при распрях
Речь достается
В удел ведь негодяю”.

(Лидии.)

Иди, уходи в тростники,
Вслед за Кассандром.
Чего тебе тут, где все мужики?
Бог – с Александром!
(Уходя)
А что написать,
Коль спросит меня Аристотель?
Что от Филиппа сын отказался,
От Зевса, Олимпа тоже?
И под Аммона поставил знамена?
Опять же во время оно!
Скажи, что мы тут на работе!

АЛЕКСАНДР.

Вот ты, мой Каллисфен,
Племянничек мне двоюродный,
Конечно, оратор отменный
И вырос в его – хорошей семье,
Конечно, тебя не темней,
А глупостей, в тьме откровенной
Заметая следы,
Еще не брея себе бороды,
Уж ненависть македонян возбуждаешь
Не красноречием,
А силой вражды –
Днем и вечером,
Ничем ведь не обеспеченным.
Пусть отец твой
Расскажет историю Аристотелю,

А тот оценит – хлеб свой
Так ли царь отработывает?
Лица в поте ли?
Или на удочки все наматывает,
Чтобы ловить большую рыбу, малую,
Какую я им жалую и какую не жалую.
Царь я, пока еще молодой,
А голова уж кругом!
Мне бы на танцы, к подругам,
А я тут им под мечом скачи,
На троне сиди,
Интриги строй, –
Вериги духа неси,
Вместе с жизнеобеспечением.
Хоть с вами тут вино
Пьем маленько давно, –
По первой, ну по второй,
А вот закусываем печеньем.

Каллисфен уходит. Александр остается один.

АЛЕКСАНДР.

Вот Старик тот, мидиец,
Чему научил!
Пророк, видать, нету сил,
В поэзии своей вещей!
Греция или Азия – кто кого?
Кто царя возьмет на себя,
Переделает?
Там магия черная,
А тут – белая,
А посередине – Эллада,
Своей античности верная,
Сократовская, воздушная,
К краям своим равнодушная.
Все к Элладе шло отсюда, с Востока,
Откуда и надо,
Цивилизация приполярная.
Только чуть шевельнули, кажется,
А она давай краситься, мажется,
А ведь такая чистая, чистая.
Боже мой! Прометей то покажется,
А то скроется в небо лучистое.

Как бы его ухватить,
Не с кем и слова молвить –
Аристотеля опередить,
Каллисфена Орел пусть теперь долбит.
Пусть поворочает такого философа,
А не Прометея несчастного.
Нам Прометей еще пригодится;
По воде, аки посуху,
Ходит египетская блудница,
Или Дельфийская жрица.
Состоит при мне,
Говорит, охраняет,
А сама на стороне, по стране
Ходит, гуляет,
Вести из Сеул получает,
От Оракула.
А недавно плакала,
Говорит, Библиотека Александрийская
Созидается – строится,
А конец, мол, все равно один:
На огне упокоится!
Пламень возьмет ее,
Мою Александрию!
Просто жуть, жуткая из картин,
Круговоротное, бесповоротное
Столпотворение!
“Я, говорит Оракул, как какой Господин,
Одна ты у меня бессмертная”.
Только макидоняне
В последнее время
Друзья мои круга самого близкого
Наводят на грусть в своей брани,
Каждый тоже ведь господин
И своего, и чужого, персидского:
“Прометея найдите! Проведите меня к нему!
На Скалу Кавказа Индийского!”
Мать Олимпиада! Быть посему,
Но не беру ли уж слишком я?
В бессмертие все лечу, богом вот стать хочу!
Смертью всех от себя отделяю.
Друзей своих – из потешных полков – мечу
В черную, Керрову стаю.

Будет Прощеное Воскресенье, боже!
Когда-нибудь! Божье мнение!
Так я когда-нибудь попрошу у себя прощенья,
И у них, друзей-врагов, тоже.
Кто кого завоевал, переломил –
Азию мы иль она нас?
Вот какой на нас ананас
Всевышний-то положил.
Бьюсь о Скалы, о каждую лбом,
Сколько всего завоевано?
Освобождено или в латы заковано?
По Персии да по Индии
Что ни скала, то дом,
Что ни дом, то крепость.
Что ни крепость, то битва,
Что ни битва, то бритва.
Кровопрлитная. Шрамы длинные.
Сложное на простом,
Души невинные.

*Появляется Кратер, за ним – Кассандр, другие военачальники.
Входит Птолемей, Александр вздрагивает, холод перебирает тело.*

АЛЕКСАНДР (*кивнув на пиршественный стол*).

Садитесь, наливайте, пейте.

Майтесь, кайтесь, лейте!

Военачальники продолжают стоять. Харет из Митилены наливает чашу из взятой наугад амфоры, протягивает чашу царю. Александр пригубливает. Встав перед жертвенником, пьет мелкими, протяжными глоточками. Отпив, передает остальным. Каждый подходит к царю и целует его в щеку. Доходит черед до Каллисфена.

ДЕМЕТРИЙ, ПО ПРОЗВИЩУ ФИДОН (*выкрикивая*).

О царь наш! Не целуй его!

Один из всех он прежде

Не закрывает вежды.

Не пал ниц пред тобой!

Из-за чего

Рябой?

АЛЕКСАНДР (*уклоняясь от губ Каллисфена*).

Что скажешь, Аристотеля наместник?

Не пал ведь, отчего?

КАЛЛИСФЕН. Мы тут между собой.

Чтобы хотя одним талантом
Карману было легче
С той лаской.
Ведь поцелуй-то –
Царский!

(Оживление в зале.)

КАЛЛИСФЕН *(уже всерьез)*.

Пресек бы некоторых лиц
Дурной обычай падать ниц.
Ведь всем сполна несем свободу –
Востоку, Персии, народу,
А сами, как рабы.
Настолько мы слабы,
Что так и тянет на колени
После речей и песнопений.
Вот и пресек я тот обычай.
Не всякий, даже колесничий,
Царя челомкать станет в лоб –
Не падал с колесницы чтоб!

АЛЕКСАНДР.

Ягненок вот. На голове нарост,
Напоминающий тиару.
Обряд наш прост:
Пусть пир очистится от скверны
И совершит сие задаром
Вавилонянин Орсодет.
Вы с македонцем с именем Проксен
Ему помочь, я вижу, рады.
Их тени уж сошлись у стен,
А голова у спальника наружи.

КАССАНДР.

Какого спальника – Проксена?
Какой, царю палатку ставя
У реки Окс, копнул поглубже –
И вскрылась вена?
То черное и жирное текло, блистая.
А то оливковое масло полило
Себя снаружи.
То стало шире, что было уже, –
Так ли, царь?

ДЕМЕТРИЙ *(вставая со вторым кубком)*.

Вся Македония за мной так полагает,
Мой Александр!

Со мной наш дорогой Кассандр!
Нам в кубки кто рукой плескает?
А, как мы понимаем, обещает
Стабильность, изобилие, почет.
Скончался Дарий черным от бессилья,
А с Александром – белое течет.
За Александра!
За его друзей!
За Азию – соперницу Европы!
За Африку, где бродят антилопы!

КАССАНДР (*всех перебывая кубком*).

Терпенье тает,
Нам уже места не хватает.

ДЕМЕТРИЙ. Кому?

КАССАНДР.

Да македонцам,
Тут под Солнцем.

ДЕМЕТРИЙ.

В Египте, говорят, сгорит Библиотека,
Какую ещё только строят.

Что ты на то ответишь мне, Кассандр?

Так, Александр?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Вавилон. Тронный зал, Александр на троне. Врач Главк перевязывает царю раненое плечо. Перед Александром – Кубок Геракла. Александр отпивает из него, бормоча что-то потихонечку.

ГЛАВК.

Здоровье береги, о царь,
От стрел и кубка.
Вот как и встарь,
Кость вылезла наружу на плече.
Жизнь коротка, всего одна минутка,
И ты живешь уж не в своем ключе.

АЛЕКСАНДР (*не обращая внимания*).

“И стройными, могучими рядами
Идут они фалангами литыми,

Бронзоволики, как орлы над нами,
Уходят неживыми, но великими
Туда – на облака, за облака,
Где бог Аммон и боги-олимпийцы,
Где Зевс, его всевышняя рука,
Куда не долетают даже птицы
И где они мои освободители,
Одни, великолепные, живут.
Где все бронзоволикие воители,
Упавшие за несколько минут,
До тех, как я, их царь,
Бессмертным стану – богом,
Идя плечом в плечо по тем дорогам,
Какими все мы, смертные, прошли
И имя Александра пронесли.
Но кто-то хочет сесть в мое седло.
Мой Буцефал, оно для них мало!
Им надо все мое, они не с нами”.

АЛЕКСАНДР (*поднимая голову, вслух*).

А дальше все сначала до конца.
Как у кольца –
Одна середина,
На каждой точке –
Половина,
И в каждой бочке –
Диогены,
Кровь, вены
Одни, великолепные, живут,
Хоть несколько минут.

В тронный зал входит Таксил. Стоит в нерешительности.

АЛЕКСАНДР (*замечая его*).

Ты кто такой, злодей?

ТАКСИЛ.

Наемник из индийцев, судьба-злодейка,
Она – индейка!

АЛЕКСАНДР (*подавая правую руку*).

В Библиотеке главный – Прометей,
Сгореть должна моя “Александрийка”.

ТАКСИЛ. Сожжённая рукой?

АЛЕКСАНДР.

Оракул из оазиса, плебей!
Вещает мне на склоне дней.

Какая-то старуха-сицилийка
Взмахнет рукой и ляжет на покой.

ТАКСИЛ.

Я в Индию хочу,
Зачем мне твой Египет?
Не думай, что пожить, пограбиться.
Стихи писать, ослабься.
Как Гиппиус, ослабься,
Дары тебе такие принесу,
Что дашь врачу,
Он на ноги поставит всю медицину
На земных материках, –
Я так хочу!
Держать ее в своих руках.
И не хочу,
Чтоб щедростью меня ты превзошел.
Даю – бери! А я пошел.

АЛЕКСАНДР. Куда?

ТАКСИЛ. На Индию, куда же?

АЛЕКСАНДР.

Там войско в миллион!
А денег – сундуки,
И даже бога нет.

ТАКСИЛ.

А где ж он?

АЛЕКСАНДР.

У воинов по две, по три руки.
И есть слоны, а каждый слон
По два дает в одном году.

ТАКСИЛ.

Ну, я пошел,
Там подожду.
Пока не вызреет война
В твоих, о царь мой, документах.

АЛЕКСАНДР.

В апартаментах?

ТАКСИЛ.

В апартаменто-документах,
Без них нельзя.
Но все равно ведет стезя
Тебя на Индию, я знаю.
Даю вам средства, ожидаю.

Александр на другое утро. Морщась от головной боли.

АЛЕКСАНДР.

Куда он, бедных, нас включил?
Подарок дал моих щедрее,
Чем македонцев огорчил
И даже бедного еврея.
Зато и варваров привлек
В мое потрепанное войско.
Такой подал царю урок!
Уже сражаюсь не геройски,
А лишь бы быть да лишь бы жить.
Взял пленных я – и перебил.
А справедливость ведь любил,
Люблю и Доблесть. Только скользко
У них там что-то, у индусов.
Философы “ордою” нас зовут,
Свободу отбираем мы, а плюсов,
Мол, никаких! Где пряник, там и кнут.
Ну, мы посмотрим,
Видно будем там,
Когда пойдем по ягодным местам,
Шагая по три!
А пока... О Господи!
Да где же Прометей?
Сидит, бессмертный,
В юдоли круговертной,
Все на Скале своей,
Во множестве идей.

Македонское войско на границе с Индией. Война по сути уже началась. Александр осаждает неприступную Скалу Индийского Кавказа, которую обороняет индус по имени Сисимитр. Не тут ли, на этой Скале, свободнорожденный Прометей?

АЛЕКСАНДР (своим воинам, перед штурмом).

Мы более всего страдаем от чего?
От черного пиара своего.
Не столь из-за припасов,
Сколь от болезней, климата –
От желтой лихорадки.
Не шелка иль атласов,
А то, что все тут вымыто
До блеска, а в беспорядке.
Но бога своего мы почитаем
И дерзостью судьбу одолеваем,
И силу – мужеством.

Для смелых нет преграды!
А трусу – нет опоры,
Тут, на скале, трус Сисимитр.
Взята твердыня, Сисимитр разбит!
Что толку от таких побед?
А Прометей – нет!

Следующая Скала столь же крута и неприступна.

АЛЕКСАНДР (*посылая в битву молодых македонян, обращается к одному из них*).

И как зовут тебя, герой?
МОЛОДОЙ МАКЕДОНЕЦ (*гордо*).

Я – Александр!
ЦАРЬ АЛЕКСАНДР (*вслух*).

Мой Александр!
Какое имя!
Все подвиги мои
Зовут твоими!
Вперед! Свои соедини
С моими!

(*В сторону.*)

Узнать скорей,
Так где же Прометей!

Следующая крепость Ника. Глубокая река перед ней, Александр стоит в нерешительности.

АЛЕКСАНДР (*бросая щит на воду*).

Штурмуем!
Они послов прислали?
Подать подушки,
Пусть посидят
На мягком, утонув по уши.
Раджа! Пришли мне сто мужей,
Да лучших!

ЗАЩИТНИК НИСЫ (*рассмеясь*).

О царь! Пришлю.
Сто пик и сто ножей.
Как легче править?
Что лучше:
На лучших стоя,
Сидя же на худших?

АЛЕКСАНДР.

Где Прометей?
Не на Скале ль у Нисы?

ЗАЩИТНИК НИСЫ.

Найдем в пять дней.
Облазим кипарисы
И, глядя внутренне,
В мистическое влазя, в них, –
Найдем героя вмиг.

ТАИДА (*подруга Птолемея, Александру на ухо*).

И сам послал мидийца, наконец.

АЛЕКСАНДР (*так же шепотом*).

Куда?

ТАИДА.

Да за Орлом,
Который все круги
Вьет над тобой, само собой!
Откуда-то с Китая,
Сюда летая,
В когтях все носит
Две алые серьги.

Через день к Александру приводят всадника-мидийца.

АЛЕКСАНДР.

Ну что, нашел?

МИДИЕЦ.

Скалу или героя?

АЛЕКСАНДР.

И первое, ну, и на ней второе.

МИДИЕЦ.

Вторым не может быть герой!
Когда он настоящий.

АЛЕКСАНДР.

Конечно, настоящий.
Свободно – он – рожденный Прометей!
Свободно зрящий, говорящий!
Сквозь лоно наших дней –
В сонм памяти моей,
А также будущих идей,
В Платонов “эйдос” зрящий.

*Наконец, Александр появляется у Скалы Прометей, в горах
Индийского Кавказа.*

АЛЕКСАНДР.

Эй, на Скале!
Тут Прометей?

ГОЛОС СО СКАЛЫ.

Да, тут.

АЛЕКСАНДР.

Не любишь ты царей!
Тут при Орле
И днем с огнем
Героя не найдешь.

ПРОМЕТЕЙ (*появляясь на краю и гремя цепью*).

Умей искать!
С себя внутри
Все надо начинать.
С числа не “два”,
А “три”.

АЛЕКСАНДР.

Оракул из Сеул Египта
От имени Аммона мне вещал,
Что только ты тут, ветка эвкалипта,
Мне скажешь то, что обещал.

ПРОМЕТЕЙ.

Что знаю я,
Чего сам ты не знаешь?

АЛЕКСАНДР.

Бессмертен я?
Иль, может быть, как все?
Ну, ты меня, умелец, восхищаешь!
Красавчик. Весь в цепях, в росе!

ПРОМЕТЕЙ.

Скажу – бессмертен,
Думать станешь – бог.

АЛЕКСАНДР.

Да, бог!

ПРОМЕТЕЙ.

Когда ты – бог, то кто же я тогда?
Ведь “форма”, что сама “идея”,
А ты почти что превращен в злодея,
Со стороны духовности – *Никто!*
Ты смертный еще более, чем все.
Лишил ты скольких бытия...

АЛЕКСАНДР.

А что?

ПРОМЕТЕЙ.

Вот я!
Я сам собой лишь и распоряжаюсь.

Лежу вот на Скале и улыбаюсь.
Мне Солнце – Бог,
Я только с ним общаюсь.
А ты ведь на крови уж изнемог.
Тебе дай Смерть,
Ты ею, словно цепью,
По головам.

АЛЕКСАНДР.

Так что ж, выходит,
Я – источник ига?
Я зла желаю всем, героям – вам?
Я – не герой? Я – где-то под горой?
Весь белый свет прошел,
До черного добрался,
Вот в Гиркане мидийской оказался,
И я ж тебе антигерой?

ПРОМЕТЕЙ (*в тон ему*).

Еще от вин мидийских не проспался.

АЛЕКСАНДР (*далее*).

И что же, я тебе – второй?
А кто же первый?

ПРОМЕТЕЙ.

Не на Дельфийских играх.
А я тебе не жрец и не Оракул,
Чтоб тут же в вымысел и в драку,
Как витязь в шкуре тигра!

АЛЕКСАНДР (*твердо*).

Так что – назад?
Обратно в пропасть?

ПРОМЕТЕЙ.

Вот на Скале! Рисунок люди зрят –
Турбина крутит, говорят,
Но где же третья лопасть?
У нас там “две”, а тут их “три”,
На Бога зуб имеют.

АЛЕКСАНДР.

Тут Бога нет,
Нет в Индии богов,
Одни идеи.
Вот ты, идея,
И на Скале!
Мерцаешь в полумгле!

ПРОМЕТЕЙ.

“Идеи” нам как боги на дороге.
Всевышний есть
В самом числе,
Но это бесконечность,
А значит, вечность.
Вот что Бессмертие, что Бог!
И то, наверное, не это,
А что-то – где-то,
Без ног и без дорог,
Без стука и мечей,
Где кто – *Никто*, ничей.

АЛЕКСАНДР.

И сколько же свечей
Сжечь Диогену,
Чтоб свет, пуская в вену,
Изо всех сил, мочей
Всем заявить, что ты – *Ничей*?
Всего-то.
Да стоит ли все это мук!
Все, возвращаюсь –
В сонмы, в круг.

ПРОМЕТЕЙ.

С песней в круг!
Взобратся на Скалу, под звезды.
На этот Остров –
Не так-то просто!
А слезть...

АЛЕКСАНДР.

Ты осторожно.

ПРОМЕТЕЙ.

... и вовсе невозможно!
Орла тебе передаю,
А я побуду тут в раю.

АЛЕКСАНДР.

А Зевс?

ПРОМЕТЕЙ.

Что Зевс?
Велел к тебе теперь летать,
Тебе диагноз составлять.

*Александр проходит от Скалы Прометея к Воину-мидийцу.
Тот стоит, убитый горем: перед ним лежит Буцефал.*

МИДИЕЦ (*выкатив глаза*).

Убили боги иль стрела взяла?
А может, старость?
Перо упало от Орла,
Толкнуло малость.

АЛЕКСАНДР (*грозя Скале*).

Уффф, подлая!
Змея ты подколотная!
Дай город заложу
И назову, и назову!
Буцефал! Буцефал! Буцефал!
И за что же нас Бог наказал?

Ночь. Граница с Индией, в долине множество огней. Александрово войско готово к вторжению. У очередной Скалы две неясные тени.

ПЕРВАЯ ТЕНЬ (*шепотом*).

Ты македонец?

ВТОРАЯ ТЕНЬ (*так же шепотом*).

Да, македонец, грек.

ПЕРВАЯ ТЕНЬ.

Не нравится мне что-то этот век,
В какой вступаем за войною вслед.

ВТОРАЯ ТЕНЬ.

Восток еще не пройден до конца,
Не перечислен счет побед,
А Бог уже невидим нам с лица.

ПЕРВАЯ ТЕНЬ.

У них же Бога нет!

ВТОРАЯ ТЕНЬ.

Вот нашего царя и не хотят за Бога.

ПЕРВАЯ ТЕНЬ.

Опять гроза, грозитя непогода!
Не будет толку с маху, с ходу
От этого походу!

ВТОРАЯ ТЕНЬ.

Нам войско путь должно продолжить,
А не сидеть в Персидах втихомолку,
Старая год от года.

ПЕРВАЯ ТЕНЬ.

Не нравится мне царь наш Александр.
К Гераклу как питейно пристрастился.

Кому-то говорил (я уловил – Кассандр),
Кабы Иол с пути совсем не сбился.
Галоремид подал на днях тарелки,
Налил царю три капли мелкой,
Как Антигон, росы,
Какая со Скалы близ Нонаприды
Стекает и сливается в Фемиды –
В ослиное копытце, чтобы там храниться,
С поддону в чашу ону.
Слегка Гераклу добавляют. Даже львица,
И та слабеет, все ей что-то мнится.

ВТОРАЯ ТЕНЬ.

Какое дело! Да Александр от ран
Не знает, куда деться.
И все берет себе на сердце.

ПЕРВАЯ ТЕНЬ.

Хоть дух не тот,
Да тот поход!
Вон стан!
Гераклом обуян.
Кипит, шумит, клокочет,
Войны кровавой хочет.
А царь в палатке лоб свой морщит,
Как уши-то топорщит!

Утро. Войско выстроено, ждет сигнала трубы. Военачальники, собранные в кулак, ждут указаний. Напряжение возрастает. Орел пролетает над головой Александра.

КАССАНДР (нервничая).

А там – мильоны! Войско
Слонов, испытанных в боях!
Да ведь и скользко.

АЛЕКСАНДР.

Зато нет Бога,
Один витиеватый страх.

ПТОЛЕМЕЙ.

Броня крепка,
И кони наши быстры!

КАССАНДР (Кратеру на ухо).

Дрожит рука.
Вчера, как конь,
Всю высадил канистру.

АЛЕКСАНДР (*обернувшись резко*).

Ну, взяли понемножку?

Поднимает правую руку. Военачальникам.

Пошли, ребята!

(Дрогнувшим голосом).

Без Буцефала – как пешком.

Пробить дорожку –

Судьба царя – отца солдата.

Пошли, пошли, пошли, ребята!

АВТОР. По Индии, по рекам, по боевым слонам, пламенам, племенам, народам и человекам – вперед на Юг, к Океану! Еще раз в грудь Александру попадает копьё, он сам выламывает его прямо с мясом. Его несут на палатке, воодушевляя всех, – вперед, к Океану. Стоят у берега. Так куда же отсюда – на Восток далее или домой уж, на Запад?

Ночь. Войско, изрядно потрепанное, на отдыхе. Однако воины возбуждены, особенно македонцы.

КРАТЕР.

Налить кубки!

И лечь на землю!

КАССАНДР.

Я это не приемлю!

ГОЛОСА ИЗ ВОЙСКА.

Голубки – жены!

Знаменьё, но какое?

Окружены! В войсках вооруженных –

По две жены.

Прочеть письмо от Аристотеля!

Чего там дома?

Как матери и дети?

КРАТЕР.

Эй, кубки всем налить!

Я так хочу!

Ужель не в поте мы лица,

И я кричу!

ГОЛОСА (*разрозненно*).

В поте, в поте.

Кровь с молодца!

ПТОЛЕМЕЙ.

Куда нам, Александр?

К ним дальше на Восток или на Запад?

КАРТЕР.

На Востоке – чудища, слоны,
Бури и километры!
Клапан нам нужен – кла-па-ны!
На ураганы и ветры!

АЛЕКСАНДР (*горько*).

Да, а на Западе-то куда?

ПТОЛЕМЕЙ (*утешительно*).

В Македонию, да?
Где нас уже не приемлют!
Филиппа препроводили в землю,
Отца от себя отбросили.
Теперь то копаем, то косим.
То косим, а то копаем,
В ад себя препровожаем.
В Александрию!
В Александрию!

АЛЕКСАНДР (*устало*).

В Вавилон сначала,
На шкуру козью.
А там поглядим, чем тогда нас увенчало?
И что ныне пить, какую амброзию?

ГЛАВК-ВРАЧ (*склоняясь к царю, утешая*).

Слышь, семью восемь!
Только не впадать в эйфорию!
Не впадать в эйфорию!

АЛЕКСАНДР (*махнув рукой*).

Не мочи мочала,
Начинай сначала.
Песню-песенку, лестницу-лесенку,
Философскую-то, Аристотелеву!
А то – и Спинозию, козью!

Фаланги строятся, раскидываясь на две стороны. Одни острием на Восток, другие – на Запад. Стоят напротив, готовые вцепиться друг в друга. Македонцы: "Идти некуда! Отказался сын от Филиппа! На Восток! На Восток!" Орёл с клетком падает на грудь царю. Превозмогая себя, Александр поднимается на локоть, потом на плечо. Встает на ноги, опираясь на меч.

АЛЕКСАНДР (*указывая лезвием на заходящее Солнце*).

Фаланги, вперед!
В царство битвы, народ!

Ко мне Лидию, Роксану, Марию!
Путь на Македонию! На Александрию!
Где центр мира – наша Фемида!
За которой где-то там и Атлантида!
(Фаланги перестраиваются, сплачиваясь в одно).
На Александрию! На Александрию!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Югом Азии – по жаркой пустыне бредет из Индии Александрово войско. Понурые воины несут самого царя Александра.

АЛЕКСАНДР (пересохшими губами). Запевай!

Держа палатку, Скиф с Греком запевают ту самую, с какой входили в Персию, шли по городам и весям к битве под Гавгамелами.

“Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты,
А дорогою степною
Шли с войны домой мы – воины, солдаты.
...Свое знамя боевое
От врагов солдаты сердцем заслоняли.
...Разгромили, победили
Всех врагов в борьбе за Родину святую”.

ПТОЛЕМЕЙ.

Сражались за Македонию,
А возвращаемся в Александрию.
Слышу в каждом стоне я
То Роксану, а то Марию.

АЛЕКСАНДР (*шевели пересохшими губами*). Пить, пить, пить.

Подают амфору с вином, Александр отстраняет ее. Подают кубок с водой, Александр слегка пригубливает. Солнце. Пустыня. Пыль из-под копыт Фессалийской конницы.

АЛЕКСАНДР (*подзывая Птолемя*).

А помнишь, в Александрии на берегу
Голос откуда-то снизу?
Я бы спел сейчас, да не могу.
На мотив того, что пел тогда я Хафизу.
Попробуем – может, получится?

Запекает потихонечку “Стелется лентой дорога” на слова, написанные когда-то им самим для Хафиза.

“Одинокая душа”

(Песня Александра Македонского)

“Царь я, родился от нимба.
Сам же себе на беду.
Как я пошел от Олимпа,
Так все иду и иду.
Будет дорога широкой,
Узенько месяц сиять.
Голос души одинокой
Сон золотой навевать.
Будет царю все открыто,
Под пирамидами стыть.
Вечно дельфийское жито
Раны твои тяготить.
Будет дорога широкой,
Узенько месяц сиять,
Голос души одинокой
Вещие сны навевать”.

А в голову колонны уже летит: “Царь запел! Царь поет! Еще и еще! Будет все хорошо”.

КРАТЕР (*тяжко вздыхая*).

Ни воды, ни еды,
Что делать, о царь?

АЛЕКСАНДР (*приподнимаясь*).

На колесницу меня,
На колесницу!
По песку – волчьи ямы, следы!
Заметает нас ярь у беды.

Сидя на колеснице, Скифу и Греку.

Как тогда, под Гавгамелами,
Пойте же, пойте!
Будем же храбрыми, смелыми!
Воинов успокойте!

Скиф запекает ту самую, знаменитую “Под звездами балканскими”. Александр подпевает, все тут же подхватывают:

“Где вы, где вы, где ж вы, очи карие?
Где ты, мой родимый край?
Впереди страна Болгария,
Позади река Дунай.
Сколько верст в походах пройдено
По земле и по воде,

Македонской своей Родины
Не забыли мы нигде”.

Александр вне себя, орет на колеснице: “Эту, эту мою – про Буцефала!”

СКИФ (*наклонясь*). “Кони-звери?”

АЛЕКСАНДР (*хрипя*). Кони-кони! Звери-звери!

Скиф запекает любимую песню Александра, перенося всех туда, в те века, благодаря опять-таки “машине времени”, Аристотелю, Блантеру.

“Эх вы, кони-звери!

Звери-кони, эх!

Черные да Серый,

Черные да Серый,

Да медвежий мех!

Я рыдать не стану,

В дурь не закучу.

Я тебя достану!

Я тебя умчу!

Припадешь устами,

Одуришь, как дым,

В полынью с конями

К черту угодим!

Эх вы, кони, кони-звери!

Звери-кони, эх!

Черные да Серый,

Черные да Серый,

Да медвежий мех!”

АЛЕКСАНДР (*скрежеща зубами*).

И-эх! Буцефал мой!

Песню про Буцефала!

Давай, давай!

Про сады Семирамиды под цветущим вишеньем!

Город тут заложу для Лиды...

А назову его именем, слышите меня?

Мало нас, мало –

У Буцефала,

Цокот копыт его слышим мы?

Эх, да про коней да про вишенью!

Под конскими гривами!

Город здесь заложу для Лиды,

А назову, а назову, назову – его именем!

*Призывая к себе военачальников, собираются македонцы:
Птолемей, Кратер, Кассандр и другие.*

АЛЕКСАНДР (*прикладывая палец к губам*).

Только, может быть, вам
И скажу таинственно.
Сколько нас, видите?
А вокруг все воинственно –
Целое небо на нас, ничего себе, тучечка,
А на тучечке всякие шуточки.
Давно бы нас всех разорвали,
Набросились бы, как на женщин,
Скушали бы по чуточку,
Да мы, слава тебе, вещи,
В кулаке, а не врозь.
Почует слабость –
Бросится всякая бось,
Пойдет череспосолица!
А вы сидите тут, журавлями-стерхами,
Среди своих сатрапий, имений,
Обставляясь вежами,
Тем не менее!
Ладно, дальше покати, поехали
Из лун полных –
В солнечные затмения.
Че там у нас в концерте еще?
Скиф спел? Пой теперь, Грек!
Послушаем. Как бы в зале я
И в то же время в пустыне, эх!
По краю эха Неарх с кораблями
Нас защищает от флота.
Так что оглядывайтесь вы с друзьями,
А с врагами трудитесь до пота.
Ну так, Грек!
Продолжай за Скифом да в ночь –
Голосом, нежным голосом!
Пифия любит, когда ты поешь,
Высоко и легко,
Особенно, когда тихо.
Пойте же, пой со Скифом вдвоем,
Да мы еще вам подпоем!

“Хороши весной в саду цветочки”

(Песня македонцев)

“Хороши весной в саду цветочки,
Еще лучше девушки весной.
Встретишь вечерочком милую в садочке,
Сразу жизнь становится иной.
В нашей жизни всякое бывает,
Набегает с тучами гроза.
Ветер утихает, тучка уплывает,
И опять синеют небеса”.

АЛЕКСАНДР (*валясь в подушки*).

Какой мы это город проезжаем,
Шираз? Не может быть, Шираз!
На севере он где-то. Уж не раз
Неарха мы опережаем,
А то Неарх опережает нас.
Синдбад плывет на бочке Диогена.
А Диоген – на палубе Синдбада.
Вот где-то тут Троянская Елена
И раздражает соловья из сада.
Так пой же, Грек, про чьи-то города,
А голос направляй на нас сюда!
На эти бесконечные пустыни,
Где боги – из кругов, фрагментов, линий.
Но нет воды. И как они живут,
В пустынях этих, небом раскаленных?
Не оскорбляй коня, камча и кнут!
Временных беспределах оскорбленных,
Не разлучай, строка, своих влюбленных!
Так пой же, Грек! Как будто про Шираз!
Пускай в Ширазе слушают и нас.

“В городском саду”

(Песня Грека)

“В городском саду играет
Духовой оркестр.
На скамейке, где сидишь ты,
Нет свободных мест.
От того, что пахнет липа
И река блестит,
Мне от глаз твоих красивых
Взгляд не отвести.

Прошел чуть не полмира я,
Нигде с тобой не встретился
И думать не додумался.
Что встречаюсь я с тобой”.

ВОИН (*подскакивая к Александру*).

О царь!
Упал сам Кратер!
За ним еще один в колонне!
Расстроены ряды,
Возник оратор!
Пол-эскадрона в поисках воды
В степь улизули.

АЛЕКСАНДР.

Ничего, придут!
Еще нам и верблюда приведут.
Сидит осел по грудь в Сеуле.

ПТОЛЕМЕЙ (*наклонясь*)

Да кто хоть, кто?

АЛЕКСАНДР (*как от назойливой мухи*).

Да кто ж? Оракул.
Сидит в воде и дразнит дракул.
А те уж нам –
То холод, то жару,
То солнечный удар.
И сквозь озноб
Устроят заодно пожар.
Огонь на Кратере! Последнего Геракла
Истратить! Питья упавшим не жалеть!

КАССАНДР.

Когда же до Вавилона хоть доскачем?

АЛЕКСАНДР (*оживясь*).

Вода тут – “аква”,
А “вита” – жизнь,
А вместе так согреть
Способно, что держись!

Вавилон. Царский дворец. Александр, весь в подушках, лежит в своей опочивальне. Обеспокоенные военачальники, воины толпятся у царского ложа.

Александр, преодолевая себя, подзывает Грека.

АЛЕКСАНДР.

Закончим, что ль, концерт?
Спой песнь про хлеб – хорошая!

И говорю я как эксперт,
Как фактор местный, снегом припорошенный.
Когда-нибудь тот самый скиф –
Вавилов Николай Иванович –
По плато низким
Колосьев диких
Насобирает,
Ячмень их станет свивать,
Сливать в свой колос скифский,
Точнее, сколотский.
Не спите, люди!
Не смейте, люди!
Подите прочь,
В глухую ночь!
Таких людей
Беречь мы будем!

(Кратеру.)

А ты не рифмуй,
Как Бродский!
Чтоб из простой метелки колкой
Все “акву” производить
И ставить на полку –
Ячменную, старинную, исконную.
Каким элладийцем же надо быть,
А чтоб ее пить – арабскую, зеленую!
И человека не убить!

КРАТЕР С КАССАНДРОМ *(шушукаясь в стороне)*.

Что это он? Не только путает время,
Согласно “машине времени” Аристотеля,
А еще градус меняет под Брамутой,
И имена ставит, куда захочет,
Рифмуя и днем и ночью,
А то и вовсе отставляя рифмы,
Сплачивая тире-точки, точки-тире в ритмы.

ПТОЛЕМЕЙ *(подводя к ним)*.

Да ладно вам, видите?
Пишет белым стихом!
Жар головы, болезнь такая –
Арцмейгера называется.
Как когда-нибудь будет у Рейгана
И всей его президентской братии, –

Какая там у них на зарплате, –
Общая и типичная,
Строгая болезнь его, личная.
Они будут черное, жирное
Отсюда брати для своей рати,
А им что отсюда давати?
Делать виды? Или, скорее, вид?
Да что-нибудь такое надмирное
Оттуда сюда бесконечно совати –
В окна Семирамиды,
В чудо многоквартирное.

СКИФ (*подходя ближе*).

Бессистемно копают,
А строят – с любовью,
Как в Подмосковье.

ДЕМЕТРИЙ (*появляясь за спиной*).

Царь еще только на одре,
А вы уж понабивали сумки.
(*Проходящему мимо персу.*)
Получишь по морде,
Будешь ходить у меня по струнке!

Появляется Лидия – жрица, присаживается к ложу. Александр открывает глаза.

ЛИДИЯ (*доставая письмо*).

От матери, Олимпиады.
Почитаем, что пишет.
“Сын! Мы всегда тебе рады.
Однако Антипатр разное с нами слышит.
Клеопатре – его дочери – досталась вся твоя
Македония,
А мне, твоей матери, только Эпир”.

АЛЕКСАНДР (*с грустью*).

Делить взялись доны и донии,
При живом-то царе, весь мир.

ЛИДИЯ.

Дай лоб прикрою ладошкой –
Пот высыпал, бисер на серебре.
Потерпи, голубчик, немножко,
Любомудрие при царе.

АЛЕКСАНДР (*шевелинувшись*).

Мать поступила правильно.

Сравнить не с чем,
Отделив Македонию.
Македоняне не терпят женщин,
Тем более, когда на троне не я.

ЛИДИЯ.

Пишет еще мать, чтобы ты про войну с Пором,
Царем индийским,
Книжку целую сочинил.
В конце концов, говорит, мирным закончили спором,
Реквием средь могил.
Когда Пору взяли в плен,
Ты спросил еще, как следует с ним
Обращаться, чтобы ласково?
Пор сказал гордо, превозмогая тлен:
“По-царски!”
И ты одарил его такой сатрапией,
Что она вдвое прежней,
Чем какой он владел.
“Правильно ль это? – спрашивает мать вежливо. –
Такой Хамурапией
Исчислять беспредел?
Пишешь мне, как ты все давай приукрашивать.
Ты же царь!
Сделал, чего захотел,
Нечего спрашивать
Гирканийские мраки,
Убийственный свет”.
Так она во дворец и набилась –
Мишура эта,
Вся из пороков и бед,
Как приснилась.

АВТОР. Лидия сидит у ложа царя. Текут мимо военачальники и приближенные, просто воины, македонцы и персы, греки и египтяне, друзья и враги. Особо Лидия следит за женщинами. Женщины – это жена Александра Роксана, персиянка, с сыном от него. Статира – бесплодная дочь Дария, молодая гречанка Елесия, македонянка из Фив – матери его, Олимпиады, наставница. Целый шлейф образовался у царя за спиной, Лидия перебирает мысли, сумки, одежды, веру свою и надежды.

АЛЕКСАНДР (*наконец, вставая решительно*).

И бог Аммон мне приснился!
Видел Аммона я, прорицающего Гефестиону
Смертельный исход.

Отменяется траур, какой прежде мне мнился –
Нескончаемый, с год.
Как тревога во мне поселилась,
Так целый сонм возник, чудо свершающих, –
Очистительные образы, жертвы богам приносящие,
Знамения, сны объясняющие,
Будущее в днях предстоящих, –
Разгоню их всех и везде!
Погрызших в губительном,
Стекающем, подобно воде,
В низменные места, в незначительном
Проводящие время, –
Да и пойду себе, понесу свое бремя
На царских приемах и празднествах,
На пиршествах.
В Сузах, помнится, на хорах
Сочетался с дочерью Дария,
Так такая пелась ария.
Быстро устроено свадебное торжество:
Каждому из девяти тысяч
Роздана золотая чаша
Для возлияний! Много всего!
Вот и я после полетов птичьих
В честь Неарха – такова судьба наша “аква”.
Вняв просьбе Мидия,
Еще и к нему после направился,
Осушил кубок Геракла.

ЛИДИЯ.

Трагедия!

АЛЕКСАНДР.

И, почувствовав боль в боку, я в кубок уставился.

ЛИДИЯ.

Не было этого!
Не было такого акта!
В “Дневнике” этого нет,
Не записано!
Прочитать тебе, что будет потом –
По дням да по числам?
“Двадцать четвертый день –
Сильный озноб, лихорадка.
Военачальникам приказано,
Во дворце оставаться поблизости
Для порядка.

Двадцать пятый день –
Лихорадка не унимается.
Приходят военачальники, а ты уж ни слова,
Царь со смертью сражается.
И на двадцать шестой день –
То же.
Македоняне заподозрили,
Что ты уже мертв, боже!
Ворвались во дворец с криками.
В тот же день прошли македоняне
Мимо ложа царя в белых хитонах,
С бледными ликами.
А Питон и Селевк были посланы
В храм Серписа,
Чтобы спросить у бога высшего,
Не надо ли перенести Бога земного
В храм.
Не надо, сказал, ничего лишнего,
И велел оставить тебя на месте.
К вечеру на двадцать восьмой день
Ты, Александр, и скончался...”

ЛИДИЯ (с надрывом в голосе).

Александр! Ты меня слышишь?
Мать опять прислала письмо.
Просит останки виночерпия Иола
Выкопать из-под вишенья
Да и выбросить из могилы,
Дерьмо!
Нет тебя самого,
Без тебя и не будет престола!
Пусто, голо!
Ничего!
Александр! Господи, так мать сказала!
Ты лежишь, как живой!
Чистый и свежий.
Еще слышишь, наверно, в розах тут алых,
Бабий вой.
Да и он все реже, реже.
Принял все на себя Птолемей –
Друг твой самый близкий.
В гроб хрустальный сунули поскорей,
В подвал куда-то поставили низко.

Послали в Египет за мастерами,
Чтобы забальзамировали тело, телушко!
Сами не можем, не можем сами
Дело такое, делушко!

Появляется Птолемей, Лидия обхватывает неживое тело руками.

ЛИДИЯ.

Госсподи-и-и!
Сижу тут, плачу за мать.
В сердце что-то воткнулось – спица!
Сразу Орел перестал летать –
Круги делать, кругами виться.
Прометею, что ль, еще весть подать!
Как обуглены лица!

ПТОЛЕМЕЙ.

На четыре части, мать, намечается,
Развалится Персида. Бойко!
Александрия по мне получается –
“Двойка”.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Окраина Вавилона. Людское столпотворенье. Должны провезти хрустальный гроб с забальзамированным телом царя. “В Александрию! В Александрию!” Птолемей сопровождает колесницу. Лидия пластом валится, лежит на гробу.

ПТОЛЕМЕЙ (*подзывая Скифа*).

Ту – Александрову,
С какой сюда вступали, –
Помнишь?
Какая-то клинопись, каменоломни.
Пой, Скиф, про города!
Пой, Грек, про эти реки!
Про пески пустыни,
Какие оставляем тут навсегда
Мы – человеки!
В скорби своей и унынии!
Дай же песнь свою запоем –
Жизненное, нехвалебное.
И это все об Александре, о нем, –
Наше, вои, победное!

Скиф запекает, Грек подхватывает, и поют все.

“Присядем, друзья,
Перед дальней дорогой.
Пусть легким окажется путь.
А ну-ка, ящик, потихонечку трогай
И песню в пути не забудь”.

АВТОР (*голос за кадром, как Демциургов*).

Проходит кортеж с телом Александра, этого бога земного, всей вавилонской пустыни. Одну из них, скифскую песню, сменяет другая, из тех же, с какими шли сюда, казалось, недавно воины Александра. Несли на щитах своих сюда знания, песни и страх. Голос Скифа слышен издалека, пески не забирают его, отдают обратно.

“Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой.
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою,
Родная навек сторона.
Не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна”.

СТАРИК-МИДИЕЦ (*ежась, вытягивая руку – в Небо, кажется, отсюда до самой Александрии*).

Куда уходишь из Азии ты, Александр!
Куда увозит тебя, песня – мрия!
Лик твой белый, красивый.
“И одному он дал пять талантов,
Иному один, каждому по его силе”.

* * *

Египет. Александрия. Берег у Фороса. Хрустальный гроб у Александрийской библиотеки. Лежащая на гробе жрица поднимает голову.

ЛИДИЯ. Голос откуда-то? Его – Александра. Как и тогда еще, когда размечали мы место. И когда пел он своими словами в Ширазе – Хафизу. Пой же, пой! Мы слышим тебя, Александр! Еще раз, до конца!

“Одинокая душа”

(Песня Александра Македонского)

“Царь я, родился от нимба,
Сам же себе на беду.
Как я пошел от Олимпа,
Так все иду и иду.

Будет дорога широкой,
Узенько месяц сиять,
Голос души одинокой
Сон золотой навевать.
Где-то родная Эллада,
Люди родные мои.
С детства любимая лада,
С гор сѣговые ручьи.
Будет царю все открыто,
Под пирамидами стыть.
Вечно дельфийские жито
Раны твои тяготить.
Будет дорога широкой,
Узенько месяц сиять.
Голос души одинокой
Вещие сны навевать”.

Появляется Птолемей, наклоняется к Лидии. Лидия вздрагивает, поворачивается лицом к нему.

ПТОЛЕМЕЙ.

Ты опять уже жрица – пифия
Или земная еще, как с ним?

ЛИДИЯ.

С ним – земная,
Со всеми – жрица.
И вокруг меня лица, лица,
А это Оракул Сеулский,
Идол широкоскульский.

ПТОЛЕМЕЙ.

Знаю, полон злобы и ревности!
Не композитор Саульский,
Черный – от бедности.

ЛИДИЯ.

Язык повернулся такое сказать!
Александрийской Библиотеке.
Пламень прорицать, гибель ей предсказать –
Исчезновенье навеки!

ПТОЛЕМЕЙ.

Я уже, мать, фараон тут,
А она еще недостроена.

ЛИДИЯ (*истово*).

Тыл – фронту!
Тоже того достойна.

Знаю! Будет она тобою
Вскормлена, вспоена,
Вижу весь контур!
Триста лет простоит от начала,
И только потом истает.
Надо еще напрячься.
Чтобы судьба ответила,
Что она нам наметила
И что впереди витает.

Жрица отрывается от гроба, встает, покрывает его синим платком.

ЛИДИЯ.

Снова сны вещие вижу:
В Дельфах недавно была.

ПТОЛЕМЕЙ.

Ну, и как?
Какая у тебя в картах масть?

ЛИДИЯ.

Кассандра видела тебя ближе,
Он теперь в Македонии власть.
А как оказался в Дельфах,
Шел залом, где статуи,
Александра узнал,
Так даже меньше стал,
Сделался с воробья.
Дрогнул! Под тенью крылатой!

ПТОЛЕМЕЙ.

Каштаны таскал ему из огня,
Вот и боялся при жизни!
И даже вот после смерти.
Что касается лично меня,
То, извините, поверьте...

ЛИДИЯ.

Не надо.
Ты друг ему настоящий.
Библиотеку дострой,
С видом из сада.
Сделай ее не горящей,
А какой надо.

ПТОЛЕМЕЙ.

Как же сделаешь, если
Этот циник Сеул, из оазиса,

Сидит там у себя на чресле
Да шары запускает
В отношении “базиса”.

ЛИДИЯ. Это Александра касается?

ПТОЛЕМЕЙ. Ну, конечно.

ЛИДИЯ.

Он у меня дождется, еще покается –
Циник вечный!

ПТОЛЕМЕЙ.

Ну, а Скиф где, кто знает?
Любимец-то Александра.

ЛИДИЯ.

Скиф?
Да кто его знает!
Бродит где-то с женой,
Но жены не бросает.
Уж не тот ли воин, что сетью, карной
Рыбу из Нила таскает?
Эй, Скиф! Это ты с женой?

(На Птолемя.)

А это вот фараон.
А то Скифа жена –
Он и она,
Обоими был доволен Он.

(Показывая на хрустальный гроб. Жене Скифа.)

Это ты ему подковала коня?
Спой же ему

(Показывая на гроб.)

Любимую.
Послужи в последний разок,
Оборотясь на Восток.
Пусть послушает.
Да и он вот

(Показывая на Птолемя.)

С матерью и дядькой своим
Рыбки пускай откушает.

Вздыхает, глядя на солнце в пустыне.

Господи! Это тебе не в Персии!
Тем более в Гиркане или в Мидии.

Тут у меня, у Лидии,
День рождения справят,
Рыбкой тебя не отравят.
Пой же, пой ему, милая!
Вот оно – тело его остывшее!
Александр! Слушай и подпевай!
На песню набрел, поем вместе.
Город наш, город Орёл, –
Скифские вести.

“Черноглазая казачка”

(Песня, спетая женой Скифа, тоже Скифянской)

“Черноглазая казачка
Подковала мне коня.
Серебро с меня спросила,
Труд недорого цена.
“Как зовут тебя, молодка?”
А молодка говорит:
“Имя ты мое услышишь
Из-под топота копыт!”
Я по улице поехал,
По дороге поскакал,
По тропинке между бурых,
Между серых, между скал:
Маша, Анна, Даша, Нина...
Все как будто не она!
“Катя, Катя!” – высекают
Мне подковы скакуна.
С той поры хоть шагом еду,
Хоть галопом поскачу:
“Катя, Катя, Катерина...” –
Неотвязно я шепчу.
Что за бестолочь такая,
У меня ж другая есть!
Но уж Катю, словно песню,
Из груди, брат, не извести.
Черноглазая казачка
Подковала мне коня.
Серебро с меня спросила,
Труд недорого цена.

“Как зовут тебя, молодка?”

А молодка говорит:

“Имя ты мое услышишь

Из-под топота копыт!

Из-под топота копыт!

Из-под топота копыт!”

ПТОЛЕМЕЙ.

Надо же, мать!

“Двойку” дали на “тройке” построить.

Как доходчиво все связать?

Надо было вам с Александром их, мать,

К библиотеке пристроить.

ЛИДИЯ.

Как Борхеса к Аргентине,

Как ангину к гландам.

ПТОЛЕМЕЙ.

Хоть бы на него посмотреть,

В Библиотеке с ним посидеть.

ЛИДИЯ.

Так его по времени еще нет,

В “серебре” когда еще будет.

Тоже “гаучо” и тоже поэт,

Любят “серебряных” люди,

А также и “золотых”.

ГОЛОС НЕБА.

Стих – это миг,

Стих – это дых,

Стих – это вдох для двоих!

Стих – это вдох и выдох!

*Реальная картина встречи Лидии с Птолемеем исчезает.
Возникает нереальный фон в тронном зале.*

ФАРАОН (приосанясь).

Династию надо продолжить

Из трех Птолемеев, одна – Клеопатра,

Я – первый! Мне жить бы подольше.

(На стенку с изображением женщины).

А невозможно, падре.

Александрию надо достраивать,

Библиотеку.

А тут все тяжкое – сдваивать, страивать,

Обращая внимание на Мекку.

С Востока – опять же Персия,
От Карфагена – Рим.
Так вот в своем интересе я,
С камуфляжем своим.
То пирамиды, то хрусталь Александра –
Гроб Господний!
А в Македонии заседает Кассандра,
Как в преисподней.
Много Олимпа, мало песен.
Рты широки и влажны.
Мир, оказывается, не так уж и тесен,
Но ведь и очень важный.

Входят ветераны – македонцы и фессалийцы.

ФЕССАЛИЙЦЫ.

О полководец наш! Брат нашей славы!
Что они там опять?
В Фессалии – Греция посеред державы,
Фессалийский устроили ад,
Нельзя ли как-то на Грецию повлиять?

ФАРАОН.

Ладно, уже влияем.
Через Библиотеку –
Ходим, как в Мекку.
Книги их знаем,
Через них и влияем.
Кому пополам, кому надвое –
Главное, что питаем,
Как Нил, голубое и влажное.
Вам чего, македонцы мои, македончики?
Бесценные наши, ничего нам не стоили.
Один без руки, другой без ноги,
Свечечки вы мои, солнышки!
Специально, что ль, так все устроили?

МАКЕДОНЦЫ.

Поговори, поговори,
О царь! Поговори хоть с нами.
Чего надо нам? А ничего.
Потопай тут на нас, поори,
Чего еще? Снимешь хоть камень с души.
Мы и так хороши.

ГОЛОС СВЕРХУ. Фараон провожает их до дверей, у которых замерла Стража. Птолемей I, а будет еще и второй, третий, а также, как в Македонии, еще одна дочь Греции – Клеопатра.

ПТОЛЕМЕЙ (*после их ухода, обхватив ручки трона*).

Господи! Куда их денешь, ведь одуванчики!
Пирамиды чистить, рубить папирус,
Атлантиду искать?...

ОХРАННИК (*вылезая из-под стола*).

Ничего себе, планчики!
А в государстве – вирус.

ПТОЛЕМЕЙ (*тряхнув головой*).

Опять никого?
Одна пустота, мечта одна – мрия.
Зрение пало, а все оттого,
Что в Персию ходила жена вторая его –
Мария.
И я был при ней.
Теперь здоровье не то, поверьте.
Вот и сиди, живого живей,
Посаженный как на вертел.

Опять же Лидия все там же, на берегу. Как у гроба Господнего, так и она у Александра. Так тут душой намаялась, что зрит не столько в корень, сколько в будущее. Пламень ее, предсказанный Оракулом, все дымит из “базиса”, из пещеры его, подземелья.

ЛИДИЯ (*грозя туда вниз*).

Уфффф! Шарлатан!
Не то что, бывало, мы в Дельфах.
Сидит в прострации, в ничтожных эльфах.
Ну никакой квалификации! Хам!
Да еще ревность к Александру питает
По-прежнему,
Как если бы ездить на Капри трамваем –
Через море к безбрежному.

(Сидит размышляет, строит дальнейшие планы.)

ЛИДИЯ.

Пошла к нему, иду отменно –
Босиком-то в оазис,
По пустыне-то раскаленной,
А никого у него, где же “базис”?
Едва огляделась, как он явился,
Батеньки-матеньки.

“Чего тебе?” –
“Аппаратура, – говорю, – у вас слабенькая”.
Так он как начал ворочать стол –
Материками, надеждами.
А эту специю –
Трещину, говорит, в Дельфах, лично закрою,
Выключу из мирового процесса Грецию!
Тут-то я всерьез и подумала:
Че ему Библиотека?
“Кубала”, “дубала”, “бубала”! –
Заклинания, как у грека.
Похож вроде на человека,
А как будто все трещины в сумме.
Сидит себе в пещере с переломанной цивилизацией.
Я, говорит, плиту под Европу подсуну
И вытесню Средиземное море,
Осушу сразу все земли и нации,
Им же на горе.
Господи! Куда ж с таким
Дальше-то ехать!
Требуется индульгенция.
Хафиз, что Хафиз –
Верх и низ,
Гнилая интеллигенция!
Чего он там в своих веках
Чего-то в Санталово соображает.
Когда Президент Земного Шара кого-то рожает,
Так Оракул его тут же и обижает.
Да здоровствует Прометей!
Он один такой сидит на Скале
И свет на Земле выражает.

ГОЛОС СВЕРХУ. И стала Лидия караулить Оракула. Лучше всего попасть к нему, когда он спит. Чтобы поймать спящего – мистическо-го такого и вящего. Похожего на настоящего – на Кота камышового – такого крупного, хитрого и дешевого. Засела в папирусах и стала дожидаться, когда он туда опять на лодке станет подплывать – с мотивами общества развитого трансцендентализма, камышами обвитого, – в землю начнет спускаться?

Думала, крыша поедет,
А она все никак,
Никуда из Египта не едет.
Стерва!

Лежит Александр в гробу Господнем,
Идет от победы к победе,
И богом на глазах у всех, ни на что не годным,
Прямо-таки становится.
Любят у нас ушедших –
Причисляют, каются, молятся,
Папирусы пишут про них.
В доме для сумасшедших членов президиума
Паркет натирается.
Чтобы инако не мыслили,
Не мыслили, как “инго”, инако.
Одних из Египта выслали,
Другим дали поплакать.
После войны было так-то,
А теперь по-другому.
Фараон Птолемей из такта
Все советуется, ходит к гному,
А Александра обходит,
Зато Библиотеку строит.
Есть на что созидать, когда дым
Над Отечеством есть,
А пламени еще нет.
Хорошо быть молодым,
В двух шагах от побед.
Вон один молодой лежит,
А другие лежать не хотят.
А дождишко-то кровью мжит,
А кровушка план обегает,
Всех подряд “облегат”.
Так в “сибирях” у нас говорят.
– Вот такая эпоха, – во сне
Приснилась, скажи на милость, –
Для одаренных ребят.

ГОЛОС С НЕБА.

И пришла она к нему – пифия, жрица,
Да с ножом к горлу.
Лимфы взяла и всем перерезала,
Невзирая на лица.
Фамилию стерла
И свою пристроила, львица!
И засела в пещеру –

К аппаратуре.
Чтобы с Землею восславиться.
Опоздала. Закрыли сферу,
Трещину в Дельфах сдвинули.
Где же ей, такой дуре, справиться,
Александру было понравиться?
И что же она углядела
Через триста лет и три года?
Что поняла? Виноград Изабеллу,
Как яд, уходя, приняла,
Чтобы счет увеличить победам
Перед самым обедом.
И голос Времени им в Египет явился
В лице Юлия Цезаря,
Изображая бездаря.
Богу богово, а кесарю кесарево,
Племя бесово!
В дверь, говорят, головой бился,
Едва, говорят, не застрелился.
А потом, говорят,
Взял и сжег эту Библиотеку!
Или часть ее – в море иль в реку,
Кто его знает, кого и куда
Рим великий бросает,
Когда абсурд свой выражает?
Где Аристотель, Диоген и Платон?
Всех склюет их потом
Черная птица –
Ходит, муку собирает,
Цивилизацию потихоньку
С лица мира, склевывая, стирает.
А за Цезарем – кони,
Перлы опять-таки, камень.
Дважды, выходит, пламень
Александрию сметал,
Даже камень, металл!
Смели и забыли – шестая цивилизация!
Было шесть таких Александрий. Кома.
Мы, говорят, тут дома.
Другие боги, другая и нация.
Один только Змий бестолковый

Рад, когда – конфронтация.
Однако все же успели построить
Форосский маяк!
Путь указали вдвое
Короче – к знаниям,
Разве не так?
Стражу поставили –
Плату взимать.
За вход в гавань в виде книг.
Вот, скажу, как все это понимать,
Как я понимаю их.

ПТОЛЕМЕЙ (*выходя на поклон*).

И на весь мир сияет-то как
Чудо света, Форосский маяк!
А та старушка,
В скромном платочке,
В любую погоду, при любой ночи,
У Библиотеки,
Что взяла и сгорела навеки,
Теперь мешает в одно: точки и тире,
Тире и точки.
Читаем:
“Идущий на Форос Корабль!
Из скифов, персов или араб,
Уже свободный или раб,
Несущий тяжкие вериги,
Любой под парусом Корабль!
Земли любой, морской стихии,
Имея помыслы благие
И в отношении меня,
Не приноси сюда Огня!
Не приходи сюда без Книги!”

На занавесе слова, горящие на основных языках мира:

“НЕ УХОДИ ДОМОЙ БЕЗ КНИГИ”.

ГОЛОС С НЕБА.

“Да здравствуют знания – пламена!
Какие добыты и какие еще добудем –
Всему человечеству, людям!
Шутить с пламенами не будем!”

Так говорил не Заратустра,
А с позиции не царской уже, не фараонской,
А с греческой, человеческой –
Сам Александр Македонский.

6 марта 2006 г.,
Орёл, Россия.

КНИГАВТОРАЯ

САКРАЛЬНЫЙ КРЕСТ

(героическая трилогия)

Вместо пролога

Мы – русские люди. Откуда – куда мы,
Каких сокровений и грез?
У ариев сердце,
Когда мы, когда мы –
Из бездны таинственной звезд.
Под Знак Водолея – все конские топы.
Все скифы, сарматы, славяне мы, росы.
У Азии – перед, задворки Европы,
С вершин Гималаев – мы веды, колоссы.
В нас борются две изначальные силы –
То в радио сцепят, то в пыль разнесут.
Оседлость – кочевье, Гордины – Атиллы,
Под мистикой власти, под пряник и кнут.
Все с бою, борьбы, из жестоких сражений.
Культ скифской телеги, круг слав и побед.
Широкая степь из шести обновлений,
И все племена, все тираны с монет.
Осколок зеркальный шестого исхода,
Все падаем с Солнца, все звездно летим.
Багряные гривы метут с небосвода
Алмазную пыль на отеческий дым.
Тут – пашни и пашни, там – степи и степи.
И, шаркая в шлепанцах, как землемер,
Бредет наш Велес и в душе моей лепит
Премножество всяких химер.

Ясень

Я под дерево встану,
Качну свою ветку –
Биотоки рванут по руке.
Вот и тянемся ясенем
К дырке с монету,
Отраженной в снятом молоке.
Мы когда-то в созвездьях
Паслись, как коровы,
И ходили на всех четырех.
Но я встал, разогнулся,
Уперся в подкову
И антенной стою у дорог.

Где дыра, что винтит мир?
Откуда я знаю.
Смотрит в душу астральный колосс.
Принимаю в себя, принимаю
Через ясьень энергию звезд.

Бог сварог

Творожная пасха. С утра к творогу –
К чему это? – тянет меня.
Творог и Сварог. Прозреваю Сваргу
В ведических сферах огня.
В безвестной пустыне уж тысячи лет
Старался кормилец Сварог,
Ссужая просвирку, творог на обед,
На ужин все тот же творог.
С рогами Сварог, рогоносец Сварог,
Проклятье над рогом висит.
А он-то всего-то языческий бог –
Незлой старикан на Руси.
А он-то всего-то нам память хранит,
Ответственен в прашурах – и...
Опять по ошибке отец Леонид
Занес его в святцы свои.

* * *

Когда в Непал себя торопим,
Чтоб обозреть земной окрест,
Я знаю, что из этих опер
Брать нам с собой на Эверест!

ТЕНЬ БУЦЕФАЛА

(сократические диалоги)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПЛАТОН – философ античной Греции.

АРИСТОТЕЛЬ – его ученик.

ПЛОТИН – неоплатоник, их более молодой оппонент.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ – царь Македонии, потом его тень.

АВТОР – голос за кадром, как демиург.

Действие происходит в наши дни XXI века, у нашей березовой рощи поселка Синяевский, что на Орловщине, однако, благодаря "машине времени" из "Поэтики" Аристотеля, мыслью и душой Автора перенесено в античную эру Платона, в его рощу, названную Академией. Собеседуя с учениками, Платон говорит в диалоге просто о самых сложных философских вещах. В конце концов, о судьбе Александра Македонского, рожденного у подножия Олимпа, в божественных сферах Земли.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

О бессмертии

Место действия – тут и сейчас у Синяевской рощи, а как будто там и тогда в Греции, в Академии – роще Платона.

Платон, прогуливаясь вдоль опушки, беседует с каждым из своих учеников, вызывая их к себе в разные времена.

ПЛАТОН.

Вопрос всерьез поставил Александр.
Бессмертие! И что за ним стоит?
Вот у царя – такой высокий сан!
А небессмертен. Делает лишь вид.
Он, как и все мы, смертен на земле,
Конечен путь, все это – априори.
Философы мы с вами, мы – реле,
Мы – движители с целью в вечном споре.
Все следует в одном триумвирате.
Платоники вы и нео-платоники, –
Вас целый шлейф у нас. Да, кстати,
Тут Аристотель. С него мы и начнем –
Свои беседы-хроники.
Так мы о чем?

АРИСТОТЕЛЬ. Да все о том.

ПЛАТОН. О чем?

ПЛАТОН.

Да ни о чем.
О том, что есть мы тут,
На этом свете, или нет?
Мы, может, миф? Придуманы богами?

АРИСТОТЕЛЬ.

Мы вообще свой бестелесный свет
Не двинем ни на йоту вместе с вами.
Так и останемся мы тут,
А ведь от нас бессмертия все ждут.

Платон, притрагиваясь к рукаву Аристотеля, предлагает пройти по тропинке вдоль Синяевской рожи, к ближайшему Дубу, одинокому в чистом поле.

ПЛАТОН.

Что за места! Прекрасные, как Жизнь!
Вот за такую форму и держись!
Орловская Швейцария на вид,
В альпийские луга к себе манит.
Кто тут ходил до нас?
Какие шли разборки?
Одни газели, кабаны да волки.

АРИСТОТЕЛЬ.

Да Лев Толстой бывал, не раз,
Жевал тут ананас.

АВТОР (*встревая*).

Не ананас, а абрикос!
С ученым-пчеловодом,
Что в землю врос,
Был из дворян
Его семейный клан.

АРИСТОТЕЛЬ. Дружил тот пчеловод с народом.

ПЛАТОН.

Так вот, чтоб подойти к вопросу
О “бессмертии”, определения
Нам выработать надобно Колоссу.
Навязывать же, тем не менее,
Не будем свои мнения,
А обнажим побольше естество,
За чем стоит “бессмертие” всего.
Итак, что “вечно”, что? А то,
Что существует во временах всех
В союзе с сочетаньями под сто,
А может, двести определений тех,
Что характерны этому, – гнездо
И образуют: “старость”, “власть”, “душа”,
“Порядок”, “вера”...

АРИСТОТЕЛЬ (*подсказывая*).

“Свобода – от и до,
Нам и такая хороша”.

ПЛАТОН.

Свобода мнений,
Хороший человек,
И благомыслие правлений,

И “благо” как причина,
Цель движений,
Самодавление того, что ты изрек,
Конечности своей
Твоя кончина.

АРИСТОТЕЛЬ.

Но мы же о “бессмертье” говорим
В пределах государства и закона,
Совета и награды мы хотим.
Верь в справедливость непреклонно,
Союз всех добродетелей – гармония.

ПЛАТОН.

А всех гармоний сочетание – “бессмертье”.

АРИСТОТЕЛЬ.

Согласен ты, мой первый ученик?
Учитель, – в таком же тоне я
И говорю с тобой о круговерти,
Что облакает сочетанья в лик.
Но “ум” мой просит отделить
Мне “мудрость” и “разумность”,
А также “рассудительность”.
Так как же с нами быть?

ПЛАТОН.

Давайте так договоримся. Нет цены
Вон тем холмам, прошедшим
Через оледененья, и зелены,
И живы, хоть бы хны, –
Они “мудры”! Предмет их вечен,
И осмыслен, сутью мечен.

АРИСТОТЕЛЬ.

“Разумность” же?

ПЛАТОН.

Все то же с добавленьем “дела”,
Разумной “практики” умелой.

АРИСТОТЕЛЬ.

А “рассудительность”?

ПЛАТОН.

Ах, эта “софросина”?
В работе длительность
С гармонией души,
Ее все сочетанья хороши,
От “размышленья”...

АРИСТОТЕЛЬ.

“Знаний”. Так, Александр?

(Обращаясь к своему ученику.)

АЛЕКСАНДР.

Да, так. В каких-то смыслах.

Я “знания” особенно люблю.

Но нет “ума” космического, в числах,

“Идею” я, “материю” ловлю,

Предчувствуя, как...

АРИСТОТЕЛЬ.

Как “демиург” свой “эйдос”?

Как “подражанье”, “истину”, “искусство”?

ПЛАТОН *(вздохнув)*. О, диалектика!

АВТОР.

Игорные дома, Лас-Вегас.

(За кадром, как демиург).

Игра ума, какое буйство!

Ученики учителей обходят

И в золотую цепь определенья вводят,

В такие звенья, что когда-то

И помыслить было нельзя.

Вот вам “бессмертие”, ребята!

Король уже глядит из-за ферзя.

*Подходит философ Плотин, подает Учителю стеклянную банку.
В ней плещется прозрачный березовый сок.*

ПЛАТОН.

Вчера поставил под дерево.

(Показывая.) Сегодня уж набралось.

АРИСТОТЕЛЬ *(косясь на него)*.

Все в банке-то как привередливо,

Скрутилось, съелось все, спилось.

“Я в весеннем лесу

Пил березовый сок.

С ненаглядной певуньей

Ночевал я в стогу”.

АРИСТОТЕЛЬ *(перебивая его)*.

У нас идет серьезный разговор,

А ты поешь, нас в сторону уводишь.

Речь о “бессмертье” с некоторыми пор...

ПЛОТИН.

С ума нас сводишь!

ПЛАТОН.

Неоплатоник! Не перебивай!
Накапливай свое, скажи к концу.
Куда ты хочешь – в ад или же в рай?
Что тебе лучше, что идет к лицу.

АЛЕКСАНДР (*обращая внимание на себя*).

А что царям от Зевса остается?
Какой от их правления кусок?
Вот мой Гомер (*на книгу*),
Так Одиссей, сдается,
Был не согласен на судьбу и рок.
За Геллеспонт ходил,
Нашел там что
У скифов этих белых, хлебоделов?
Герой бессмертен, например, Ахилл.
У них, у этих сколотов, совсем не то
В заморской Скифии их Белой.

ПЛАТОН.

Тебе-то что? По матери ты тоже
Восходишь к роду ариев. Гляди,
Что раскидалось по народам, боже!
Себя по имени, по полисам проверьте.
Чего тебе бояться, Александр!
Каких-то окончаний жизни, смерти?
Ты дважды арий в имени;
Кассандр –
Один.

АЛЕКСАНДР.

И как же это понимать?
Себя по имени несем в коровьем вымени?
Мы хорошо сидим.

ПЛАТОН.

В корове – сочетание “ор” – “ар” (арий).
В тебе – “ал” – “ар”, “дээр” – “дэар”.
Где “эр”, там “ар” – арийский след в Болгарии.
(Германцы – Альпы, эйрос – рос,
Этрусски – карпы, слон – мороз).
Ну, и так далее слова –
В них тайный смысл,
В них “ар”, молва,
Такая глубина, такая высь!
“Ар” в переводе ведь “движенье”,

И в Солнце – “оло” – “ла” – “ара”!
В Луне – “эль” – “ол” – “аль” – “ар”.
Все, все в движении!
Ты – дважды в “арах”, Александр!
И, значит, ты – бессмертен!
Да еще царь, сын Зевса от Олимпии!

АРИСТОТЕЛЬ.

Идеалист! Учитель мой! Идея
Тебя ведет, от истины уводит.
Проверить надо! Форма и материя
К чему сведут? С чем дух в натуре бродит?
Как Одиссеей себя ты проверял,
Достоин ли быть похороненным
В земле родной Итаки?
И я вот вижу, что всем тут, кто гулял
У этой роши, быть узаконенным,
Лежать, где всходят маки
Из недр родной Итаки.
Ты – царь (*Александр*), тебе и проверять.
Затеять путь себе при духе длинный...

ПЛАТОН.

Да, “эйдос”, сама идея “брат”
В основе “смерти” и “бессмертия” –
Дух крайний, смысл первопричинный.

ПЛОТИН (*вмешиваясь*). А это еще как нам понимать?

АРИСТОТЕЛЬ (*резко*).

А ты молчи, неоплатоник!
Тебе *никто* тут слова не давал!
Не вылезай из тех последних хроник,
Где “даймос” твой присутствует, Ваал!

Александр уходит с банкой в березовую рощу, оттуда слышится его голос: “Я в весеннем лесу...”

ПЛАТОН.

Давайте тут немножечко походим
Да и пошлем подалее царя.

АРИСТОТЕЛЬ.

Сначала в Дельфы. Пусть ему навроде
Оракул скажет, что произойдет
С ним на пути, куда он, словно в вакуум,
Из-под давленья нашего уйдет.
Дельфийского оракула нельзя
Даже и нам, философам Эллады,

Тут игнорировать. Мы рады,
Что с ним пересекается стезя,
Да, нам без него нельзя!

ПЛОТИН (*косясь на него*).

Так без кого нельзя нам? Без него?

(*Указывая на Александра.*)

А он вот банку взял, но чью? Чужую.
Пошли его в поход безо всего...

АЛЕКСАНДР (*отметая его*).

Чего сюда в Итаку навожу я?
Я вывозить хочу, на том и строить
Величественное здание Земли.
Чего тут много? Чем вас успокоить,
Вложить в народы вервия, рули?
Чего?

АРИСТОТЕЛЬ.

Ну, знания, конечно.
Этим мы богаты.
Нам близок человек,
Однако же настолько –
До Бога далеко на сколько,
Ребята!

АЛЕКСАНДР (*настойчиво*).

Но как же все-таки жить вечно?

(*Аристотелю.*)

Кто тут “бессмертен”,
Раз ты сие изрек?
Учитель мой! Пока ты смертен,
Дай мне урок.

АРИСТОТЕЛЬ.

Ты молод, ты про смерть не думай.
Зачем тебе “конечность”, “старость”, “страх”?
Ходи пока что леопардом, пумой –
Пред всеми легок, хищноват и нагл.
Сходи к Дельфийцу! Пусть тебе расскажет,
Твои этапы на твоём пути.
Судьбу твою с судьбою мира свяжет,
И сам с собой сумей ее свести.
Пройти сквозь строй народов и столетий
Такие, как и ты, обречены.

Кольцом своим Зевес “хафизов” лечит,
С бессмертием они обручены.
Все думают, “бессмертье” хорошо,
Стремятся в “деймос”, вдохновясь, к богам.
А это по рогам тебя, рогам!
Да шкуру же с тебя к твоим ногам!
Твою коровью! По черному ходить – еще, еще!
Чтоб звезды, посвященные лугам,
Кому-то класть то в “деймос”, то в карман.
А ты ходи коровою голодной!

ПЛАТОН (*перебивая*).

Так ты про что своим ученикам?
Все больше про “материю” и “форму”?
А я узрел тенденцию к богам,
Когда дух высший переходит норму.
Там где-то, там “бессмертие” таится,
Не перейдя сюда, к живым, границы.

АЛЕКСАНДР (*дерзко*).

Так мы отсюда грань ту перейдем!
Поставим и нарисуем дом!
И Бог нам обозначенный поможет
Взойти наверх, туда же, где ты, Боже!

ПЛАТОН (*Аристотелю*).

Взойти наверх, туда же, где и Боже!
Пошевели-ка своего Дельфийца!
Пусть он войдет в предерзкого царя
Да и представит кой-какие лица,
В каких судьба царева отразится
И что, в конце концов, сгорит – горя
У молодого дерзкого царя.
Пусть нам нутром своим, себя увидев,
Во внутренних владениях прозрев,
Как и слепой Гомер, нас не обидев,
Дать пониманье “суффиксов” сумеет,
Теперь пускай свое он перескажет:
Куда ходил? С кем был?
Кого видал? Чего желал?
И что, в конце концов, случилось?
Что из “идей” получилось?
С кем “дух” наш свяжет,
Какой он “формы” материалы жаждет?

Александр пускает по кругу банку с березовым соком. Каждый отпивает свое и передает другому. Банка, почти пустая, остается в руках у Плотина. А над занавесом вспыхивает строка, не исчезая горит: "Белая Синяевская роща". И ниже ее бежит другая – живая строка:

"Я в весеннем лесу
Пил березовый сок.
С ненаглядной певуньей
Ночевал я в стогу..."

АЛЕКСАНДР (*напевая строку за строкой, постепенно впадая в транс*).

Дай про Лидию вспомню –
Дельфийскую жрицу,
Хоть ее до того не видал.
Но как села она на каменоломню,
Так там и сидит, как кристалл.
На коня, на Пегаса высокого класса
Как присела, послала меня –
На коня, на коня – Буцефала, Пегаса,
С той Дельфийской горы –
На Парнаса, Парнаса!
Возлетает выше меня...

АРИСТОТЕЛЬ (*подсказывая*).

По дорогам и терниям.

АЛЕКСАНДР.

По столам и по вервиям.

АРИСТОТЕЛЬ.

По мучениям и по течениям.

АЛЕКСАНДР.

Легендам и развлечениям,
По папирусным извлечениям...

ПЛОТИН (*иронично*).

Ты пойдешь, Александр!
Где окажешься?
А в Египте сначала,
Где чуть покуражишься,
Да и дальним тебя увенчало.
А тут, у Олимпа, Кассандр
Твое место займет.
Время такое придет,
Когда все пойдет наоборот.

ПЛАТОН.

Не бери на себя функции “деймоса”,
Мы – философы! Созерцатели!
Наблюдаем, что выйдет
У аристократии с демосом,
Как с людьми управляют создатели.

ПЛОТИН.

Все же черт из меня
Потихонечку лезет.
Все же пью я “бессмертие”
С другого конца.
В животе ощущаю какие-то рези
И в водицу впиваюсь
С чужого лица.
Сплю при виде стекла,
За стеклом – перелом,
За прозрачностью тихой во гробе.
Эх, была не была!
За основой – углом
Матерь Мира хранит нас в утробе.

ПЛАТОН (*обрывая*).

Не хрипи, не вещай!
Помолчать обещай!
Страхи не нагоняй!
Адом не угрожай!
Воду с амфор поменьше хлещи!
И побольше душой трепещи!

АЛЕКСАНДР (*резко*).

Мы – цари! Мы – под Солнцем,
В царях рождены!
Он – мидиец! (*на Плотина*)
Под черным оконцем,
От ночной остроликой Луны!
Он – ночной урожай
Между Солнцем и адом,
Мой Адам!

(*Аристотелю.*)

Я тебя никому не отдам!
Мы с Хафизом идем по садам,
По Хафизовым пикам, годам,
По божественным ликам, словам.

“Я в весеннем саду
Пил березовый сок,
С ненаглядной певуньей
Ночевал я в саду”.
Из следов твоих пил
Голубую звезду,
Я – Хафиз, в соловьином саду.

Прогуливаясь вдоль Белой Синяевской рощи, Платон со своими учениками приближается к одинокому Дубу на пасеке. Тут в свое время у ученого-пчеловода Абрикосова бывал Лев Толстой, когда проезжал к дочери своей Татьяне Толстой-Сухотиной в новосильские Кочеты.

АВТОР (читая стихи из “Моих песнопений”).
(Голос за кадром, как демиург).

АДАМАНТ (Золотой треугольник)

“Спасское-Лутовиново и Никольское-Вяземское –
Издавна всем известный “комплот”,
Где Лев Толстой и Тургенев не княжески –
Так, по-простому ходили в народ.
Есть и еще тут местечечко скромное,
Где Абрикосов и сам Лев Толстой,
Сидя под дубом, вкушали скоромное,
Пили из кружки душистый настой.
Этот поселок не с доньшка толика –
Недра язычества, чувство вины.
Нет у страны без него треугольника,
Как без народа нет и страны.
Мистика берега, тайны магнитные
Слово сюда протянули, талант.
Вот почему в языке мы элитные.
Речь первородна, любой – адамант!
Может, поболее города-стольника
Перлы могуче отсюда видны.
Нет, адамант, без тебя треугольника!
Без первородного нет и страны!”

Адамант – по-старинному, с греческого – алмаз. (Л.М.З.).

ПЛАТОН.

Вот видишь, Аристотель,
Чем “бессмертья”

Тут люди добиваются у Бога –
Как Лев Толстой, Тургенев –
Через слово!
Ученики, поверьте!
Сильнее смерти,
Не так уж это и убого, –
Слова у Бога,
Основ основа.

АРИСТОТЕЛЬ.

Она между крайностью звеньев –
Души разумной или неразумной,
В виде ума, желаний.
Бог – бытие, Бог – форма
В виде ума, желаний,
Он накопитель реального,
Он – платформа.

ПЛАТОН.

Движение – все,
И цель движения – Бог.
Он движитель всего, он бесконечность.
Что скажет Плотин – мой неоплатоник?

ПЛОТИН.

Я не софист,
С Платона чистый слепок.
Не Ксенократ какой-нибудь извне,
Неизреченное “единое” нелепо,
Источник бытия во мне.
Бог в изначале и своем конце,
При цели завершающей процесса.

АЛЕКСАНДР.

Так что же ты – за “смерть”?
“Бессмертья” нет у Бога?
Как это можно сметь!
Как это все недопустимо строго!

БЕСЕДА ВТОРАЯ

В роще Платона

*Платон в окружении учеников, перенесшись из Синяевской рощи, прогуливается уже у себя в Элладе, где-то под Афинами.
Платон и его ученики – в белых длиннополых одеждах.
На занавесе сверху горит: “Академия – роща Платона”.*

АВТОР (*голос за кадром*). Сюда, в третий век до новой эры, летит песня о мудрой женщине – о Скифянке, еще один гомеровский “след”.

Напевая вместе со всеми, идут они сюда из моей “Белой Скифии”, из своего седьмого века до новой эры сюда, в третий век той же эры.

Из античной юности звенящей
До седых теперешних веков
Тихой рощей, мысль плодоносящей,
Все ведет Платон учеников.
Все идут они, те корифеи,
Мимо соблазнительных олив,
Но одно местечко тут для феи –
Женщине любимой припасли.
Вот как! И уж рощею Платона,
Тихой Академией его
К Истине российская мадонна
Вывела слепца не одного.
Внутреннее зрение дала
Корифейка, светоч, дочь Орла.

ПЛОТИН (*никак не успокоясь, Платону*).

Да кто ж она такая?
Та корифейка, для тебя, слепца!
Во что другое так вникая,
Учитель, славишь ты отца?
Бог – по Платону – бесконечен,
В твоей модели без конца.
Быстротекущ дух, быстротечен,
Но вечны жития лица.
И если есть всему начало,
То смысл его – быть до конца.
Нам жизнь не раз избличала
Пик сути – смерть, как пик венца.

ПЛАТОН.

Вот палец мой! Вот блеск кольца!
Вот – ни начала, ни конца!
Предела нет! В кольцо ложись
И в беспределах закружись!

ПЛОТИН (*иронично, на Александра*).

Пусть это самое кольцо
Не верит в Зевса, Небо, Бога!
В себя лишь верует, в лицо
Свое – сомнений много.

То на Олимп к богам стремится,
То где-то с Зевсом рядом сесть,
В его идею воплотиться,
Себе все дифирамбы петь.
Он это тайное хранит,
Свои прозрения лелея,
А тут нам, смертным сделал вид,
Что чист, лучист он в снах злодея.
Сам тайно в божества нацелен,
Хотел бы богом нам предстать,
Да вот пока что не уверен
В твою божественную стать,
Платон! Смотри, куда ведут
Твой идеал и бесконечность.
Что было там, то станет тут,
Пересекая неба млечность.

АРИСТОТЕЛЬ (*Автору*).

Кто эта женщина, которой
Такая песня нами спета?

ПЛАТОН (*указывая на Александра*).

Его Любовь, мечта поэта,
Возникла над возможной ссорой,
Возможность духа, бытия,
Где с вами тут гуляю я.
Ее все пифией зовут,
Она из Дельф, во храме жрица.
Хоть и не сможет он жениться,
Но через Жизнь они пройдут –
С Надеждой, Верой и Любовью
Так все втроем и проживут.

АРИСТОТЕЛЬ.

Дух, будь здоров! Хвала здоровью!
А нам ведь хорошо и тут.
Судьба прошла, как лебедь с уткой,
Собрала ландыши рука.
За этой крохотной минуткой
Прозрелись целые века.
Вот в чем бессмертье люди ищут.
Уже нашли, передают
Свой дух бессмертный, словно пищу,
Стук сердца, вечности минут.
Все мы к богам тут припадаем,

Все по материи идем,
На нимб горящий посягаем,
За нимбом тьму в себя кладем.
Вот он (*Александрю*) на Бога покусился.
Оракул напророчит то,
Что в виде мифа он *Никто*.
Когда-то сон ему приснился,
К тому я, может быть, про то,
В каких пределах он родился,
Вознесся и не покорился
Тому, кто выше и *Никто*.

АЛЕКСАНДР (*падая ниц перед Солнцем*).

Отцы! Учителя! Пророки!
Мне указуя, себя рисуя,
Тебя забыли, одинокий!
Твой облик Солнца,
Мой великий Бог!
Сверкнул в оконце,
И всех сшибло с ног,
Чтобы себя поднять опять,
Пророки!
Забыли вы свои пороки!
То – как себя в них подменять!

АВТОР (*голос за кадром, как демиург*).

Платон!
Благодаря “машине времени” в эфир,
Какой нам Аристотель тут представит,
Позволь перенести свой центробежный мир,
Твой синхрофазотрон
На общечеловеческой заставе,
Между вторым и третьим
Тысячелетьем,
К событию, какому равных нет!
Две тыщи лет, как был распят Христос!
Обрел бессмертье через почитанье,
Стал даже Богом, Человекобогом
За смерть свою –
Во имя –
На Кресте!
И вот опять! Я ждал того!
Сегодня вновь убит! Отравлен! Сшиблен с ног!
Он – человекобог!

Он – Словодан, герой!
Наш новый мученик, святой!
Приговорен злодейкой к смерти.
Но он по сути уж бессмертен!
Он заслонил собой Европу,
Он принял на себя Огонь!
О Прометей! Ты дал огонь холопу!
Канона – судия! Мои проклятья ей!
О Прометей!
Опять перед тобой злодей!
Как снова мало стоит человек!
Как муха, что ли, тля на занавеске!
Каков наш “деймос”, лицемерен век!
И вот Каноник этот дерзкий!
Пусть Аристотель судит их, Платон!
И Александр их судит Македонский!
Мир этот уж оповещен
И тот оповещен под топот конский!
Еще один процесс, костер и вертел!
Угомонись, холодная змея!
И знай, что над тобой –
Бог, Дух и я!

ПЛАТОН (*приостанавливаясь и глядя в Небо*).

Эй, друг! Негоже превращать
В политбеседы тихие прогулки.

Ученикам-собеседникам.

Слыхали ль вы? Слыхали, львы, опять
Тот голос помрачительный и гулкий?

АРИСТОТЕЛЬ.

Нет, не слышали.

ПЛОТИН.

Нет, не слышали тоже.

ГОЛОС СВЕРХУ.

И что же?

Почему вы не слышали?

ПЛАТОН.

Философы мы – не политики,
Которые вне всякой прессы, критики –
Творят чего хотят.

ПЛОТИН.

Известный всем философ,
Который перед каждым крутится,

Однажды как-то приоткрыл роток:
“А ничего-то у тебя, браток,
Не выйдет, хоть и долго мучиться”.
Сказал – и нет вопросов,
Навуходоносор.
И вот итог: я – Плотин!
Весь мир уж знает, что я изрек.
Царю благодаря,
Мир пал так низко.
А ведь хотел бы рай устроить, через атом
В отдельно взятом
Постигнуть то,
Что в мире под вопросом.
Зато он – Навуходоносор!
В свои перечисленья погружен,
Свободен от бесчисленных вопросов,
Какие беспокоят нас, матросов.

ПЛАТОН (*прохаживаясь вдоль рощи – своей Академии*)

Сменить нам надо дислокацию свою.
А то живем тут, как в раю,
А нам сюда, в Систему, все доносят:
Что где случится,
В Европе что творится,
А также где-то на Востоке.
Воспринимает экивок,
Что мы молотим между строк,
Что философией объемлем,
Чему с Небес высоких внемлем.
Осознаем существованье Бога,
Хоть в Индии на этот счет и строго,
В краю, осознающем Будду.
И ариев, что осознали ранее
Существованье Свентовита.

ПЛОТИН (*иронично*).

Все осознал, и карта твоя бита!
Вот только Александр,
Наш царь, из рвенья
Не перекрыл дороги к бденью.
И путь ему суровый предстоит
Не только в ту горизонталь,
Что смертных нас уводит вдаль,
Но и к богам, на вертикаль,
Где чаша божия, Грааль.

ПЛАТОН (*останавливаясь у цветущей оливы*).
Ну, что ж, перенесемся на Олимп?
Или беседу тут закончим?

АРИСТОТЕЛЬ.

Конечно, тут. При Академии.
И далее велим
Цвести оливе. Но Дух уклончив,
Не говорит нам Истины.

ПЛАТОН.

Зайдем споднизу,
С другого края!
Как это Бог дошел до рая,
А там ... а там...

ПЛОТИН.

А нам он не дает ведь визу
Опять-таки споднизу.

ПЛАТОН (*уклончиво*).

Поговорим о ректоре одном,
Перенесемся в ветреные дали,
В четвертый том.

АРИСТОТЕЛЬ.

Что – Рэм Хохлов
Интересует? Ректор МГУ?
Что бюстик в зале?
Не он один – другие ректора
Не дале, как вчера,
Отправились когортой на Памир,
Чтоб обозначить, что ли, мир,
Да и себя там в роли демиурга –
Со скальпелем хирурга.
И тут же где оказались –
Вдали от Бога?
Куда швырнула их дорога?
На что они, те горы, сдались!
Чтобы хирурги оказались
И сами там, где даже боги
Пошады молят, недотроги,
Теряя жизнь, морозя ноги.
Вот ректора! Когда домой вернуться? –
Когда все полюса перевернутся.
Вот что, мой дорогой Учитель!
Скажу я в лоб об Александре:
Подобное сподобим о подобном...

ПЛАТОН (*Плотину*). А ты? Что скажешь ты?
ПЛОТИН.

Я? О Кассандре.
Когда-то станет он царем.
Прибудет в Дельфы –
Бюст царя увидит,
Да разрази нас гром!
Себя за страх возненавидит.
Не пифии и эльфы,
А сам себя в царе увидит
И упадет от страха,
Напополам – рубаха!

ПЛАТОН.

Тебе все страхи,
Охи-ахи!
Разорванные пополам рубахи!
А тут – цари, речь о царях –
Об Александре!
Что скажем мы о нем?
О Македонском лично?
Но не так цинично,
А все же, все же,
Чем нас питает боже?

АРИСТОТЕЛЬ.

Мороз по коже!
Конечно, он мой ученик.
Давно во внутрь меня проник,
А как взгляну вперед – Персиды
Зловеще маются в груди.
Все впереди, все впереди!
Как остов в доме –
В четвертом томе.

Платон со своими учениками, снова входя в оливковую рощу, останавливаясь в тени, у все той же цветущей оливы.

ПЛАТОН (*поглаживая ее ствол*).

Царица! Бесподобной красоты!
И ты со мной! И ты!

АЛЕКСАНДР (*дрожа всем телом, возбужденный*)

Чуть что – царица! Царь!
Бог вдохновенный! Ангел пролетел!
Одежды, вежды, в лицах хмарь.

Чертоги царские, в палате
Что бесовской нам беспредел!
Что у царей сверкает внешне?
А что внутри? Что у тебя там,
Как у Рака, в клешнях?
Как жертвы, как у Овна сам
Несешь ты вслед своим стопам?
Как ты, ведя других, сгораешь
От тех лучей, что посылаешь
Идущим следом, рядом, вместе.
Как тащишь на себе вериги
Ночами – в снах, днем – наяву.
Все эти гоги и магоги, миги
В кругах царя. Я не зову –
Они вокруг все сами, сами,
И ты ведешь их в бездны, к славе –
Своих людей, в своей державе.
Но чуть попробуй, оступись,
Они тебе покажут жизнь.
Пересидишь в своей палатке
Болезнь, раненья, неполадки –
И снова жив, опять в улыбке,
В своей устойчивости зыбкой.
Иду Египтом – скарабей
Скребет по сердцу все грубей,
Все сравнивая, перегибая
Папирус – тень его рябая.
Иду в Персидах – меч на взмахе,
Полраны в кулаке держу, в руке,
А полдуши в крови, в рубахе.
Но кто же видит это все?
Кровь голубую, тень рябую,
Мечты, надежды, в глаз и в бровь,
Всю эту голубую кровь?

(Аристотелю.)

Учитель мой! Ты это слышишь?
Ты слышишь – где-то вдалеке?
А видишь – цель в моей руке?
Пол-Мидии, пол-Гирканы
Сплелись в одно среди страны.

АРИСТОТЕЛЬ (обеспокоясь).

Что слышишь ты?
Что видишь ты
На этом вещем, белом свете?
Опять незримые черты
В тебе возникли, дебри эти.
Да и, как “деймосы”, живут
На той божественной планете,
Где жар пустынь и вещей снов
Накрыла тень от Буцефала.
А им все мало, мало, мало, –
Тех конских масс, людских основ.

АЛЕКСАНДР.

Вот эта песнь, я слышу это.
Как и тогда, в чужих песках.
Дрожала медная монета
И оседала на руках.
Кто ты для них в сей миг, сейчас,
Когда вот-вот схлестнутся массы?
Царь, полководец, бог ли, маг,
Оракул бледный – все мы асы,
Когда, срывая с места массы,
Суть оставляем на местах,
С мечом в кровавый оком
Летим вдвоем.

(Подпевая слышимому внутри себя.)

“Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты,
А дорогою степною
Шли с войны домой из Персии ребята”.

ПЛАТОН.

Движенье – все, первопричина – Бог.
Все суета сует, все бесконечно.

ПЛОТИН.

Благодарю, царь! Друг сердечный,
Не все, что начато, – конечно.
Могилы, кровь и воронье
По тем следам, что мы прошли.
Растут курганы из земли беспечно
Во все вершимое, твое.
Ты прав, ты кто же, кто?

Ты богочеловек иль человекобог?
И что ты смог? Кого ты с ног?
Ну, значит, ты еще *Никто!*

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Шираз. Мистические ночи

У Скалы Прометей. Платон со своими учениками прогуливается, беседуя. Одновременно он как бы в Элладе, в своей тихой роще, и в персидском Ширазе, у поэта Хафиза. Сверху сияет по занавесу: "Шираз. Вы у Хафиза, в Соловьином саду".

ПЛАТОН.

Сосредоточие Земли.
Идут отсюда три дороги
Вперед! Там – Прометей для многих,
Для избранных –
Мидийских всяческих вещей.
Где колорит Луны ненастоящий –
В Луне откушенной и спящей
И до сих пор поэт еще кровит,
Хафиз с мидийцами сидит.
А третий путь –
Назад и по прямой.
В кровь окунуться
И – домой.
Так, царь?

АЛЕКСАНДР.

Тут я не царь,
А, как и вы, философ.
Вот мой учитель –
Аристотель, вот!
А ты, Платон,
На нас глядишь косо,
Хотя мы все втроем
Тебе уж смотрим в рот.
Процесс пошел,
Процесс идет.
Игла туда-сюда снует,
Ткань вырабатывая, форму
И человека превращая в норму.

Но нас волнует “третий человек”.
Когда убиты два,
Жив “третий”, не поблек.

ПЛАТОН (*прогуливаясь по саду*).

Хафиз! Спасибо, что приют
Дал нам тут всем –
Философам Эллады,
Мы быть с поэтами тут рады.

ПЛОТИН.

Какая сень! Какая ночь!
Мидийская луна,
Острязыка дочь,
Чуть проплыла, и сутки прочь!
И песней нам она непрочь
Проникнуть в авестийства, в ночь.
Тебе, Хафиз, твоя Луна!
И пепел сыплет среди сна.
Скала отсюда мне видна,
Скала отсюда мне слышна.
Волхвы, кудесники!
Волна отсюда не одна,
За волнами волна, волна –
За Солнцем вслед
Ложится след,
Поют, поют мои ровесники!

(*Платону.*)

Учитель!
Слышишь?
Из ночи
Они стучат в мои ключи.

ПЛАТОН (*своим ученикам*).

Такая ночь! Такая ночь!
За песней песнь вдыхать невмочь.
Она не может уж помочь
Преодолеть страх, превозмочь
Хафизовы концерты!
И чары черные, очерченные в ночь,
И белый голос искренности, прочь!
Поют, поют эксперты!

(*Автор, несущий откуда-то издалека “Ноченьку”.*)

“Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя.
Нет ни матушки,
Нет ни батюшки,
С кем я, ночь, тебя
Коротать буду?”

ПЛАТОН (*Хафизу*).

Спой что-нибудь и ты для нас,
Любимец ночи, о Хафиз!

АРИСТОТЕЛЬ.

Спой, о Хафиз! Да хоть сейчас!
Иль прочитай стихи! Каприз
Наш удовлетвори,
Пиит! Шиит!
Твори!

ГОЛОС ХАФИЗА (*издалека*).

Платон, звезду благодари,
В меня гляди.
“Хафиз убит. А что его убило? –
Свой черный глаз, дитя, так положило”.
“Сам и творишь ты песнь твою”.
“На лилиях и розах, на лилиях и розах.
Узор ее вошебный –
Начертанный в раю”.
“Десять языков лилеи
Жаждут песни соловья.
С уст немеющих нисходит
Ароматная змея”.
“Если это не поможет мне,
Принести мне сладких уст рубин,
Если я и тут не исцелюсь,
Говори, что умер Шейзеддин”.
Но Гестиона вянет ложе!
Я тоже на Скале простерт!
Платон мне друг!
Но Истина дороже!
И я пою, и я пою!
Себя я чувствую в раю,
Где за спиной моей эскорт.

Все соловьи да соловьи
И все – мои,
Других – когорт.

Поющая голосом Автора слышится опять-таки отдаленно песня на слова А.В. Кольцова.

Соловушка

“Ты не пой, соловей,
Под моим окном.
Улети в леса
Моей Родины.
Ты скажи, как без нее
Пропадаю я,
Что трава по степи
Перед осенью.
Без нее ночью мне
Месяц сумрачен.
Среди дня без огня
Ходит солнышко.
Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь положу
Свою голову?
Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице”.

ПЛАТОН (*своим ученикам*).

Сегодня “рассудительность” мы взяли
За те основы, где, увы,
Все девы, практика к уму.
И увидали, увидали,
Что практика бывает разной.
Мы с практикой широзной
Вон куда зашли.
Одни монеты, как медали –
И с той, и с этой стороны
Без предпочтения вины.

(*Александрю Македонскому.*)

И все же, что сказал мидиец,
Старик тот, в трепетную ночь?

Коль даже Индия, индиец
Нам не смогли тогда помочь?
Скрывать в себе ту бурю чувств,
Кружала мыслей, тьму искусств,
Какие в Мидии, в огне
Тебе мерещатся одне?
Да это что?.. Опять поют –
И там, и тут?
Опять соловушкин концерт.
За экспертизой и эксперт.
Чей это голос?

АРИСТОТЕЛЬ.

Словодана.

ПЛАТОН.

Откуда?
Из небытия?

ХАФИЗ.

Хафиз убит!
Но кровоточит рана!
Хафиз поет...

АРИСТОТЕЛЬ.

И Словодан идет –
В народ.

ПЛАТОН.

Откуда?

ХАФИЗ.

Откуда слушают народы?
Когда поют герои-вои –
Со Скалы Свободы.
Поет он со Скалы Свободы,
Где рядом с ним и Прометей –
От тех эпох до наших дней!

(Голос Словодана, летящий со Скалы Прометея.)

Песня Словодана

“Соловьи, соловьи,
Не тревожьте солдат.
Пусть солдаты немного поспят”.

ПЛАТОН *(своим ученикам)*.

Кто он, тот воин, Словодан?
И почему поет?

Какой богами статус дан,
Когда он шел в народ?
И почему он на Скале,
Где вечно Прометей?
Воздвигнут силами в Орле,
Чтобы долбить вдвойне –
Отцов народа, их детей,
Какие тут, в войне?

(Александр Македонскому.)

А ты ведь говорил, что Зевс –
Твой бог и твой отец.
Да ты б на Эверест полез,
Чтобы познать, где Бог.
Но ты ведь царь,
Отец твой – бес,
Сам на Олимп залез!

(Своим ученикам.)

Что скажете на это вы,
Философы-друзья?
Мой Аристотель, Плотин – львы,
Ну, и за львами я.
Что скажем все мы от себя,
От имени людей?
Не можем мы, входя в тебя,
Торжествовать, злодей!
И пусть поет, идет в народ
Наш павший, наш герой!
Аспазия за тех встает,
Кто за нее горой!
Кто в жизни прав, кто, смерть поправ,
К Скале своей идет.
Кто улучшает дух и нрав,
Когда про них поет.

ПЛАТОНУ.

Вот кто бессмертен!
Кто герой!
А кто же Прометей?
Насущный хлеб,
Поющий серб,
Он заработал всех честней
Во млечности своей.

А, значит, как и боги,
Герои те на небеси,
Их на руках носи.

АЛЕКСАНДР.

Как Ахиллес.

ПЛАТОН.

Да, знаем, тоже славянин,
Происхождения такого,
Где чтят таких, хоть и немногих,
А все не бес, а все не бес,
Какой на небо влез.

АЛЕКСАНДР (*вздыхнув глубоко*). Теперь я знаю – почему.

ПЛОТИН. Что – почему?

АЛЕКСАНДР.

Как царь – я, полководец,
Все битвы изучал,
Войну, сраженья.
Что где когда что излучал,
Какие осложненья?

ПЛОТИН (*вздыхая*).

Ну и народец!

ПЛАТОН.

Ты про кого?

ПЛОТИН.

Три битвы за два века,
Три вторженья,
Победы – ни одной!
Враг, что же, – неумека?
Что их менталитет
В цивилизации шестой?
То римская усталость в генотипе,
То сумрачный германский гений.
Я размышлял:
Все не случайно в липе,
Доходит мед до формулы кипений.
И сладость манит. И пчела кусает.
Да насмерть улей местность защищает.
То, что зовет своей колодиной,
А скифы, а славяне – родиной.

АЛЕКСАНДР.

Да, на “дуге”, как Гавгамелы,
Значения не ниже-то имеет.

А городок, где самое-то пекло,
Как бы папирус белый
Чернилами питает.
Плохой был почерк,
Но написались все же оды, очерк,
А вот про Гавгамелы позабыли,
Когда им головы рубили.
Герой живет доселе в доме,
А городок – в четвертом томе.
Несу через Пространство, Время
За все свое – чужое время.
Все понимаю тут, что было там,
По красным ягодным местам.

ПЛАТОН.

Все это так, мои друзья.
Но все же, все же, все же
Царь шел откуда и куда?
Чем ему, царственному, тоже
Перевернуло мистику тогда?
Не говорит, а крутится ведь, крутит
Себя вокруг Скалы.
Все воду мутит.
Ах, царь! И мы ведь не орлы,
Чтобы шутить с остротами Скалы.
Что скажешь, царь?
Что дал тебе Восток?
И почему титан – бог Прометей
Не подает руки тебе, как встарь,
В просторах тьмы, в сиянии огней?
Ну, в общем, как всегда, родимые черты:
Там – Словодан,
Но почему не ты?

АЛЕКСАНДР.

Да потому что, потому!
Где Словодан, Свобода там.
Единый корень, звук ему
Единством придан, от народа.
Идея от такого:
“Арийскость” слова.

АВТОР (*из-за кадра, как демиург*).

“Во-ло-оло-ара и ар”
Такая эволюция!

Читаю все и ощущаю жар:
Свобода, конституция!
Хожу по прериям, как лось:
Сбылось иль не сбылось?

Под звуки трубы Александр уходит со сцены вместе с проходящим за кадром войском. Философы остаются одни.

ПЛАТОН (своим ученикам).

Ушел наш царь, мой тоже ученик!
Сначала в Дельфы, а потом в Египет.
Сквозь Персию до Индии проник,
Понес отсюда знания, гранит!
За знаниями сам туда протек,
Как человек,
Поскольку царь- то с войском.
Как еще проникнешь –
Туда геройски?
И что еще герою крикнешь?

ПЛАТОН.

Учитель! Кого имеешь ты в виду?
Какие судьбы и народы?

ПЛАТОН.

Конечно, Прометей! Жду и жду,
Как самого – Скалу Свободы!

ПЛОТИН.

Он – эгоист. Себе добился блага –
Лично.

ПЛАТОН.

Какого блага? Смотри,
Раздет, бедняга,
На солнце жарит кости,
Как одинокий остов.

ПЛОТИН.

Ну и отлично, лист капустин,
Подумаем о нашем Александре.
“Машину времени” запустим.
Забросим за течение лет, к Кассандре.
И что увидим в окаянном,
А царь во гробе во стеклянном,
Наш Александр. И Птолемея
В Египте при Библиотеке.
Такой эксперимент поставлен в нашем веке.
Закончено хождение в боги рано.

И вот, седея,
Дабы не быть там в качестве злодея,
Он с почестями вывезен оттуда
В царство Птолемея.
Уж шесть веков лежит.
Однако времечко бежит,
В горящем зле и пепле,
Пространство лишь и остается
В зеленом стебле,
Мне сдается, родной Итаки!

ПЛАТОН.

Ты, “деймос”, добиваешься чего?

ПЛОТИН.

Да ведь лежит отдельно. Маки
Сияют, красные, – Хафизу.
А ведь Гомер для Одиссея своего,
Накинув ризу,
Походом в Скифию что пел Хафизу?
Чего он добивался?
За что сражался?

АРИСТОТЕЛЬ.

И, видимо, не зря
Итаке Одиссей достался.

ПЛОТИН.

А Александр
Лежит не там же, где Кассандр,
Олимп – родимая земля,
Но даже не в земле,
А неизвестно где –
В стекле,
В пространстве,
Всюду и нигде,
В непостоянстве.
Вон даже в пирамидах –
Фараоны!

ПЛАТОН.

Да, кстати. Пирамиды оны
Ведь на песке. У греков так,
У персов этак, но все не как у египтян.
А что одно, одна примета,
Так это то, что, осиян,
Правитель дома ведь, не где-то
Прах малой родине воздан.

АРИСТОТЕЛЬ.

Конечно, остальное – ложь!
Когда откуда что берешь,
То и потом туда кладешь.
Как тот же, скажем, Ахилесс –
Герой любимый Александра.
Как конь троянский,
А грек, происхождением
Праславянский.
И похоронен там же где-то,
И может, тоже не в земле.

ПЛАТОН.

Ахилл – герой в родимом доме,
А все герои там, в короне,
Не под камнями... под горой,
А в небесах, с богами вровень.

ПЛОТИН (*ехидно*).

В четвертом томе!

Откуда-то издаലെка наплывает мелодия, четко слышатся слова.

ПЛАТОН.

Из Скифии. Через все века.

ПЛОТИН.

Героя вспомним, вот и кони
Рванулись к нам сюда слегка.
Магнитом словно притянулись,
Чуть диковатые пока.
А ну, послушаем, что скажут.
Что, как всегда, нам с песней вмажут,
Хор Бабки с Дедом тут же, следом,
О том, что все наоборот
Свою “Белькантию” поет.

“Москва златоглавая”

(Хор Надежды Бабкиной,
который поется всему античному миру)

“Москва златоглавая.
Звон колоколов.
Царь-пушка державная.
Аромат пирогов.

Конфетки-бараночки,
Словно лебеди – саночки.
“Ой вы, кони залетные!” –
Слышен крик с облучка.
Гимназистки румяные,
От мороза все пьяные,
Грациозно сбивают
Рыхлый снег с каблучка.
Помню тройку удалую...”
“Эх, кони-звери!
Звери-кони, эх!
Черные да Серый.
Черные да Серый.
Да медвежий мех!”

ПЛОТИН.

Лети, лети, Кентавриада!
К закату жизни, вещей смех!
На дне лежит фрегат “Паллада”,
По Красной площади – пробег.
И все короче – когда ночи,
А все длинней – в сиянье дней.
В прозрачных стенах, на колене –
Четвертый том, где имя “Ленин”.
Хоть на момент в такой момент
Продолжим свой эксперимент.

ПЛАТОН (ученикам).

Тем и закончим те дороги,
Хожденья в боги.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

О Разуме Земли

Платон со своими учениками прогуливается теперь уж у рощи Стагира – городка, откуда родом Аристотель. Сверху на занавесе так и начертано горящими буквами: “Роща Стагира. Малая Родина Аристотеля”

ПЛАТОН (останавливаясь у Скалоподобного Камня)

Друзья мои! Поклонимся ему!
Он остр, огромен, как Скала,
С которой Прометей

До наших дней,
С эпохи давней, посему
Орлу на тень кладет крыла
Свои слова, где тень была.
А тут сам Аристотель –
В давнем
Почтил свое рожденье
Камнем,
Так говорит молва.

АРИСТОТЕЛЬ (*резко*).

Мы – на работе!
Мы люди с убеждением.
И ваши размышления о Боге
Не снимут с нас
Сей длиннополой тоги.
Мы “форму” чтим,
“Материю” тем более.

ПЛОТИН.

Идеалисты оба! Дым –
С одной трубы вы, что ли?

ПЛАТОН (*останавливаясь резко*).

Да! Дело ведь не в том,
Что – в этом! Дом
Мы строим общий,
Европа плюс,
А мы на друга ропщем.
Поговорим о Разуме Земли,
Куда – по гороскопу – всех свели
Могучие видения планеты.

ПЛОТИН (*не унимаясь*).

Видения – владения.
Кометы. Сонеты. Где ты?!
Где ты?! Наш Александр!
Среди олив и олеандр.

ПЛАТОН (*увещательным тоном*).

Не хулигань, уймись,
Не мальчик!
Уж муж седой,
Уж с бородой.
Обрежешь словом пальчик,
И нам на голову – водой.
Итак, о Разуме Земли!

Где он – по гороскопу?
Что представляет?
Суть какова?
И как влияет
На всю Европу?
Европа – общий дом,
Стоим на том.

АРИСТОТЕЛЬ.

Начнем мы с Разума Земли,
Как с головы на шею, на подпруге,
С Урала где-то там, на юге.
Закончим же в Александрии,
Библиотекой Александрийской,
Куда нам Буцефал – конь выгнул дуги.

ПЛОТИН.

А говорите, у кольца
Нет ни начала, ни конца.
А что ж у знаний
Отняли все, сожгли Библиотеку!
Сожгут и розы тканей,
Весь мир меняющей,
В одежды новые и новые
Собой все облекающей.
Вот они старые одежды
И сожгли!
Конец приблизили Земли!
И сколько их – таких концов?
Уже шестой!
На тот разлом коры земной,
На тот пожар библиотек,
Змей шкуры сбрасывает век,
Чтоб обнажался человек
И возрождался.

ПЛАТОН.

К победе общей приближался?

ПЛОТИН.

К кончине Богом призывался,
Началом ставшей.
Что сам изрек
Ты, человек!

ПЛАТОН.

И всякий раз ты всех склоняешь,
Как “деймос”, к вешему концу.

Но – Разум жив, с ним к Жизни приближаешь
Себя, планету, как к венцу.
Смотрите – где он? Юг Урала.
Хотя и древности разлом,
Когда-то тут Земля стонала,
Свой Разум выработав в нем.
(Кладем абсурд в четвертый том).
С тех пор, в стабильности сама,
По странам света – на Север – Юг,
Восток и Запад; отсюда свет,
Куда и тьма,
И ход коней, и скрип подпруг,
Волна к волне, война к войне –
В ненастоящей тишине.
Сакральный крест – из этих мест!
И вертикаль с горизонталью,
Горизонталь под вертикалью.

ГОЛОС С НЕБА.

С Севера арии шли,
В меру бессмертье несли,
В едином порыве,
Порыве Любви –
К ближнему,
К человеку любому,
Не зная других числ и номеров,
Откуда они – с неба, что ли,
С окоема, что ль, нижнего?

АРИСТОТЕЛЬ.

“Спаситель мира тут живет!” –
Так говорит Заратустра.

ГОЛОС С НЕБА *(продолжая)*.

И встретили тут Карталы.

ПЛОТИН.

Что встретили?

ГОЛОС С НЕБА.

Да Карталы, Карталы!
Магнитные силы Земли.
Где не летают даже орлы,
А атомы внизу где-то движутся,
Железа о бронзу мажутся.
Копнули – стрела,

Копнули – меч,
Копнули еще и еще,
Да так,
Что в виде щита возникает танк.
Из древности – 35 тысяч шахт!
И в бронзовый век
Железный поток
И войны принес, и страх!
Волна за волной
Пошли на закат.
Война за войной –
Туда все, туда,
Где “ар” в каждом слове,
“Арийскость” в словах –
И люди в ней, и города.
“Эх, кони-звери!
Звери-звери,
Кони-кони!”

ПЛАТОН (*останавливаясь, своим ученикам*).

Слышали?

АРИСТОТЕЛЬ.

Да что и кого?

Заратустру?

ПЛОТИН (*сжав зубы*).

Чтоб ему было пусто!

На огороде капуста,

А он из Швейцарии нам про чего?

Про эту Канону –

Хавира попону,

Да вместе, вместе

С конским потом его.

ПЛАТОН.

Угомонись, “деймос”!

Не раскрывай всей картины.

Не то опять обвинят наш “демос”,

Медей переименуют в Медины.

Шахты закроют, водой зальют,

Поварят в котлах коней.

Бог мой! Где ты, боже! Я – тут!

С тобой в бесконечности дней!

(Платон гладит рукой Аристотелев Камень.)

ПЛАТОН (*вздыхая*).

Как же ты остр, как востер!
Власть над людьми простер!

(*Своим ученикам*).

Вызываем, что ль, из Египта царя?
Нашего Александра,
Сподвижника нашего?

АРИСТОТЕЛЬ (*переминаясь*).

Да, откровенно говоря...

ПЛОТИН (*резко*).

Что – говори откровенно!

АРИСТОТЕЛЬ.

Да ни свет ни заря,
А тело его ведь тленно.

ПЛАТОН.

Ну и что? Он твой ученик,
Как и ты, арий мой!

ПЛОТИН (*ехидно, Аристотелю*).

Руки перед обедом помой,
Если уж Александр возник,
Встал тут, стоит предо мной!

ПЛАТОН (*продолжая гладить Камень*).

С тобой, как полагаю,
Все тут согласны.
Единодушны.
Вызвать дух предлагаю!
Тезисы, как полагаю,
Ясны.

Расшифровки – опасны.
Разум! Знания, еще раз знания!
Библиотека – музей книг и свитков!

ПЛОТИН (*ехидно, вылезая из-под крыла Платона*).

Дадим еще какое-нибудь задание,
И пусть защищается Слизка.

ПЛАТОН.

Какая Слизка? Лидия! Пифия!
Наша Дельфийская жрица!
Им бы вовремя надо было жениться,
Тогда бы такие, как вот Плотин,
Не говорили всякое. В мифе я
Или не в мифе? С вами
В грехах тут по горло!

АРИСТОТЕЛЬ.

Учитель, не надо.

Не надо при даме.

(Показывая на появившуюся Лидию.)

О, эти нормы!

Ты наш учитель, бесспорно.

А спорить ведь надо,

Посылая всех к маме

Во всем, что касается “формы”.

ПЛОТИН *(подлезая)*.

И “матерьялы”,

И “матерьялы”.

АРИСТОТЕЛЬ *(косясь на него)*.

И “матерьялы”.

“Третий” человек – черный.

Тень Александра Македонского появляется за спиной. Так и стоит. Наконец, подает голос.

ТЕНЬ АЛЕКСАНДРА.

Есть же такие “черные” –

До безобразия!

Все со своего конца ниточки дергают,

Эти тлетворные.

Что сказала Аспазия –

Про отцов, про любого,

Погибшего за Родину?

Государства есть хорошие –

Дело богово,

А есть плохие,

Небогоугодные.

Плохие – где тирании и олигархии.

(Слово даже такое употребив),

А хорошие – где правят сами люди,

Где – решается все большинством;

А чтобы было хорошее,

Государству нужно, говорит,

Как воду – по термосам;

Чтобы пылью было не припорошено.

Не лживо было бы,

А действовало напрямую с демосом.

ПЛОТИН *(вздыхая)*.

Вот видите?

Как бы мы без Аспазии,

Без Александра
Знали бы не знали то и это?
Под конский топот;
Как бы мы тут, в своей-то Евразии,
Знали, что такое Европа?
Вот, Платон, говорю,
Мой учитель строгий!
Чтобы все понимать,
Много царю надо знать из того,
Что видят боги.

ПЛАТОН.

А почему же тогда,
При таком стечении
Конец у тебя, получается,
Исходит из тьмы, от мучений?
Умирают люди, года,
Смерть всему является при свечении.
Ведь “кольцом” уже все это доказано,
А не “треугольником” сумасшедшим
Или с углами “квадратом”.

ПЛОТИН.

Многое недосказано,
Взято назад к ушедшим –
Признано сумасшедшим.
Тризна какая-то, брызги!
Надо закрыть все и чистить заново,
Вот такие бесовы визги!
Игры, стало все кланово!
Что ты на это скажешь?
Что персиянам покажешь?

ТЕНЬ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО.

А! (*махнув рукой*). Такое поветрие!
И пусть, если хотят говорить, говорят,
А эти – если хотят слушать, слушают.
Вижу таких
На каждом километре я –
Просто бросает в грусть,
Как они на соборах своих
Друг друга кушают.
В мафию собьются – малую,
Сами ведь тоже ма-а-аленькие,
А хотят казаться большими.

Воду за вино жалуют,
Ста-а-аренькие!
И на том себе делают имя.
Писателю Горбову у них там,
У скифов, было бы сто лет,
Так сами они, сами себе готовят обед,
Музей себе под открытым небом при Горбове.
А он ведь именно про таких
Когда-то написал свой “Антиграст”.

ПЛОТИН (*замирая*).

Так интересно.

Царь, откуда это у тебя?

ТЕНЬ (*продолжая*).

Всем известно.

От имени роз

“Антиграст” – это про грамофоны.

“Верхом на канистре” одного там провез,

Тарахтя, под всяческие уклоны,

Так они до сих пор еще при большом каком-нибудь
кормятся,

А большого же и не пускают.

Каждый к смерти словно бы не готовится,

Душу себе ласкает.

Все никак “антиграст” не успокоится,

К подобным подобного не пускает.

ПЛОТИН.

Господи! Да откуда ж это

Все у тебя, у поэта?

Ведь это же “проза жизни”,

Когда ругают,

А когда восхваляют

“Память прошлого”?

Капля масляная маслом машинным, –

Тоже чего хорошего?

ТЕНЬ АЛЕКСАНДРА.

Бог шельму метит!

“Антиграсты”, однако, не понимают.

Нюха нет, для них это сцепление слов, лишь пиастры.

Духи для них сладострастны,

Знаком своим обозначают

Что тут, что в Китае,

Везде такие “антиграсты” витают.

Сядут на одну колоду,
На шею народу.
Буквы, оторванные от слова, мотают,
А слова, оторванные от духа,
А дух, оторванный от знаний,
А знания, оторванные от смысла,
А смысл от богов, от общеплеменного, пламенного,
От космического, –
В Творчество не попадают,
Садятся на снег и тают,
Садятся и тают,
И тают, тают...

ПЛОТИН (*радуясь чему-то, со сказанным совпадая*).

Вот-вот!
Как муха!
В форточку!
Ее выгонят,
Тряхнут полотенцем,
А она опять сюда,
В полисы-города,
Да, Учитель?

ПЛАТОН (*важно*).

А куда же ей,
“Антигравитке” этакой?

ТЕНЬ АЛЕКСАНДРА.

Так вот мафии эти –
Очень метки!
Оччень живучи!
Просто жутки!

ПЛОТИН (*из-под руки его*). Чи-чи, чи-чи, чьи-чьи?

ТЕНЬ АЛЕКСАНДРА.

Да сколько же “антигравитов” же этих!
Про-сти-тутки!
Назвать, что ли, по флангам – фалангам?
Назову в другой раз,
И так все знают.
А не надо, чтоб знали, –
Ни нам, ни Китаю.
Вон как народу на шею
Бросаются.

ПЛОТИН.

А еще и кусаются.

ТЕНЬ АЛЕКСАНДРА.

Это когда – опростаются;
Глянут – опять ничего
В недрах горшка своего.

ПЛОТИН (*всплескивая руками*).

“Крошка Цахис! Крошка Цахис!”.

ПЛАТОН (*строго*).

Кто тебе это сказал?
Безвкусицы не допуская,
Гони “крошку” в шею! Туда, к Китаю!
Пусть “антиграст” поедит по Персии –
На трамвае,
Трамваев и там хватает.

ПЛОТИН (*заполюшно, крича на всю рощу*).

Нет, нет!
Какие еще трамваи!
Кони-звери, звери-кони, эх!
Черные да Серый.
Черные да Серый,
Да медвежий мех!”

АРИСТОТЕЛЬ.

Прошлогодний снег,
Новогодний смех.

Платон, прогуливаясь вдоль рощи, приостанавливается, обращает внимание на то, что на занавесе уже что-то другое, не те буквы горят – не Стагировы. Вот что снова сияет: “Академия – роща Платона”.

ТЕНЬ АЛЕКСАНДРА (*шепча на весь зал*).

“Из античной юности звенящей
До седых теперешних веков
Тихой рощей, мысль плодоносящей,
Все ведет Платон учеников”.
Бог ведет, а он всегда в Поэте,
Если он, Поэт тот, настоящий.
Знания, умнейшие на свете,
Только те тут, что под Богом, зрящи.
В соединенье Разума и Чувств
Кентавриадой по эфиру мчусь!
О Прометей! О Прометей!
В ком выражение духа и идей!
Вот почему ты вечно будешь в ней –
Со Скалой Свободною своей!

А мы – “материя”, мы “форма”, человеки;
Не на Скале, а на Земле – прикроешь веки.
Переменяя вещие страницы,
Гляжу я в лица...
О Боги! Что мне снится!
Аж голова кружится!

Тень Александра Македонского исчезает. Платон со своими учениками остается один. Над ними все также немеркнущие: “Академия. Рожа Платона”

АВТОР (за кадром).

И уже под этим сиянием Платон заканчивает беседу с учениками о Разуме Земли, о знаниях, о судьбе Александрийской Библиотеки.

ПЛАТОН (раздумчиво).

Свобода – это эгоизм!
А знания – вредны!
Куда девался альтруизм?
“Одны” мы все, “одны”.
И только Боже с головой,
И Бог внутри с тобой.
Ну, ничего себе моменты!
Скала Свободы – аргументы
Сначала снизу вверх,
А после сверху вниз.
Всем все видны
Среди страны.
Анналы те, календы!
Сожгли Библиотеку!
Кто же, кто?!
Гай Юлий Цезарь!
Со стороны Хафиза – персы!
Не нужен предыдущему *Никто*,
Последующим он не нужен также.
Гай Юлий Цезарь ведь не бездарь,
Не бездарь и Хафиз,
А что ж они
То все наверх,
А то куда-то вниз –
В небытие, где стерх
На той ноге,
Где – эге-ге,
Да мрак, да вой собак.

Какие в человечестве обвалы!
То знания в себе боготворят,
Рождают в муках, страждя – их копят,
А то новорожденного в подвалы.
А не гналось, чтобы отстало, –
Еще берут и жгут.
А там, глядишь, за баррикадой уже пламень,
Для знаний воздвигают
Уже новый Камень.

ПЛАТОН (*поглаживая шершавой рукой*).

Так ли сказал, Скала?
Шлифуйся же
Под крыльями Орла!

БЕСЕДА ПЯТАЯ

О конце света

*Платон с учениками прогуливается в своей оливковой роще. Так и горит где-то сверху на занавесе: “Академия. Роща Платона”.
И снова наплывает знакомая мелодия из “Белой Скифии”.*

ГОЛОС ЗА КАДРОМ (*напевая*):

“Все идут они, те корифеи,
Мимо соблазнительных олив.
Но одно местечко тут для феи –
Женщине любимой припасли.
Вот как! И уж рощею Платона,
Тихой Академией его,
К Истине российская мадонна
Вывела слепца не одного.
Внутреннее зрение дала
Корифейка, светоч, дочь Орла”.

ПЛАТОН (*своим ученикам*).

Так мы о чем поговорим сегодня?
Какую тему выбрали вчера?
Ты, Плотин, торжествуешь?
Благодарный –
Торжествовать тебе уже пора.
Единственный из всех учеников,
Неоплатоник, ты прозрел ли это?
Кто тьму изобразит на бремени веков?

Пусть Плотин скажет,
Пусть покажет
Все торжество божественного света.
Я его прошу!
Мы просим все!
И корифейка даже.
Подумай, Плотин,
Я ведь не спешу.

МОЛОДЫЕ УЧЕНИКИ.

Мы не спешим,
Конец еще не скоро.
В запасе есть четырнадцать минут.

ПЛОТИН (*усмехнувшись*).

Так много?

(*Оборачиваясь к Платону*)

А у режиссера?
Так мало видов
“Эйдосы” дают?

ПЛАТОН (*Плотину*).

Откуда ожидать
Конечность света?
От Солнца?
Как внешний фактор,
Так и изнутри.

ПЛОТИН.

Взрыв иль удар?
Удар извне?
О, стронций!
И вся Система! Господи, гори!
Всего сначала много,
Все сведено на нет,
Померк и белый свет.
Все, что дано от Бога!

АРИСТОТЕЛЬ.

Так Бог – вседвижитель всего.
Первопричина, цель движенья,
Не может быть такого положенья,
Чтоб от всего осталось ничего.
Конец не света, свет-то будет,
А человечеству возможен, людям!
Вот с этого нам и вести отсчет.

Кому начет, кому почет,
Кого куда к чему влечет?
Так, Плотин? Да, Платон?
Какой у нас на то закон?
Не Солнце шатко,
Солнце – главный Бог,
С него все начинается, с порядка,
А Человек, бегущий со всех ног,
От сердца уж раз пять
Ты умереть бы мог!

ПЛАТОН.

Конечно б, мог.
Вот я и говорю:
– За все тебя благодарю,
Моя Любовь, мой Бог!
А с тем людей боготворю,
В их царствие идя,
Что кредом жизни, веры всей
Поставили себя,
Другого и тебя,
Мой друг, мой человек, тебя –
Любя, как самого себя.
Хранишь ты Землю, Человек,
Наш хрупкий имярек!
Хотя все тот же человек
Готов сорвать, сломать
Железо, бронзу, золото, медь
И изменить мечту и тему,
Всю уходящую Систему,
Чтоб лично преуспеть.

ПЛОТИН.

Плоть свою дерзкую
К богам приблизить,
А похоть мерзкую,
Став Дионисием, унизить.
Себя – поем,
Других – клянем,
Так и живем.
Я у Платона
Предпочитаю Аполлона.

ПЛАТОН.

Друзья!
В разлом Сеулского оазиса

Себя перенесем! В основу базиса.
И что найдем мы в основанье недр?
Какой там камуфлет?
Да ведь Оракул, кажется, убит?
Теперь тебе на плечи все, пиит.

Платон с своими учениками оказывается в Египте, в Сеулской пустыне, на границе с Ливией.

ПЛАТОН.

Оракул смертен! Но оазис бдит!
Вот мы и прибыли сюда.
Когда и кто из нас тут говорил?
Кто тут бывал?
Кому Оракул что
Сказал случайно?
Кому вверял Мафусаил
Свои мистические тайны?

ПЛОТИН.

Филистимляне, что с них взять?
Из Ассирии, что ли?

АРИСТОТЕЛЬ.

Но как сюда он мог попасть,
Чтобы себя распространять?

ПЛАТОН.

Потише, тише! Что же, Дионисий,
По-вашему, *никто*?
И никому, по-вашему, не нужен?
Мир Аполлоном перегружен,
Без Дионисия ничто.

АРИСТОТЕЛЬ. А это?

ПЛОТИН. Что?

ПЛАТОН.

Спросите у хозяина осла,
Какому жажда бочку принесла.

ПЛОТИН.

В которой бочке – Диогена?

АРИСТОТЕЛЬ.

Без дна. Из мира тлена.
На правом ухе – к моче,
Со знаком бочки, ноль –
Тире и точки.

ПЛАТОН.

Забыли вы, зачем сюда явились.
Вопрос стоит о световой волне.

Тенденции другие уж пробились
Из глубины во глубине.
Так, Аристотель? “Метафизики” одне
Лишь корифейке той, зане
Свет излучают по волне
Судьбы-злодейки.
Но мы совсем ведь о другом –
О Боге, Человеке в нем,
Его начале и конце
У небожителя в лице.
Оракул был и нет его!
Оракул жил – из-за чего?
Разлом ли людям показать,
Какой мог что-то предсказать
Из-за того, что извлекать
Умел из тех шести слоев
Цивилизаций прежних,
Как на иголках,
Раздельных, ранних,
Такую трещину в осколках,
Нам выставляя на показ.

АРИСТОТЕЛЬ.

Не в бровь, а в глаз.

ПЛОТИН (*задерживаясь*).

Ну, да!

Мой Аристотель!

Мы на ра-бо-те!

ПЛАТОН (*нетерпеливо*).

Какие ж видим мы “околки”

В метафизичности той ели?

ПЛОТИН.

Имеете в виду вы пирамиды?

Не только тут, в Египте,

Но и у ацтеков, инков и индусов?

Фрагменты чисел, “Пи-эр-квадрат” на Солнце.

Турбин “паук”, движение крыла...

Вот трещина куда нас завела,

Филистимлянин с чем соединил

То самое свое земное донце,

Оракульский свой дух и пыл

С расчетом бездны, крыл Орла.

Но мысль другая нас вела:
Все факторы не столь разнообразны,
Несочетаемы, излишне куртуазны,
Что кажутся “околками”
Всех мыслей, наций, цивилизаций,
Обломанных, оборванных пространств,
Акаций, граций, ситуаций...
Ну, в общем, катастрофа!..

ПЛОТИН.

Что толку мы
Тут говорим?

ПЛАТОН.

Нет, почему же?
Какой-то есть улов.
Расставить мысли,
В дело воплотить,
Уже по луже
Мы можем знать,
Какой дождь нужен.
Вот Атлантиду снова ищут.
Нашли ведь Трою –
Кто и когда кому чего устроил?
Мозги угомоняя, я пишу,
И тут вдруг говорят,
Возможен конец света.
Как бы такая установка,
Сама идея эта ловко
Танцует с нами от буфета.

ПЛОТИН.

Нет, почему же?
Я сказал уж где-то,
Что на ацтеков, инков, как гипотенуза,
Зима легла, взорвалось лето
От превышения сюжета.
А в Карабахе визг осколков,
Назрела та же обстановка,
Как “Атлантида” – чернобровка...

АРИСТОТЕЛЬ.

Сама идея – из начала и конца.

ПЛОТИН.

Ну да, сама идея.

ПЛАТОН.

Ни Крит, ни Геркулес, ни Гибралтар, –
Сама идея, перед тем бледнея,
Мысль обобщенную об этом выдает.
Да где угодно, вот!
Все Геллеспонт, мне кажется, взорвет.
Пошепчет Лида –
И вот вам “Атлантида”.
Особо важно для потомков,
Ведущих мысли от обломков,
Не углубляться в сущность, суть.

ПЛОТИН (*смеясь*).

Возьмут, приставят, обоссут,
Не обессудь!

АРИСТОТЕЛЬ.

Молчи уж, плоть!
Ну ты и хам!

ПЛОТИН.

Мы на ра-бо-те!
Нельзя воздерживаться нам.
Как захотел, снижай предел.
Сказали это в Трускавце.
Врач Кубчик – такой голубчик,
В той резервации сидел
Сам с опухолью на яйце,
Мол, половина тут больных
Осуществляет свой “блиц-криг”
Из-за отсутствия по весям туалета,
Рождая ощущение...
Рождая ощущение...

ПЛАТОН (*насторожась*).

Заело... зае.. заело это?

ПЛОТИН.

Рождая ощущение
Конца... конца... конца...
Чего хочу? Да света, света!
Не то порем
Мы с Кубчиком вдвоем.
Никто ничто не пропоет,
Никто ничто не продает,
Никто ничто не провернет –
От Фета до буфета.

ПЛАТОН.

“Машину времени” суешь,
Так изобильно славно ложь
На наковальне тут куешь.
Хоть б у автора спросил
На это разрешение.
Да, Аристотель?
В “Поэтике” твоей...

АРИСТОТЕЛЬ.

Да мне Гомер все разрешил.

ПЛОТИН.

Мы на ра-бо-те!

ПЛАТОН.

Да что ты все заладил, Плотин!

ПЛАТОН.

Давайте все начнем сначала.
Другая тема прозвучала
О свете и его конце,
А все заключено в кольце,
Кто у кольца конец найдет?
Всех Оболенский нас поймет.
Но дело в том, что понимать
Не надо, что должно звучать.
И так все ясно,
Что опасно
И с чем опасность разделять?
Давайте лучше скажем
О точках болевых планеты.
Себя ко многому обяжем,
Отсчет покажем,
Что надо делать в эти леты
Всем людям, человечеству,
А не играть, как прежде,
В конфронтации
С опасностью для нации.
Держать же надо слово,
Как купечеству.
Об “Атлантиде” у карибов
Что скажет Плотин?
Все “на работе”, “на работе”, –
Вот и скажи об этом, Плотин.
Ты знаешь больше перегибов
У тех же, кажется, карибов.

ПЛОТИН.

Скорей, пусть скажет Аристотель.

ПЛАТОН.

Вдвоем в одно давно кладете.
Скажи, чего там, откровенно,
Что там опять! Когда все тленно.

ПЛОТИН.

Ну да, все тленно.
Еще бы! Все Бермудский треугольник,
Где блудят корабли
Как в Океане,
Так и посеред Земли.

АРИСТОТЕЛЬ.

А почему? И что там в недрах?

ПЛОТИН.

Сам знаешь ведь, не школьник.
Эффект мороза,
Сероводорода, опыт и угроза
Взрыва. Все – на куски!
А ведь цивилизация была,
Наверно, “Атлантида”.
По Амазонке, вдоль реки,
Такие были огороды, что оды
Слагать бы про такие огороды!
Мильонов пятьдесят кормили
Тем, что там производили.
И все на воздух! Все с нуля!
Такая матушка-Земля.

ПЛАТОН.

Что скажешь, Аристотель?

АРИСТОТЕЛЬ.

А ты что, наш Учитель?

ПЛАТОН.

Про Геркулесовы Столбы
Сказать, что ль? Доно океана.

ПЛОТИН.

Да что там! Если б да кабы,
Давно бы зажила та рана.
Дай я скажу – про Геллеспонт,
Про море Черное – что зреет,
Огромным веет,
Взорвется скоро море!

Уж сероводородец человечеству на горе
Тут по поверхности идет!

ПЛАТОН.
А где еще и что еще?
Не страшно ль на Земле?
Еще ООНом не прощен
Царь Ирод в короле.
Простит царь Ирод и – але!
Царь – атом на Земле!

ПЛОТИН.
Все деньги там,
Трам-тара-рам!
А тут опять “але”,
Царь – атом на Земле!

ПЛАТОН.
Легко мы как-то говорим:
Европа – общий дом,
Про этот Огонь, про этот дым,
Которые творим!

АРИСТОТЕЛЬ.
“Машину времени” свою
Заткни в четвертый том!
А то подумают – в раю
Мы с вами тут живем.
И тут проблемы, тут дела,
Всего невпроворот.

ПЛОТИН.
Вон жена перса родила,
А все ушли вперед.
И нет царя такого нам
В дурацкой голове,
Чтобы с одной всегда был сам,
А с нею вместе две.
Одну за армией следить,
Другой – где в небе Бог.

АРИСТОТЕЛЬ (засмеясь).
Так это что?
Уж “третья” нить,
Какая даст всем прикурить,
Чтоб кто бы нам помог?

ПЛАТОН.
Я знаю, про кого мы тут
Подумали сейчас.

Об Александре – вот был класс!
Умен, не так уж крут!
Хотя б на несколько минут
Сюда дошел до нас.

ПЛОТИН.

Одел бы тогу, взял бы кнут
И по рядам прошел.

АРИСТОТЕЛЬ.

Зачем же кнут,
Когда есть пряник
И есть наш Александр?
Когда бы знать ему заране,
Не сел бы к ним Кассандр.

ПЛАТОН.

Не надо так. Он все же Власть.
Попробуй посиди.

ПЛОТИН.

Такая Власть заснуть не даст,
И что там впереди?
У грека что в груди?
А в голове что?
Что ли, царь?
А как же без царя?
Живем давно, живем, как встарь,
Слова свои творя.

ПЛАТОН.

Опять за власть? Опять Кассандр?
Опять, мол, почерк крив?
Все Зевс нам, все нам Александр,
Другого посадив.
Давайте, что ли, завершать
Свой цикл политбесед.
А то уж землю орошать –
Пора лить в креатив.
Пора, пора в свой креатив,
Пора уж или нет?
Пусть виноградники цветут
Во цвете своих лет.
Пока мы есть, пока мы тут, –
Пора нам или нет?
Пока нам дворники метут
Просторы наших дней,

Надеюсь, нас не заметут –
Свободы той, а с ней,
За что сидел там Прометей
И до сих пор сидит?
За что Скала, из-за ствола
Не вырубив олив,
Глядит в созвездия Орла,
С оливой душу слив.
Наш Македонский! Александр!
Философ и поэт!
Ты помогай, когда Кассандр
Справляется, иль нет?
Ты приходи, когда мы тут,
Беседуем с тобой.
От песнопений Брамапутр
Какой-то весь рябой.
Какой-то, как осенний лист,
Зеленоватый глаз.
Мы все как за тебя взялись,
Так ты герой у нас.
Как говорила его мать
При “Ревизоре”, псих!
“Зачем же стулья нам ломать,
Когда сидим на них?”
Зачем же стулья эти клясть,
Когда сидим на них?
Штаны не знаем, куда класть,
Соображаешь, псих?

ПЛОТИН.

Пора “машину” выключать!
Пора идти домой!
Олимпиаду – его мать
Пора вести с собой!

ПЛАТОН.

Поговорили – душу отвели.
Как тут всегда и были.
Все обвиненья отмели,
Про старое забыли.
Пойдем опять по лону дней,
По брэнной памяти своей.
Зачем же стулья красить, псих,
Когда сидишь на них!

АВТОР (за кадром, как демиург).

Закончены эти беседы мои,
Которые вел наш Платон.
В античные дебри свои погружен,
В античные дебри завел, как Платон,
Языческий облик змеи.
Всего из каких-то плюс пять наших дней
И стольких бессонных ночей
Построился дом, нас куда поумней,
Без всяких таких кирпичей!
Какое же детство! Какой человек!
Какие же где-то умы!
Какой бесноватой души имярек
Торчит из одесской сумы!
Они бы сожгли все пространства мои,
Они бы сожгли и коня,
Но есть такой мсье – господин Косиньи,
Какой защищает меня.
Но есть Аристотель в той жизни подонской,
Есть ветер от гривы коня
И есть дорогой Александр Македонский,
Какой защищает меня.
Я что ни скажу – мне душа его рада,
А я все беру у коня.
И конь Македонского – Кентавриада –
Летит, защищая меня.
Так вместе и мчится
Моя кобылица,
В тени Буцефала-коня.
Станица к станице,
Страница – к странице,
И те защищают меня.
Клеймите меня, моего Александра!
Клеймите, ругайте коня!
От имени Ванги вещает Кассандра,
Пока я седлаю коня!
Его я люблю, но мне этого мало!
Мне факел! Подайте огня!

Я тень отрублю Буцефала!
Когда защищаю коня!

ЗАНАВЕС

15 марта 2006 г.
г. Орел.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Из пятилистника нулевого

Золотая Орда

Среди степных могучих ковылей,
На переломе Азии – Европы,
Орда летела, разогнав коней,
Вперед в астрал – звездноязычный шепот!
Сметала страны на своем пути,
Как саранча, до тла сжирала травы.
О, золотая! Возблаговести,
С чего так рамена твои кровавы?
Их бег – от Солнца, солнечный поток,
Пучок, частицы синхрофазотрона.
Они слетели с Неба, видит Бог, –
Энергией заряженные кони.
И гул степей, и гривы на ветру,
Тумены из родного Керкелена.
В хвостах репы, и пики поутру,
Над конской массой терпкий запах тлена.
Их, вислобоких, страсть одна гнала:
Пограбиться, поесть-попить на славу!
Не разлететься б вдребезги, алла!
И, закусив стальные удила,
Гремела степь – велика и мала,
Пронзала за державою державу.
Это потом придут концлагеря –
Мир, проволокой схваченный колючей.
Ну, а пока за синие моря,
За солнцем вслед, катились тьмы и тучи.

Смешал в одно неписанный закон –
Священные рунические “Яссы”.
А отступи – на крест тебя, на кол!
И пусть ветра перебирают власы.
А то в дугу до пят тебя с затылка,
Пока хребтина, оступясь, не хряснет.
Да степью, растреноженной и пылкой,
Мчат на аркане, кровью травы красят.
Вот так и правят в Золотой Орде!
Зато тумен к великой цели скачет.
А там – что ты сумеешь, что захватишь.
Все на подножном кормится корму,
Все на чужой рассчитывают город.
Вечерним странам страшно посему,
Когда мечом ор пополам расколот.
Все этот знак – паук четырехпалый,
Вытягиваясь в таинства и числа,
Вздымает меч на мирные орала,
На ярь таланта, прорезь остромысла.
Так мистикой иранских изначал
Персидский знак кровь и перекачал,
Вот эта кровь на раменах и плещет.
Урусы, русы! Вот они, стоят!
Опять прикрыли западные мраки,
“Конязи” – князи меж собой сопят,
Грызутся, как шакалы, как собаки.
Пока никто их не собрал в колчан,
Нет своего у русов Чингисхана.
Но точат русы пики по ночам
И поминают вещего Бояна.
Орда – остроконечная звезда,
Упавшая на землю, Золотая! –
Нацелена всегда на города,
Себя через движенье утверждая.
И налетали на Москву – пожечь,
Пограбиться, дать просто князю в рыло.
Чтоб никогда не просыхал их меч,
Чтоб Русь боялась, помнила, платила.
... Идут века. Летит вперед орда!
В потоке Солнца, в электронных сбросах.
Все норовит вильнуть на города,
Кроваво расписаться в небосводах.

И взгляд вприщур. Скуластое лицо.
То камень рус. То камень исчерна.
Кто твоя мать, кто был тебе отцом,
Какие в тебе плещут пламена?
Куда летим по вехам и эпохам,
По континентам – мистике числа,
Кентавры, обрастающие мехом,
Соединенье Бога и Алла?
Косясь на перекося ночей и дней,
К каким гремим пределам? Я к тому,
По Азии – ход бешеных коней,
А по Европе – шорохи к нему.
За ярлыком – откуда и куда?
Тавро кентавра, семь прыжков и мет.
Я узнаю тебя, моя орда,
Ты на коне и через тыщу лет!

Куда глядим раскосыми очами

(Русские мытари)

Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

А. Блок

“Россия – сфинкс”; ловчась, латаем дыры,
И так бездарно катятся века.
То, кажется, зеленые мундиры,
А то голубоватые слегка.
То все в ружье, кавказская вендетта,
Зевс-громовержец, тактик и стратег,
А то такой тихоня под портретом
И перед ним ты – “лишний” человек.
Мы – лишние. Мы – выходцы из тьмы.
На нас клеймо, наложенное вето.
Не общество, не государство мы,
Чего уж нас туда же, под портреты!
Чего нас все под стенки, на крючки
По всей хребтине Азии – Европы?
А мы-то жить собрались по-людски,
Да вот не знаем, че нам завтра лопать.
Мы – лишние, мы вроде есть и нет,
Нам в этой жизни не хватает места.
Вот опишу судьбу в один момент,
И окажуся где-нибудь у Бреста.

Россия – Русь! Кого топить в вине,
Винить в стихии бедные скрижали?!
Они давно сожгли бы нас в огне,
Когда б мы в той войне не воевали.
Но, сатаной, чертями окружен,
Не беден дух, не дик во время оно,
Когда добра всего на миллион,
А делят на четыре миллиона.
“Россия–сфинкс”. Загадочны мундиры.
Всевластна суковатая рука.
Ну, в общем, то зеленые мундиры,
А то голубоватые слегка.
Так и сидим, как сели в те же кресла.
Процесс пошел! Собрался и идет
По “белым пятнам”, – это интересно!
Процесс идет – враскат, наоборот!
Вчера – позавчерашнее – сегодня.
Наш юмор без бутылки не понять.
История – бардак, такая сводня,
А проще говоря – такая мать!
История страны – ее фемида,
В душе моей рождается протест.
То до Петра – такая панихида,
То уголовный, видите, процесс.
Мы – мытари, нас по миру мотает.
Не то сказал. Не в ту, понятно, честь.
Святая Русь! Да в том, что ты святая,
Наверное, и наше что-то есть.
Косьба втихую. Ниже пятку, тверже!
И держакон по дурьей голове!
Да ведь когда какой наш самодержец
Своею смертью умер на Москве?
“Россия – сфинкс!” Глядим из-под чалмы
Раскосыми и жадными очами.
И все сверкаем, зыркаем из тьмы
И точим нож булатными ножами.

“Слово о полку...”

Язычник я, во мне такая вера.
Не та, что лицемерила потом,
А та, что, ярясь, дикая, горела
Во всем славянском облике моем.

Я небо пел, я поклонялся травам,
Врагам открыто слал: “Иду на вы!”
Моя единокровная держава
Была, по мне, дороже головы.
Я славил Русь, ее прямые речи,
Свой дух сверял со “Словом о полку...”
Зачем же врать, дни кратки человечьи,
А мы всего видали на веку.
А “Слово” в каждом пробуждало силы,
Из нас великий делало народ.
Стоять стеной, выстаивать учило
Под натиском разноплеменных орд.
А “Слово” с каждым было откровенно,
Вон князь и тот в час гибельный не врет.
Звезда-попынь, пророчество нетленно,
Она висит и смертью отдает.
И вот, века от пыли отряхая,
Себя я числю в родословной той,
В своем полку, пусть, может быть, и с краю,
Но веры очистительной – одной.

* * *

И ЕЩЁ ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Разговор с Эйнштейном

АВТОР. Может человечество погибнуть или не может?

ЭЙНШТЕЙН. Согласно Теории относительности, может.

АВТОР. Были уже такие критические ситуации?

ЭЙНШТЕЙН. Были и будут.

АВТОР. Были Спасители человечества?

ЭЙНШТЕЙН. Были и будут.

АВТОР. И кто же они? Существуют ли имена?

ЭЙНШТЕЙН. Первым Спасителем мира считается ЗАРАТУСТРА.

ПРОМЕТЕЙ. Затем у христиан ИИСУС ХРИСТОС.

АВТОР. Отчего же может погибнуть Человечество?

ЭЙНШТЕЙН. Как видите, не от внешнего фактора.

АВТОР. Следовательно, главный упор в Спасении на самого Человека?

ЭЙНШТЕЙН. На Человека и Бога, а на кого ж? Ибо, согласно Теории относительности, Спасения все ожидают от них – от Человекобога или Богочеловека.

АВТОР. На кого больше надежд?..

* * *

И тут Эйнштейн взял и умер,
Вопрос оставив открытым.
В одной из гостиниц существует “номер”,
Во всех храмах – молитва.

ЗАРАТУСТРА. РАЗУМ ЗЕМЛИ

(Диалоги с Заратустрой)

Мистические картины с абсурдом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЗАРАТУСТРА – Поэт, первый Спаситель мира, герой книги Фридриха Ницше “Так говорил Заратустра”.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ.

АБРИКОСОВ – его друг, ученый-пчеловод.

СЕРГЕЙ КОНЕНКОВ – скульптор, он же Зевс.

СТЕПАН ЭРЗЯ (НИКИФОРОВ) – скульптор, он же бог Пан.

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН – ученый, автор Теории относительности.

ЗИГМУНД ФРЕЙД – ученый-психолог.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ – царь Македонии, он же сын Зевса, философ, поэт, полководец всех времен и народов.

РЭМ ХОХЛОВ – альпинист, ректор Московского госуниверситета.

ВАСИЛИЙ ЛАНОВОЙ – артист из Москвы.

ОЛЬГА – жена Коненкова.

ДИВА – собака Эрзи.

ТЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК – он же Вольф Мессинг, парапсихолог, белый шаман.

АВТОР.

Действие начинается у Белой березовой рощи поселка Синяевский, что на Орловщине. Благодаря "машине времени" и пространства события переносятся в различные знаковые уголки мира, России.

Друзья и враги, белые и черные костры, завистники, эгоисты и альтруисты, дети Солнца, тени Луны, горные и лесные, подземные духи, просто жители Земли – бывшие арши, кельты, халдеи, язычники, христиане.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Начинаясь в березовой роще поселка Синяевский, действие переносится в Данию, в живописные окрестности Копенгагена, где жил и работал Альберт Эйнштейн.

Два великих скульптора XX века – Сергей Коненков и Степан Эрзя (Никифоров), названных неофициально Зевсом и богом Паном, прогуливаются вдоль Синяевской рощи, где гулял, бывало, Лев Толстой.

Как всегда, они останавливаются у Дуба Толстого и произносят свои заклинания, вызывая Заратустру. На их зов герой Ницше является беспрекословно.

ЗАРАТУСТРА (появляется, запыхавшись).

Бежал сюда аж от Урала,
От центра, Разума Земли.

КОНЕНКОВ.

Душа горит, душа устала.

ЭРЗЯ.

Поговорить благоволи.

ЗАРАТУСТРА.

Сверхчеловек я, мощь такая!
Но не под силам даже мне
Тянуть те лямки внутрь извне.
Вы сверххудожники, я знаю.
Как боги в милой стороне.
Один – смоленский, за коней
Таскал бревно из леса в лес.
Другой тут – Эрзя, с ранних дней
Мял глину – Пан мордовский, бес.

КОНЕНКОВ.

Один вопрос волнует нас,
Всего, наш друг, один вопрос.
Но в самый, понимаешь, глаз:
Земля родит один навоз,
А на навозе – ты и я
В различных формах бытия.
Так вот (да, Эрзя?).

ЭРЗЯ.

Да.

КОНЕНКОВ (*продолжая*).

Мы не погибнем никогда?
Иль вместе с матушкой-Землей
Уйдем в небытие, родной?
Ты долго жил и много знаешь.
Однажды, говорят, всех спас.
Но как поэт ты чем людей спасаешь?
И может ли у человечества, у нас,
Ресурсов хоть хватить на это?
Мы ждем ответа.

Пауза. Слышно, как падают листья. Дуб тоже насторожился.

ЗАРАТУСТРА (*наконец*).

Сверхчеловек ведь тоже человек.
Хоть груз несу я неподъемный!
Противоречие изрек,
И вон уж где ресурс мой скромный.
Я “даймос”, “демон”, так меня
И назовут в каком-то веке.
А ведь Спаситель я, мной из огня
И вытащены были человеки,
Каким Огонь когда-то Прометей
Дарил ведь, вопреки Зевесу.
Вон Жизнь! Так обратимся к ней,
Она представит людям, лесу
Всех нас троих. Поочередно,
А может, вместе. Скажите бесу,
Встречаясь с ним из интересу,
Любой из нас, людей, – печальник.
Однако нужен изначальник!
Великий маг, искусник внеземной,
Какой не обойдет нас стороной.
Какие есть кандидатуры?

ЭРЗЯ.

Кандидатуры – дуры!
Любую бабу мне хватай,
Я в глине их изображай,
И будут все бессмертны.

КОНЕНКОВ.

А дерево? Я дерево люблю.
Вот дуб! В нем шепоты ловлю,
По кольцам – времена и атмосферы
Все, вплоть до нашей эры.

ЗАРАТУСТРА.

Так все же есть кандидатуры?
С кем говорить, с кого лепить
И веселить, когда они понуры?
Вот Фридрих Ницше.

ЭРЗЯ.

Давай погибших!
Любого своей властью заклею.

КОНЕНКОВ.

И очень мило! Альберт Эйнштейн
И Зигмунд Фрейд –
Мы список составим
От тех до наших дней
И гениев в том списке представим.

ЭРЗЯ.

Вот Македонский Александр!
Такой был человек ядреный!
С чего бы его вспомнил, атаман,
Я – Пан зеленый?
И Рэм Хохлов – имел высокий сан –
Ученый, ректор университета,
За что и сердце обморозил где-то.

ЗАРАТУСТРА.

Включаем мертвых,
Не берем живых,
Великие у нас уж где-то после.

ЭРЗЯ.

Привыкли так. На форумах и формах
Разить незабываемое в нормах.
Лепи, лепи – что с мертвого возьмешь?

КОНЕНКОВ.

Зачем же так, а фото?

ЭРЗЯ (*отметая*).

Все это ложь!
Не божеское, а всего – ра-бо-та!
На этом куша не сорвешь.

ЗАРАТУСТРА (*пальцем вверх*).

Туда по капиталам не пускают.

КОНЕНКОВ.

Сначала тут по жизни потаскают,
Используют всего, исполосуют
Да помотают...

(Заратустра.)

Ты кто – поэт? И что – тебя читают?
Раз ешь, небось, в обед,
Что соскребешь с комет...

(И опять Эрзе.)

Так вот. Сначала помотают,
Все смотрят, вычисляют.
Так, пан?

ЭРЗЯ.

Так, так. Все вычисляют.
А поэту – все капуста, все капуста.
Чтоб ей было пусто!

ЗАРАТУСТРА.

Я, вообще, без бытовых проблем,
Я ничего не ем.
Живу на Небе,
В прошлом. В царстве льда.
Не надо мне оттуда и сюда.

КОНЕНКОВ.

Вот поэты!
Вам хорошо.
А тут долби, клади еду в буфеты,
Чтоб после было чем долбить.

ЭРЗЯ.

Чем камень долбим?

КОНЕНКОВ.

Воблой!
Силой!
Не знаешь чем?

ЗАРАТУСТРА.

Ну, нам пора хоть одного из них
Оттуда вызывать,
А то ведь заболтались тут.
Какой-то миг –
И гении уйдут.

ЭРЗЯ.

А может, подождут?

ЗАРАТУСТРА.

Уйдут-уйдут!
Ушли уже, наверно, на обед,
А то на перерыв любой.
Один Эйнштейн сидит перед собой.

КОНЕНКОВ.

Зови Эйнштейна!
Вот еду за границу,
Жену с ним познакомлю – львицу.
Нас на Лубянке
С ней уж оформляют.
Особо ей добра желают,
Чтобы поболее узнала,
Поменее сказала.
Втроем и собираемся там жить.
Спросить бы самого,
Как он насчет того...

ЗАРАТУСТРА.

Я – Заратустра!
Имеются возвышенные чувства!
А вас куда-то тянет...

ЭРЗЯ.

На буфет?

ЗАРАТУСТРА (*продолжая*).

Даем ответ:
Мы будем приглашать его иль нет?
Он самый главный теоретик,
Все знает: быть или не быть?
Вопрос у нас так и стоит, –
Спаситель третий.

ЭРЗЯ.

Возможно, он.
А кто ж второй?
А первый?

(*Коненкову.*)

Я не согласен,
Ты – как хочешь, чуб.

КОНЕНКОВ.

“Тот, кто постоянно ясен,
Тот, по-моему, просто глуп”.

ЭРЗЯ.

Это кто сказал? Этот поэт?
Может быть, Жириновский?

КОНЕНКОВ.

Да нет же, нет!
Скорее всего, Маяковский.

ЗАРАТУСТРА (*решительно*).

Вызываю... При чем тут капуста!
С вами, да, говорит Заратустра.
Але, але!

На стене возникает экран, с экрана сходит Эйнштейн.

ЭЙНШТЕЙН.

Вы меня вызывали?
Трали-вали.
Вот вам и “Динамо”,
Мы арии, движемся прямо.

ЭРЗЯ (*вздыхая глубоко*).

Тама.

КОНЕНКОВ (*насторожась*).

Что, понимаешь, “тама”?

ЭРЗЯ.

Да пробегала “Динамо”.

КОНЕНКОВ.

Во дикарь! Во язычник!
Нехристь, ей-богу, мордва!
Ты хоть за мною тянись,
Трехлистник!
На пятилистник не злись!
Подбирай хоть слова!

ЗАРАТУСТРА (*к Эйнштейну*).

Это все относительно,
Внимания не обращайтесь!
Знайτε Землю вращайте!
Остановить когда-нибудь пообещайте!

ЭЙНШТЕЙН.

Итак, господа,
Все относительно!
Заявляю решительно!

ЗАРАТУСТРА (*оборачиваясь*).

Спрашивает тут, в двери, одна птица.

(Переводит глаза на Коненкова).

Может она остановиться?
Может ли Солнце погаснуть?

А сам собирается жить вечно
Этот вот (на Коненкова).
А вот этот, несчастный (на Эрзю),
Наоборот, хочет, чтоб не конечно
Было его скульптурное изображение,
А вечно.
Как вы думаете? Путь Млечный
Прекратится в движении?

ЭЙНШТЕЙН.

Все мы думаем так,
Все боимся.
А чего? Отчего
Начинает всех нас есть рак?
А кончает, когда прекратимся, –
Смерть, летальный конец.

ЭРЗЯ.

И куда девается эта птица,
Какая летает,
Нас по свету мотает?
В Аргентину собрался,
Но пока что остался,
Собираюсь к Китаю.
Из горы, из Скалы,
В три широких скулы
Ленина вырубаю.

КОНЕНКОВ (обеспокоясь).

Это как же – Ленина?
Я с ним лично знаком.
От храма под ручку к Кремлю
Шли, от самого храма Спасителя.
А тут вот перед Эйнштейном стою дурак дураком,
Перед тенью какой-то Праксителя.
Горы все передолбит,
А найдет идеал свой в колбе!

ЭРЗЯ.

А сам своего Самсона
В золото одеваешь.
Снял форму с самого Аполлона
И к себе привлекаешь.

(Коненкову.)

К Луначарскому привлекаю –
Вот к кому!

Чары, такие луны!
Чурка!
Не то, что Джордано Бруно.

ЭРЗЯ.

Знаю луны чары, Луначары –
Под Орлом, скажите ему!
Янычары вам – братаны!
От Ататюрка.
Сам сына своего определю в Петергоф!
Пусть там фонтаны пускает.
Песни пишет какая-то Гофф,
Уж пели ее в Китае.

ЭРЗЯ (*Коненкову*).

Не выхваляйся, конь заезженный!
Не строй из себя дурака!
Вон уж Клыкова грузин этот бешеный
Стаскивает с крюка.

ЭЙНШТЕЙН (*в недоумении, глядя с упреком*).

Что ж это вы пригласили насчет Спасения,
А тут капустник устроили какой-то,
Внутреннее сотрясение творческого процесса,
Осколки судьбы, рока.

ЭЙНШТЕЙН.

Мне, что ль, надо?
Сами пусть разберутся,
Кто из них кто? А кого куда как бы?

ЗАРАТУСТРА (*засмеявшись*).

А, понял!
Попикируются, подерутся –
И закажут портрет.

ЭЙНШТЕЙН.

Кто закажет? Они или я закажу?
Да никогда, ни за что!
Как одалиска какая лежу,
Всю галерею их перегляжу:
Сколько работ – сто?

ЭРЗЯ (*мягко так*).

Это относительно вас,
Тонкость из ничего.
Весь переделаю этот Кавказ
Из-за тебя одного.

КОНЕНКОВ (*упавшим голосом*).

Этот дикарь все перерубит!
Женщин разденет.
Дерево – чудо там! Деревом бредит,
В дереве тело и смех
Будут иметь успех.

ЭЙНШТЕЙН (*Коненкову растерянно*).

Ну, а вы? Какая-то вонь!
Ну, а я, как конь,
Царь на холопе!
Я тебе Ольгу свою
В руки совсем отдаю!
На-ка, похлопай,
Ольгу сейчас позову,
Нас не хватает в Европе.
Ольга! Сюда! Эйнштейн пришел!
Какой? Какой, наконец-то, тебя нашел.

Появляется Ольга – бывшая натурщица, одна из учениц, ныне жена художника.

КОНЕНКОВ (*улыбаясь вовсю*).

Ну как, хороша? Хороша!
Улыбка-то как с палаша,
Бери и корми!

(*Ольга на Эйнштейна.*)

Этот вот кормчий!
Науку тянет,
Делает это все громче и громче.
Пока что на хлеб хватает,
Такие бы деньги и мне бы.
Вернешься, когда надоест, из Китая,
Вон сколько в мире всяческих мест,
Кормись. Вот такая-то жисть и ест!

ЭРЗЯ (*улыбаясь во всю физиономию*).

Так всегда, когда хороший заказ –
Чуют носом и нас.

КОНЕНКОВ.

Это когда начальники при нас “никс ферштейн”.
Итак, снижаем вопрос.
И тут Эйнштейн! Товарищ наш, друг!
Какой там вопрос!
Все относительно; один стоит двух,
Тираду я произнес!

А все-таки, все-таки,
А все-таки, все-таки
Вас вызывал Заратустра,
Чтобы понять, где течение реки,
А где, понимаешь, растёт капуста.
Теперь поговорим всерьёз,
Теоретически о том,
Что голос в созидание внес,
А что и в четвёртый том.

ЭРЗЯ.

В Данию к вам перейдем,
В Копенгаген,
В Италии я уже был.
В общем, разные флаги,
Топот кобыл.
Мощные бабы в этой Дании,
Мелкие только здания.

КОНЕНКОВ (*ему, увещевательно*).

Что ты говоришь?
Лепить-то что?
Это же корифей!
Захотел – в Париж,
Захотел – кофий пей.

ЭРЗЯ.

Говорю! Эти дураки – писатели
Малую Родину продали.
Опять рисовали меня,
Русофобы!

ЭЙНШТЕЙН.

Ну и как?

ЭРЗЯ.

Говорю! Не по жанру, уроды,
Вам вагоны бы разгружать
Вместо коня! В Кентавриаде бежать,
Эпопеи писали чтобы...

КОНЕНКОВУ (*поправляя*).

Что ли?

ЭРЗЯ.

Это уж мы говорили ранее.
Что ли!
Когда они себе строили здание,
Были все в комсомоле.

ЭЙНШТЕЙН.

А что ж теперь –
По возрасту вышли?

ЭРЗЯ.

По уму.
Как что-нибудь вырубешь
Хорошенькое,
Так и не нравится там одному.
В русском пока ни хрена,
Он ведь сюда приехали.
Русская речь – что китайская печь,
Надо на ней родиться,
Опериться,
Жить не по-подонски,
А уж потом гоняться за успехами,
Как Александр Македонский.

ЭЙНШТЕЙН (*оживясь*). Да, а что – интересно.

КОНЕНКОВ (*тоже*). И что, интересно, сказал?

ЭРЗЯ.

В Египте когда-то был
Александр Македонский.
Спросил он циника, был там один, –
Человек, откровенно подонский:
“Что б это ты сделал,
Мой господин,
Чтобы стать знаменитым?”
А тот ответил хитровато,
Этак хитово:
“Убил бы самого знаменитого!”
Вот Александр взял его и убил.
Самый ведь знаменитый –
Царь!

ЭЙНШТЕЙН.

Да-а, ну и история!
Не пролазит и в двери, а?
А ведь философов царь-то любил.

ЭРЗЯ.

Значит, не оправдал доверия.

КОНЕНКОВ (*Эрзе*).

Ты б языком-то поменьше трепал,
Молчишь-молчишь, а потом как ахнешь –
Весь и наружи.

ЭРЗЯ.

А чего я сказал-то, чего я сказал!
Да и кому это нужно?

КОНЕНКОВ.

Ну, пойдем теперь заметать следы –
По Копенгагену.

(Эйнштейну.)

Это как в переводе –
“Купеческий, что ли, залив”?
Много воды:
Недолив – перелив,
Уравновешено флагами.

На занавесе вспыхивает и горит теперь сверху: “Заратустра и Коненков в Копенгагене”.

ЭРЗЯ *(кричит неистово)*.

А я?!
Где тут я?
Гляжу кругом, оборотюсь, –
Нет меня!

КОНЕНКОВ.

Не Великий князь,
Обойдешься и без огня.

ЭРЗЯ *(Эйнштейну)*.

Я тут памятник
Хотел бы поставить.

ЭЙНШТЕЙН.

Мы с тобой на одну букву –
Фамилией.
Памятник, а кому?

ЭРЗЯ.

Вот бы такую штуку.

(Показывая на бревно).

ЭЙНШТЕЙН *(упавшим голосом)*.

А кому, почему?
Такую бы жизнь Ленину,
Матросскую, как у нас.

ЭРЗЯ.

Матросом тут был умеренный,
Корабль строил – класс!
Пока учился на мастера
И хорошо питался.

(И уже самодовольно.)

Царь Мордовию нашу любил.
Мордвин, а куда забрался!

КОНЕНКОВ.

Эрзя! Исчезни,
Выключи свой экран.
Доболтаешься тут до циника.

(На Эйнштейна.)

Видишь – ученые разных стран.
А это вот поликлиника,
Ольгу сюда из дому вели.

ЭРЗЯ. Через Лубянку?

АВТОР. Эйнштейн берет Коненкова за рукав, они подходят к Мальчику Пис, в подробностях рассматривают его, длительно. Повернув голову, смотрят в сторону России не менее длительно.

КОНЕНКОВ *(вздыхнув)*.

Викинги! Человеки!
Живут же тут,
Викинги есть викинги,
Они и тут
Проделали Путь “из варяг в греки”.

ЭЙНШТЕЙН.

Прямо какой-то абсурд!
Театр абсурда, и только.
И сколько вам за портрет дают?
А берете вы сколько?

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Опять все начинается с Белой Синяевской рощи, что на Орловщине, в присутствии Льва Толстого и Заратустры. А потом опять-таки все переходит на Урал, в Карталы.

Так и горит пока что сверху, на занавесе: “Белая роща в Синяевском, Абрикосов и Лев Толстой”.

ТОЛСТОЙ.

Иерархия такая! Спрошу Абрикосова,
А он уже Заратустру,
Как это викинги
На земле этой бросовой
Тут оказались,
Топча “капусту”?

АБРИКОСОВ.

Это у Жукова надо спросить
Или у товарища Сталина.

А может, от главного, тоже маршала,
Куликова
Протянуть нить?
Ему там, в Германии, было видней,
Чем тут, в окрестностях Марьино.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ.

Что-то, братцы, я вас не пойму.
Все мы не можем ответа найти,
Как это броневая такая Кентавриада
К нам сюда прикатила на “колыму” –
В середину пути, из Соловьиного сада.

ЭРЗЯ (*встревая*).

Чтоб распевать свои арии.

ТОЛСТОЙ (*кивнув на него*).

А этот чего? Какие моменты?

КОНЕНКОВ.

Хозяин тут, коренной!
Под березой хмельной –
Угро-финны.
Как кельты в Европе, что ли?
Отверженные, как парии.
Выпьют друг с другом еще по одной –
И давай петь про “очи карие”.

ЗАРАТУСТРА.

Хорошо! Я как главный тут
Распорядитель вершин,
Перевожу вопрос в плоскость иную.
Давайте-ка там, у них – у викингов, завершим
И ко мне на Урал.
Там, в беседе, про вас все и намекну я.

*И опять вверху на занавесе начинается гореть: “Заратустра.
Копенгаген”.*

*Заратустра со своими оппонентами прогуливается сразу по
всем направлениям окрестностей Синяевской рощи, а как будто
по Копенгагену.*

ЭРЗЯ.

Гор тут нет,
Мне нечего делать.
И деревья какие-то маленькие.

ЭЙНШТЕЙН.

Зато люди какие!
Какие люди!

В Швейцарию, что ль, давай совершим рейд,
Где друг мой психолог
Зигмунд Фрейд –
Сразу во всех своих
Психологических школах?

ТЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*появляясь из-за спины Коненкова*).

Я сам пришел!
От него, один!
Сначала оттуда, из Варшавы, да!
Затем из Швейцарии к вам сюда.
А Фрейд – мой господин,
А у него – Вагнер ли
И так далее.
С ними мы там кое-что
Заваривали.

ЭЙНШТЕЙН (*Заратустре*).

Кто это? Выскакивает тут из-под лун,
С кем это он разговаривает?

ЗАРАТУСТРА (*на ухо ему*).

Вольф Мессинг – слышали,
Черный колдун,
Белый шаман и так далее.

ЭЙНШТЕЙН (*бодро*).

Товарищ Волк или как там вас?
Вы после или до того, как были у товарища
Сталина?

ТЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Не видите, что ли, я еще молодой.
Вот на портрете еще окалина.

ЭРЗЯ.

От чего?

ТЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

От пули. И от такого всего.
Еще от первой –
Мировой, окаянной.

КОНЕНКОВ.

Ничего, ничего.
Мы ему с Эрзей портрет,
Как аббату Прево,
За так сделаем деревянный.
Хочешь – ложись,
Хочешь – на спине носи.

Как Париж кой-кому, как кофий.
Эрзя! Не толкай в плечо, отвяжись!
Что – как дикарь, дистрофик!
Нам питание предлагают –
Нормальное!
Мы же с тобой из “голодного края”,
Где имеется зарубежье дальше?

ЭРЗЯ.

Ага, Волка этого
Хотят спрогнозировать,
А мы с тобой тут как фиксаторы.
Они будут его палкой резиновой
Воспитывать,
А мы фиксировать это им
В каждом атоме.

ЗАРАТУСТРА.

Това-а-арищи, товарищи!
Ну, нельзя же
Наивно так, напрямую!

ЭРЗЯ.

Ты лучше, княже,
Про Ницше скажи своему.
Дали Прюдому первую,
А тебе наскребут на вторую.

ЗАРАТУСТРА.

Я же образ, не автор я.
Пыл, скульптора, умерьте!
И потом. Этому – путаю карты я,
Мы все уж тут после смерти,
А после смерти ничего не дают,
Даже, наверно, третью.

КОНЕНКОВ (Эрзе).

Вишь, как понимают они все тут,
Вот и живи в бессмертии.
Скачи века в Кентавриаде –
Запаленный, грешный.

ЭРЗЯ (ему).

А по себе-то суют в конверте
Из сумы своей поспешной,
Дипкурьерской. В Висбаде...

КОНЕНКОВ.

В Висбадене! Сколько тебе говорить?
Русский же надо осваивать.

ЭРЗЯ.

А это немецкий! Город Висбаден!
Сдваивать, страивать –
Лучше сразу учетверить
И к шаманам всем задом.

ТЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Что ж про меня-то молчите!
Когда будете меня-то исследовать?

ЗАРАТУСТРА.

От тебя пока,
Как от козла молока.
После займется трибунал и следователь.
Когда наворуются, наберутся бесплатно,
Сваляет все на тебя...

(К Эйнштейну.)

Да?

ЭЙНШТЕЙН.

Относительно теории? Да.

ЗАРАТУСТРА *(Темному человеку)*.

Видишь, что говорят господа?
Да! Да! Да!
Видят в тебе все насквозь,
Как ты смотришь сюда. Но – врозь.
Лучи ваших глаз садят
В мифы бровей, небось,
Братцы! И ты, князь!
Глазами экстрасенсорики – соединяйся!
Под колпаком правого полушария – кайсь!

(Обращаясь ко всем.)

С левым – чтоб тут же расстаться.
Теперь напрямую ко мне на Урал,
В века авестийские переселимся, люди!
Мне думается, Александр Македонский
Нам бы не помешал
В жизни-то нашей подонской
Определиться, как говорится.

(Вольфу Мессингу.)

А ты погоди, синица,
Пусть журавлю еще полетится.

ЭРЗЯ.

Какому еще журавлю –
Орлу?

ЗАРАТУСТРА (*продолжая*).

Да пусть и к Орлу.

(*С пафосом.*)

Пусть и к Орлу еще полетится!
Чтоб на Скале в Прометея вдолбиться,
В тени сплетений, в угол коленей,
В воспоминанья и лица...

На верху занавеса возникает иное свечение, буквы перестраиваются в другие слова: “Заратустра. Урал”.

Появляется Александр Македонский. В персидской одежде – халате и тюбетейке.

АЛЕКСАНДР.

Ты звал меня, о Заратустра?

ЗАРАТУСТРА (*на Коненкова и Эрзю*).

Они вот звали.

АЛЕКСАНДР.

Я пришел.

ЗАРАТУСТРА.

У нас уж выросла капуста,
А ваш Аристофан
С простою речью
Человечью
Ее пока что не нашел.
Ты – царь!
Ты и ищи!

АЛЕКСАНДР.

Я был философом, поэтом,
В гробу лежал, как фараон,
Теперь как бы Наполеон,
Как чистый полководец где-то,
Как человек военный,
Как образ всей войны нетленной
В тот эпитафий погружен...

(*Коненкову, с улыбкой.*)

Где твой орудует Самсон?

КОНЕНКОВ (*всплеснув руками*).

Да как живой!
Живее всех живых!
Да облик твой с вождем персидским схож!

АЛЕКСАНДР.

Не выезжай на “тройках” -то кривых!
Мой Буцефал! Хоть в море, в пламя, в дождь!

(К Заратустре.)

В то, что поставил Плотин?
Есть у кольца конец
Иль нет конца?
Кольцо хоть есть?

ЭРЗЯ.

Да не про нашу честь.
Понять нельзя,
Кольцо-то золотое,
А то такое круглое, кривое.

АЛЕКСАНДР.

А нет кольца,
Как нет ни круга, ни конца.
Для наивысшего лица –
Как я! –
Не приготовили кольца,
А мысли – просим.

КОНЕНКОВ.

Когда не сеем рожь,
А косим.

ЭРЗЯ.

Семью восемь.

АЛЕКСАНДР (Заратустре).

Я к вам насчет вооружений.
На грань...

И покатило-поехало, как по лесенке, эхо слов – то вверх, то вниз:

... возможных достижений?
... и илионских положений?
... и эритрейских отражений?
... малоазийских возражений?
... греко-персидских поражений?
... от убеждений... предубеждений...

АЛЕКСАНДР (*морщась, Коненкову и Эрзе*).

Ну, хватит вашим “антиграмм”!
Лежит мой Буцефал, распластан!
Перечисляет
Рифмы и слова,
И тенью гривы накрывает
Урал весь – Разум всей Земли!
Жизнь такова –
Слова, слова!

Любовь тут, говорят, была,
Да перекарасилась в дела –
В систему шахт, систему недр,
От Карталы пошли “котлы”,
Пошли железа и стволы –
От Карталы! От Карталы!
Разогналась Кентавриада!
Кого любить – того убить,
Кого убить – того любить
У соловьиной трели сада.
На Запад – волны, войны, брани...
По окнам красный цвет герани...

ЗАРАТУСТРА.

Зачем ты тут, о царь-герой!
Встаешь-то хоть зачем порой?

АЛЕКСАНДР.

Поднялись греки, попросили:
Вот-вот падет, мол, Византия!
Пал Арарат – Олимп падет!
Так, семью восемь, мы вас просим,
Вы нам погода, вы – Мессия,
Железа дайте на поход,
А то и Греция падет!
Вот я зачем к вам в Карталы,
Рукою гладить о стволы.

ЗАРАТУСТРА *(на Эрзю)*.

Поговори вон с адвокатом!
Спроси, что надобно ребятам.

(Кивнув еще и на Коненкова.)

АЛЕКСАНДР *(Эрзе)*.

Так ты тут кто, –
Дикарь, язычник!
От нас же вера к вам идет.

КОНЕНКОВ *(вступясь)*.

Все ваша вера –
Это мера,
Какая нас, ища, найдет.

ЭРЗЯ *(Александрю)*.

Самый великий из людей,
Самый великий.

КОНЕНКОВ *(подхватывая)*.

Поборник всяческих идей!

ЭРЗЯ.

А лики где?
Где лики?

КОНЕНКОВ.

Действительно, ни одного.
Ни в Азии. Ни в Африке
И даже ни в Европе.
Цари сидят!
И короли сидят!
Поэты их едят,
Они – поэтов.
Все составляют сметы –
Зимой и летом.
А вот, как говорил мне Кретов,
Нет денег на поэтов.
Зачем они? И так, мол, обойдемся.
А вот когда с мечами мы сойдемся...

ЭРЗЯ.

С мячами?

КОНЕНКОВ.

С калачами!
Залезут на Скалу
И не желают слезть.
Благая весть:
Бог Пан достал пилу,
Чтоб лес извести,
Так Заратустра все ругает нас
За счет уральских масс.

ЭРЗЯ.

Я предлагаю Александру
Урал изобразить
В его портретах!
Всю вырву олеандру
И вырублю вершину Александру!

КОНЕНКОВ.

Во темперамент! Во какой дикарь!
Да хватит и одной тебе Скалы!

АЛЕКСАНДР (*угодливо*).

У Карталы.

КОНЕНКОВ.

Зато какой!
Путь к Прометею с поднятой рукой!

ЭРЗЯ (*вспыхнув*).

Сам Ленина все лепишь
У мавзоля!

КОНЕНКОВ.

Скалу лелея.

ЭРЗЯ (*успокоясь*).

Да я за Прометея
Твоих Самсонов тыщу не возьму!
Вот я к чему!

ЗАРАТУСТРА (*в сторону*).

Опять сошлись –
Зевес и Пан.
Кому когда какой “талан” –
И вверх, и вниз –
Свободой дан.
Как наша жизнь –
То стой, то падай, то ложись!
(*И вслух.*)

О Зевс и Пан!
Свободный выбор Богом дан!
Кого лепить, кому влепить!
Кого всего позолотить,
С кого-то золото содрать –
Все знает Гея – наша мать.

ЭРЗЯ.

Все знает наш Триглав!
Наш Свентовит, начало “тройке”.

КОНЕНКОВ (*поддерживая*).

Она, из Индии сбежав,
Перебежав дорогу “двойке”,
Ведет по лезвию ножа
Наш Дух, пока еще неловкий.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ.

Ну, все! Я растворяюсь в Карталы!
А то, за что же Словодана
Пришлось сюда? Когда они все злы,
Завистливы, как черт у Шеридана,
Поставить на Скалу! К железам Прометея!
К сокровищам сердец людских!
Спасибо вам за Словодана!
Пора сходить со сцены вам.

Александр снова превращается – то в тень Луны, то в блики Солнца. Уходит, перемешиваясь, в мистически многоликий занавес с начертанным остро и ярко: “Заратустра. Урал. Александр Македонский”.

ЗАРАТУСТРА (*Коненкову и Эрзе*).

Идите за мной, что я скажу вам –
Сначала стихами, а после прозой,
Подобной стихам, ибо поэт я как сам,
Так и те, кому я все предназначаю,
Все это с горы бессмертной читаю, –
Про розы,
Которые колятся, чтобы обратить внимание
На свою красоту, на то душе наше питание,
Что принимает всякие позы,
Чтобы только цвели наши розы.
Да где этот Вагнер, где он?
Звуки его – где они, где же они!
Чтобы всеми этими звуками,
Вместе с нашими желаньями, муками
Горы эти Уральские – Разум Земли качали,
С Альпами, откуда автор наш Ницше,
В одни бутоны, недораскрывавшиеся в лица,
Вместе нас с Солнцем беззаветным венчали.
Старик!

Окликая Старца, представшего перед ним человеком, покинувшим свою хижину, чтобы искать коренья в лесу.

Ты кто? Зевес или же бог Пан?
Кто ты? Дай сначала о себе расскажу
Написанное обо мне Автором по имени Ницше,
А спетое Вагнером, в стиле “латино воча”,
Сказанное всем, проведенное
По всему Уральскому рубежу
До места, где я себя содержу, –
Слушайте!
“Так говорил Заратустра”!

“Так благослови же меня ты, спокойное око, без зависти взирающее даже на чрезмерно большое счастье!

Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы золотистая влага текла из нее и несла всюду отблеск твоей отрады!

Взгляни, эта чаша хочет опять стать пустою, и Заратустра хочет опять стать человеком.

Так начался закат Заратустры.

Так говорил Заратустра!”

ЭРЗЯ (*утирая глаза*).

И хорошо, хорошо говорил!
Это твоя молитва?
Я построю молитве храм,
Выбью из Скалы
Облик твой,
Спаситель мой, души моей,
Заратустра!

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

*Все там же, под Синяевским поселком, с горящими буквами
“Заратустра. Урал. Александр Македонский”.*

АВТОР (*в сторону*).

“Обо всем этом,
Особенно же о вставках,
Знала, но пока что не сообщила
Госпожа газета
Большого веса, –
Красные пятна,
Желтая пресса”.

ЗАРАТУСТРА (*возникая на стене и поспешно сходя сюда, в
Жизнь – к Зевсу и богу Пану*).

Сегодня по телевизору Врубель,
Кажется. А когда?

ЭРЗЯ.

А когда дадут Рубель
Сегодня, как и всегда.
Не за свое игры игрались,
Чтобы за образование взялись.

ЗАРАТУСТРА.

Время какое пошло,
Что же произошло?

КОНЕНКОВ.

Да вот он (*на Эрзю*),
Говорит, вырубил из Скалы Заратустру.

ЗАРАТУСТРА.

Ну, и что? Почему неуверенно?

КОНЕНКОВ.

Да похож, говорят...

ЗАРАТУСТРА.

На кого?

КОНЕНКОВ.

На Ленина.

ЗАРАТУСТРА.

Ну, а кого делал?

КОНЕНКОВ.

Да Заратустру!

ЗАРАТУСТРА (*Коненкову*).

Чтоб ему было пусто!

Ну, а ты что делал и что получилось?

КОНЕНКОВ.

Да Ленина, Ленина!

ЗАРАТУСТРА.

Почему опять-таки неуверенно!

И на кого похоже?

ЭРЗЯ.

На Заратустру,

Чтоб ему было пусто!

ЗАРАТУСТРА.

Делайте обобщенной коней,

Срашенных с человеком,

Кентавриаду дней,

Сплавленных с веком.

Видите, красный закат!

Да сиреневый стронций!

Врубель сует в плакат

Эти глазищи, Солнце.

Вывернуло изнутри

Потрох его лебединый.

В Кентавриаде – три

Или четыре на льдине.

Кони-звери! Звери-кони!

С пиками в массе конской,

В аспиде этом тонет

Сам Александр Македонский.

Развернув свои Карталы,

Оборотаясь в железа,

Кони-звери, кони-орлы

Рвутся на Запад, к Крезам.

Канут в Европу страной волновой,

Жилы охолоня...

(Зевесу и богу Пану.)

Братцы! Успокойте меня!

И укротитесь, боги!

Братцы! Язычеством остановите
Дикий стронцевый бег!
Где Македонский – житель,
Самый земной из всех?
Кентавриада! Не надо парада
Конной армаде, летящей из ада.
Кентавриада, Кентавриада!
Мне твой не нужен успех!
Сад заливается хором, громада,
Гром превращается в смех.

КОНЕНКОВ (Эрзе).

Останови его, останови!
Бег припадет к Любви!
Бог пропадет от Любви!
К смеху из сада, к снегу из ада,
Кратеры обагрови,
Освободи от обнаженья
Вулканического изверженья.

ЭРЗЯ.

О, Заратустра! Спаси.
О, Заратустра! Слово неси.
О, Заратустра! Зови и зови
В трам-тара-рам,
В божеский храм
Любви!

АВТОР. Видите? Все в Океане Любви.

Заратустра сидит на камне, подперев кулаком подбородок. В позе Мыслителя, в снах Небожителя. С сердцем Спасителя. Снова, опять. Это вселился в него Дух Прометея. Вечная рана от Словодана, будет под Солнцем сиять.

ЭРЗЯ (Коненкову).

Глянь! От Скалы прилетает Орел!
В белом своем безупречен.

КОНЕНКОВУ (Зевес).

Мы теперь с Прометеем вдвоем,
Печень ему не клюем.
Печень! Мир с тобой обеспечен!

ЭРЗЯ (Бог Пан).

Садись сюда, на лесную поляну, Орел!
Крыльями распространяйся!
В аэродром превращайся!
Большой такой богомол!

Как слон! Будем тебе на спину садиться,
Где моя пика-спица?

КОНЕНКОВ.

Дайте же в рану вонзиться
Мне с фалангами Александра –
К раю туда, к ранам ближе
Хочу стремиться!
Чтоб олеандра, чтоб олеандра
От Македонии до Кассандра
С Сербией ты могла слиться.
Это же надо родиться,
Чтобы Орел туда, моя птица! –
От Прометея до Прометея
В белом, седея, –
С “формой” могла бы слиться.
Бей слону в шею, формой владея,
Чтобы летел и летел
Он за границы –
Белый Орел из идеи,
Чтоб те идеи забыли,
Какие когда-то были,
А новые, народясь,
Потеряли с автором связь.

АВТОР. *Заратустра приходит в себя. Привстает, кивает*
Зевсу: “А это что?” – Птица. Кивает богу Пану: “А это что?” – Львица.
– “Какая львица?” – Ну, слон, слон, с Белого Острова он.

ЗРАТУСТРА (*приводит себя в порядок, начинает командовать*).
Отстраненность прежде всего!

ЭРЗЯ.

Отстраненность тоже,
Чего?

ЗРАТУСТРА (*невозмутимо*).

Идемте же в массы!
Распивать свои квасы.
Поживем среди них –
Преобразуемся вмиг
И превратим свои мысли в “Яссы”.

КОНЕНКОВ, ЭРЗЯ.

Мы и так из народа.

ЗРАТУСТРА.

Как боги? Своего рода
Сверхчеловеки?

КОНЕНКОВ.

Мы не святые,
Не где-нибудь в Мекке.

ЭРЗЯ.

И не в Иерусалиме.

КОНЕНКОВ (*косясь на него*).

Тебе-то что?
Ты же язычник,
Нехристь.

ЭРЗЯ.

Я лично
Люблю деревья,
А из деревьев – вечность
В виде людей,
Бесконечность.
Это ты все любишь, злодей, –
“Эйдосы”, сонмы идей.

ЭРЗЯ (*смеясь*).

Как Прометей.
Да идем же скорей!
Пока Александр Македонский
С этой оравой подонской
В очередной раз отсюда,
От Карталы,
Не покати волны в те амплитуды,
Где голубые верблюды
Не понесут на горбах среди нас,
Пустившихся в пламя, железа свои, выстрелы и
стволы.

Уж понесли их орлы!
Спускаются с гор, идут по просторам.
Огни и огни. Костры да костры.

ЭРЗЯ.

Где-то тут Разум Земли.

КОНЕНКОВ.

Да, если он тут и есть,
То почему в твою честь
Тут зажигают огни?
Дни мои, отчие дни!
Каждый огонь,
Каждый мой шаг,
Дух мой в себе сохрани
В эти предсмертные дни.

ЭРЗЯ.

Как же ты смерти боишься!
С открытыми спишь глазами?
Все к Заратустре стремишься,
И не страшен тебе зоил,
Торчащий из всяческих рыл?

(Показывая на Заратустру.)

Все где поэты с нами!

ЗАРАТУСТРА.

Какой тебе я поэт?
Я владетель комет,
Спаситель всего ничего.
Хранитель идей,
“Даймонисских” людей,
Лерманта автопортрет.

ЭРЗЯ.

Лермант – это кто?
Какой по аулам
Излазал Индийский Кавказ?

КОНЕНКОВ.

Какой среди нас!
Ну ты и дикарь, дикобраз!
О Господи! Водятся ж среди нас
Такие слоны, маразм!

ЭРЗЯ.

Забыл, а кто ты? Ах, Зевес!
Зевс наш,
А кто ж тогда я?

КОНЕНКОВ.

Бог Пан, весь эрзийско-
Мордовский твой лес.
А еще от небес –
Петро Первый и Никон,
Отец-патриарх.

ЭРЗЯ.

А Русланова Лидия?

КОНЕНКОВ.

И Русланова ваша,
Из вашенских мест.
Ничего себе, люди окрест!

ЭРЗЯ *(смеясь)*.

Вот такие-то мы дикари.

Как Мозжухин – мой друг,
Ныне полковник в отставке.

КОНЕНКОВ.

Это и мой друг.

ЭРЗЯ (*самодовольно*).

Да ладно, бери,
Такого хватит на двух,
Играем ведь без подставки.
Вон огни и огни,
Как глаза у Земли.
Вон костры – загляни,
Посиди, порули,
Просто с каждым переговори –
Посредине родимой земли.

*Зевес и бог Пан крадутся – от костра до костра. В той же
ночи. Заратустра пробирается следом.*

ЗЕВЕС (*дружиннику на опушке с колчаном на шее*)

Устарело оружие, дед!
Со стрелой оно все, сосед.
Уж давно самолеты летают.

ДРУЖИННИК.

Враг дошел вон куда,
Просквозив города.
А у нас во саду ль, в огороде
Покусали их пчелы навроде,
Убежали от этой эклоги
Брамапутры, арийские боги,
И теперь мы одни,
Только мы да огни.

СОТНИК (*возникая из-за спины*).

То с Запада, то с Востока –
Реки, ручьи. Мы ничьи,
Но застава тут – княжее око,
Варвары! Конная лава!
На страже тени вражьей
Богатырская наша застава.

ЗАРАТУСТРА.

Ну, да рыцари тут все мы –
“Даймоны” и упыри,
Без страха мы и упрека.

ЭРЗЯ.

Глубоко иль глубоко?

КОНЕНКОВ (*махнув рукой, Эрзе*).

Да ладно тебе! Одна шпала –
И та как попало.
И так, и так, – фронтон и чердак,
Что тебе, Заратустра?
Спросили по радио,
Есть ли капуста?

СОТНИК.

Смотрит себе на Восток,
· Чтоб ей тут было пусто!
Пока на Запад повернута пушка,
Не воспламеняйся, лягушка!

КОНЕНКОВ (*подходя к другому костру*).

А вы че – завистники,
Эгоисты, агрессоры?

КОННЫЙ ДРУЖИННИК.

Мы хотим стать героями.

КОНЕНКОВ.

А вы, желтая пресса?
Валите отсюда с вашими геморроями
Из-за денежного интереса!

(*На Эрзю.*)

А ты кто такой?

ЭРЗЯ.

Паны мы! Я – Никифоров, боги мы, эрзи.

СОТНИК (*подходя ближе*).

Как это – как это?
То один, понимаешь, *Никто*,
А то по двое, и все чужое, –
Так это, так это.
Ну, так свежее или свежое?

КОНЕНКОВ.

Ударенья не знаешь, дурак!
А еще сержант,
За родину сражаться идешь, –
Так это, так, атлант, –
А язык в стороне оставляешь.

СОТНИК.

Уж двенадцать прошел – герой!
И еще двенадцать – горой!
Кто первый, а кто второй?
На реквием всем хватает.

Но рай один у устья Днестра,
Вот мы туда и стремимся,
Заходим со стороны Китая,
Ковыль по пути сжигая,
Идучи следом за Солнцем.

КОНЕНКОВ.

“Дон” – это “дно”,
Это “река” до “донца”
В предвосхищении рая.

ЭРЗЯ (*Заратустра*).

Все говорим с нижним чином,
А где же сам Александр Македонский?

ЗАРАТУСТРА (*пожимая плечами*).

Нет его по разным причинам
В этой Скифии конской.

КОНЕНКОВ (*резко*).

Так позовите, чего вам стоит?
Поговорим, как было
И как ныне бывает.
Вон одного копытом убила кобыла,
А другой моет руки без мыла,
Гроши свои считает.
Смотрит, как он убивает
Тех, кого не любит или не знает.

ЭРЗЯ.

Этого быть не может!

КОНЕНКОВ (*иронично*).

Кто кого убивает?

ЭРЗЯ.

Убивают начальники,
По курганам печальники,
Легковесы,
Меркантильные интересы.

Реальные Карталы. Рассвет. Пехота и конница существуют отдельно. Появляется Александр Македонский, вернее, тень его, слитая с Буцефалом.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ.

Войско превращается в лаву,
Лава – в облаву,
Облава – в славу.
Ура-а-а! Войско! Слушай мои стихи!
“Золотая орда”.

ЭРЗЯ.

Что – опять?

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ.

Что опять? Каждый раз начинать!
Как перед битвой за Гавгамелы!
Итак! Врубель, мне не нужен твой рубель!
Демоны, правда, кстати,
Пусть начинают читати.
Итак! “Среди степных могучих ковылей,
Не переломе Азии – Европы,
Орда летела, разогнав коней...”

АЛЕКСАНДР (*отклонясь от текста*).

Ну, сдвинулись! Ну, развернули жо...
“Вперед, в астрал, в звездноязычный шепот!
Сметала страны на своем пути.
Как саранча, дотла сжирала травы.
О, Золотая! Возблаговести,
С чего так рамена твои кровавы?
Наш бог – от Солнца, солнечный поток,
Пучок, частицы синхрофазотрона.
Они слетели с Неба, видит Бог, –
Энергией заряженные кони.
И гул степей, и гривы на ветру
Тумены из родного Керкелена...”

КОНЕНКОВ – ЗЕВС.

А это тут к чему?

АЛЕКСАНДР (*вне текста*).

А это – секретарь,
Зовут ее Елена,
Ксеркс и Елена.
“В хвостах репы и пики, поутру
Над конской массой терпкий запах тлена.
Их, вислобоких, страсть одна гнала:
Пограбиться, поесть-попить на славу!
Не разлететься б вдребезги, алла!”

(*Про себя, в сторону.*)

“Алла”, “мала”, “биксимала”.

(*И вслух далее.*)

“И, закусив стальные удила,
Пронзала за державую державу.
Орда – остроконечная звезда,
Упавшая на землю, Золотая! –
Нацелена всегда на города,

Себя через движенье утверждая.
И налетали на Москву – пожечь,
Пограбиться, дать просто князю в рыло.
Чтоб никогда не просыхал их меч,
Чтоб Русь боялась, помнила, платила.
И взгляд вприщур. Скуластое лицо.
То камень рус. То камень исчерна.
Кто твоя мать, кто был тебе отцом,
Какие в тебе плещут пламена?
Куда летим по вехам и эпохам,
По континентам – мистике числа,
Кентавры, обрастающие мохом,
Соединенье Бога и Алла?
Косясь на перекося ночей и дней,
К каким гремим пределам? Я к тому,
По Азии – ход бешеных коней,
А по Европе – шорохи к нему.
За ярлыком – откуда и куда?
Тавро кентавра, семь прыжков и мет.
Я узнаю тебя, моя Орда,
Ты на коне и через тыщи лет!”

Орёл, похожий на слона, Урал над жильем Заратустры взлетают над Разумом Земли – этим знаковым местом планеты.

ЗАРАТУСТРА.

Вон сколько факелов –
Море огней в руках всадников Александра.
Македония – Фракия,
Белладонна и олеандра,
По пути следования
И исследования
Теперь уж Кассандра –
Нынешнего властителя Македонии,
Где все вижу, как на ладони, я.
Так и ходят туда-сюда.
Лета строят свои диспозиции.
При власти – красные, после – белые,
Без власти – малоумелье,
В оппозиции, не меняя цвета,
Раскаленные, как плита.

ЭРЗЯ – ЗЕВС (*напевая*).

“Где вы, где вы, где вы, очи карие,
Где ж ты, мой родимый край.

КОНЕНКОВ – БОГ ПАН (*подпевая*).

Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех”.

ЗАРАТУСТРА (*тыкая пикой в шею орлу-слону*).

Где это вы взяли, откуда?

БОГ ПАН.

Не скажу!
Догадайся сам.

ЗЕВЕС.

Летишь по рубежу?
И лети, Адам!
Не пей! Не бей!
Не твоя посуда.

ЗАРАТУСТРА.

А чья же, чья?
Все мое тут в окрестности.

ЭРЗЯ.

Не умаляй достоинства
Нашей местности,
Не удерживай только в себе
Общие наши погрешности.

КОНЕНКОВ.

И Дании в созидании Аргентины,
Аргентины в созидании Дании.

ЗАРАТУСТРА.

Вот в какое попали кольцо!
Завидовали вы тайнам знания.
Надо быть Зевсом-отцом,
Чтоб понимать созидания,
Мистику берега, в серебре серебром, –
Характерец! Настоять на своем!

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же, на Урале. Сверху по занавесу так и горит – остро и проникновенно: “Заратустра. Урал.”

КОНЕНКОВ.

Две алы серьги,
Две капельки –
В ухе Эрзи.
Из грязи да в князи
В этой связи – связи!

“Так сказал Заратустра!”
“Короли и капуста” –
Слова от великого чувства!

Заратустра в своем кругу: Сергей Коненков – Зевес, Степан Эрзя – бог Пан. Тут же Альберт Эйнштейн вместе с Зигмундом Фрейдом и Вольфом Мессингом.

ЗАРАТУСТРА (всем собравшимся взглянуть на закат отсюда – с Разума Земли).

Ушел Великий Александр
Ковыль топтать по разным странам.
Уж нет препятствий нашим планам.
Вот Солнце! Нас благодари,
Что с ним туда ушли цари.

(Оглядывая всех, кто тут, на пике Земли.)

Одни ушли, пришли другие,
Как в Копенгагене опять.
Сподвижники!
Друзья мои живые!
Земли особенная статья!
Доскажем все, что не сказали,
Вас Разум занесет в свои скрижали.

ЭЙНШТЕЙН (Заратустре).

А где же Ницше?
Наш философ,
Тебя создавший человек?

ЗАРАТУСТРА (разведя руками).

Больным сказался,
Стал лечиться.
Подозреваю в том
Я свой позорный век.
Из-за жестокости его
И лицемерья
Лишили нас
Его доверья.
Философ, то есть имярек,
К нам не явился,
Наш оставив брег,
Сверхчеловек
На Разум не польстился.

ФРЕЙД.

Спасибо, что о сложном
Написано так просто.

На фоне замороженном –
Не “коза ностра”,
А – “Так сказал Заратустра”,
По направлению к Свану.

ЗЕВС.

Если бы “Заратустра”,
То было бы “По тут сторону” острова.

КОНЕНКОВ.

Бог Пан! Куда уж проще.
Разве когда мы с тобой
Рассуждаем про мощи,
Спускаясь вниз
До “формы” рябой,
Перемешанной с нашей судьбой.

ЭРЗЯ (*Эйнштейну*).

Будем говорить как проще.
(Кивая в сторону Фрейда и Мессинга.)

Да ведь не поймут,
Котомки их тощи.

ЭЙНШТЕЙН.

Да ты что, Степа! Зевс наш, Степан!
И ты, Сергей, бог леса Пан!
Вы же боги,
Только таких носят доги
Среди людей.
Только в котомке –
Бесы, потомки,
Формулы, числа “идей”,
Бороды всех мастей –
Вольфу не хочется бриться,
Зигмунд не может остановиться.
“Зиг хайль!” – сделают из него
“Зиг монд” (существует мир).
Разве же он виноват, что из всего,
Что у него,
Взяли три буквы всего,
А пол-Европы в подряд
Все говорят, говорят
Целый двадцатый век, –
Что скажешь на то, человек?

ФРЕЙД.

Послушать других хочу.
Например, Вольфа –

Волка этого где-то
Из Варшавского гетто,
Куда его примут
Недобровольно.
Пусть соврет хоть невольно,
А мы за ним понаблюдаем,
Поставим диагноз
Его гениальности.

МЕССИНГ (*вспыхивая*).

Знаем, знаем!
И вы не видите,
Гении человечества!
А мы насквозь видим вас.
Что мы виноваты, что ли,
Что от и до, от человека до рас
Каждого воспринимаем.

ЭРЗЯ.

С кем это “мы”?

МЕССИНГ.

Мы со своей интуицией,
С “третьим” глазом
“Четвертого” человека.
Вместе со снегом таем,
А подсчитаем, сколько вас
И кого кто куда,
Да никакая тебе аптека
Точности такой не воспринимает.
Да еще предвидение,
Озарения века,
Никакой тебе Чумака,
Кашпировский...

КОНЕНКОВ.

Кто это?

ЭРЗЯ.

Да так, конкуренты.
Цепляют из мистики кое-какие моменты,
Но это все в будущем,
А пока...

ЭЙНШТЕЙН.

Нет равных
У Чумака.
Хоть по его кушам,

(показывая на голову),

А хоть и прямо в бока
Со скальпелем плавно...

МЕССИНГ.

Не надо нам
Хирургического вмешательства.
Мы и так пока ничего себе –
В облака, с облаков.
Вот вам, Альберт, вернее – тебе,
Эйнштейн,
Без дураков,
В соответствии с твоей Теорией относительности,
Накопать удалось столько,
Аж страшно...

ЭРЗЯ (*любопытствуя*).

Что – для своей пользительности?

МЕССИНГ (*невозмутимо*).

А может, и из вредности,
Из-за финансовой бедности.
Вот и закрыл ты
Половину проекта.
Документы в данное время
Уничтожаешь,
Что у ученых бывает
Крайне редко.

(*Луне, встающей из-за горизонта.*)

Что же ты накопила, соседка?

КОНЕНКОВ (*вздыхнув на Луну*).

Да что она знает!
Глазами вовнутрь
Наши скрижали читает,
А нам выдает всякую муть.

ЭРЗЯ.

Не сказал бы!
Поэты помешаны
Только на ней.
Вон Заратустра знает!

ЗАРАТУСТРА.

Что я знаю?
Я – образ ваш,
Большого не могу.
Вон Луна уже на берегу,
А берег еще в Китае.

КОНЕНКОВ.

Три раза “Китай” уже произнес,
Что тебе с ним нейдет?
Наш, понимаете, главный вопрос
Застрял где-то посередине колодца.

ЭРЗЯ.

Ну и пусть! Что застрял.
Есть на это Прюдом,
Вытащит из колодца.
Премию дали ему на том.
Тоже Альберт, премия Нобия,
Дана, чтобы мир не угробили.
Ну, и как звучит у него о том?

ЗАРАТУСТРА (с готовностью).

Премию? Нобия?
Авторский перевод –
Мое исполнение.
Сонет. Дон Кихот.
После – особое мнение.

Истина

“На дне провала Истина белеет.
Прочь, слабонервные! Подайте же свечу!
Во мне любовь безумно пламенеет,
Я к ней туда, в провал ее, хочу.
Я буду падать, умирать в паденье.
Я цепь гремучую разрушу, оборву...
В глазах круги... В ушах крутое пенье...
Лечу, лечу... зову ее, зову...
Она внизу, в провале, подо мною.
И вот, едва цепь размоталась с воем,
Почти на дне, увидел – не молчу,
Что истина не там, где властвует темница,
А наверху; где ж ей еще светиться, –
А я лишь маятник, туда-сюда лечу”.

ЭЙНШТЕЙН (Мессингу, на Автора, стоящего в стороне).
Верно, это он перевел?

МЕССИНГ.

Верно.

ЭЙНШТЕЙН.

А сочинил? Тоже он?

МЕССИНГ.

Нет, наверно.
Козлы! Съели б капусты,
Чтоб вам всем было пусто!

КОНЕНКОВ (*Эрзе, увещевая*).

Что это мы раздражаемся?
Ты бы, что ль, смолк,
Электрический столб!
Столпы общества.
На всех на нас разряжаешься!
И так все тут по имени-отчеству
Только свои называются,
А еще хотят инвестиций
От иностранцев, как от собак,
Которые лаются.

ЭРЗЯ.

Да! А сами в виде гостинцев
Взятки суют,
Чтобы было больше шансов
У тебя для иностранцев
Получить себе имя и отчество,
Чтоб уважало общество,
“Короли и капуста”.

КОНЕНКОВ.

Ладно, поменьше вякай,
Песню-то спой про “козлов”
Или хоть прочитай
На случай всякий.
Анадысь там ели плов,
А я стоял, почитай,
В сторонке да смотрел, слушал,
Как кто-то кого-то кушал.

ЭРЗЯ.

А, это про СХ – Союз художников, да?
И что же?
Слушай сюда, слушай сюда,
Ничтоже сумящесь, боже.

Песня молодого жеребца

“Всех я стопчу, как захочу,
Если позволит табун.

Мной от копыт будет убит
Этот месье Белла Кун.
В законе табуна живем,
Законом табуна.
Отправлю я в четвертый том
Месье Белла Куна.
Но вот явился Белла Кун,
А с ним – два табуна.
Какой осел тот Белла Кун!
Какой козел тот Белла Кун!
Когда идет война.
Какие все они козлы,
Когда идет война.
Обгложут все твои мослы
Ослы, Белла Куна.
В четвертый том, в четвертый том!
Когда идет война!
Все дело в том, все дело в том,
Месье Прюдом, месье Прюдом,
Осел Белла Куна.
Всех я стопчу, если хочу,
Если позволит табун.
Им от копыт будет убит
Этот месье Белла Кун.
В законе табуна живем,
Законом табуна.
Отправят нас в четвертый том
Козлы Белла Куна”.

Заратустра со своими друзьями прохаживается вдоль Разума Земли, глядя теперь уже на восходящее Солнце. Вверху на занавесе все то же: “Заратустра. Урал. Разум Земли”.

ЗАРАТУСТРА.

И все-таки. И все-таки. И все-таки.
Продолжим тему:
Что внес нам Копенгаген?
О викингах, вложенных в Систему,
В конце такой волны брегами
Земными, в виде Гамлета –
Датчан, норвегов,
Поставлен был вопрос:
Так быть или не быть?

Коль хвост ко льду прирос,
Сидеть кому из лести,
На том же самом месте,
Где просто жить придется?
Иди за уходящим Солнцем,
Пока идетя.
Ну, как в колодце.
Чтобы о звезды уколотся,
Отсюда, с Разума Земли,
Нам все грядущее видать.
И главный Бог их – Тор,
Их вторг в простор,
Сначала в Океан –
В Исландию,
В Гренландию,
В ледовый космос,
Обуян, как зелень лета, –
Что скажете на это?
О Солнце заходящем
И о народе зрящем?

ЭЙНШТЕЙН.

Движенье – свет,
А недвиженье – тьма.
Одна зима,
И оправданий нет
Тому, кто потеряет белый свет.

ФРЕЙД.

Остановись,
Так душу разорвет,
Уж разорвало.

МЕССИНГ.

Кольцо предвижу – где?
А из металла.
Всего внутри меня
Взметало,
Прилипло к бороде.

КОНЕНКОВ (Эрзе).

Ну, ты – дикарь!
Ответим дикарю!
Молю тебя, боготворю!
Найди ответ,
Не укорю!

Когда ты скажешь дикость,
Перекрывая ликость –
Обычного, привычного, земного.

ЭРЗЯ (*взметавшись*).

Не хуже всех...
На всякий случай...
Земной порыв...
С небесным в куче...
Какой порыв... какой порыв...
Какой прорыв...а-а-а...
А-а-а-а-а-а...

(*Коненкову – богу Пану.*)

О, бог царей!
Я бог не Зевс уже –
Перу-у-ун!
Смотрю я в окончанье Лун,
В начало Солнца!
Вон куда отсюда,
С Разума Земли,
Видать на обе стороны,
Да! Вон куда ушли они,
Ушли они... ушли они...

ЭЙНШТЕЙН (*нетерпеливо*).

Да кто хоть, кто?

ЭРЗЯ.

А волны те же и отсюда –
Все арии. Спустились вниз, на Юг.
Прошли тремя путями,
Пришли в Европу
И назад оттуда...

КОНЕНКОВ.

“Велесова книга?” “Велесова книга?”
Исход от нее, и в обрез
Одна на плече, а другая верига –
Тайга и пропиленный лес.

ЭРЗЯ (*не видя его, созерцая самого себя*).

Да, да! И назад от Дуная,
Через Карпаты до Киева,
От Киева до Москвы,
Припоминая далее
Диево и по Северу,
Через Сибирь.. концлагеря...

До берега дальнего
От себя – астрального –
Через Океан,
На Аляску и в Калифорнию...

ЭЙНШТЕЙН (*взволнованно*).

Ага, и уже оттуда –
Сюда, на Дикий Запад,
Из Калифорнии...

МЕССИНГ (*вскинув руки*).

Викинги эти там и встретились!

ЭРЗЯ (*торжественно*).

Золотое кольцо человечества!
Заратустра! Спасибо тебе.
Разум Земли! Спасибо тебе,
Урал! Солнце –
Восходящее и заходящее,
Спасибо тебе!

ЗАРАТУСТРА (*воздевая руки к Небу*).

Спаси Бог тебя, Человек!
Существо верующее, зрящее, вящее!

ЭЙНШТЕЙН.

Копенгаген! Вторя знания,
Какая возникает идея!
Следующее заседание –
На Скале Прометей.
У подножия, где бес
В крошечное,
А то и в адово влез.

ЭРЗЯ.

Сергей! Я же Зевс –
Имею божественный вес,
А ты вновь на меня полез.

ЭЙНШТЕЙН.

Куда ж ему лезть –
На Скалу? У тебя же есть –
Целый Олимп.

МЕССИНГ.

Мной уже установлено:
В начале двадцать первого
Будет птичий грипп.
Биологически все развитие будет
Приостановлено.

КОНЕНКОВ (ко всем).
На Скале Прометея –
Один Прометей!
Почему он один?
Почему!

ЭНШТЕЙН.
Он – идея! Он – образ!

ЭРЗЯ.
А Македонский?

ФРЕЙД.
А Македонский – царь.
Прототип, прообраз,
Божья тварь.
Как и Одиссей –
Смертный в мире людей.

ЭРЗЯ.
А Словодан?

ФРЕЙД.
Не проверено Временем.
Герой, но не знаем,
Что выйдет из термина.

МЕССИНГ.
Знаем, знаем.
Еще туда одного посылаем.

ВСЕ (с нескрываемым интересом).
И кого же?
Провидец наш,
Имя какое Волка?

МЕССИНГ.
Да, зубами все щелк да щелк.
Нежным мозгам колко.

ЭЙНШТЕЙН.
Так кого же все-таки,
Кого еще
Третьим туда, к Прометею?

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Скала Индийского Кавказа, на которой уже целую вечность томится в железных оковах Прометей, давший людям Огонь, создавший Цивилизацию, Поэтов. Вверху на занавесе горит: "Скала Прометея".

Те же, что на Урале, у Разума Земли. Тут же и Рэм Хохлов – альпинист, в полной экипировке.

ЗАРАТУСТРА.

Приветствую всех у Скалы
Обетованья героев!
А это вот

(указывая на новенького)

Рэм Хохлов – ученый, родом из Ливен,
Что на Орловщине,
Ректор Московского госуниверситета.
(Обращаясь к Рэму.)

Как вам нравится
Такое сочетание –
Индия и Кавказ?
Как, по-вашему,
Что за этим стоит?

РЭМ ХОХЛОВ.

Прометей!
Только он не стоит,
Он сидит, он томится уже
Тысячи лет.
За всех нас,
Соединяя Индию и Кавказ,
В одно всех людей Земли,
Сам сон как солнечный свет!

КОНЕНКОВ *(аж всплеснув руками)*.

Самсон!
Самсон – Аполлон!
Самсон – Петергоф!
Земное где-то у ног!

ЭРЗЯ.

А Зевс?
А бог Пан?

КОНЕНКОВ.

А бог Пан, где и лес.

ФРЕЙД.

Кто такие?

МЕССИНГ.

В конце скажу – кто.

ФРЕЙД.

Таким ответом – польщен.

ЭЙНШТЕЙН.

И я. Спасибо вам за идею.

(Обращаясь к Рэму Хохлову.)

Вот вы – альпинист,
Все лезете вверх,
А зачем?
Что имеете вы в виду?
Что это – на Небо бег?
Или земного успех?
Звезды эти, как яблоки,
В яблоневом саду?

РЭМ ХОХЛОВ (*обувая ботинки с шипами*).

Сроду я покоритель!
Как небожитель.
То покорял молодые сердца –
Женщин, какие меня любили.
Видите ли,
В обсерватории – за отца
С детства, как на Пикадилли,
Венеру брал под руку
И пошел с ней гулять
С песней по Млечной дороге.
В спину всегда мне смотрела мать,
Да и друзья из немногих.
Кто-то завидовал!
Кто-то любил!
Кто-то со мной рад стараться!
Самые страстные из “пикадилл”
В нас и стремились влюбляться.
Мир необъятный оттуда, с небес,
Приоткрывался, единый.
Не прихитренный какой-нибудь бес,
Не экспортируемый в Бельгию лес,
Тут не тронутый мной,
А поделенный на сектора –
Рек, государств и границ –
Многие брали тогда на “ура”.
Импорт этот товаров и лиц,
Лица из “блица”, блиц.

ФРЕЙД.

“Блица” в смысле чего?
Блицкриг?

РЭМ ХОХЛОВ.

Да хоть книг!
Ницше использовали того же –

Ну, а потом где его, бывало, прочтешь?
Все ведь в руках у них.

МЕССИНГ.

Понимаем. И очень.
Было такое, помню.
Перехожу границу, впрочем,
Империи этой –
Огромной!
В Белоруссии где-то
К Пономаренко меня ведут –
К главному.
Книгу в руки дают,
Загадывают страницу,
Где что должно расположиться?
Например, про товарища Сталина.
От жестокого к главному,
Во-он куда отодвинулась рифма,
Убежала куда.
Так и эти по книге лица,
Как весна, так и проталина.
Квантовая поэзия,
Сколько ни грези я,
Слов тоже сколько-нибудь,
А число-то одно.
Вот и я покопался в себе,
Поднапряг все свои искания
Вплоть до икания,
Вывернул в себе горы, здания,
Созидания и назидания,
Да и назвал сумму
Всего соискания.
Только все это быстро; он –
Тот мой шифр, засекречен.
В общем, в точку попал.
В тот же вечер
К Сталину был препровожден,
Органами помечен...

ЗАРАТУСТРА (*вздыхнув*).

Вижу, люди тут все
Выдающиеся –
Супермены, сверхчеловеки.
Будем туда к нему, на Скалу, проситься?
Или к нам сюда его попросим спуститься?

ЭРЗЯ.

Как это к нам сюда,
Когда он в железах?
В оковах своих Прометей.

ЭЙНШТЕЙН.

Да, конечно. Не Юлий Цезарь.
И не Эйнштейн.

ЭРЗЯ (*насупись*).

Вот пусть они Прометея
И просят –
Цезари и Эйнштейны.
А мы тут ходим,
Идеи в себе поносим,
Травку покосим, –
Какую? Да никакую –
Альпийскую,
Кавказскую или индийскую,
Тибетскую или турецкую, –
Сядем на нашу “грецкую”.

(*Напевая.*)

“А я лягу, прилягу
Головой у дороги...”

КОНЕНКОВ.

Слушай, друг! Спиши песню.

ФРЕЙД.

А нельзя ли что поинтересней?

ЭРЗЯ.

Это – частник,
А это – жизнь.
А жизнь в театре
Играет участник.
Просите, элита,
Визу для нанесенья визита.

ЗАРАТУСТРА.

Я, что ль, проси? Или Эйнштейн?

ФРЕЙД.

Просит, конечно, Ницше.

ЭРЗЯ (*ехидно из-под руки*).

Кабы было поглыбже...

КОНЕНКОВ.

Бы-бы! Бы-бы-бы!

ЭРЗЯ.

Стилист нашелся!

Звуки ловит, как мух.
На одну напоролся –
Недоверие вслух.

Заратустра прохаживается мимо; задрал голову, смотрит куда-то вверх. Наконец, собирается с духом.

ЗАРАТУСТРА.

Эй, на Скале! Прометей!
Подойди к краю, цепью хоть погреми!
Можно к тебе, вандей?
По душам поговорить?

ПРОМЕТЕЙ (*появляясь с краю*).

Что такое “вандей”?

ЗАРАТУСТРА.

Спроси – скажет Эйнштейн,
Что такое “вандей”.
Или Зигмунд Фрейд –
Психолог,
Ученый, банкнотный народ.

КОНЕНКОВ.

А мы с Эрзей тебе что?
Тоже не какой-нибудь сброд.

ЭРЗЯ.

Кстати, знаю, что такое “вандей”.
От Вандей, где водились шуаны,
Сделанные из марихуаны.

ПРОМЕТЕЙ.

А что такое “шуаны”?

КОНЕНКОВ.

Это там, где Вандея,
Люди, какие шли против главной идеи.
А идея была одна – революция,
Без короля – конституция.
Так вот, одна Вандея – венеды,
Ванты – анты,
Венеды – западные,
Анты – восточные,
Арии – противоярии,
Античная Греция.
Так и там, в юго-западной Франции,
Вандея,
Кто был там против кого?
А кто был коренной – тот и против.

А еще до того были кельты.
Поняли хоть, как мыслит-то Прометей,
Называя Эйнштейна “вандей”?

ЗАРАТУСТРА.

Были мы в Дании,
Так там все “викинги”!

ЭРЗЯ.

Скажи ему,
Что мне тогда он сказал, –
Прочитай.

КОНЕНКОВ.

Слушай и ты, Прометей,
Что такое “викинги”.
Как слово, а не как понятие.

ЭРЗЯ.

Да он знает уже, небось,
Ему это ведомо.

ФРЕЙД (*Коненкову*).

Ты-то хоть почему тоже знаешь?

МЕССИНГ.

Конь он! Из-под Смоленска,
А рядом ведь Польша –
Полоса между викингами и скифами.
Он это знает, с пафосом читает слова,
Как раскрытую книгу.

КОНЕНКОВ.

При слове “пафос”
Закрываю книгу.

ЭРЗЯ.

Сергей, откуда такая цитата?

КОНЕНКОВ.

Из компромата –
Французских поэтов.

МЕССИНГ (*восхищенно*).

Видал, откуда?
Все мы оттуда!
Если “Польшу” знает как “полосу”,
То и “викингов” запросто прочитает.

ЗАРАТУСТРА (*Коненкову*).

Ну, и кто же все-таки “викинги”?
Знаем как ариев, по понятию.
А вот как само слово?

КОНЕНКОВ.

Вслух рассуждать?

ЭРЗЯ.

Ну, а как же.

КОНЕНКОВ.

Рассуждал уже дважды.
Итак, значит, “викинги”, “викинги”.
Вик – инги, инговая форма –
Суффикс, ничего не значит,
А значит, коренная часть “вик”.
Есть слово Вик-тор,
А Тор есть Тор – главный Бог
У скандинавов, викингов.
В слове “викинги” Тор скрыт,
Но незримо присутствует.
Вот что такое “викинги”!
Люди при Торе,
При главном Боге,
Божественные люди,
Победили
Торийцы – викинги.
Тор-тар-ар-арий,
Арии одной из волн,
Сохранившие в себе Тора,
Но спрятались, видите ли,
За инговую форму.

ЗАРАТУСТРА.

Интересно? Нет?

ЭЙНШТЕЙН.

Еще как интересно!

КОНЕНКОВ.

Естественно, всем известно.
Вон у Заратустры спросите хоть.
Я же говорил,
В конце концов, он тоже “ар”.
Тоже астрал – магистрал,
Народ поднебесный.

ЗАРАТУСТРА.

Это уж я дай скажу.
Путь получается, звездный!
Может, мы с другой планеты?
Ворвавшись, сюда прилетели.

Хочешь? Дыру покажу, –
Грандиозно!

ЭЙНШТЕЙН.

Относительно чего?
Это возможно.
Время в космосе исчезает,
Сравнившись со скоростью,
Остается Пространство.
Каким ты вошел в корабль где-то,
Невероятно где,
В каком возрасте,
Таким, понимаешь, и выйдешь.

ЗАРАТУСТРА.

Ага, вот почему,
Оказывается, первая цивилизация – единица,
Одно было понятие Жизни –
Бессмертие.
А смерть уже тут пришла,
Появились смертные,
“Двойка”.
Даже цари, фараоны даже
И те создали себе после смерти
Иной мир, за чертой, –
В сознании появились живые и мертвые,
Лед и пламень, война и мир, –
Все это за чертой,
То есть под арабской цифрой “два”,
В виде лебедя умирающего,
Как у Сенсанса
Или Стефана Малларме, –
В переводе автора.

ЭЙНШТЕЙН.

Эко куда нас завело!
В диалоге-то.
Мы с Прометеем не говорили еще про село,
Юрия Гагарина он еще не приглашал.

(Обращаясь к Рэму Хохлову.)

Рэм! Ты ведь знал Юрия,
Вот бы и пригласил.
Он бы, насколько хватило сил,
Все бы нам и сказал,
Как там в космосе?

Каков пьедестал?
До чего он рукой достал?

ЭМ ХОХЛОВ.

В другой раз приглашу.
А сейчас покричите,
Спросите у Прометея,
Как там Словодан у него,
У Вандеи?

ЗАРАТУСТРА.

Облака побежали,
Небо опустилось, нахмурилось.
Недокричишься в скрижали
Из-за этого курева.

ЭРЗЯ (*показывая на черную тучу*).

Из-за этой вот курвы!
Она уж мне что
Предрекла однажды?

И ВСЕ ХОРОМ.

Курва, курва! За ночь уж дважды.
Уходи, уходи!
Дай спросить Прометея,
Где Словодан? Словодан где?
Где Свобода? У тебя на Скале?
Там ему хорошо?

ПРОМЕТЕЙ (*вниз сюда*).

Не говорите так много!
До меня, как до Бога!
Ах, Словодан? Тут ему хорошо.
Приходил. Посидел. И ушел.
Ах, куда? Да к себе же, туда,
Говорит, приходите буду сюда –
За Словом,
За Свободой,
Чтобы нести их потом в города,
Для народа.
А куда же еще – ведь Свобода!

ЭРЗЯ.

Факел дай ему –
Пусть несет!
Мы с Конем тебя запечатлим,
Как Роден своего “Мыслителя”,
Вот и мы тебя как героя...

ПРОМЕТЕЙ (*сверху вниз, крича*).

Это что там у вас за конь?

Где Буцефал?

Тень есть ли от Буцефала?

ЭРЗЯ (*на Коненкова*).

Вот он (*хлопая его по плечу*)

На себе бревна таскал из лесу, –

Эпопея целая, Кентавриада,

Закусив удила, по степи мчатся рада.

Коней Македонскому налепили –

В его войско!

Так они уже мчатся за Солнцем, –

Геройско!

Как там уж и были –

На Пикадилли

Или только такими начинают казаться.

ФРЕЙД (*вмешиваясь*).

Ирреальность какая!

Делится надвое –

Одна тут, другая там,

А вместе такая рябая.

Однако условная, ладная,

Одна – богу богово,

От самого Бога поэзия,

А другая – кесарю кесарево,

Юнгу юнгово, –

Коллективное и личное,

Бессознательное!

И почему так зовется?

Выбирай необычное,

Не ошибешься.

Знали боги, с кем поведешься,

От того и наберешься.

Мимо мелькает, гарцуя, тень Буцефала – боевого коня Александра Македонского.

КОНЕНКОВ (*привычно хватая его за ноздри*).

Ну вот, а ты все смеешься!

ЭЙНШТЕЙН (*крича оттуда, наверх*).

Прометей! Когда ты спишь –

Днем или ночью?

ПРОМЕТЕЙ (*сверху вниз*).

Если ночью, то днем.
Если днем, то ночью.
Если днем, то вдвоем.
Если ночью, то в одиночку.

ЗАРАТУСТРА.

А Луна? –
Солнца несвободная дочь?
Несвобода одна?
Свобода у каждого для себя,
Эгоистка такая – Свобода!
Не для простого народа,
Даже не для царей тоже.

ЗАРАТУСТРА.

О Боже!
А для гениев? А в ком Сатана?
Мертвая тишина.

АВТОР.

“И вздохнул разочарованно, устно” – так говорил
Заратустра.

ЗАНАВЕС

18 марта 2006 г.,
г. Орёл, Россия.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Из пятилистника второго

Камень в степи

Перестали скакать мы, осели на земли,
Я уж пахарь, пашу я – оседлый пиит.
Отчего же степи этой бронзовой внемлю?
Слышу гул отдаленный копыт,
Дух Велесов, как эхо, кровит.

Мы – Велесовы внуки. Степи древние пашем,
И пчелу приручаем, и лапти плетем.

А в крови, а в крови, а на волосе нашем –
Путь степной, путь астральный метем,
Млечный путь с золотым табуном.

По тропе по Трояновой бродим и бредим,
На тропе на Трояновой много дорог.
Сколько звезд, сколько грез, столько тайны на небе
Ископытило варварство ног,
И у каждого варвара – Бог.

Я такой же, как все соплеменники – росы,
Я – свой камень у них, под ногой у коня.
Отлечу от копыт, упаду под откосы –
Слышу шорохи трав, вижу пляски огня, –
Это все для меня, для меня!

Камнем рухнул с небес ли,
В Земле, что ли, вызрел,
Из божественных сфер, из таинственных чисел
Кто меня в Человека поднял и возвысил?
Подними и возвысь мою родину – Русь!
На звезде я лежу и молюсь.

Закон табуна

Под лапой еловой в дурмане лежу,
Пью влагу из бурдюка.
Пространство – горласто, как горло к ножу.
О степь! Как же ты широка!

Я – в лаве табунной уже не скачу,
Я – в тминной прохладе шатра.
Все, вроде как хан, чуть над лавой лечу,
Орел – потерял два пера,
И ветер звенит с топора.

Вдруг вздыбились кони – то бунт в табуне!
Рассыпалась конная лава!
И в ноги бросают зачинщика мне:
– Где честь твоя, воин, и слава?
Чье око косит в тебя, право?

Смеется кудесник:
– А мы – от звезды!
А я так осколок с шестой...
С личины шестой... мне чернели дрозды
Шесть раз на земле, ты – с седьмой!
Юдоли великой густой!

– Срубить эту гриву!
Рубили, срубали.
Аж степь почернела, – беда!
А звезды блистали в табунном кристалле,
И алая кровь протекала по стали
И сохла на крыльях орла.
Орел! Не теряй же полета!
Пусть ветер звенит с топора!

Русая звезда (монолог хана)

А если ты не от звезды,
То почему тогда
Черны вокруг тебя следы,
И только борода
Такая русая всегда?
При этой русой бороде
Да синие глаза.
Где видел я такие, где?
На небе лишь одна звезда
Такая синяя всегда.
Такие синие ее
Доходят к нам лучи.
Вот и сказали мы свое!
Вот и гремят мечи,
Коль не хватает дня, – в ночи!
Одни ушли от тавров ввысь,
До северных широт.
А мы на “кембрии” сошлись
И воссияли вот!

СОКРОВЕНИЯ ТОРА

(третья божественная трагедия)

Рерихам – отцу, сыну
и Святому Духу

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БОГ ТОР – Первый Бог из древней ведической книги “Авеста”, из северных саг.

ЗЕВС – царь богов на Олимпе, Македония.

ПРОМЕТЕЙ, ЗАРАТУСТРА – Спасители мира.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ – царь Македонии, властитель половины тогда известного мира (III век до н.э.), полководец, философ, поэт.

ПЛАТОН, АРИСТОТЕЛЬ – античные философы.

ЭЙНШТЕЙН – ученый, автор Теории относительности.

ЮРИЙ ГАГАРИН – Первый человек в космосе.

РЭМ ХОХЛОВ – альпинист, ректор МГУ.

ТОРВИК – Ранний христианин, монах, житель Тибета, он же аэд.

ИОЛ – виночерпий царя Александра.

ДЖОМОЛУНГМА(ЭВЕРЕСТ) – высочайшая в мире горная вершина, она же тибетка – женщина в ярких национальных одеждах.

РАЗУМ ЗЕМЛИ – место на теле Урала, по гороскопу.

СКАЛА ПРОМЕТЕЯ, ФИГУРА БУДДЫ – где-то в горах Индийского Кавказа.

Действие происходит в нескончаемом вещем сне Бога Тора, в разных местах биосферы Земли. То в небесной клубящейся облаками таинственной обители Тора, то у подножия - Джомолунгмы (Эвереста), Разума Земли, Скалы Прометейя, то в Тибете - у ранних христиан, у Камня Будды где-то в горах Индийского Кавказа. А в конце концов - в реальной роце Платона - в тихой его Академии. Герои предстают в диалогах Платона с первобогом Тором, с корифеями человечества, где раскрывается главнейшая пружина сущего - устремленность в знания, в небесный и внутренний космос, заложенная в самом божественном религиозно-нравственном сознании Человека, в генотипе всего Человечества.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

БОГ ТОР (*спит на вершине Джомолунгмы (Эвереста), временами сурово оглядывая пространство вокруг себя*).

Какая нень! Какие обороты
Земля имеет, нас куда несет?
Мир устает от такой работы,
А Человек никак не устает.

Богоматери, возникающей из облаков.

А ты?

БОГОМАТЕРЬ.

Что я? Я, как и ты.
Одни из "эйдоса" черты,
Отец, у нас с тобой,
Мы - "форма" сути.

БОГ ТОР (*смягчась*).

Что выдумали люди!
Человек любой!
Скажу, не обессудьте,
Но все-таки скажу.

БОГОМАТЕРЬ (*с готовностью*).

Отец, не возражу.

БОГ ТОР (*еще мягче*).

Гляди-ка вниз, на землю,
Какая там у них борьба!

БОГОМАТЕРЬ.

Судьба.
Всем внемлю.

БОГ ТОР (*довольный*).

То Человекобог, то Богочеловек -
Не знаю уж, куда и чем прилечь.

БОГОМАТЕРЬ.

Такой уж век,
Такая речь.

БОГ ТОР (*снова гневаясь*).

Но это еще так,
Сюда к нам ближе!
А то совсем никак,
По-своему, пониже!
Какой-то рай теперь у них,
В нем сад, в саду двоих
Мы видим в лице Адама и Евы.

БОГОМАТЕРЬ.

И что для юмора?
Что – девы?

БОГ ТОР (*свысока, самодовольно*).

Что девы! Да яблоко раздора
Придумано
И внесено для спора.

БОГОМАТЕРЬ.

Куда?

БОГ ТОР.

Чего куда?

БОГОМАТЕРЬ.

Да яблоко же, яблоко!

БОГ ТОР (*махнув рукой*).

Да это так,
Легенды, ерунда!
Окорока! Окорока!
Ока-река, Ока-река!

БОГОМАТЕРЬ.

Чего тебя, зациклился на этом?

БОГ ТОР.

На чем?

БОГОМАТЕРЬ.

На множестве идей.
Ты выбери одну – на остальное где там
Силы брать?

БОГ ТОР.

Мы будем их ковать!
Ковать!
Они берут пусть силы!
Чтоб нам, богам, внимать.

Через себя всех будем пропускать.
Везде присутствовать
И все опровергать,
Когда земные твари будут к нам взывать,
Да, мать?

БОГОМАТЕРЬ.

Да, да, отец!
За мир земной беремся, наконец.

Действие во сне Бога Тора переносится к Разуму Земли, что на Урале, во владения Заратустры. Перед Тором – Заратустра, Первоспаситель мира. Появляется царь богов Зевс, региональный греческий царь богов.

БОГ ЗЕВС (запыхавшись, Заратустре).

Дела все побросал,
К тебе сюда явился.
А там недоены коровы.

ЗАРАТУСТРА.

Что ль, сам?

БОГ ЗЕВС.

Чего?

ЗАРАТУСТРА.

Да доишь.

БОГ ЗЕВС.

Не сам. Но надо все отладить,
Всех убедить,
Снабдить, кормить,
Правление осуществить.

ЗАРАТУСТРА.

На что Велес тогда?
Иль Велес? Как?

БОГ ЗЕВС (*махнув рукой*).

Да ну его!
Спивает города,
Сам пьет.
А говорит, весна, мол,
Вымерз виноград.
Лозу, мол, надобно сажать,
Таланты где-то, мол, ссужать.

ЗАРАТУСТРА.

Неловко как-то.
Так и оставили талант
Обозначением монеты?

А то мне говорил атлант –
Один там друг детей, талант
Даёт ответы; а таланты – это все
От них, якобы безгрешных, всем воздано.

БОГ ЗЕВС.

Понятие у них извращено.
Какие же монеты у детей?
Когда они еще не на работе,
Но гнут уж в мыслях спины.
Ну, что те... что те... Заратустра?

ЗАРАТУСТРА (*смеясь над собой*).

Чтоб нам было пусто!

(*И тут же всерьез.*)

Концепцию какую будем строить?

БОГ ЗЕВС (*озадаченно*).

Концепцию?

А для чего?

ЗАРАТУСТРА.

Для Человечества всего,
Для Чело-века.
Что, в общем, будем делать мы
С народом бедным?

БОГ ЗЕВС.

Ах, с этим сбродом?

А что, чего?

ЗАРАТУСТРА.

Что значит не Поэт.

БОГ ЗЕВС.

А ты – Поэт?

ЗАРАТУСТРА.

Философов своих-то собери.
Умнейшие ведь люди
Там у тебя, из “золотого миллиарда”.

БОГ ЗЕВС (*тут же*).

Где – на Олимпе?

А кто это, а что это? Все барды?

ЗАРАТУСТРА (*постепенно*).

По всей Элладе.

Как виноград на винограде:

Сократ, Платон, сам Аристотель...

БОГ ЗЕВС (*теряя интерес*).

Мы на ра-бо-те.

А эти все философы, поэты
Жуют себе то яблоки,
То виноград, а то конфеты
И выдвигают то, что даже боги
Не понимают многих.

ЗАРАТУСТРА.

Отправь учиться –
В Академию, к Платону.
Смени
Котеночка на львицу.
Вон Тевелева!
Видал какая –
Одна поднимет тонну.
Уж одного поставила на место,
Сырым – не лопай теста!
Ну предварительно хоть
Что на это скажешь?

БОГ ЗЕВС.

Насчет чего?

ЗАРАТУСТРА.

Насчет концепции.
А также и того,
Кто первый есть Спаситель мира?
Разбей философов на секции.

Пауза. Зевс чешет себя за ухом.

Глянь, кто первый?
Кто ближе всех к тебе сидит?

БОГ ЗЕВС.

Какой-то инвалид.
В сражении при Саламине
Конечность оторвал на mine.
Аспазия взяла и усадила
Его ко мне: сиди, мол, Плиний.

ЗАРАТУСТРА.

Мне это все равно.
Кто Первый есть Спаситель?
Кто?

БОГ ЗЕВС.

Ну, ты, конечно! Ты!
А кто ж еще?

ЗАРАТУСТРА.

Не Прометей?

БОГ ЗЕВС.

Да что ты! Вот обормоты!
Эти кометы!
Сидят на своих Скалах,
Вулканах малых,
А думают...

ЗАРАТУСТРА (*подхватывает*).

Как блики –
То малы, то велики.

БОГ ЗЕВС.

Ну, ладно. Я пошел.
Все хорошо.
Олимп. Скала.
Есть выпить что еще?

ЗАРАТУСТРА.

Мы тут не пьем.
У нас тут виноград
Зиме не рад,
Опять у Евы вымерз сад.

БОГ ЗЕВС (*вызывая Орла*).

Слетай к Скале Индийского Кавказа!
Ну, к Прометею! К Прометею!
Скажи, мол, будут скоро
Оба сразу (*показывая на Заратустру*).
Титан пусть цепью не гремит,
А молча посидит!
Претензии к нему имею.
Да, вот что – о концепции скажи.
Что он предпочитает,
Когда рисунки на траве читает?
А человек что в этом понимает?
Бог ты пониже (*Заратустре*),
Но каков пиит!

ЗАРАТУСТРА.

Мало я подвижен,
Титан же внутренно летит.

*Скала Прометей. Прометей сидит на камне в привычной позе
роденовского Мыслителя, подперев кулаком подбородок.*

ПРОМЕТЕЙ.

И снег исчез. И птицы улетели.
И пусто, пусто где-то изнутри!

Терзают тени. Газ какой-то, гелий
Вулканом создан, ну, а ты – гори.
И я горю – когда творю.
Давно уж не творил,
Едва сегодня веки отворил.

Появляется Заратустра. Прометей встает, Заратустра присаживается на Камень.

ПРОМЕТЕЙ.

И ты – Поэт?
И у тебя – свой Камень?

ЗАРАТУСТРА (*вставая постепенно*).

Д-да, н-нет.
Я, в общем-то, не пламень,
А так, но луч от Солнца.

ПРОМЕТЕЙ (*позванивая цепью*).

Ты – сыночек мамин?
Вместилище идей?
Ты – прохиндей!
Кто – первый, кто – второй?
Да знаю, знаю!
И вас таких за это презираю.
Да будь хоть сразу два –
И первый, и второй.
Вот зиму выжил тут едва,
А ты меня обратно в строй.
Не это главное –
Кто первый, кто второй.

ЗАРАТУСТРА.

А что же?

ПРОМЕТЕЙ.

А кто, кто мы?
И кто из нас –
Иль богочеловек, иль человекобог?

БОГ ТОР (*возникая из небытия*).

А это уж моя прерогатива:
Кого и кем считать.

ЗАРАТУСТРА (*всплеснув руками*).

Скажи на диво!

(Замечая Богоматерь.)

БОГОМАТЕРЬ. А я, как он (*на опять вдавшего в спячку Бога Тора*).

Появляется Эйнштейн – ученый из Европы, автор Теории относительности.

ЭЙНШТЕЙН (*солидно, с апломбом*).
Какая двойственность числа,
В одно сегодня уложась,
Сюда пришла?

БОГ ТОР (*шепча во сне Богоматери*).
И мы с тобой сейчас одно.
То ты со мной всегда была,
То я с тобой...

БОГОМАТЕРЬ.
Вернее, прижилось?

БОГ ТОР.
Ну да, конечно, прижилось,
Что к одному все в нас свелось.

Бог Тор и Богоматерь исчезают.

ЗАРАТУСТРА (*провожая их взглядом*).
Нет, не поэты!
Свидетельствую, что не поэты!
Поэты с детства ударенья
Испытывают нас в себе из бденья
И вырабатывают курс,
Приумножая свой ресурс.

(*Прометею.*)

Ну, что? Концепция какая?

ПРОМЕТЕЙ.

Чего, кому?

ЗАРАТУСТРА.

Да что века я
Твержу, долдоню вот ему!

ПРОМЕТЕЙ.

Кому, кому?

ЗАРАТУСТРА.

Да человечеству всему.

ПРОМЕТЕЙ.

У-у-у!

ЭЙНШТЕЙН.

О-о-о!

ЗАРАТУСТРА.

Чего вы, что?

ПРОМЕТЕЙ.

Предвосхищенье, да?
Я только от тебя и ждал,

Чтоб про концепцию сказал.

Давай сюда...

(Эйнштейну).

Мне правду говорить

Иль так, для виду?

ЭЙНШТЕЙН *(Прометею).*

Не возникай!

Не возбуждай корриду!

А так – для виду.

А там уж будет видно.

ПРОМЕТЕЙ *(Эйнштейну).*

Нет, все-таки обидно.

Тут на Скале, как сын сидишь,

А он мне про концепцию свою,

Нет дать вначале Слово!

ЭЙНШТЕЙН *(с пафосом, прямо перед собой)*

Остановите мне любого,

Но дайте первым Прометею Слово!

ЗАРАТУСТРА.

При слове “пафос”

Закрываю книгу.

ЭЙНШТЕЙН.

Я вижу в этом фигу!

Когда ты закрываешь книгу.

И фигу всей науке, всей Европе!

ПРОМЕТЕЙ *(рассмеясь, да так, что цепь зазвенела).*

Ха-ха, хи-хи!

Какая рифма в этой клизме?

Не бочка при Синопе!

Где Диоген сидит на бочке,

А бочка – на отчизне,

И все, в конце концов, на клизме.

ЭЙНШТЕЙН.

Я протестую!

ПРОМЕТЕЙ.

Относительно чего?

ЗАРАТУСТРА.

Да богочеловека одного.

Уж если он тут богочеловек,

То кто же человекобог?

ПРОМЕТЕЙ.

Не будь так строг.

Интрига. Знаем, знаем,

В конце концов, свои ответы получаем.
А тут сам Бог
Никак не перейдет к нам за порог.

ЭЙНШТЕЙН.

Мы за богов не отвечаем.
И боги знают, как им быть.

ЗАРАТУСТРА.

А сколько их и где витают?
Вот Прометей – он бог иль нет?

ЭЙНШТЕЙН.

Он бог-титан, еще из олимпийцев.
Но речь совсем ведь о другом,
Не о божественности в нем.

ЗАРАТУСТРА.

Ну да, и ночью, и белым днем
Он богочеловек иль человекобог?
Как думает наука?
Чем спор нам разрешить?

ЭЙНШТЕЙН (*Прометей*).

Куда он все спешит?

ПРОМЕТЕЙ (*смеясь*).

В запасе у меня ведь вечность?
А у него – одна беспечность.
Жизнь будто миг,
Какой приснился,
В себе совсем уединился,
Да и во страхе в грот забился,
Затрепетал.

ЭЙНШТЕЙН.

Нет, ты не богочеловек,
Какой-то более беспечный.
И человеческий.

ЗАРАТУСТРА.

Как хвост овечий.

Появляется Рэм Хохлов – альпинист, ученый, некогда ректор Московского университета.

РЭМ ХОХЛОВ (*вступая в разговор, непринужденно*)

Шрапнель!
Как пушечка картечью!
Повсюду стали слышны речи,
“И вот на поле грозной сечи...”

ЗАРАТУСТРА (*замечая его*).

Как появился тут?
Кочевник!
Приход твой чем-то обеспечен?
Я, правда, не священник,
Но вот он, твой приход.

РЭМ ХОХЛОВ (*показывая на альпийскую амуницию*).

Да, вот приход сюда чем обеспечен.
“Повсюду стали слышны речи!..”

ЭЙНШТЕЙН.

Да хватит, хватит, альпинист!
Пришел – где пальмы,
А с ними тайны – сядь под лист.

ЗАРАТУСТРА.

Еще чего!
Он тоже, может быть, Поэт,
Хотя и альпинист,
Да вот сорвался эполет.
Ты относительно чего
Сажаешь всех под лист?
Сажают и сажают,
Как в лагеря.
Свои концепции творя,
Уже не возражают,
Уж так парят,
Когда о Власти говорят, –
Хорошее, плохое – все подряд,
А эти все сажают.

ПРОМЕТЕЙ (*смеясь*).

Ну Брамипутра! Ну герой!
Ну, ты и молодец!
Ты за концепцию горой,
И вся концепция с тобой
И весь двадцатый век,
Вот кто тут богочеловек!

ЭЙНШТЕЙН (*рассуждая*).

Все так, да не совсем.
Кому быть всем?
А кто-то “эйдос” – да, “идея” – да,
Художественный образ.
А образ можно хоть куда!
Змея такая – кобра,
Ухватит вас, и нет ее.

РЭМ ХОХЛОВ.

Вы говорите не свое,
А вот его.

(Показывая на Заратустру).

А он добыл из ничего.

ЭЙНШТЕЙН.

Беру из эпоса, из саг,
По всей литературе
“Дабл-ю”, “дабл-е” – все на устах,
Известно каждой дуре.

(Рэму Хохлову, резко меняя курс.)

Опять всходил на Эверест,
К вершине прикасался?

РЭМ ХОХЛОВ *(тут же, живо).*

Я выражаю свой протест!
Я богом не казался!
Я не был богом, если строго
И относительно того,
Кто не дает нам слишком много
Из удовольствия всего.

ЗАРАТУСТРА *(захохотав и по плечу его).*

Вот молодец! Вот креатив!
Вот энергетика народа!
Нет, посмотрите – как красив!

ЭЙНШТЕЙН *(бурча).*

От восемнадцатого года.

ЗАРАТУСТРА *(резко).*

Ты просто пень, глупее всех.

ЭЙНШТЕЙН.

Да, смертный я. А ты – Никто!
Ты создан другом моим Ницше.
Не в мантии! И даже не в пальто!

БОГ ТОР *(поглядывая иронично сверху, из облаков).*

И как ты, образ, с нами оказался!
Ну, что вы, что вы!
Наш ученый мир!

(На Заратустру.)

ЭЙНШТЕЙН *(хоть и иронично).*

Поэт, а тоже ведь ученый.
Он знает, где течет Гвадалквивир,
Но только ночью,
И прочее, и прочее, и прочее.

Заратустра, спускаясь со Скалы, ходит по Земле при Луне, поглядывая на Луну откровенно и любясь тенями.

ЗАРАТУСТРА.

Скала Свободы! Скала Свободы!
Сколько всего тут заключено!
Зазубрина вот от меча.
Какие народы
Тут проходили,
Пользуясь слухами,
И сгоряча – камень сплеча,
Ишь, как рубили!
Луной оземь бухали!
А вот и Орел
Оставил свой коготь.
И что приобрел,
Что потерял тот Орел?
Ей-богу,
Когда бы змей
Оставил тут коготь,
А то альпиец ведь
Какой-то дальний
В глазик себе хрустальный
Нечаянно ткнул пером,
На камешке посидел, расписался,
Так с почерком тут своим
И остался.

ЭЙНШТЕЙН (*не упуская мысли*).

Течет, течет Гвадалквивир –
Один такой на целый мир.
И это тождество – Памир
Идет под рождество на Эверест,
Взирающий на весь окрест.
Тут арий – Ранний христиан,
Или точнее – Христианин,
Во снах взирал во тьму долин.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Бог Тор, пребывая в длительном сомнамбулическом сне, вызывает к себе из своих клубящихся небесных владений Богоматерь.

БОГ ТОР.

Предстань передо мной, о мать!
Посиди на облаках тут, где и я!

БОГОМАТЕРЬ.

О чем ты, зачем?
Кого-то спасать?
Кто страждет, враг кто, а кто тут судия?

БОГ ТОР.

Спасители не ладят, взбунтовались.
Не ведают, кто первый, кто второй.
Сидят на разных скалах,
Как взобрались,
Всяк со своей горой!

БОГОМАТЕРЬ.

Одну Скалу всем дай,
Да и на той любого проверяй.

БОГ ТОР.

Да есть такая –
Высшая вершина,
Из гор всех выше – Эверест!

БОГОМАТЕРЬ.

И Джомолунгма
Тоже не святая.

БОГ ТОР.

Пусть посидят, побудут в лучшем виде,
Пусть оглядят высоты и окрест.
Кто что увидит,
Кто чего поймет?

Бормоча “баклумба, тумба, румба”, оба исчезают в рваных клубящихся облаках. Заратустра оказывается у подножия белоснежного Эвереста. Появляется Орел, на крылах его – Прометей.

ПРОМЕТЕЙ (*осторожно ступая на Землю у подножия Джомолунгмы*).

Я снизойден! За тыщи лет впервые
Стою не на горе! Со всеми под горой!

ОРЛУ (*крылом показывая на шею себе*).

Воспринесен сюда на этой вые.
Теряюсь, восхищаясь сам собой!

ОРЕЛ.

Зевес повелел. А может, кто повыше?
Мне что?
Принес на крыльях
И – назад.

ПРОМЕТЕЙ.

Дай совершу усилие,
Хоть постою один у этой ниши,

Привыкну хоть я,
Рад или не рад?
Какое-то кольцо
На пальце, и – в лицо!

ОРЕЛ.

Сверкай, Зевесово! С цепи, любя,
Еще ты вроде узник,
Гефест цепь отрубил на кузне,
А этот знак оставлен для тебя.
Ну, я пошел.

ПРОМЕТЕЙ.

Лети. Не забывай.
Нас, узников,
Теперь не так уж много.
Нехорошо, не-хо-ро-шо.
Нас забывать и Бога!

Появляется Заратустра.

ЗАРАТУСТРА.

А, ты уж тут? Наш скандинав,
Наш витязь важный!

ПРОМЕТЕЙ. Чей, чей?

ЗАРАТУСТРА.

Во мне два “ар”,
Я арий дважды.
Теперь в себя взглядитесь:
Кто – витязь?
Сочетанье – божий дар.

ПРОМЕТЕЙ.

“Про” – “поро” – “пор” и “пар”.
И у меня есть “ар”!
Я то же витязь!
Мы книгу по слогам
Читаем одну и ту же.

ЗАРАТУСТРА.

На кораблях все тот же курс и парус.
При слове “пафос” ...

ПРОМЕТЕЙ (*перебивая*)

... не садитесь в лужу!
Не бейте палкой по ногам!
Нам надо на вершину,
Как понимаю, к новым берегам,
Чтобы иметь всеобщую картину.

Появляется молодой человек в простом обличье, наподобие инока.

ЗАРАТУСТРА.

Кто ты, зачем тут и куда?
Цель какова в твоём движенье?

ИНОК.

Иешуа зовут меня. Сюда
Пришел давно. В одном и том же положении
Я остаюсь уж тридцать лет.

ПРОМЕТЕЙ.

Тридцать? А я так тридцать тысяч.
Или нет? Каков ответ?
Все от него зависит.

ЗАРАТУСТРА.

Я столько же, наверно.

ИЕШУА.

Распределен неравномерно
Наш этот мир,
Какой иду спасать.

ЗАРАТУСТРА.

Спасать?

ПРОМЕТЕЙ.

Спасать? Эфир?
Да как же ты взберешься на вершину?
На Эверест,
Чтоб обозреть окрест?
Весь этот мир,
Его невероятную картину.

Появляется Рэм Хохлов в полной альпийской экипировке. Он энергичен и весел.

ЗАРАТУСТРА (*удивленно*).

И ты, Брут?

ПРОМЕТЕЙ (*не менее удивленно*).

Брат!

РЭМ ХОХЛОВ.

Что?

ЗАРАТУСТРА И ПРОМЕТЕЙ (*оба сразу*).

Всех спасать?

РЭМ ХОХЛОВ.

На "нимбу-тумбу" лишь влезать.

ЗАРАТУСТРА (*иронично*).

Чтоб лед лизать?

РЭМ ХОХЛОВ.

Чтоб было вам кого спасать?

ПРОМЕТЕЙ.

Да разве ж он туда нас втянет?

РЭМ ХОХЛОВ.

На восемь с хвостиком км?

Спасать придется самого

Такого Бога одного.

В ущелье канет –

И ни бэ ни мэ.

БОГ ТОР (*наблюдая за ними свыше в своем вещем сне, при этих словах начинает приходить в беспокойство*).

(*Богоматери.*)

Гляди, еще передерутся,

Вершин подобных не достигнув.

Пусть у подножья, что ль, кольнутса

О розу о Хафизову,

О тигров саблезубых,

Тибета дух подвигнув,

Где даже Бога нет.

БОГОМАТЕРЬ.

Нет, это не ответ.

Там было что-то

В изначале,

Когда тут ариев встречали.

Поселок был, ведь общий клан –

Поселок ранних христиан!

(*Обращаясь к Иешуа.*) Ты был у них?

ИЕШУА.

Да, был.

БОГОМАТЕРЬ.

И что?

ИЕШУА.

Идея Бога

Тут выражена строго.

БОГОМАТЕРЬ.

В чем заключается?

ИЕШУА.

В Любви.

БОГОМАТЕРЬ.

А именно?

ИЕШУА.

Другого возлюби –
Как самого себя!

БОГОМАТЕРЬ (*величественно, Богу Тору*).

Послушай, Тор!
Мы, выражая Жизнь,
Должны придумать что-то.

(*Показывая на Иешуа и Рэма Хохлова.*)

Какой им Эверест
Мерещится окрест!
Им учредить бы надо Джомолунгму
Взамен вершины той,
Что предо мной.
Иль “тумбу”, “мумбу”, “юмбу”.
Пускай побудет в облике простой
Той Женщины-тибетки,
Какой мы образ меткий
В тибетских красочных одеждах
Тут зрим в надеждах.

БОГ ТОР (*приоткрывая хитровато один глаз*).

Пускай вершину завоюют
Вот эту, на Земле суровой.
А мы взглянем,
Какие ветры дуют
Тут в этой жизни новой.

БОГОМАТЕРЬ.

Пусть кто-нибудь от нас
Там и побудет,
От ранних христиан.

БОГ ТОР.

Вик-тор? Иль Тор-вик?

БОГОМАТЕРЬ.

Тор-вик, Торвик!

РЭМ ХОХЛОВ (*прислушиваясь к облакам*).

Какие люди
В Голливуде!

ЗАРАТУСТРА.

То ли еще будет!
То ли еще будет!
Когда в кулак собьются люди.

*Бог Тор с Богоматерью вместе исчезают в клубящихся облаках.
Появляются сразу двое – Торвик и Джомолунгма – тибетский монах.*

он же Поэт, и Джомолунгма – женщина Тибета, в яркой национальной одежде. Торвик напевает идущей с ним рядом тут же сочиненную песню.

Песня торвика

(Ария Раннего Христианина)

Сам арий, иду по Тибету,
Откуда – не знаю и я.
Вершину тибетскую эту
Веду на поводьях, – моя!
Конь мой арийский,
Кентавриада!
Ступень мне отрада!
Кентавриада! Семь я!
Бег кен-ер-берийский,
Стих мой мидийский!
И Джомолунгма моя!
Пой, Джомолунгма!
Сияй, Джомолунгма!
Солнце, вершина и я!
Кони – венеды и веды,
Песни, рапсоды, аэды –
Кентавриада моя!
Сам арий, иду по Тибету,
Откуда – не знаю и я.
Вершину тибетскую эту
Веду на поводьях, – моя!

Все трое претендующих на вершину Джомолунгму – Заратустра, Прометей, Иешуа – стоя приветствуют Раннего Христианина.

ЗАРАТУСТРА.

Меня ты знавал,
Когда проходил мой Урал.
Я там, у Разума Земли,
Тебя встречал и провожал –
К железу, в Карталы, –
Так помнишь это, арий?

ПРОМЕТЕЙ.

Меня все знают.
Я был уж, были и орлы,
Когда еще не правил Дарий...
Всю жизнь Орел меня долбил

И мой кимвал Свободы!
Кимвал Свободы!

ИЕШУА.

Меня еще узнают,
Узнают на Кресте цену,
Меня распнет та стая!

(Показывая на вьющихся черных птиц).

Я не распну!

БОГ ТОР *(Богоматери, возникая где-то там, в клубящихся облаках).*

Кто первый? Кто второй?

(На Заратустру и Прометей.)

Решает Джомолунгма!

Как на кого взглянет,

Кто на вершину ей взберется,

Кто как мужчина приглянется

Той женщине, которая поет?

ДЖОМОЛУНГМА.

Да слышу, слышу!

Лезут тут на крышу!

Со всей Земли, со всяких мест,

Чтоб на вершине, нет которой выше,

Мне вознести свой одинокий Крест.

Карабкаются, падают, свисают

Над пропастью, где гуры лишь живут.

Кто их спасет, кого они спасают?

Непал великий, маленький народ.

Проводники их – шарпы – нас ведут.

Пурга уж началась,

Пургой меня снесут

В ущелье...

ЗАРАТУСТРА.

Пурга тут эта

Не для людей!

Для смертных зелье

Тут приготовил нам злодей –

Из “эйдоса” идей!

ПРОМЕТЕЙ.

Кто Александра отравил,

Когда там он в анналах был?

К Скале Индийского Кавказа

Перебирался,

Чтоб ранних христиан познать,
Чтоб веру их, познав, признать,
Весь их комплот арийский –
Ведический, мидийский, –
Так, Заратустра?

ЗАРАТУСТРА.

Нет! Не так!
Волна сошла уже другая.
Ничем от смертных
Стиль не отличить.
Кого винить –
Богов ли ближних,
Таких приметных,
Неотличимых
От нас, далеких?
Мы языки им, что ли,
Развязали?
В дела их не влезали,
В их тьмы, скрижали.
А ты все спал,
Все спал бы, –
Вот нам пророки
Все и рассказали.

БОГ ТОР (*не желая просыпаться, сквозь вещей сон*).

Еще не то услышим!
Когда взойдут
Еще повыше.

БОГОМАТЕРЬ.

Куда уж выше
Этой Джомолунгмы?

БОГ ТОР.

Тогда узнаешь, –
“Джумбы”, “юмбы”, “тумбы”, –
Когда со мной еще тут повитаешь.

БОГОМАТЕРЬ (*Богу Тору*).

Витай, витай!
Во снах своих седых,
От смертных далеко не отлетай!
Богов региональных
Поближе знай!
Иешуа вот появился,
А там и кто-то к Лидии явился.

Под острый месяц
Подставляя лик,
В квадрат проник,
И все идут за ним
В Любовь и дым.
А мы с тобой
Сидим и спим.

БОГ ТОР (*Богоматери, шумно вздыхая*).

Да стар уж я,
Так не до молодых.
Пусть смертным, пыл даря сердец,
Как дым – под дых!
Я – всем отец,
А ты за аурой моей,
Дань времени слагая,
Тут над вершиной сей –
Уж старая, нагая.

ПРОМЕТЕЙ.

Скала была, я – на Скале!
Мы со Скалой – Кимвал Свободы!
К нам прилетали на Орле
Дней яростные годы!
Их посылал Зевес. Народы,
Все видя, знали, береглись!
А Эверест – другая высь,
Какой не ведали, не знали,
Меня сюда не призывали.

ДЖОМОЛУНГМА (*смеясь*).

Ну и что?
Зевес как бес.
Сам к нам сюда не влез,
Олимп свой лишь освоил,
К богам слабейшим
Приспособил.
От Тора от всего
Отгородился,
В свои пределы впился.

ПРОМЕТЕЙ.

Так это вы?

ДЖОМОЛУНГМА.

Да, это мы!

ПРОМЕТЕЙ.

Так это вы –
Ко мне сюда, в “солей”,
Что в переводе “солнце”,
Вы – не пустили Александра?!
Какая “тумба-юмба”, амбра!
Нет ее в мире злей!
Вы под клубами Тора
Несете Эвересты вздора!
К языческому ближе, чем к земле,
К нам, Ахиллес!

(Бог Тор, обеспокоясь во снах своих волхованных, шепча Богоматери.)

БОГ ТОР.

Мать, слышишь,
До чего дошли
Пророки эти?
И все же, все-таки
Они все мои дети,
Считаю, лучшие на свете.
Я их люблю,
Им Солнышко ловлю.
Но уж века,
Как облака – за облака,
Мне голову морочат.

БОГОМАТЕРЬ.

А дети бронзу точат,
Теперь железо,
Взятое у Креза.

БОГ ТОР *(вздыхая)*.

У Карталы.

БОГОМАТЕРЬ.

Ну, пусть у Карталы.
Но ведь железо!
Ведь железо!
Хотя и взятое у Креза.
Теперь пойдет волна к волне.

БОГ ТОР.

Война к войне,
А что делать?
За каждым – бегать?

БОГОМАТЕРЬ.

Богов региональных шевели.

А тех двоих (на Торвика и Рэма)

Пошли к фигурам Будды.

БОГ ТОР (вздыхая).

Пусть пьют, что сами льют

В сосуды.

Бог Тор и Богоматерь исчезают в клубящихся облаках. Оставшиеся вчетвером – тут, у подножия, разбиваются по парам: Заратустра и Прометей, Торвик – Ранний Христианин и Рэм Хохлов – альпинист.

ЗАРАТУСТРА (Прометею).

Ну, что же!

Мы с тобой образ, образа,

В нас – божия слеза.

Мы все же богочеловеки,

Нам надо куда выше,

Ближе к крыше.

ПРОМЕТЕЙ (Заратустре).

Привык по крышам-то

Скитаться.

Ну вот и лезь, куда повыше,

А мы с Орлом...

ЗАРАТУСТРА.

Что мы? Остаться?

ПРОМЕТЕЙ.

А мы с Орлом опять в строю,

Обратно на Скалу свою –

На муки будем возвращаться.

Да хватит нам,

Античным пням,

Чужим вершинам поклоняться!

Летал сюда, долбил меня Орел,

Я кой-какие мысли приобрел.

ЗАРАТУСТРА (живо).

Какие?

ПРОМЕТЕЙ.

Благие! Когда-нибудь скажу.

Уходят оба в одну сторону. Торвик и Рэм Хохлов остаются одни.

ТОРВИК (Рэму Хохлову).

Слышал, что говорят про нас с небес?

РЭМ ХОХЛОВ.

Слышал. Про Будду, лес.

Про те фигуры,
В какие Будда влез.

ТОРВИК.

Я знаю, где те гуры,
Тебя туда к ним отведу.
На счастье
Или на беду.

РЭМ ХОХЛОВ.

И почему же на беду?
Идем, иду.

(Торвик, беря его под руку.)

ТОРВИК.

Седые времена, –
Они настанут! Но не сразу.
Двадцатый век.
Афган. Слиянье рек.
Сюда-сюда, к Индийскому Кавказу,
К фигурам Будды
Придет жестокий человек.
А кто, откуда?
Туда – отсюда?
Какая амплитуда,
Таков и век.
Бог Тор велел –
Попасть в двадцатый век.
Когда я знаю, –
Уже мне рассказали:
Снесут фигуры,
Как в огромном зале –
Все пусто-пусто,
Рок свое изрек.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Платон со своими учениками прогуливается в окрестностях Афин, у тихой рощи – Академии. Появляются, идучи парами, сначала Заратустра с Прометеем, затем Торвик с Рэмом Хохловым.

ПЛАТОН.

Я вызвал вас своим воображеньем.

ВСЕ ЧЕТВЕРО.

И мы к тебе сюда как бы пришли.

И тут, не обладая разночтением,
Реальность жизни к призракам свели.

ПРОМЕТЕЙ.

Мы, вообще, тут как бы нелегально.

ПЛАТОН.

Слетел, сердечный, со своей Скалы.

ПРОМЕТЕЙ.

Кольцо вот! Зевс мне подарил случайно.
За что так олимпийцы злы,
Орла благодарят за пыл?

ПЛАТОН.

Твой лексикон уклончив что-то,
Титан! Уклончив лексикон.

ПРОМЕТЕЙ.

Пройди с мое! Хоть и непокорен,
Однако путь мой так уныл,
Осталось ли хоть что-нибудь от крыл,
От тех моих, от молодых времен?

ПЛАТОН (*резко*).

Все! (*Ко всем четверым*).
Штрих к всеобщей той картине,
Так что нам делать ныне?

УЧЕНИКИ.

Да, крайне интересно,
В чьих руках
Судьба земли чудесной?
И наша, значит?

ЗАРАТУСТРА.

В ваших! Сдачи
Любой получит.
А как иначе,
Когда вы – кучей?

ПРОМЕТЕЙ.

Я к куче не привык,
Я – штучный!
Все меня знают,
Никто не видел лик.
Скажи – вспоминают.

ПЛАТОН.

А вспомнить –
Никак не могут сами.
Скала стоит перед глазами,

Как бы из сочетания комет.

Сосед!

РЭМ ХОХЛОВ (*иронично*).

Аж прищемило ногу.

ТОРВИК.

А что, ей-богу,

Мне прищемило ногу.

ПЛАТОН.

Над нами не шутите,

Народ и мы серьезный.

Угадываем. Знаем. Разрешите

Сказать вам кое-что

В день сей дождливый, слезный.

Вот вы (*указывая на Заратустру и Прометея*),

Вот вы – вдвоем, вы – Богочеловеки!

А вы (*указывая на Торвика и Рэма Хохлова*),

Вы – человекобоги!

К вам боги очень строги.

ТОРВИК (*принимая в союзники Рэма*).

Мы не согласны.

РЭМ.

Да, не согласны.

ПЛАТОН.

А почему?

ТОРВИК.

Хожу под Богом,

Тор-вик я!

Бог Тор – мой дядька.

Как у Зевеса Посейдон –

Бог моря, океана.

Что же, у Тора я никто?

И Тор не даст мне ничего

Из многозначия всего,

Чем сам владеет?

РЭМ (*потирая ему висок*).

Гляди! Потеет!

Да у тебя такая должность!

Ты же ведь молодость, твой дух

На мир распространим,

Все у тебя есть, друг!

ТОРВИК (*утирая слезы от прихлынувших чувств*).

Спасибо! Ангел пролетел!

И нас с тобой крылом задел.

ПЛАТОН (*к Заратустре и Прометею*).

А вы что скажете, ребята?

ЗАРАТУСТРА (*глядя на Прометея*).

А наше дело свято.

Да? Прометей!

ПРОМЕТЕЙ.

Еще святей,

Чем думают в Элладе.

ЗАРАТУСТРА.

А может, планку ниже взять –

Не по Элладе всей, хотя бы по Македонии?

ПРОМЕТЕЙ.

Что Македония, Олимп!

Куда смотрите, где сидели?

Уж тело Александра

Куда-то дели!

ЗАРАТУСТРА.

Да, да! Куда-то дели,

Где он теперь лежит?

Ну, где же, где, скажите?

В хрустальном был гробу

Все шесть столетий. Он – житель

Александрии, читатель при Библиотеке!

Но варвары сожгли ее навеки.

Царю же как рабу

Где выкопали яму?

Не приняла царя Итака?

И в том весь смысл Гомера,

Первых двух частей,

А как иначе? –

В возможной третьей.

Где Одиссей после убийства

Ахейцев молодых, заметим,

В облаках витийства

При жажде власти,

Желавших Пенелопы – жены царя,

Поход свой новый метил

Бессмертьем – где лопата, хлеб?

Царь в Белой Скифии укреп,

Достоин был в Итаке похоронен.

А Александр? Как будто проклят

Во лбах-то медных,

В анналах бледных,
А все же царь, не из последних.

ПРОМЕТЕЙ.

Слыхали, львы?
А что же вы?
Философы, афинцы, дельфияне?
Ведь, откровенно говоря,
Что ж, имя вашего царя
Забыли даже вы, македоняне!

ПЛАТОН (всем четверем).

Я отпускаю вас туда,
Откуда вы явились.
В Тибет к вам, к Джомолунгме,
Где от извечности отца
Сердца при беспределе мысли бились,
А мысль при беспределе жгла сердца.
Мы тут абсурдны и без вас.
Что понято вчера, забыто уж сейчас
Шехерезадой тех ночей,
Что стала сказкой для очей.

Все вчетвером исчезают в Пространстве, в то же Время оказываются у Джомолунгмы, которая в облике Женщины-тибетки в ярких национальных одеждах приветствует их.

ДЖОМОЛУНГМА.

Ну, с чем пришли?
Куда опять ходили?

ЗАРАТУСТРА.

Да экскурс в прошлое,
В неведение свое.

ДЖОМОЛУНГМА (в сторону).

Все вчетвером, –
Они меня за муки полюбили,
Все это белоснежное, мое?
За что меня
Терзаете киркою?
Шипами рвете
Мерзлый мой гранит?
И до сих пор он под моей рукою
Все шрамы вековечные творит.
Я скольких подняла вас на вершину,
Гордыню усмиряя, вознесла.

И, зры мира развернув картину,
Победы ощущение дала.
А вы меня все топчете, все рвете,
Клянете втихомолку, про себя.
Один из вас лишь, этот Аристотель,
В "Поэтике" признал меня, любя,
Считая
Вершиной сущего, мы на ра-бо-те!

ЗАРАТУСТРА.

Мы тоже любим – Богочеловеки!
Мы с Прометеем, не касаясь плеч
Твоих, взметнулись и прославились навеки,
Аспазия про нас сказала речь.

ПРОМЕТЕЙ.

Какой там шип!
Какая роза, ли-ри-ка!
Я на Скале как образ, что ли, тип –
Стою один, сию уже века!

ЗАРАТУСТРА (на Торвика и Рэма Хохлова).

Вон кто, тебя любя,
Берет и топчет.
Вон кто, любя себя,
Шипами розы разнесет
На кочки, на тире и точки –
Роз алые цветочки
У Раннего Христианина.

ТОРВИК (на Рэма Хохлова).

Вот у кого шипы!
Вот кто больше другого ропщет!
Не Бог и не под Богом ведь –
Никто! А то, а то.
Там, на Земле, все маются и страждут.
Друг друга бдят,
Бессмертья жаждут!
Бессмертья все хотят!

РЭМ ХОХЛОВ.

Я не хочу!
Хожу из интереса
На сочетания вершин в себе самом
С подобьем луга, камня, леса.
Шипами рву не женщину, а беса
В прямом воображении своем.

Я не толкаю Бога в пропасть
И не ступаю по ногам.
“Турбиной” обозначаю лопасть,
И – на вершину, ввысь, к богам!

(К Джомолунгме – Женщине-тибетке, внизу, рядом с собой).

Скажи им!

(На всех, кроме себя.)

Я тебя хоть лапал?
К твоей вершине припадал?
На шею капельками капал,
Снег из души твоей ловлю,
Считал в тебе я втихомолку
Мороза каждую иголку,
И до сих пор мечты люблю.

ЖЕНЩИНА-ТИБЕТКА.

Как Рерих первый.
Да что толку!
Я его штрих под шаг стелю
На поэтической картине,
В тибетски мыслимой долине,
Разнорасвеченной не мной,
Такой стнящей и немой.
Скажи мне, Рэм,
(Да я тебя не съем) –
Меня любил ты?
О безответственный Ваал!
Кто слезы лил мне, как не ты,
Когда передо мной стоял?

РАННИЙ ХРИСТИАНИН.

Она – моя! Куда вы жметесь
Из весей и своих теснин?
С чего, теснимые, смеетесь?
Я ей и муж, и Господин.

РЭМ ХОХЛОВ *(вздыхнув)*.

Сказать, что ль, если откровенно?

ЖЕНЩИНА-ТИБЕТКА.

Скажи.

РЭМ ХОХЛОВ.

Скажу, что мал – Урал.

Джомолунгма аж приседает на Камень. Самый верхний камешек слетает с вершины и летит в долину куда-то из-под ноги.

РАННИЙ ХРИСТИАНИН.

Ты встала ниже на этот камень,
Что пал на пламень.
Не для того тут Эверест,
Чтоб лезть и упираться, снова лезть,
За жизнь сражаться,
Едва не умереть,
Чтоб тут же и остаться?
Чтоб только получить мне весть,
Что мал Урал?

РЭМ ХОХЛОВ.

Но ты – велик!
Урал-то мал,
Да Разум там,
Не тут, тут ты велик – как пик!

ЗАРАТУСТРА (*аж пошатнувшись*).

Вот это Человек!
Вот это миг!
Мы – полубоги,
Боги к нам не строги.
В века глядим,
Друг друга же едим.
Уже давно Спасители другие,
А мы все тут – мозги тугие,
А все в Спасителях сидим.

РАННИЙ ХРИСТИАНИН.

Что, Джомолунгма,
Ты довольна им?

ЖЕНЩИНА-ТИБЕТКА (*краснея не то от его слов, не то от восходящего Солнца*)

“Тумба”, “юмба”, “ламбада”.
Хочу давно быть с ним!
Он мной давно уже любим,
Я рада, рада!

РАННИЙ ХРИСТИАНИН.

Так в чем же дело?
Пой песнь о нем,
Хотя вдвоем!
Смелее, смело!

ЖЕНЩИНА-ТИБЕТКА.

Я слов не знаю,
К мелодии ветров
Скажи слова,

Какие прибавляю...
Чихнул? Ну будь здоров...
Скажи – спою,
Не наломаю дров.
Я знаю, ты – Поэт,
Хоть скрытный, но рапсод, аэд.

Ранний Христианин начинает дергать со своей головы волосинку за волосинкой, возбуждая себя – аэда, сочиняющего собственные стихи.

Ранний Христианин шепчет Женщине-тибетке на ухо, и та уже поет Рэму – свистом ветра, ревом пурги, от имени Джомолунгмы.

Песня Джомолунгмы

(Рэму Хохлову – альпинисту, ректору Московского университета)

“Бессмертия жаждут многие,
Лезут ко мне на вершину.
Не каждому у дороги я
Легла, растопила льдину.
Но ты за меня сражался,
Но ты на острое лег.
Когда за меня ты брался,
Я трепетала, – Бог!
Вот и дарю Бессмертье!
Бог мой, любимый, миг!
Люди! В Бессмертие верьте,
Это один из них!
Он поделился Любовью,
Я поделилась всем.
Мы с ним едины кровью,
Вписанные в тотем”.

Подлетает Орел, все четверо садятся на крылья ему и улетают, тибетка остается одна. В вихрях пропетой песни Орел летит, куда указал ему Ранний Христианин. Вот и Поляна, Солнцем сияющая перед рекой. А за рекой – темная, отвесная плоскость гор.

РАННИЙ ХРИСТИАНИН.

Скалы! Видите, ребята?
Фигуры великого Будды,
Вырубленные из Скал?

СКАЛА БУДДЫ (*шевелия губами*).

Вы тут были когда-то,
Будда вас видел, знал.

Слышите ветры Будды?
Однако *Никто* не знал,
Что он тут такого нашел,
Откуда он загудел в эти чуда,
Образовав в этих скалах зал,
Став тут самым собой, –
Этот Будда!
Ну, хорошо, хорошо!
В ожидании чуда
Нам тут всегда хорошо.
Кто-то же первый сюда пришел.
Однако кто-то фигуры
Срубить стал ночами,
А нам говорили хмуро
Люди, жившие тут в печали:
“Это, мол, вы,
От вашей молвы
Рубят их в изначале”.
И тогда мы отсюда
Ушли туда –
В Тибет, к Джомолунгме,
А тут осталось вот это чудо,
Брошенное ниоткуда,
Приставленное к нашей думе –
Чудо в суме и сумме.
Мы же унесли идею Бессмертья,
Везде ее оставляя всем –
Цивилизацию, красную цветом,
Цивилизацию номер один,
Родившую поэтов.
С Белого – Счастливого острова,
Не знавшего даже седин,
Не то что Смерти;
Цивилизация эта номер один –
Ранних Христиан,
Ближних, любивших,
Картин мира пока еще не исказивших,
Сказавших: “Люби другого,
Как самого себя”.
А те половину убили,
А треть продали в рабство,

И мы во имя всего благого –
С теми, кого возлюбили,
Поднялись и ушли в Непал, к Джомолунгме.
Алмазов нашли там большое “каратство”.
Так в горах и живем,
Помним свой прежний путь, всю дорогу.

ЗАРАТУСТРА (*нетерпеливо*).

Куда ж вы алмазы-то дели?
От мачты до остова –
То большое “каратство”?

РАННИЙ ХРИСТИАНИН.

На голову Джомолунгме надели,
Сияющей стала вершина.
Вот к ней все и лезут,
Поставили себе цели...
Список-то длинный...

РЭМ ХОХЛОВ.

Зачем нам список?
Главное – Дух Победы,
Преодоление себя.

РАННИЙ ХРИСТИАНИН (*иронично, о Джомолунгме*).

Она понимает,
Да что она знает,
Когда полюбила тебя!

ЗАРАТУСТРА.

А эти Фигуры –
Не к ним ли сюда
Стремился Александр Македонский?
Познать себя, кто он –
Бог ли, пришедший туда из времен,
Когда было все тут с фигур,
Этаких огромных дур,
Абрис аполлонский, –
Или просто сам Александр Македонский?

РАННИЙ ХРИСТИАНИН.

Не помню, но что-то, когда-то, чего-то
На Острове Белом случилось.
На теплое море
Напала икота.
Упала корова, в экстазе забилась,
И теплое море, зеленое море
Льдом бело-зеленым покрылось.

Мы шли по Уралу,
Бежали, спасались,
От тьмы уходили, от льдин.
И Разум Земли
Путь рубил по лекалу –
И шли мы на Юг,
На Восток и на Запад,
Волнами сходили не раз.
И каждый за двух
С оружием вдруг
Икал после яблока, яблок,
Что съесть мы сумели успеть, –
Вот тут и явилась к нам смерть.
И в Разум Земли,
В Сакральный свой Крест,
На Север и Юг, на Ост и на Вест –
На Небо и в недра Земли,
Сакральности те залегли.
А волны “авест” накрывали Европу –
Одна за другой за века.
“Исходы” от конского топуг
За тысячу двести, за каждые тысячу двести
Насыщенных временем лет
Ловила бы Тора рука,
Да волны пускала пока.
Балхаш и Дунай,
От Дуная на Киев,
Через Карпаты –
Шагай и шагай,
Мы такие!
Такие, ребята!
Нам надо куда-то успеть.
Движение – рай,
Обездвиженность – смерть!
Шагай и шагай
И – шагай!
Это надо суметь,
Когда за спиною смерть!

ЗАРАТУСТРА.

Так я все о том же –
О Македонском!
А ты мне совсем о другом.

О “яблоке” все я,
О топоте конском
И нашем Бессмертии в нем.

РЭМ ХОХЛОВ.

О вашем? Твоем?
Ты же Бог почти, Бог-человек.
В волне на волне
То одни, то вдвоем
На смерти всеобщей
Вы строите дом,
За этим и тянется век.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

Бог Тор из своих клубящихся высей одним хитроватым, полу-прикрытым, очеловеченным глазом наблюдает за всеми четырьмя, вернувшимися от Скал с величественными Фигурами. Все четверо снова у подножия Джомолунгмы (Эвереста). Появляется Богоматерь, присаживается к полуспящему Богу.

БОГОМАТЕРЬ (Богу Тору).

Видишь? Вон где-то там в горах
Поселок ранних христиан.
Высокий сан. Великолепный сан –
Тобою, Богом Тором, людям дан.
За бытом старым
Душу сохранили,
Как там и были!
А ведь от Скал тех,
Что над той рекой,
Пришли сюда и тут уже века.
Пришел успех, был воцарен покой,
Ушел покой –
Туда же, где река.
Спроси, не здесь ли был Иешуа?

БОГ ТОР.

Сама-то отчего не спросишь?
Как чистая змея,
Каких на теле носишь.

БОГОМАТЕРЬ.

Богиня я! Бессмертна.
Сказать по правде, до сих пор инертна,
А люди – смертны.

БОГ ТОР.

А я кто им? Я – Первый Бог!
Соображаешь?
Но дело-то совсем не в том,
Что их не ты рождаешь.
Да, они люди, но – арии,
А арии бессмертны,
Как мы с тобой.

БОГОМАТЕРЬ.

Бог Тор! Все спишь, воображаешь,
Что арии бессмертны.
Смотря какие!

Прилетает Орел, приносит на крылах Александра Македонского, с ним – Иол, виночерпий царя.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ (*ступая на Землю и оглядываясь вокруг*)

Зачем я тут? И кто меня позвал?
Какие силы видятся во мгле?
Я – призрак, знаю! Это все Ваал
Безумствует на маленькой Земле.
Мир этот мал, тесно,
Все видят всех. Зато
Мир тот велик,
Безрадостен, бездонен.
Все, все не то.
Не то! Все тот же лик,
И все наоборот.
Вот виночерпий, –
Что куда кладет и льет, –
И сам не знает,
Что куда бросает,
Мое Бессмертие прервав?

ВИНОЧЕРПИЙ ИОЛ (*падая на колени*)

За что, мой царь!
И в мыслях не имел.
Ты просто смертен, как и все.
Кто тебе фонарь
Тогда под глаз подвесил?
С год, как и у всех, висел.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ.

Мать выбросить велела из могилы!
Тебя такого – “даймоса” Земли!

ВИНОЧЕРПИЙ ИОЛ.

Так выбросили, что ль?

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ.

А что, не знаешь, да?

ВИНОЧЕРПИЙ ИОЛ.

Мы, виночерпии,

Уж коли пьем, так пьем.

Мной из свободного Геракла

Тогда был выпит целый водоем,

Плюс этот кубок, кот наплакал.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ (*вскакивая*).

Любо, любо!

Не знаем уж,

Каким тебя хоронят, –

Живым иль мертвым?

Трусливым или гордым?

В Китае иль в Японии?

ВИНОЧЕРПИЙ ИОЛ.

Так выбросили ж вон,

Какая тебе разница?

Не знаю, где был похоронен он.

АЛЕКСАНДР.

Кто он?

ВИНОЧЕРПИЙ.

Ну я! Ну я!

А ты? Где ты?

Где похоронен ты?

Ты – царь! Ты должен быть на троне.

А ты не знаешь даже то же,

Где похоронен, боже!

АЛЕКСАНДР (*раздраженно*).

Ты знаешь, где я похоронен?

Где я лежу, ты знаешь?

Ты – после, я же – раньше.

ВИНОЧЕРПИЙ.

Греми, греми!

В своей Японии-то

Звяньше,

Кто похоронен раньше!

Ну ты, брат, и змея!

Какая разница,

Что по душе твоей протянется.

Ты не бессмертен, как и я.
Чего сюда мы принеслись,
В такую мрачность, склизь?

АЛЕКСАНДР.

Дай солнышко взойдет,
И мрачность отойдет,
Все будет хорошо.

ВИНОЧЕРПИЙ.

Куда уж лучше.
Все хорошо, все хорошо!
Как выпил, и еще!
“Не искушай меня без нужды”
Развратом прелести своей.
Разочарованы спецслужбы,
Невозвращеньем прежних дней.

Появляется Заратустра, с ним Рэм Хохлов, альпинист.

АЛЕКСАНДР (*строго*).

Ты вызвал дух мой?
А зачем?

ЗАРАТУСТРА.

Да, друг мой.
А затем,
Чтобы спросить,
Где хочешь быть –
У Прометеевой Скалы
Иль тут, у Джомолунгмы,
Где пролетают лишь Орлы
Да “юмбы”, “лумбы”, “тумбы”!

АЛЕКСАНДР (*пожимая плечами*).

Что за слова? Вот возлюбил
За их, что ль, “неарийскость”?
В них, правда, слышу рев ветрил,
Контакт от бешеных кобыл
И битвы, смерти близость.
Скачи, мой бедный Буцефал,
То ранен, то украден;
Скакать вдруг сразу перестал –
Врагами был отравлен.

(*Виночерпию.*)

И как тот город,
Что во имя
Его уже построен?

ВИНОЧЕРПИЙ (*пожимая плечами*).

Откуда знать мне? Век с твоими днями
Он вина пил
С тобою вровень.
В мой век свое отпил,
Да так и сгинул, недопоен.

Сюда же, к подножию Джомолунгмы, является Заратустра. Белый Орел приносит на крыльях Прометей. Из поселка ранних христиан, виднеющегося в конце ущелья, приходят Иешуа и Рэм Хохлов. Блаженно, прикрыв оба глаза, Бог Тор наблюдает за ними, строя различные сочетания "эйдоса" из своих мыслей и чувств.

Голос Бога Тора в виде грома слышится с Неба.

БОГ ТОР.

Видите?
У каждого – вершина своя была.
У Заратустры – Разум Земли,
У Прометей – Скала,
У Иешуа и Рэма – вот она,
Джомолунгма.
Была и будет!
Перед ними стена,
Ибо из всех они
Больше других – люди!

Раздается рев, появляется самолет. Из него выходит и ступает наземь Юрий Гагарин – Первый человек в космосе, с ним – Командир воздушного корабля.

ГАГАРИН И КОМАНДИР.

А мы? А нас куда?
Мы тоже люди.
И нам нужна
Вершина, а не стена,
Которая была, и есть, и будет.
Эта идея интересна Орлу,
Что думает Лидия или Медея?

ЗАРАТУСТРА.

А я хочу на Скалу!
На Скалу Прометей!

БОГ ТОР (*сверху*).

Ну, что ж,
Иешуа и Рэм?
К Джомолунгме,
Самой высокой вершине?

ГАГАРИН (*напоминая о себе*).

А нас, может быть, на Урал,
К Разуму Земли?
Нет в мире ничего выше Разума.

БОГ ТОР.

Можно и к Разуму Земли,
Давайте – летите.

ЗАРАТУСТРА (*вспыхнув и насторожась*).

Давайте летите!
К Разуму!
Нас опередите –
Под разными фазами.

БОГ ТОР.

В общем, так.
У каждого своя вершина,
Нет только у Иешуа.
А теперь все скажу о вашем стане я
Сокровенное.
Все пройдут испытания
Или погибнут
За свое дерзновенное.
Иешуа! Вернись ты к людям
С идеей Любви,
А они тебя же на Крест.
Пока не ходи, останься тут,
Хватит всяких мест
Для тебя тут окрест!

ИЕШУА.

Так ведь страдают,
Там ждут.

БОГ ТОР.

Рэм Хохлов!
Погоди, не иди
На вершину свою Эверест.
Джомолунгма твоя –
Из высших невест,
С каждым разом все выше, выше,
Бесконечна, без крыши.

РЭМ ХОХЛОВ (*показывая в бездние неба*).

Так ведь страдают,
Там ждут.

БОГ ТОР.

А ты, Прометей?
Уж Геракл тебя не освобождает?
А Зевес дарит четко золотое кольцо?

ПРОМЕТЕЙ.

Зевс со мной
В свои игры играет,
На Скале остаюсь я свой!

БОГ ТОР (*вздыхая и ударяя в гнев молнией в Землю*).

Ну что, разобрались?
Возвращайтесь
К своим вековечным местам!
Где-то там, где-то там!
Я еще побываю у вас,
Испытаю ваш образ, класс.

Бог Тор поднимает с Земли свою молнию в виде острой, кривоватой сабли и передает ее в руки Богоматери, та кладет ее, куда поглубже, к себе за пазуху.

Поселок ранних христиан где-то в Тибете, у подножия Джомолунгмы. Женщина-тибетка в яркой национальной одежде готовит у костра пищу гостям – для Иешуа и Рэма Хохлова.

РЭМ ХОХЛОВ (*отпивая из пиалы глоточками*).

Горячая! Шурпа называется.
Прямо из вымени –
Пил на Памире такую.

ДЖОМОЛУНГМА (*превращенная в женщину*).

Нет “арийскости” в тебе, Иешуа,
В твоем племени!

РЭМ ХОХЛОВ.

Я блефую.

ИЕШУА.

Все равно познал,
К чему причастился.
Принесу, пронесу сквозь овал,
Чтобы темный Ваал
С пути окончательно сбился.

ДЖОМОЛУНГМА.

Видишь, звезды на Млечном Пути,
Нам всего не достать,
Нам всего не пройти,
Но ведь можно познать,

Но ведь можно летать
И корову пасти, и корову спасти
На Молочном межзвездном пути.
ИЕШУА (*Рэму Хохлову*).

Все наверх, все наверх.
Манит Тор,
Манит лед, манит брег.
Восемь было, а станет сверх,
И еще сверх того добавят –
Заморозит, затынет, заманит.
Не верь! Торжеству их идей,
Возвращайся в лоно людей!

РЭМ ХОХЛОВ. Я блефую.

На стене у Женщины-тибетки, превращенной в вершину, возникает Эйнштейн – ученый, автор Теории относительности.

ЭЙНШТЕЙН.

Мы – в ущелье ученые,
Вроде шарики, как парик, –
В относительности парим.
Долбят печень и нам
Очи карие,
Древний Рим.
Эверест же все силы сжигает,
Когда дух выше “э” достигает.

РЭМ ХОХЛОВ.

Нам движение – все,
Джомолунгма!
Жанну Д'Арк на костер
Ниспослал, распростер
“Тумба”, “юмба”,
С крестами Колумба.
Д'Арк – “арийскость”,
Витийственность, близкость.

Все трое уходят в дом. У костра появляются Заратустра и Александр Македонский, из дома выходит Джомолунгма.

ДЖОМОЛУНГМА (*подавая пиалы с шурпой*).

Какая же “тумба” на нем!

ОБА СРАЗУ.

Мы не пьем!

ЗАРАТУСТРА.

Я же образ,
Ну и что ж, что вдвоем.

АЛЕКСАНДР.

А я уже в мире ином.
И мы просим рассматривать нас,
Как глаз – ветер враз
Под иным, ирреальным углом.

ДЖОМОЛУНГМА (*тут же превращаясь в Женщину-тибетку*).

Хорошо. Может, вам
Я из амфоры дам?
Где с водою вино пополам?
Вы не только тогда уже в звезды
Забивать лихо станете гвозди.

(*Отозвав в сторону Рэма Хохлова, на ухо ему напевая*).

Приходи, приходи, приходи,
Когда ветер гудит впереди,
Когда сердце пылает в груди,
Приходи, приходи, приходи.

Иешуа собирается покинуть поселок.

ЖЕНЩИНА-ТИБЕТКА (*задерживая его*).

Ты куда?
Ты куда?
Ты куда?

ИЕШУА.

Спасибо ранним христанам
За корм, обитель, за любовь.
Согласно христианским планам,
Мы Веру – в меру
Создаем.
Хоть кровь,
Возможно, и прольем.
Любовь! И все-таки Любовь!
Познаем вновь и вновь!

С котомкой на плече Иешуа покидает поселок вслед заходящему Солнцу. Из жилища Женщины-тибетки выходят Заратустра и Эйнштейн.

ЭЙНШТЕЙН.

А где же друг мой тут?
Святая тень, Спаситель?

ДЖОМОЛУНГМА.

Ушел туда (*вслед заходящему Солнцу*) –
Людей спасать.

ЭЙНШТЕЙН.

А мне теперь куда?

ЗАРАТУСТРА.

Тебе? С вершины тут свисать,
Пока ко мне Земли всей Разум
Не достучался с Богом разом.

(Богу Тору в небеса.)

Эй! Куда же делись, наконец,
Гагарин с летчиком, отец?

БОГ ТОР *(неявно, сквозь свои полусны).*

Гагарин, командир Сергеев?
Другими снами не владея,
Не скажем большего, чем то,
Что где-то в роще Берендея
Произойдет совсем не то,
Что люди полагают.
А бесы наши интересы
Венками злобы облагают.
Не нравится мне Разум твой –
Какой-то лживый, неживой.

ЗАРАТУСТРА *(в порыве).*

Мой Бог!

БОГОМАТЕРЬ *(из облаков, как эхо).*

Бог Тор уже исчез.

ЗАРАТУСТРА *(горько).*

И не помог.

* * *

Платон со своими учениками в Элладе, где-то у Афин, прохаживается вдоль тихой рощи своей – Академии. Беседа идет на самые близкие, животрепещущие темы.

ПЛАТОН.

Как стало нам известно,
Все живы.

УЧЕНИКИ.

Все лживы?

ПЛАТОН.

Нет, что вы!
От Эвереста –
Все кто куда,
Кто на какое место.

Давайте поразмыслим –
Кто куда, оттуда и сюда?
Движенье – от энергий игровое.
Что будет с каждым? – больше вдвое.
Иешуа к нам движется домой,
Но что?
Но что! С Любовью к людям –
По прямой,
Почти что к Греции самой.
...Ие-шуа... В Ие-руа-салим...

УЧЕНИКИ.

Кто с ним другой?

ПЛАТОН.

Да Заратустра!
Сквозь мысли,
Презирая чувства,
Богамы движим
К Разуму Земли,
Где у него – рули.

УЧЕНИКИ.

А Рэм Хохлов?

ПЛАТОН.

У Джомолунгмы,
Штурмует свой же Эверест!

УЧЕНИКИ.

А Прометей?

ПЛАТОН (*вздыхнув*).

Да где ж ему!
Там, где привык,
Все там же бледный вожь вождей,
Все на Скале Свободы.
К ней приник.
Теперь подумаем,
Что с каждым при движенье
Произойдет
В подобном положении.
Подобное
Подобным вышибаем,
Когда себя в подобном полагаем.

УЧЕНИКИ.

Да ни за что!
Не можем на пути предположить,
Какую мысль в подобие вложить!

ПЛАТОН.

Я думаю и пуще.
Чего гадать-то
На кофейной гуще?
Орел летает, смотрит, полагает –
Зевесу сообщает,
И нам немножко отщипнет
От тех высот, от тех красот,
Какие сам себе “сечет”.

УЧЕНИКИ.

“Сечет”?

ПЛАТОН (*иронично*).

Секут кого,
Секут – кто лжив,
Секут того,
Кто еще жив.
Вот и Орел сюда летает,
Как бы налогом печень облагает,
Какой усталый вид!

ОРЕЛ (*подлетая*).

Иешуа пришел домой –
От ранних христиан.
Великий юноша седой,
Посол израильтян,
Тибет от Разума, кристалл
От Первых Христиан,
От Сокровенного Креста;
Как всякий бог – титан,
При нем Любовь, других любя,
Идеи христиан:
“Люби его, люби тебя,
Люби людей,
Их сонм идей,
Как самого себя”.
За что распяли на Кресте
Все мысли – “эйдосы” все те?
Опять под пряник и под кнут
Его еще не раз распнут.

УЧЕНИКИ.

Куда ушел, зачем ушел
От Джомолунгмы той?

ПЛАТОН.

Все понимаем, что еще?
Бог формулы святой.
Она тут всех перевернет,
Всех обновит, любя.
“Люби людей, люби народ,
Как самого себя”.
А вот опять Орел летит
Иль только сделал вид?
Когда хороший аппетит,
И сердце не болит.

Орел снова садится близко где-то, у тихой рощи Платона.

ПЛАТОН.

Опять ты тут?
Зачем летал
Отсюда и туда?
Звон от Скалы
И нас достал –
Оттуда и сюда.
Что Прометей и что Скала?
По ком сегодня звон?
Какая благодать снизошла
На нас со всех сторон, –
Свобода, мы и он.

(Показывая ввысь, на клубящиеся облака.)

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Бог Тор все там же, в клубящихся облаках, пробуждаясь от своего бесконечного, вещего сна и расталкивая плечами эти проклятые облака, отчего Солнце становится постоянно ясным. Богоматерь шепчет что-то на ухо Тору.

БОГ ТОР (недовольно).

Кто ты такая,
Чтоб меня
Освободить от снов?

БОГОМАТЕРЬ.

А сам ты кто –
Создатель снов,
Вершитель всех основ?

БОГ ТОР.

Меня волнует больше всех –
Иешуа, Иешуа.

БОГОМАТЕРЬ.

Меня же – Заратустра,
Чтоб ему было пусто!

БОГ ТОР.

А все другие,
Остальные?
Да Рэм Хохлов с эфиром!
Гагарин с командиром!
О, Прометей!
О, Македонский!
Со всею лавой конской!
Как я Бессмертия вам жажду!

(Кланяясь Солнцу.)

Об этом Солнце и прошу.
Молюсь, волнуясь, стражду.
И мысли все ему вершу
Перед закатом каждым.

БОГОМАТЕРЬ.

А что ж Эйнштейна
Позабыл?
Он тоже ведь чудак.
Поныне отражает факт,
Что “темен” смысл исповеданий,
Материя “темна” и так.
Всего четыре, что ль, процента
У всего сущего акцента
Восходит в речь,
Чтоб мир беречь.
Эх ты, Эйнштейна позабыл,
А еще главный Бог!
Да, самый главный!
Всего предлог,
Перводвижитель плавный!

БОГ ТОР.

Придется Память создавать,
Его туда совать нам, мать.

БОГОМАТЕРЬ.

А остальных?

БОГ ТОР.

Все остальные там уж,
Повыскачили замуж.
Но эти сокровения мои,
От всех они, все ведь свои,
Стоят особо от порока.
Пусть будут как судьба,
Свершенья рока!
На плечи им,
На речи с ними
И на молчания, на встречи –
Всеобнажения порока!
Сквозь сочетанья с глазом, око.

БОГОМАТЕРЬ.

С Хохловым просто,
Он все ползет
По Джомолунгме –
В процентах роста.
Его, коль сам не упадет,
Съест “коза ностра”.

БОГ ТОР.

А Заратустра
К себе Гагарина возьмет.
О Разум свой и расшибет
Их самолет.

БОГОМАТЕРЬ.

Я не согласна.

БОГ ТОР.

Что же – в Память
Их с командиром?

БОГОМАТЕРЬ.

Нет, нам того мало.
Пускай летит –
Как самолет с автовокзала,
Я так сказала.

БОГ ТОР.

Пусть Первочеловек наш,
Как Асмус, Гроссмос,
Передвигает знания в Космос!
Хотя бы перешел черту,
Ушел бы вовсе вон за ту,
Какая бесконечна,

Как ветер встречный,
Быстротечный.
БОГОМАТЕРЬ (*Богу Тору*).
Всех рассовал по своим Скалам,
По огородам поднебесным:
Христианина, Рэма, Хама,
Заратустру –
Жевать капусту.
А что же с Прометеем,
С его Скалой?
Напомню – и с Иешуа,
И с Александром Македонским,
С его тлетворностью былой,
С погодой конской?

БОГ ТОР.

С какой “тлетворностью”,
С какой “погодой”?
От восемнадцатого года!
Ты что-то стала, мать,
Того –
От мракобесия всего.

БОГОМАТЕРЬ.

А ты? Все счет ведешь от революций,
В делах эмоций и поллюций.

БОГ ТОР.

Так вот, от всех трех сразу
Будем счет вести.
Иешуа! Такого мало в Память
Вложить и в вихре закружить,
Бессмертия же Солнце не дает.
Хитрит. То даст, а то назад возьмет.
Весной дает, а осенью,
Когда жара спадает,
Глядишь, и забирает.
Хотя про то Никто не знает,
А вот весной все миру и поет
О Солнце, лесе:
“Христос воскрес!
Христос воскрес!
Христос, Христос, Христос –
Воскресе!”

БОГОМАТЕРЬ.

Так, с этим разобрались.
А с Македонским как?
С ним ,что ж, мы зря старались?
Останки неизвестно где остались?
Да так и сяк, да так и сяк,
Все наперекосяк?
А знания ведь! А Библиотека!
Форос в сердца пророс,
Как из мешка,
Седой слегка.

БОГ ТОР.

А с Александром
Пусть разбирается Оракул.

БОГОМАТЕРЬ.

Так он, отец,
Свое отвякал.
На Дельфах – сдвинулось,
В Сеуле – разошлось.
Ведь Время минулось,
В Пространства улеглось.

БОГ ТОР.

Пускай с Гагариным летит.

БОГОМАТЕРЬ.

Так тот же телом-то
В стене.

БОГ ТОР.

Ну, пусть побудет на коне,
Пока мы со Скалой
Не разберемся.

БОГОМАТЕРЬ.

А что с ней разбираться?

БОГ ТОР.

Да Зевс уперся,
С ним бьемся.
А он и рад стараться –
Не разбираться.
Махнет рукою –
Как будто дело
Его личное какое.
Как будто Прометей ему
Злодей.
Как будто...

БОГОМАТЕРЬ.

Хватит! Нахватал делов,
Вершитель всяческих основ,
Не перекладывай, –
Де Пестель, фон Бюллов, –
Из реализма –
В продолженья снов.

БОГ ТОР (*показывая вниз куда-то*).

Вон посвились,
Видишь, на Земле?
Адам и Ева,
Что он сказал, что повелел –
То, значит, слева...

БОГОМАТЕРЬ.

Нет, справа,
Коль рассуждают здраво.

БОГ ТОР.

Нет, слева!

БОГОМАТЕРЬ.

Нет, справа!
Держись, держава,
Коль рассуждаешь здраво.

БОГ ТОР.

Чего там рассуждать-то,
Все в мире этом,
Как и в том, –
Из дома в дом,
Из тома в том,
На том и этом
Совершено поэтом
До дна, до донца?
Кто самый главный
Из поэтов?

БОГОМАТЕРЬ.

Не ты, а Солнце!

БОГ ТОР.

Конечно, Солнце.

Опять клубятся облака, закрывая солнечный диск. И восходит Солнце! Но оно заслоняет собой "Авесту", забирает ее у богов. На другое утро повторяется то же самое и на третье опять-таки. Боги Авестовы где-то там, в клубящихся облаках. А тут региональный царь богов Зевс все ведет тяжбу с Прометеем.

ЗЕВС (*хитря*).

Я заберу тебя на Землю,
Скалу освобожу. Пуста
Останется Скала. Я не приемлю
Идею – “эйдос” с чистого листа.
Тебе – Свобода, а Скала – пуста,
Идеи с чистого листа
На перекрестия Креста.

ПРОМЕТЕЙ.

Скала Свободы не пуста!
Она всегда Скала Свободы!
Бери с листа, меняя места,
Освобождай людей, народы!

ЗЕВС (*более твердо*).

Но возникает Александр,
Он где-то у Скалы,
И расцветает олеандр,
К нему летят орлы,
И в очертаньях Александр
Все там же у Скалы.

(Голос отдаленный, самое главное – скифский, как звериный стиль в вазе.)

“Там, за белой пылью,
В замети сквозя.
Небылицей-былью
Жаркие глаза.
Былью-небылицей.
Очи предо мной.
Так быстрее же, птицы,
Шибче, коренной!
Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Черные да Серый,
Да медвежий мех!”

ПРОМЕТЕЙ (*встрепенувшись*).

А вот и Александр!
Идет мой Македонский!
И плен веков, побег сквозь олеандр,
И плен, и тлен
Его бесовский, конский!
И жар веков,
И гром цепной оков!

Гремлю я цепию Свободы!
Земли не променяю на Скалу!
Я вырос тут, я вынянчил народы!
Нашел работу бедному Орлу!

А голос все ближе. Прометей, подпевая:

“А глаза сияют,
Ласково маня.
Не меня встречают,
Ищут не меня.
Только жгут без меры
Из-под темных дуг.
Гей, чубарь мой Серый,
Задушевный друг!
Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Черные, да Серый,
Да медвежий мех!”

ПРОМЕТЕЙ.

Да, вот и Александр!
Мой Македонский!
Что тлен веков,
Что этот олеандр!
Когда рвет цепь оков
Твой этот запах конский!
Кентавриада
Вывернет из сада,
Вся в яблоках оков
Скитальцев-мужиков.

*(И во всю глотку вместе со Скифом заканчивает эту песню
еще из тех, македонских времен):*

“Я рыдать не стану,
В дурь не закучу, –
Я тебя достану,
Я тебя умчу!
Припадешь устами,
Одуришь, как дым.
В полынью с конями
К черту угодим!
Эх-эх, эх-эх вы,
Кони-звери, эх!”

Вороны вы, воры!
Украдите снег!
Развалите горы!
Растерзайте смех!
Взлетай, Александр,
На бывшего коня!
Врывайся сюда
Наяву!
Я тут уж давно
В олеандрах живу,
Сознание Свободы одно.
О мой Александр!
Живи, где и я,
Живи, где моя –
Свобода, судьба да и я!
Не царь ты уж тут,
Не бог тут и я,
Не пряник дают нам и кнут.
Да здравствует эта
Свобода моя!
Где духи с царями,
Где волны с морями,
Меня, величавые, ждут!
Не цепи куют
Не железами рвут,
Бессмертье героям дают!

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ (*подъезжая к Скале*).

Ты звал меня?

И я явился.

И, как всегда, вот на коне.

ПРОМЕТЕЙ.

На Буцефале?

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ.

Я в вине,

Само собой, в речах излился,

С конем своим до Неба взвился,

Богам душою отворился,

В победах битв не растворился, –

И чем ответили вы мне?

ПРОМЕТЕЙ.

К Гомеру взял бы обратился.

Вот царь такой же – Одиссей,

С лопатой захотелось слиться,

Чтобы в лопату воплотиться,
Во прахи родины своей.

АЛЕКСАНДР.

С конем я слит, –
Кентавриада!
Возник из знаний я ада
Всей философии своей.

ПРОМЕТЕЙ.

Ты – человек! И ты – велик!
Как царь Итаки Одиссей.
Но Солнце, что тебе гремит,
И нам, богам, чего велит
На склоне наших дней –
Да то же, то же, что и вам,
Бессмертные мои! В цепи огней
В душе моей она летит –
Душа твоя – к моей!
Мы вместе каемся, чертим
Блеф солнечным кругам.
В матерях “темных” не дадим
Перевернуться нам.
Мы будем белое творить
В сознании своем,
В процент повышенный вложить –
Освобождение в нем.

Тот же голос в отдалении, та же скифская песня. Еще когда фаланги Александра двигались туда, внутрь Персии, к горам Индийского Кавказа, чтобы познать в себе – кто же такие боги и так ли уж они к тебе строги? И возвращались под те же песни назад с хрустальным гробом царя.

ГОЛОС СКИФА (из прежних времен).

“Присядем, друзья, перед дальней дорогой,
Пусть легким покажется путь,
А ну, космонавт,
Потихонечку трогай
И песни своей не забудь”.

АЛЕКСАНДР.

“Конечно, Александр Македонский – герой!
Но стулья зачем же ломать?” –
Как Гоголю это хотелось сказать,
Так мне захотелось домой.

В Итаку к другу моему –
Троянцу Одиссею,
Мне в Македонию мою,
Я Македонию пою,
Аспазия велела, –
Кому какое дело.
Да я и сам все осознал,
Когда страницы пролистал.
От мыслей пухнет тело.
Мой щит на Солнце отблестал,
Как мой алмаз, мой гроб – кристалл,
Кому какое дело,
Аспазия велела!

(Вздыхая глубоко, глядя на белый цветок олеандра.)

Мой символ! Рифма ты моя!
Мой бесконечный ритм!
Под топотом коня – моя Земля!
Вся жизнь моя,
Все боль моя,
Вся страсть безмерная моя,
Как снасть, как власть,
Как назидание другим,
Куда и что нам надо класть,
Когда летим?
Гагарин, Юрий! Где ты есмь?
Арийский отпрыск, арий.
Фамилией в “арийскости” ты весь,
Как бы в движенье затвержен...
Попал один в один...
Ах, эти очи карие...

ГОЛОС *(все тот же, подхватывая).*

“Где вы, где девы (девы),
Очи карие!
Где ты, где ты (дети – дети),
Родимый край?”

ЮРИЙ ГАГАРИН *(появляясь).*

Впереди страна моя Болгария,
Позади река Дунай”.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ *(Гагарину).*

Летишь в свое небытие?
Раздвигать энергию “темных”?
Повышать процент огня недр зеленых,

Так вызови, вызови туда и меня!
В ведра инобытия,
Змей подколодный!
Змий! Прошу я тебя, сделай сие.
Облик Библиотеки моей представь –
Александрийской!
Филиал “Музисьона” к ней –
В сторону пустыни Ливийской.

ЮРИЙ ГАГАРИН.

Захватил полмира ты, царь,
И все тебе мало.
Души хочешь еще захватить,
Как встарь,
Музыкой мир взвинтить,
Поднять в эры
Звучащие,
В сферы
Кричащие,
В атмосферу
Земного – поспешные!
В биосферы Вернадского –
Грешные!

ПРОМЕТЕЙ.

Рай ли нагадаю
В сумерках богов?
Стыну, пропадаю
В таянье снегов.
Так мы тут и живем,
Так мы тут и живем.

ПЛАТОН. В эры – бессмертие, умирая, кладем.

*Бог Тор с Богоматерью, появляясь снова в клубящихся облаках,
закрывающих Солнце. Прислушивается к голосу из глубины.*

БОГОМАТЕРЬ (Богу Тору).

Мой Прометей!
Моя Скала! Мои народы!

БОГ ТОР (явно гордясь).

Скала Свободы!
Скала Свободы!
“Эх, кони-звери,
Кони-звери, эх!
Черные да Серый,
Черные да Серый,
Да медвежий мех!

Припадем устами,
Одурим, как дым!
В полынью с конями
К черту угодим!"

ГОЛОС СВЫШЕ. *На Александре Македонском Человек проверил себя: назад пути нет! Только вперед! И, завершив огненное кольцо на Земле, где-нибудь над Атлантикой, готов взмыть, уйти назад в Космос, вернуться в лоно богов. "Конечно, Александр Македонский – герой, но зачем же стулья ломать?"*

ЗАНАВЕС

25 марта 2006 г.
г. Орел

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Из пятилистника третьего

Лось у родника

Но хану некому ответить,
Тот воин спит, над ним курган.
Вот и читаю на монете
Цепочку слов: "О, хан мой, хан!
Тебе небесный жребий дан!"
Велесовы внуки! Велес со степей
Явился сюда к Перуну.
Мне в волосы степь закатала репей,
Я вою, как пес, на Луну.
Во мне – язычество из мрака,
Язык костровый – из теснин,
Лежу, побитый, как собака,
Среди "эксцентуков" и вин.
Велесовы внуки приходят ко мне
В расчете на мой родничок.
А где-то кровавые мысли одне:
"Ну, как ты живешь, старичок?" –
"А все хорошо"... И – молчок.

Во мне язычество опять
С цепями прорвалось.
Вот за язык, такую мать,
И терпит наша бось!
... Лежу у родника, как лось.

Бармы на плугу

Орда прихлынет дерзко, как пурга.
Пограбится, потешится, попьется
И снова в бой, в сражение, в бега,
Покамест на Козельск свой не наткнется.

Куда летит расхристанная стая,
Глаза на Керкелен оборотя?
Что Русь ей? Кнут над вервием крутя,
От имени себя уж выступая.

Она – не мы! Да и не та орда,
Что нас сметала на пути тогда.
Она уж горка ветхого металла:
Мечи, доспехи бармами на плуг...

А все хрипит, а все б еще кусала
Из-под своих заржавленных кольчуг.

В степи

Подсолнух клевали небесные пташки:
В макушку, в макушку его!
Князь Игорь о Ладе гадал по ромашке,
Ведь князь, нагадала всего.

Бобровые руки, медовые реки,
Младенчество древних племен.
Родная, ковыльная степь в человеке
Еще с дотатарских времен.

Легенда к легенде, ромашка к ромашке –
Медами текут по устам.
Подальше от князя, веселья, пташки!
Поближе, проказницы, к нам!

Кони-звери

Кто люди – боги?
Богочеловеки иль Человекобоги?
Таких немного,
До Солнца крылья, крылья в ноги!

Но кони – звери,
Кони – звери!
Вдруг станут птицей,
И в лёт Кентавриада!

И конский топ,
Полет, потери.
И бег – от Солнца,
Бег – из ада.

Лети, моя Кентавриада!
О люди-боги,
Кони-звери!
Дано нам мало,
Много надо.

Кентавриада! Ламбада! Меццо!
Срослось в одно
Большое сердце
И – за пороги,
О люди-боги!

В какой–то мере
Все кони – звери!
Кентавриада!
На божестве Торе, на Гомере –
Из рая, ада!
Кентавриада!

ГОСПОДА КАМЕНСКИЕ

(трилогия малых трагедий)

Что наша жизнь? Игра.
А.С. Пушкин

ТАЙНА ТРЕХ ИМПЕРИЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГРАФ КАМЕНСКИЙ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ – младший сын фельдмаршала Каменского, главнокомандующий Дунайской армией.

БАРОН ВЕРНЕР – посланник прусского двора в Блистательной Порте – Оттоманской империи.

АРСЕНИЙ ЗАКРЕВСКИЙ – адъютант главнокомандующего, он же

ДЕНИС ДАВЫДОВ – поэт, гусар, будущий герой Отечественной войны 1812 года.

СИЛУЭТ ГРАФИНИ КАМЕНСКОЙ АННЫ ПАВЛОВНЫ – матери Николая Михайловича, жены фельдмаршала.

СИЛУЭТ ГРАФИНИ АННЫ ОРЛОВОЙ – дочери графа Алексея Орлова-Чесменского, любимой Николаем Каменским.

СИЛУЭТ ГОСПОЖИ ЛЕДУ – жены французского консула в Бухаресте.

Весна 1811 года, канун вторжения Наполеона в Россию. Если бы жив остался молодой Каменский Николай Михайлович, Российской армией в кампании 1812 года командовал бы не Кутузов, а он.

Действие происходит в Бухаресте, в штаб-квартире главнокомандующего Дунайской армией Каменского Николая Михайловича. Медленно угасая, уходит из жизни молодой, талантливый полководец суворовской школы из знаменитого рода русских военных. Странны обстоятельства случившегося, тайна покрыта скрещением интересов сразу трех империй – России, Франции, Турции.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Большая комната с печью. В святом углу – икона Михаила Архангела. Трещат дрова в печи, создавая уют. Граф Каменский Николай Михайлович в мягком цветном халате, в шлепанцах проходит по комнате и садится в кресло-качалку перед растопленной печью.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*глядя в огонь*) Давно ли, кажется, я тут, на Дунае, в Молдавии и Валахии? Еще свистит в ушах ветер, как в макушках корабельных сосен в Финляндии. Из памяти еще не выветрились названия шведских крепостей, а уже новые баталии, турецкие фортеции, Болгария и Сербия передо мной... Блистательная Порта слепит глаза... Оттоманская империя ... султан Юсуф...

Граф смотрит в окно.

Ишь, на стеклах мороз. Надо же, снег в Бухаресте, такая редкость! Как будто в России ты, где-нибудь под Орлом, в нашем родовом гнезде Сабурово... Эй, Арсений!

Появляется адъютант главнокомандующего Закревский.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Закрев! Мы, кажется, с тобой одногодки?

ЗАКРЕВСКИЙ. Да нет, ваше сиятельство, вы постарше.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А Денис Давыдов?

ЗАКРЕВСКИЙ. Гусар, что ли, этот поэт, ваш земляк? Вот с ним вы вроде бы одногодки.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Когда я ехал сюда на замену самого Багратиона, Его Императорское Величество, назначив меня высочайше главнокомандующим своими войсками на Дунае, изволил возложить на меня и мирную с Портой негоциацию... доставить славный и полезный мир России. Слышишь ли ты меня?

ЗАКРЕВСКИЙ. Конечно, ваше сиятельство... и мирную с Портой негоциацию.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*передохнув*). Государь-император возложил, а министр иностранных дел Румянцев Николай Петрович... кстати сказать, сын тоже фельдмаршала, знаменитого полководца... разъяснил суть "негоциации". Крепости берутся не только барабаном, но и умом...

Как вступишь в должность – гони, говорит, ты в три шеи Безака этого при канцелярии добрейшего Багратиона. Заслуженных генералов держит в приемной. Однако и на молодых обрати внимание... И тут же хлынули ко мне из столиц за орденами и лентами... Закрев, ведь хлынули?

ЗАКРЕВСКИЙ. Хлынули, ваше сиятельство, еще как хлынули.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Посмотри, кто у меня командует корпусами? Ланжерон Александр Федорович – 47 лет, Раевский Николай Николаевич – 39 лет, Эссен Петр Кириллович – 38 лет, Левиз Федор Федорович – 43 года, Засс Андрей Павлович – 57 лет, братец мой старший – Сергей Михайлович Каменский – 39 лет, Марков Евгений Иванович – 41 год. Инженерные войска у нас на Гартинге Иване Макаровиче – 42 года, по 38 лет – командирам отрядов...

ЗАКРЕВСКИЙ. Да вы, ваше сиятельство, моложе их всех, в расцвете сил. Приказы и донесения пишете сами. Легким таким, летящим почерком. Сами разрабатываете и военные операции, удивляя всех пронциательностью ума и точностью в оценке обстановки. В вас, ваше сиятельство, прямо-таки дар божий, талант полководческий – от батюшки вашего, Михаила Федотовича, генерала-фельдмаршала, царство ему небесное, где-то там, в России, теперь под белым камнем, на берегу Орла-реки...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ *(оживясь)*. Помнишь ли, Арсений, кто тогда одним из первых изволил явиться ко мне? Прискакал на коне, и ты вбежал, я спросил еще: “Что случилось?” А ты мне: “Давыдов к вашей милости”. – “Денис Васильевич?” – “Он самый”. – “Проси...” Так вот, Денис Давыдов мне что рассказал: в ноябре 1806 года в этой же гостинице, в этом самом номере он имел встречу с батюшкой моим. Еще и слова его напомнил, как Денис Давыдов ворвался к фельдмаршалу столь резко, словно хотел его застрелить...

ЗАКРЕВСКИЙ. Глупость сказал.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Кто-кто сказал?

ЗАКРЕВСКИЙ. Да этот Денис Давыдов, гусар, поэт, он такой, ваше сиятельство.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ну нет, он не глуп, этот гусар. Это он сказал: “Власть пера велика...” Но когда я не взял Шумлу сразу, а потом и Рушук, первым ведь от меня бежать наострился.

ЗАКРЕВСКИЙ. Вы бы передохнули, ваше сиятельство.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А на дворе-то мороз. На окнах такие узоры!.. Запрягай-ка, Закрев, в сани чистопородных моих, самых резвых! Провистим на русской тройке по Бухаресту!

ЗАКРЕВСКИЙ. Да мы же только что прокатились, ваше сиятельство. Коней еще не успели распрячь... Полежали бы, ваше сиятельство, прихворнули ведь.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*горячась*). Ты мне не указ, Денис Васильич! ЗАКРЕВСКИЙ. Кто-кто я вам, ваше сиятельство?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*глядя по-прежнему за окно, в одну точку*).

Так это ты одним из первых покинул меня – своего главнокомандующего?

ЗАКРЕВСКИЙ. Ваше сиятельство, ложитесь в постель, полежите...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. И ты, и Денис Давыдов... И там (*за окно*), и тут (*на дверь*)...

ЗАКРЕВСКИЙ (*заботливо*). Ваше сиятельство, вы устали.

Адъютант укладывает главнокомандующего.

ЗАКРЕВСКИЙ (*вздыхая*). Укатили сивку.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*отрывая голову от подушки*). Слышь, кажется, колокол? Это Шумла. Благовест из Сабурово, с родины... Еще отец мой – фельдмаршал брал у турок эту проклятую крепость, привез домой пушку и отлил из нее колокол. Слышишь, Денис Давыдов?

ЗАКРЕВСКИЙ (*он же теперь Денис Давыдов*). Да, ваше сиятельство, слышу, слышу.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А в том углу вижу в белом кого-то. Знаешь, Денис, кто это? Это князь Святослав! Это он еще в древности основал этот Рушук. Хотел сделать его столицей. Какие холмы, похоже на Киев!..

ЗАКРЕВСКИЙ – ДАВЫДОВ. Ваше сиятельство, пойду пошлю за доктором Витцманом. А вы полежите пока, полежите.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Та же комната. Граф Каменский Николай Михайлович в той же позе. В постели, приподнявшись на локоть.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*на дверь*). Думает, он и в самом деле Денис Давыдов. Пусть думает. А у меня в куски все тело, душа болит... Как говорит доктор Витцман, это депрессия. А депрессия – это болезнь сверхсознания, и, значит, нужна переориентация на систему новых ценностей. Но это скажут потом, через десятки лет, в конце столетия, даже в новом столетии. Я, кажется, начинаю быть ясновидцем? Этого еще не хватало... Но это ведь факт, что я чувствую себя все хуже. Порой настолько плохо, что вижу себя в каких-то черных стенках, покидающим вместе с этими черными стенками этот черный, черный-пречерный мир... С чего это?

Впервые за столько лет появилось время подумать. Смотрю и вижу себя как бы со стороны... трагедия молодого человека, брошенного в пекло для добывания славы России, государю. Все на меня навалилось, я перегружен явно, организм не выдерживает адской машины...

Государь-император после шведских викторий даровал мне это место – главнокомандующий, должность фельдмаршала. Некогда

место отца моего, прежнее место талантливого Багратиона. Государь влил сюда “свежую кровь”. Я должен был прогнать Базака, унижающего в приемной заслуженных генералов и в то же время омолодить генеральский корпус. Но кто-то из ветеранов ведь так и остался. Оставлен был мной и старший братец мой Сергей Михайлович, Каменский-первый. И я уже, выходит, Каменский-второй, младший Каменский?.. И первый успех, выигранные сражения, взятые турецкие крепости... И потом, как камень преткновения, эта Шумла, Рушук этот...

Как только вспоминаю о них, в уши начинает бить колокол. Это отцова Шумла – из Сабуровской церкви Михаила Архангела, это колокол, отлитый отцом из пушки, взятой в этой проклятой Шумле. И вот возникает видение – князь Святослав весь в белом, еще в древности основавший Рушук. Слуховые, зрительные, даже смысловые галлюцинации, – я не могу справиться с ними, они меня доконают...

Главное – я не заметил, как созрел “бунт” старых генералов. Внешне улыбаются, внемлют, исполняют. А внутри все проявляется самым решительным образом – к примеру, при штурме этих двух крепостей. То штурмовые лестницы оказываются короче стены, проглядели, как за ночь турки углубили ров. То даже у геройского генерала Кульнева явные признаки нерешительности. А уж о брате своем Каменском-первом и говорить не приходится... И когда государь-император приказывает проучить полки самые слабые – отправить их пешим маршем в Сибирь, я едва уговариваю государя не делать этого: не солдаты плохи, а мы – генералы, и я – их главнокомандующий... На меня в Петербург летят, конечно, доносы, но я и сам не скрываю вины. И государь-император отвечает мне, что всяко, в конце концов, бывает в больших кампаниях. Но я-то знаю, тень в душе его залегла... Россия не может иметь неуспеха – Российская армия, ее генералы, фельдмаршалы победоносны. Перед глазами всего мира, султана Юсуфа и Бонапарта.

И тогда приходит время мне вспомнить о второй части напутствия мне сюда Его Величества – о “негоциации”. О дипломатии, военной хитрости, житейской мудрости...

Граф Каменский приподнимается на постели, кричит в открытую дверь.

Закрев, эй, Закрев!.. Не отвечает... Арсений!.. Тишина... Эй ты, Денис Давыдов, Денис!!

Появляется адъютант Закревский, он же теперь Денис Давыдов.

ЗАКРЕВСКИЙ – ДЕНИС ДАВЫДОВ. Чего изволите, ваше сиятельство?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ты кто сейчас – мой адъютант Арсений Закревский или Денис Давыдов, поэт?

ЗАКРЕВСКИЙ (*растерянно*). Как прикажете, ваше сиятельство.
ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Вот как Закревский и скажи мне, братец: помнишь ли ты барона Вертера – прусского посланника при диване Блистательной Порты?

ЗАКРЕВСКИЙ. Как не помнить, ваше сиятельство. Мартос представлял его вашему сиятельству, чтобы тот сообщал нам, как идут дела в высших кругах Османской империи, под боком у самого султана Юсуфа. Он еще, помню, сказал вашему сиятельству, что, мол, сведения будет записывать его секретарь, а передавать их будут купцы.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Молодец, Закрев! Есть ли сообщения от барона?

Адъютант выходит, граф остается один.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Российская армия должна быть победоносна! И посему пущена в ход дипломатия. Известно нам стало, что в Блистательной Порте назревает голод, появились первые дезертиры, даже янычары колеблются... В Шумле сидит сам верховный визирь – военный министр, в Рушуке – знаменитый паша Бошняк-ага... Сколько сил мне стоили мосты в сражениях с этим верховным визирем. Про то знаем лишь мы с ним, даже монархам неизвестно... И вот верховный визирь выводит войско – уходят аги, улемы, янычары со всем имуществом, с деньгами, оружием.... Лично мной потрачены миллионы на покупку у них этого оружия. Но ведь крепость у нас, взята без крови! И снова “ура”, виктория! Ордена и ленты. Но я-то знаю, кошка между Петербургом и мной пробежала...

Появляется адъютант.

ЗАКРЕВСКИЙ. Ваше сиятельство, барон Вертер в Бухаресте. Проездом.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Мундир мне со всеми орденами и лентами! Барона сюда!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Штаб-квартира главнокомандующего Дунайской армией. Кабинет графа Каменского. Николай Михайлович сидит за столом, позади него портрет императора Александра Первого.

Входит адъютант главнокомандующего Закревский.

ЗАКРЕВСКИЙ. Ваше сиятельство! Барон Вертер.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Проси.

В дверях появляется прусский посланник в Блистательной Порте барон Вертер. Граф Каменский идет навстречу ему с сияющей улыбкой.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Милости прошу сюда, на диванчик, барон. Вы привыкли к большому... Дивану... в Блистательной Порте?

БАРОН ВЕРТЕР. Благодарю вас, ваше сиятельство. Всегда рад оказать услугу больше желтому полю ваших эплет, окантованных узким золотым галуном, нежели красным фескам янычар в окружении султана Юсуфа.

Оба садятся на мягкий диванчик, застланный ковром. Барон Вертер оглядывается по сторонам.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (замечая). Ковер красный, турецкий, да диванчик-то наш... Не волнуйтесь, барон, разговор тет-а-тет. Глаза и уши только мои да ваши, барон. Итак, я весь внимание. С чем пожаловали, дорогой друг?

БАРОН ВЕРТЕР. Звезда над полумесяцем клонится к западу.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. К берегам Сены?

БАРОН ВЕРТЕР. Хотя Блистательная Порта одушевлена искренним желанием положить конец кровопролитию и вернуть спокойствие подданным обеих воюющих держав, тем не менее она никогда не вступит в мирные переговоры, прежде чем целостность и независимость Оттоманского государства не будут гарантированы... Порта будет упорно отказываться от примирительных предложений, даже если бы военные обстоятельства обернулись к ее полной невыгоде. Она надеется продлить войну до тех пор, пока посторонние обстоятельства не позволят ей отвоевать потерянные провинции.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Султан имеет в виду войну Наполеона с Александром?

БАРОН ВЕРТЕР. Переводчик французской миссии донес туркам, что мы собираем сведения для берлинского двора. Пока подозрения Дивана удалось отвести...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (вскакивая). Драгоман Бонапарта сел, барон, вам на хвост?!

Барон Вертер молча склоняет голову.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Будьте осторожнее, со сведениями повремените... Желаю успеха, барон! Мы не останемся перед вами в долгу.

Барон Вертер уходит. Граф Каменский сидит в напряжении. Затем голова его валится на стол. Графин падает, вода стекает с поверхности стола.

Вбегает испуганный адъютант. Переносит графа на диван, дает ему воды, оставшейся в стакане.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (приподнимая голову). Барон в опасности! Его кровь может обогреть камни османской тюрьмы... Что у нас по этому поводу из Петербурга, из Министерства иностранных дел, от графа Румянцева Николая Петровича?

Достаёт из стола бумаги, читает бегло.

ЗАКРЕВСКИЙ. “Прусский посланник в России Шладен продолжает снимать копии с донесений барона Вертера”.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Что еще?

ЗАКРЕВСКИЙ. По сообщению того же Шладена, “австрийская миссия делает все возможное, чтобы укрепить Порту в ее воинственных намерениях”.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Спасибо Николаю Петровичу... Что еще?

ЗАКРЕВСКИЙ. Вот. Управляющий канцелярией надворный советник Булгаков Константин Яковлевич снял копию с вашего послания, граф, писанного по-французски...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Хорошо. Иди, Закрев. Я тут, на диванчике, прикорну.

Адъютант выходит, граф приподнимается на локоть, застывает в излюбленной позе.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*размышляя*). Так, соберем мысли в узел. Что же у нас получается? Главное возникает на Севере – между Россией и Францией. И Порты, и Австрия (а может, и Пруссия?) споспешествуют усилению напряжения между Санкт-Петербургом и Парижем. И южный театр военных действий – то есть наша война с Блистательной Портой – становится второстепенной. Понимают ли это государи – император Александр и султан Юсуф? Султан, кажется, понимает. Истошная, раздираемая противоречиями Порты далее будет тянуть с заключением мирного договора, одновременно способствуя быстрейшему началу военных действий на Севере. А тут войну она не прекратит, но и не усилит. Ни мира ни войны.. Вот почему верховный визирь ушел из Шумлы и вывел своих янычар с личным оружием. Надеются вскоре вернуть задунайские крепости, в том числе Шумлу и Рушук... Как только возникнет война на Севере...

Проверим на деле ход наших мыслей. Устроим-ка туркам ловушку... Эй, Закрев!

Граф поднимается с дивана, идет к столу. Вбегает адъютант.

ЗАКРЕВСКИЙ. Чего изволите, ваше сиятельство?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Почту мне! Последнее послание государя-императора!

ЗАКРЕВСКИЙ (*живо доставая бумагу*). Вот оно, ваше сиятельство.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*читая*) “...из сих обстоятельств явствует, что иного средства не остается, как переменить образ войны и вместо наступательной вести оборонительную. Тогда, не уступая ни шагу из края, нами занятого, имея перед собой Дунай и крепости, на оном расположенные, я буду иметь все средства, нужную часть войск из армии, Вам вверенной, обратить, куда обстоятельства сделают оное нужным...”

Граф начинает нервно ходить по кабинету. Останавливается, вздыхая.

Значит, вскоре государь охладет к нам, мы ему будем не так нужны... А ловушку туркам мы все же устроим!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же комната с печью, на стене икона Божьей Матери. Закревский подбрасывает дровишки. Граф лежит в постели, укрытый шинелью.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*недовольно*). Где хоть дрова такие берешь – не дают жар. Околеешь от холода.

ЗАКРЕВСКИЙ (*шуруя в печи*). Это знобит вас, ваше сиятельство. Сейчас пройдет.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Из-под Орла бы, что ли, привез? Вот где дрова березовые, – это да!

ЗАКРЕВСКИЙ. Так это и есть орловские дрова, из Сабурово. Вот, видите, вырезано на плашке “О.Д.” – “орловские дрова”, такой огонь раздуем – прямо тебе пожар.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Не шути над этим. Знаешь, о чем я сейчас думаю?

ЗАКРЕВСКИЙ. Известно, о чем – как бы ребра янычарам получше пересчитать. А уж взятых вами, ваше сиятельство, крепостей на пальцах-то и не перечесать. Рук не хватит...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Чтобы поменьше пожаров было на этой земле – в Молдавии и Валахии. Не о баталиях, а, наоборот, о мирном договоре думаю... А кто о новой войне помышляет, мы сейчас, братец, проверим. По-суворовски. Применим военную хитрость, ловушку... Ты вроде печку топишь, а сам тоже наблюдай, не своди глаз...

ЗАКРЕВСКИЙ. С кого?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Прибыл драгоман турецкий – министр турецкого дивана? К нам сюда, в Бухарест?

ЗАКРЕВСКИЙ. Еще когда, ваше сиятельство. Все нюхает воздух, вино со всеми пьет.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Поди позови его к нам сюда. Нет, встретить лучше в соседней комнате. Да угости, как следует. И дай почитать письмо это ко мне от государя-императора.

ЗАКРЕВСКИЙ. Письмо... от Его Величества??

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Не бойсь, согласовано с Петербургом... Скажешь, граф, мол, опочивает, а на столе письмо случайно оставил. А я, мол, тебе, драгоман, даю почитать, потому что меня этот граф глубоко обидел, можно даже сказать – оскорбил, мол...

ЗАКРЕВСКИЙ. Да что вы, ваше сиятельство!

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Да, оскорбил я тебя!.. А когда прочтает, скажешь: “Все! Россия устанавливает свою границу по Дунаю, Молдавия и Валахия будут за нами! И на такое согласен, мол, Наполеон...” И наблюдай, что будет. А я из-за портьера тоже наблюдаю...

Адъютант уходит, граф подходит к портьеру.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Негоциация так негоциация! Не все-то барабаном, как лбом, ворота крепостей прошибать. Надо и умишко применять. Румянцев говорит, дипломаты выигрывают сражения, проигранные генералами.

За дверью слышны голоса, смех, грохот передвигаемой мебели. Граф приникает к дырке в портьере.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. И что там, в соседней комнате? Ага, драгоман в изрядном подпитии. Чего доброго, и вовсе лыка вязать не будет... Да хватит, хватит тебе, Закревский, не перестарайся! Письмо читай и говори: согласен, мол, Бонапарт...

Граф отходит от портьеры, обессиленный, валится на постель. Входит адъютант.

ЗАКРЕВСКИЙ. Ну что, как я его?!

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. И видал, и слышал.

ЗАКРЕВСКИЙ (*живо*). Накатил ему вот такую кружищу! А он – еще да еще... Так, я говорю, это вино из тех ягод, что ногами топчут. А он: ничего, мол, что топчут, пусть топчут... Ну я ему еще в кружку. Гусары его чуть тепленького увезли...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*морщась*). Когда ты ему прочитал письмо, что он?

ЗАКРЕВСКИЙ. А ничего. Как в рот воды. На рот пальцем показывает, немым сделался.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А когда сказал насчет южной границы России и согласия Наполеона?

ЗАКРЕВСКИЙ (*захохотав*). Куда немота девалась! Глаза выпучил, руками замотал: не может быть, этого быть не может! Врешь ты это, мне лично не известно, министру Дивана.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*улыбнувшись устало*). Драгоманы – мать их так, дипломаты! Пескари на мелкой водиче-ижице... Спасибо тебе, Закрев, иди.

Адъютант уходит, граф с трудом поднимается с постели, подходит к столу, жадно пьет из стакана.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*лежа уже*). Да что хоть со мной! Снова все почернело, черные стенки, черный, черный-пречерный квадрат... И тоннель в квадрате, и синие свечи в конце тоннеля, свеча-свечечка, дунь ветерок – и погаснет... Эй, Закрев!

Граф падает на пол. Вбегают адъютант.

ЗАКРЕВСКИЙ (*испуганно*). О Господи! Ваше сиятельство.

(Укладывает обратно его в постель.)

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ничего-ничего, пройдет. Слушай, любезный! Вон там, в шкатулке, письмо от моей матушки, почитай. Оно вернет меня из черного квадрата, из тоннеля... обратно сюда, на землю... в этот прекрасный мир...

Адъютант кидается к столу за письмом.

ЗАКРЕВСКИЙ (*читая поспешно*). “Любезный и милый друг граф Николай Михайлович. За шали благодарю, мой милый друг, прекрасные, очень дорого, чай, заплатил... Сестра Марья Михайловна очень тебя благодарит. Сама она затем напишет, что больна была очень... Очень слаба. Еще с постели не встает. Поздравляем тебя с победами и андреевским кавалером... Дай Бог тебе скорее мир заключить...

Сделай одолжение Елизавете Петровне Глебовой... Она посылает тебе образ. Очень любит тебя. Пришли и ей шаль. Прошу писать почаще.

Верный твой друг Анна К.”.

Николай Михайлович, под победами она имеет в виду взятие Шумлы и Рушука?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Дорого, чай, заплатил я. Очень, матушка, дорого.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Там же, те же. Граф лежит с закрытыми глазами.

ЗАКРЕВСКИЙ. Намучился, бедненький, спит.

Осторожно выходит из комнаты. Граф открывает глаза.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Он думает, я уснул. Я боюсь спать – перейдешь черту, уснешь навсегда... Матушка! Я никогда не был счастлив, никогда. И то, что в такие годы я стал главнокомандующим, разве же это счастье? Слава? От нее – пустота и интриги. Интриги плетутся, завидуют орденам и лентам – на них такие вериги!..

Матушка! Дорогая моя, явись ко мне, умоляю, прошу! Мы, военные, как какие-нибудь моряки. Годами не видим родных и любимых, семьи. И все за Россию, все долг... а жизнь пролетает, уходит ... и вот черные стены, четыре стены... Но Бог услышал мою мольбу – свеча в конце тоннеля колеблется, и свет ее не пускает меня на небеси, и я остаюсь еще тут, и вот одна из стен, освещенная этой свечой, воссияла, и Ты, моя матушка, в сиянии, Ты, это Твой силуэт...

Колокол Шумла снова бьет в меня, в уши, а в глаза мои входит князь Святослав. Но все это исчезает, когда являешься ты – моя Анна Павловна, моя маман. Je t'aim, je t'aim trop, ma chérie...

СИЛУЭТ АННЫ ПАВЛОВНЫ (голос из сияющей стены). Я знаю, как трудно тебе, невыносимо. И я, мать, пришла облегчить твою участь.

НИКОЛАЙ КАМЕНСКИЙ. Мой братец Сергей на сколько лет старше, ему уже тридцать девять, а я по должности выше, я – главнокомандующий, вроде во всем над ним. По приезде я стал выделять его, думал, он будет опорой. А вышло наоборот, и смута многая от него... При штурме Шумлы Сергей Михайлович задержался с колонной, и это стоило, возможно, победы, а мне бы стоило головы...

СИЛУЭТ АННЫ ПАВЛОВНЫ. Я поговорю с Сергеем, уговорю, улещу. Нельзя же, в самом деле, гордыне заходить так далеко.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Помнишь ли, матушка, тот день в Москве, когда я просил руки Анны Орловой – дочери графа Алексея Орлова-Чесменского? И она отказала. И в тот же день, глубоко оскорбленный, я покидал белокаменную. И, когда садился в экипаж, ко мне подошел какой-то юродивый, подал платок от Анны и сказал мне: "На счастье!" А я в расстройстве чувств передал тот платок Закревскому. После ты вспоминала, наверно, по сей день вспоминаешь: я отдал свое счастье другому...

СИЛУЭТ АННЫ ПАВЛОВНЫ. Николай Михайлович! Мой дорогой, я люблю тебя, храни тебя Бог.

Граф поднимается с постели, проходит к открытой двери.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Закрев, эй, Закрев!

Вбегает адъютант.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Никто ко мне не приходил?

ЗАКРЕВСКИЙ (растерянно). Нет, ваше сиятельство, не было никого.

Пошатнувшись, граф едва не падает. Адъютант проводит его через всю комнату, укладывает в постель.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (в бреду). Опять эти черные стены, опять!.. Но я солдат, видел всякое, у меня есть сила воли! Не дам себе приподняться над мирным покоем, уйти за черту, в сияние, в безбрежные облака!.. И вот одна стена воссияла, она сияет, как прежде, но чей это там силуэт? Ах, это вы, графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, это вы?

СИЛУЭТ АННЫ ОРЛОВОЙ. Да, это я.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Проститься со мной пришли, простить?

СИЛУЭТ АННЫ ОРЛОВОЙ. Это я должна просить прощения у вас, граф. После того, как не вышла ведь замуж. Всю жизнь свою, до самой смерти, буду молиться за вас, мой главнокомандующий, мой герой. Отдам все богатство церкви, сама уйду в монастырь. “Благочестивая жена душою Богу предана”... Простите, граф, я думала, вы сватались ко мне из-за денег...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Да, графиня, у меня была первая любовь – Лиза из рода Щербатовых, бедная-бедная Лиза. Но вы-то стали для меня всем, что потом было в моей душе. Но почему, почему так думают, что мы, военные, легкомысленны, у нас не имеется сердца?

СИЛУЭТ АННЫ ОРЛОВОЙ. Простите, граф, простите меня. Я буду нести крест всю свою жизнь.

Сияющая стена погасает. Граф лежит в неподвижности, затем снова встает, спешит к распахнутой двери.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Закрев, эй, Закрев!

Вбегает адъютант Закревский.

Арсений! Никто ко мне не входил и не выходил?

ЗАКРЕВСКИЙ (*растерянно*). Никто, ваше сиятельство.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Что ты все “ваше сиятельство”, “ваше сиятельство”! Вот стена передо мной и сияет! Зато, правда, не пускает, не дает уйти ввысь, за черту...

(Замечает недоуменный взгляд Закревского.)

Зови меня просто Николай Михайлович. А то еще проще – Николай, я разрешаю. Мы же с тобой почти одногодки?

ЗАКРЕВСКИЙ. Простите, ваше сиятельство, Николай Михайлович.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Все дело в том, что у меня, дружок, не было личной жизни... А у тебя, Арсений, есть ли пассия?

ЗАКРЕВСКИЙ. Пассии нет, ваше сиятельство... Николай Михайлич... а вот одна тут есть у меня, завелась. Из тех, что виноград ногами топчут.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А что – хороши ли женщины здешние?

ЗАКРЕВСКИЙ. Что вы! Красотки отменные, как вино бродящее... Помните, когда войска входили в Бухарест, вы ехали в экипаже, так они же вас закидали цветами, все кричали: “Смотрите, какой молодой, статный!”

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А хороша ли жена французского консула?

ЗАКРЕВСКИЙ. Это которая, как только вы, граф, появляетесь в обществе, не отводит от вас своих глаз?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Решено! На этой же неделе даем бал! Граф Каменский приглашает на бал бомонд Бухареста.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Там же, те же.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Арсений, а был ли бал? Был ли на нем французский консул с женой?

ЗАКРЕВСКИЙ. И бал был, Николай Михайлович, и была на нем жена французского консула. Все было... И вам эта дама подавала кофе в золотой чашечке, на особом подносе... И вы еще ее благодарили...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. За что благодарил?

ЗАКРЕВСКИЙ. За внимание к вашей особе. За то, что она просто красивая женщина. Потом вы перешли на французский, а я в нем, откровенно сказать, не силен.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Что же я так все запомнил, как отрезало! Послушай, братец, а было ль на балу что-нибудь интересенькое, кроме этой... с глазами сливовыми.. с берегов Сены? Ну, что-нибудь такое, что бы ты подметил, как бы ты описал?

ЗАКРЕВСКИЙ. Да я отметил бы, граф, еще вишневое варенье, до которого вы, граф, охочи.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Варенье? Вишневое, говоришь? Дома у нас под Орлом, с детства помню, его варили без косточек. Отменное, доложу вам, получалось варенье. И еще что заметил, Закрев? Говори, как есть, начистоту.

ЗАКРЕВСКИЙ. Да щечки у этой госпожи Леду очень уж, очень горели! Обольстительна. Дрожала вся откровенно, очи перед вами потупив... В Париж вас к себе приглашала...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*рассеянно*). В Париж, говоришь? А кофе пил ли еще кто-либо?

ЗАКРЕВСКИЙ. Нет, кажется. Нет! Вам подавала особо, на особом подносе.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*раздумчиво*). Сначала стало мне от этого лучше. А сейчас так уже пять черных стен, уже шесть... Отведи-ка меня в постель. Да укрой получше, что-то знобит...

Адъютант укладывает графа в постель, укрывает сверху одеяла шинелью.

ЗАКРЕВСКИЙ. Шинелечка-то старая, должно быть, еще из Швеции.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*слабым голосом*). Да нет, братец, еще из Швейцарии. В шинелечке этой предстал, помню, перед Суворовым после перехода через Чертов мост. Суворов поблагодарил меня за успех в операции, назвал уже тогда "старым генералом".

ЗАКРЕВСКИЙ. Почему "старым"?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Больно умный был уже с молодости... А ты, Закрев, умным станешь, скоро состаришься...

ЗАКРЕВСКИЙ (*вздыхнув*). А мне на роду написано: век быть при вас, Николай Михайлович, таком умном, даже мудром таком, хоть и молодым.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Да, братец ты мой, Закрев-Закревушка, вся трагедия моя – трагедия молодого таланта. Понял что-нибудь?

ЗАКРЕВСКИЙ. Нет, ваше сиятельство. Нам нельзя это все объять, мы у вас в адъютантах.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Не денщик же, в самом деле, а адъютант – дворянин, офицер... Ну, хорошо, оставь меня, мне надо побыть одному...

Закревский снова укладывает графа в постель, укрывает шинелью.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*сбрасывая шинель*). А теперь жарко, все изнутри пылает... Воды мне, воды!..

Закревский подает воды, граф жадно пьет. Делает знак Закревскому: уходи.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*оставшись один*). Как это он назвал ее – госпожа Леду? Почему хоть Леду, кажется, французский консул носит другую фамилию?.. И опять горю, ломит тело, сам готов рассыпаться на куски, в чашечке что-то было? Меня отравили?.. Глаза сливовые, вишневое варенье, а в золотой чаше – яд.

И опять этот колокол, эта Шумла отцова, доходит сюда аж из родного Сабурово, из-под Орла... И князь Святослав качается перед глазами со словами своими вещими “Иду на вы!”.. И стены черные, как чемодан, нет, их опять уже не четыре – их пять. И в конце тоннеля узкий-узкий просвет, как галуны, на желтом поле фельдмаршальских эполет, и на них дрожащее пламя свечи, и от свечи стена загорается, светящаяся – пятая эта стена...

А ну появись, госпожа Леду, предстань передо мной! Я так хочу, хочу спросить тебя... Ага, вот и ты, твой силуэт на сияющей стене...

СИЛУЭТ ЖЕНЫ ФРАНЦУЗСКОГО КОНСУЛА. Вы, граф, звали меня? Чего вы хотите?

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. А, это ты, моя госпожа? Я же нравлюсь тебе, зачем ты это сделала?

СИЛУЭТ ЖЕНЫ ФРАНЦУЗСКОГО КОНСУЛА. Ха-ха-ха...

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Нет, скажи мне: кому это нужно?

СИЛУЭТ ЖЕНЫ ФРАНЦУЗСКОГО КОНСУЛА. Ах, кому? Не скажу... Одному человеку небольшого росточка в огромной треуголке, которой он накрыл уже пол-Европы...

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Зачем ему это?

СИЛУЭТ ЖЕНЫ ФРАНЦУЗСКОГО КОНСУЛА. А на случай войны с Россией. Если вас поставят главнокомандующим всей Российской армией.

Граф приподнимается на локте, впивается взглядом в стену – силуэт, само сияние на стене исчезает.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Закрев, эй, Закрев!.. Ко мне никто не приходил? ЗАКРЕВСКИЙ. Приходила тут одна.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. И кто же?

ЗАКРЕВСКИЙ. Госпожа Леду – жена французского консула. Да часовые ее не пустили.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Там же, те же.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*вскакивая с постели*). Как не пустили! Почему не пустили?! Надо было пропустить. Я хотел бы посмотреть ей в глаза – этой женщине... Оставь меня одного, Закрев. Мне надо побыть одному...

Адъютант выходит.

Нет, это не она. Не может быть, чтобы сделала это она, эта женщина со сливовыми глазами, которые смотрят на тебя так тепло, проникновенно. В золотой чашечке был кофе, просто кофе. Я это знаю, чувствую... Это кто-то другой... Это со мной началось до нее, до чашечки кофе...

Входит Закревский. Стоит, хочет что-то сказать.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Говори, Закрев.

ЗАКРЕВСКИЙ. Ваше сиятельство... весть тут одна нехорошая... в Сербии погибли наши генералы – Исаев и Цукато. Отравлены.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*откидываясь на подушки*). Отравлены?! Я так и знал, так и знал! Это – османы... Оставь меня...

Закревский медленно выходит.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Османы отравили Исаева и Цукато! И к моей тайне ключ, вероятней всего, у них. Как раз в феврале я побывал в войсках, проехал по Молдавии и Валахии, ел и пил черт знает где, черт знает с кем... Это в их нравах, это – Восток. Уже с детства наследникам престола – в будущем ханам, султанам, шахам – дают толики яда, приучают организм, наращивая дозы. И, когда наследник взойдет на престол, организм способен выдерживать все... О длинные руки Блистательной Порты!

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. И опять эта Шумла в ушах, этот колокол. И князь Святослав снова в белом... И все винтом снова перед глазами. И винт этот в небо ввинчивается, в сияющие высоты, и втягивает меня... но я не хочу, не хочу, не хочу...

Эй, Закрев, Арсений!

Вбегает адъютант, бросается к графу.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (задыхаясь). Воды!.. Слушай, Закрев, меня утягивает вверх, я улетаю. А тут вокруг стены черные, все, кроме одной, и на ней – сияющей – силуэт моей матушки... Послушай, нет ли письма от нее. Я жду.

ЗАКРЕВСКИЙ. Нет, Николай Михайлович.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Так прочитай, что ли, прежде. Нет, лучше прочитай последнее письмо ко мне государя-императора... я не хочу улетать, не хочу...

ЗАКРЕВСКИЙ (листая бумаги). Читаю от сих: "...генерал Михельсон, не имея в своих руках крепостей, защищал с успехом Дунай с двумя дивизиями во время продолжения всей войны с французами. Посему нахожу нужным Вам предписать следующее:

1. Для оборонительной войны четыре дивизии полагаю совершенно достаточными, имея особливо в своих руках крепости по обеим сторонам Дуная..."

Граф делает знак рукой: перестань, хватит. Закревский молча смотрит на графа.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (в сторону). Значит, всего четыре дивизии из девяти? Да еще ставят в пример Михельсона. И это после взятия 30 крепостей за кампанию!..

Закрев! И что я ответил государю-императору? Копию отыщи.

ЗАКРЕВСКИЙ (читая). "Положение мое с положением генерала Михельсона никак сравниться не может, ибо самое приобретение крепостей соделывает потребность в войсках большею, да и обширность занимаемой мною ныне линии... Посвятив жизнь свою на службу Вашего Императорского Величества, по верноподданческой приверженности ко священной особе Вашей, всемилостивейший государь, и к пользам отечественным, сан, на который благоугодно было возвести меня... не надлежало бы уже мне входить в дальнейшее объяснение касательно сношений с Портою, может, таковыми навлеку на себя негодование Ваше, всемилостивейший государь, но тем не менее..."

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (слабо рукой). Достаточно, Закрев, хватит... (В сторону.) Царь дал мне предначертания: изменить ход войны на оборонительную. И сравнил меня с Михельсоном. На все воля божья и царя-батюшки. Но я решил объясниться с царем. И даже сказал что-то

дерзостное касательно Михельсона... И, вероятнее всего, мог “навлечь на себя негодование” всемилостивейшего государя...

И опять эта Шумла, опять этот князь Святослав... Шумла и Рушук, Рушук и Шумла... И горит тело, душа отделяется, летит на свечу, а тело остается на месте и существует отдельно. И я гляжу на себя, на свое тело как бы со стороны, гляжу и сужу... вижу и передвижу... зрю вперед высоко и далеко...

(Вслух).

Все может быть после “негодования”. Когда касается царя, палачи действуют. Кому это выгодно? Бонапарт подтягивает силы к России, назревает большая война. Так кто же возглавит Российскую армию, встанет противовесом Наполеону? Я – Каменский?.. Бонапарту должны противостоять опыт, мудрость. Суворов? Но Суворова нет. Однако есть его сын – генерал... тоже молод, его тоже может не стать... трагедия молодого таланта...

ЗАКРЕВСКИЙ. Виноват, ваше сиятельство. Доложил не сразу. Беда великая! Только что получено сообщение, Суворов Аркадий Александрович – сын нашего военного гения – утонул при переправе в коляске через реку Рымник.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Погиб и этот! Река славы отца стала рекой гибели сына... И все-таки кто станет главнокомандующим Российской армией? Кутузов!.. Михаил Илларионович...

ЗАКРЕВСКИЙ *(живо)*. Кутузов, кто же еще!

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Тогда следует ожидать его появления тут, на юге, вместо меня. И, следовательно, я двору уж не нужен, участь моя решена.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Там же. Граф один у пылающей печи.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Добро пожаловать, Михаил Илларионович!.. Так кем же ты, граф, отравлен? Сие есть узел противоречий, великая тайна сразу трех империй – Франции, Турции, даже России... И у меня стенки черные, как чемодан... Вспыхнув, держится сияющей еще одна стенка. И на ней еще один силуэт – ее, Анны Орловой... Мысли путаются, лица мелькают, но одно лицо стоит твердо – Анны...

СИЛУЭТ АННЫ ОРЛОВОЙ. Я знаю, и я благодарна вам, граф, за это.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ты ведь так и не стала женой мне, не родила мне сына... Мне нельзя уходить, я не оставил потомства...

СИЛУЭТ АННЫ ОРЛОВОЙ *(печально)*. И у Суворова сына не стало.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Все перевернуто. Из четырех стен черной держится лишь одна, а те трое сияют... Но я не хочу улетать, не хочу. Я уже уходил туда, переходил черту и вернулся...

(Громко) Закрев! Эй, Закрев! Дама ко мне не приходила?

ЗАКРЕВСКИЙ (возникая перед графом). Какая?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Графиня Анна Орлова.

ЗАКРЕВСКИЙ. Нет, Николай Михайлович, не приходила.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Врешь, голубчик, все врешь! Я только что видел ее.

Закревский пожимает плечами, оглядываясь по сторонам.

И матушку мою видел – Анну Павловну. Ты шаль, Закрев, отослал ли ее приятельнице Глебовой Елизавете Петровне?

ЗАКРЕВСКИЙ. Отослал, батюшка мой, отослал.

Пауза. Вздохи графа, голос его все слабее.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А жену консула так и не пропустили?

ЗАКРЕВСКИЙ (с дрожью в голосе). Батюшка вы мой, голубчик, послать ли за ней?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (вяло). Не надо.

Пауза. Голос графа потверже, живее.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Я уже побывал там и снова вернулся.

ЗАКРЕВСКИЙ. Где там, откуда вернулся? Послать за Витцманом, ваше сиятельство?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Я хожу туда и сюда. Но здесь дольше пока, чем там... Я не хочу уходить, не хочу... И Витцмана, доктора, не хочу...

Закревский отходит к окну, плечи его вздрагивают. Обхватив лицо руками, он стоит у окна.

Закрев! Эй, Закрев!.. И Закревский ушел куда-то, покинул меня. Нет, это кто-то уже другой... Это Денис Давыдов...

ЗАКРЕВСКИЙ. Нет, это я, это я – ваш преданный слуга, Николай Михайлович, ваш до гроба.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Денис Давыдов, Денис! Вот кто удержит меня на земле...

ЗАКРЕВСКИЙ. Я – Денис Давыдов, ваше сиятельство. Я – ваш покорнейший слуга Денис Давыдов-Закревский.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Послушай, Денис, веришь ли, я не хочу умирать. Сколько раз готов был отдать свою жизнь за царя и Отечество, а сейчас не хочу... Хотя это, возможно, кому-то и надо... Где гитара твоя, где стихи? Сыграй, спой, поэт-гусар, напоследок “старому генералу”.

ДЕНИС ДАВЫДОВ. Да какой же вы “старый”, ваше сиятельство? Мы почти что годки.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А мы старые уже, не успев пожить, уже старые. Износились, братец, на службе Отечеству. От пуль не бегали,

от милостей государевых тоже... Я зрю вперед, я предвижу сейчас
намного, миг такой мне дан перед смертью. И вижу в моих же годах,
до двадцати семи, человека в эполетах – одного офицера... тоже “ста-
рого генерала”, только в поэзии... не знаешь такого? Узнаешь потом,
тебе жить да жить еще, стать героем предстоящей войны с Бонапар-
том и остаться героем в веках...

ДЕНИС ДАВЫДОВ. Ваше сиятельство, я послал за гитарой.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. ... и еще будет войны за наше Отечество –
войны отечественные, общенародные, зланы больно наши места,
Россия злчна. И мы, Каменские, впредь не последними будем...

Граф откидывает голову на подушку.

ДЕНИС ДАВЫДОВ (*бросаясь к нему*). Ваше сиятельство, ваше
сиятельство!... Витцмана, доктора!..

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*очнувшись*). Читай стихи свои, поэт-гусар,
земляк мой, громкий поэт, читай!..

ДЕНИС ДАВЫДОВ. Басня “Голова и Ноги” (*дрожащим голосом,
лишь к середине набирая звука*).

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
“За что мы у тебя под властью такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться...
Ты нас как ссылочных, невольников моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами...
Частенько за наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами...”
“Молчите, дерзкие, – им Голова сказала, –
Иль силою я вас заставлю замолчать.
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?”
“Все это б хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду не швыряла...
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да, между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться,
И можем иногда, споткнувшись – как же быть, –
Твое Величество о камень расшибить...”

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*вздыхнув*). Молодец, Денис!.. Bravo, Давыдов!..

ДЕНИС ДАВЫДОВ. Я – Закревский, я Дениса Давыдова вам читаю.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Спасибо тебе, братец, Денис Давыдович Закревский!

Пауза. Тишина. Поцелкивают соловьи. И щелканье нарастает, переходит в песню – сначала едва слышимую, затем с голосами, очеловеченную:

“Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...”

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Там же, те же.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Знаешь, о чем я сейчас, дорогой мой Закревский?

ЗАКРЕВСКИЙ. О чем изволите, Николай Михайлович?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Тужусь вот, вспоминаю, что же я там видел, когда душа отделялась от тела? Опять же напало на меня что-то, прозрение какое-то, вижу все впереди ясновидяще...

Бонапарт кончит плохо. Сперва на одном острове, потом в окяне... И будет врач при нем – один англичанин. И будет он травить постепенно человека эпохи, подсыпая яду ему малыми дозами. И этого, конечно, не знал узурпатор. Узнают после потомки, найдя волосы высочайшие мышьяк содержащими. И тогда каждый музейчик Франции сочтет за честь иметь волосы Наполеона. И, если волосы те собрать со всех тех музеев, мир ахнул бы: не человек, а прямо тебе горилла, столько волос...

Граф закрывает глаза.

Устал я, голубчик... передохну...

Пауза. Закревский выходит.

Эй, Закрев!

Адъютант вбегает в комнату.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Долго ли спал я?.. Нет, ты не Закревский, где Закревский – мой адъютант? Ты – Денис Давыдов, адъютант Багратиона...

ЗАКРЕВСКИЙ. Хорошо, хорошо, я не Закревский, я – Денис Давыдов, но, ваше сиятельство, ваш адъютант, ваш покорный слуга!

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. И опять эта Шумла в ушах, колокол Сабуровской крепости. И князь Святослав перед глазами... И душа опять покидает тело, и я покидаю землю... Я не хочу, не хочу... Послушай, Денис, почитай что-нибудь, сыграй, спой, удержи...

ДЕНИС ДАВЫДОВ. Эти стихи я потом напишу, вы слышите меня, слышите?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Слышу.

ДЕНИС ДАВЫДОВ. Стихи называются “Генералам, танцующим на балу при отъезде моем на войну 1826 года”.

“Мы несем едино бремя,
Но обычай наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой”.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*удивляясь слегка*). Нет, все не так, голубчик, все наоборот: это вы, милейший, оставлены на племя.

ДЕНИС ДАВЫДОВ. И еще из тех, что напишутся после, – “Современная песня”:

“Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.
То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки...”

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Сие, надеюсь, не про меня (*обеспокоясь*). Не про меня ли?

ДЕНИС ДАВЫДОВ. Ну что вы, полно вам, ваше сиятельство. Это про ваших недоброжелателей, про других таких, что потом.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Нет, ты не мой адъютант, не Закревский... Эй, Закрев!

ЗАКРЕВСКИЙ. Чего изволите, я здесь, Николай Михайлович.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. На главную квартиру прибыл Кутузов Михаил Илларионович. А вы скрываете от меня... Уже третьего дни, как прибыл. И принял командование...

ЗАКРЕВСКИЙ. Его светлость привез вам новое назначение. Вам, ваше сиятельство, надлежит отправиться в Одессу...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*откидываясь на подушку*). Я так и знал, так и знал!.. Денис Давыдов, удержи меня, удержи... Голубчик, сыграй на гитаре, спой...

ДЕНИС ДАВЫДОВ (*перебирая струны*).

“Я вас люблю не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит...
Я вас любил без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, –
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...
Я вас любил затем, что это – вы!..”

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*с прерывистым дыханием*). Сияющая предо мной вершина, она сияет, Денис! Силуэт ее предо мной всю мою жизнь...
ДЕНИС ДАВЫДОВ. Да кто хоть, ваше сиятельство?
ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Любимая моя, единственная моя... навсегда...

Гитара падает к ногам адъютанта. Он отходит к окну, рыдания сотрясают его.

Нет, не Денис, не Денис Давыдов, не Денис – адъютант милейшего Багратиона, ты Закревский, Арсений Закревский – мой адъютант... И я еще главнокомандующий, я – солдат... Эй, Закрев! Подойди ко мне, положи мне руки на плечи. Удержи меня тут, удержи...

Пауза. Закревский стоит, отирая слезы.

ЗАКРЕВСКИЙ (*шепотом*). Милый вы мой, голубчик вы наш.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Кутузов Михаил Илларионович пусть зайдет попрощаться... Кутузов зайдет попрощаться... Михаил Илларионович... попрощаться... И коляску закладывать, выезжать в Одессу на новое место... но только не через Рымник... Царство ему небесное – Аркадию Александровичу, сыну русского нашего военного гения.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

4 мая 1811 года. Берег, устье Днестра по дороге в Одессу. Лошади распряжены, тут же коляска. Граф Каменский лежит на ковре, перед кустом сирени. Он умирает, то теряя сознание, то опять возвращаясь к жизни.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*приходя в себя*). Узнаю местность... когда-то тут умер Потемкин... здесь был рай у наших пращуров...

ЗАКРЕВСКИЙ. Почему вы не хотите Витцмана, почему?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Доктор при Наполеоне... при мне новый адъютант князь Меншиков...

ЗАКРЕВСКИЙ. При чем тут Наполеон?

Пауза. Граф дышит прерывисто, тяжело.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Колокол перестает бить в голове, князь Святослав – Меншиков исчезает... Письма от матушки не было, нет?

ЗАКРЕВСКИЙ. Нет, Николай Михайлович, ваша светлость.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*приподнимая голову*). Сады кругом, соловьи... Как у нас под Орлом, в родовом нашем Сабурово... Похороните меня там, под белым камнем, на берегу Орла-реки... или тут...

ЗАКРЕВСКИЙ. Мы везем вас, граф, в Одессу, на новое место службы.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*воодушевляясь*). А Михаил Илларионович, когда прощались, заплакал, прослезился старик... Закрев, про Одессу не надо.

Я знаю все: перехожу черту и там бываю уже дольше, чем тут... И чемодан мой уж не черный – сияют все стены, и в том сиянии – родные мои, силуэт...

ЗАКРЕВСКИЙ. Вам надо беречь силы, не говорите много.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Лишь одна еще стенка темнеет, но и она вот-вот вспыхнет... Свеча в конце тоннеля... вспыхнет свет от этой свечи...

ЗАКРЕВСКИЙ. Смотрите, сколько людей вас сопровождают в Одессу, целый эскорт.

Пауза. Вечерет. Граф приподнимается на локоть. Прислушивается.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А все же еще молодой, голос еще не развился... трагедия молодого таланта... Ночи были холодные... но все у него впереди...

ЗАКРЕВСКИЙ. У кого, Николай Михайлович?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. У соловья.

ЗАКРЕВСКИЙ. Да они всегда тут тихони.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*закрывая глаза, улыбаясь про себя*). А у нас под Орлом в мае такие горластые!

И катится эхо от голоса:

“А у нас под Орлом такие горластые...

Трагедия молодого таланта...

И будут войны еще у нас за Отечество...

И мы, Каменские, будем не из последних...”

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*делая последние усилия*). Поверните меня лицом к первой звезде – к России... Россия вступает в эру Водолея, все виктории будут за ней...

И граф откидывает голову в сторону, умирает. И что-то белое, белокрылое, не чайка ли, срывается в небо. Закревский бросается к графу. И тут же, грянув, бузуют всюду соловьи.

ЗАКРЕВСКИЙ. Я знаю, граф мой, я знаю: доктор Витцман вскроет ваше тело в Одессе. “Отравлен!” – заявит он ... Еще один солдат погиб за Отечество!.. Слушайте, слушайте – соловьи! Они прилетели к вам, граф, сюда из-под Орла. Здесь, у устья Днестра, – Ирий, рай праславянский. Этот рай для бессмертных героев. Слушайте, слушайте эту песню, неподвластную времени, песню, которая будет написана позже, но пелась над головами спящих, усталых солдат и ранее, раньше, всегда.

“Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат.

Пусть солдаты немного поспят”.

ЗАБЫТЫЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф КАМЕНСКИЙ МИХАИЛ ФЕДОТОВИЧ (отец) – генерал-фельдмаршал, бравший когда-то турецкие крепости за Дунаем, основатель Сабуровской крепости под Орлом.

ИАСОН ДМИТРИЕВ, он же ОЦОН ИВАНОВИЧ – лакей графа, из крепостных.

ПРИЗРАК КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА.

Действие происходит в имени Каменских – в Сабуровской крепости, накануне гибели старого графа-отца осенью 1809 года. Сабуровская крепость, имитирующая турецкую архитектуру и русскую псевдоготику, напоминает средневековый замок с привидениями.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Двухэтажный деревянный дом внутри крепостной стены. Комната на верхнем этаже. Старый граф в бархатном халате с кистями. Полулежит на мягком диване, он курит, потягивая из турецкого кальяна.

СТАРЫЙ ГРАФ (*весь в клубах табачного дыма*). Мой дом – моя крепость, родовое гнездо! По писцовой книге поместье когда-то принадлежало Сабуру – потомку князя Захария Четы – годуновского рода. Князь служил еще Ивану Калите, потом царю Ивану Васильевичу... Иван Василич и заложил крепость Орел...

Оставляя мундштук, вздыхает тяжело, по-стариковски.

Сказывают, умирающего Ивана носили по сокровищнице, где, перебирая камни, он пытался узнать свою участь. Царь взял несколько камней бирюзы – бирюза изменила свой цвет, побледнела. В испуге царь вскрикнул: “Меня отравили! Мой камень вешает мне смерть...”

Господи, как ни страшно гадать у цыганок, а хочется иногда, тянет. Вот перстень на руке у меня, вот камень наш родословный – рубин. Зело красен. Кроваво-красен. Н-да, так, кажется: где падала кровь на дно индийского Ганга, образовались рубины.

Старый граф делает затяжку, выпускает дым кольцами.

СТАРЫЙ ГРАФ. Нуте-с, нуте-с. Так мы про что? Ах, про судьбу и про камни? Ну да, магический кристалл, таинственность смерти... Кажется, в 1712 году в Париже объявляется голубой алмаз в 115 каратов. Его ограняют в виде не трех, а четырехгранной, вредоносной такой пирамиды, и вот началось. Людовик XIV вделяет его в крест ордена Золотого Руна – умирает вскоре, затем владельцы камня – графиня Дюбарри растерзана толпой, королева Мария-Антуанетта гильотинирована...

Ну что – потереть, что ли, о рубин ветошкой – от кафтана турецкого паши, убитого в Аккермане? Ага, вот она, эта ветошка... Кровав рубин, зело красен. Голова идет кругом, в глазах зеленые измаки. И все же ветошкой его, ветошкой...

Старый граф трет ветошкой рубиновое кольцо. Склонясь, впирается в него цепким, длительным взглядом.

И что я вижу! Сквозь магический кристалл дымы батальные... Вот судьба моя, вот судьба! От нее не уйдешь... Года мои велики, невозвратны, ноют старые раны. Уж и сыны генералы – Сергей и Николай, оба по стопам отца, там же – в турецкой Болгарии...

Ага, мелькают фортеции, лица, целые армии – свои российские и турецкие. Вспышки орудий, знойные мухи картечи. А вот и моя звезда, с неба летящая, из-под полумесяца. Удар о землю и – взрыв, клуб дыма в виде топора, это смерть моя, смерть...

Все расчерчено, все предписано. Как на карте какой, моей фельд-маршальской – командующего Южной армией тогда по молодости, на границе с Османской империей... Кто-то подмигивает мне, кто-то рожи корчит. Вот прямо передо мной тайнопись, знаки – огненные письма: "Я буду убит ударом топора собственным крепостным по имени Озон осенью 1809 года".

Кряхтя, Старый граф поднимается с дивана. Подходит к распахнутому окну. В окно врываются звуки колокола.

СТАРЫЙ ГРАФ. А это Шумла моя – главный колокол! Отлит из пушки, взятой мной в турецкой крепости Шумла. Как грохает! Остальные девять колоколов увиваются вокруг. А этот вещает судьбу... Но я не хочу умирать, не хочу быть убитым уже в этом году. Могуч еще ум, дух силен, а израненное тело слабеет и уже дает знаки духу, а тот пишет свои письма. Пройти сквозь огни и воды, взять десятки турецких крепостей, видеть смерть тысяч солдат, генералы умирали у тебя на руках, и остаться живым. И тут уже, дома, погибнуть от руки Бог знает кого – собственного крепостного! От топора даже не боевого, с каким наши пращурьы секлись когда-то со степью. От топора, который не знал ничего, кроме дров...

Петр-Петрушка – умирающий месяц. Его в реке топят, в грязи вываливают, а он всякий раз оживает, встает. Игра такая. И что же жизнь тогда, как не игра. Уже вечереет. И зажигаются звезды, вон там на небе Венера-невеста. Всегда между ними одно расстояние – рушник белый, Млечный Путь. Как с вечера сейчас, так и будет к утру. А Венера – коза, еще и язык пастуху покажет, язычница, мол, я – меня не догнать никому, никогда.

Давно ли кажется, как и месяц этот, я был молодым, блестящим гвардейским офицером. Шпоры мои гремели по дворцовым паркетам, мне не надо было учиться скользить по ним. Это было с рожденья: вихрь мазурок, жгучий взгляд из-под веера, бледное личико из-за колонны. Черт возьми! До сих пор, кажется, чувствую летучесть белой ручки на эполете... В меня весь Николенька – младший мой и так же, наверно, несчастен...

СЦЕНА ВТОРАЯ

Старый граф в углу, где горит лампадка, он крестится на икону Божьей Матери. Берет свечу, зажигает ее от лампадки. Так со свечой и идет по переходам, этажам дома, по крепости.

СТАРЫЙ ГРАФ. Ноги уже пришаркивают, как у старика. А все они, эти раны, старые раны. Износился, слабею. И челядь чувствует это, слуги наглект, садятся на шею, тащат все из-под носа, как мыши, все метут из сусек.

Вот в этой кладовке (*открывая замок*) – грибы и варенье. Варено не только из наших антоновских яблок, из малины, крыжовника, но и из персиков, апельсинов... Южане эти растут в углу сада – в оранжерее. Я привез саженцы, когда был еще молодым, из Болгарии... Ну да, вишня, крыжовник целы, а персиковое варенье исчезло. Это дети Ерошки-кладовщика, его детишки вились вчера тут, сказать конюху – отодрать ключника на конюшне...

А за этой дверью все, связанное с моими сыновьями – Сергеем и Николаем. Вещи из ихнего детства. Панталончики, деревянные сабли, деревянные кони, ряд в ряд, по годам... А это кладовка барыни – супруги моей. Платья с воланчиками, рюшками, лентами, шляпки парижские – все как зря, в одну кучу. И над всем добром – запах тлена, мышей... Вот уже какой год барыня – жена моя, мать двух моих сыновей, как уехала в Москву. И ни строчки письма, ничего. Вот сила воли, как у унтер-офицера...

Дворянское гнездо, оно приходит в упадок. Староват становлюсь охранять, ограждать от растащиловки, от погромов, пожаров. А сыновья воюют там же, на юге, где в бесчисленных баталиях с турками прошли и твои, граф, молодые, блестящие годы. Они вернутся сюда, я сохраню для них родовое гнездо...

А это – особая дверь, особая кладовая. На эту дверь – два замка, два ключа. Однако кому она нужна, кроме меня? Сюда, кроме меня, не заходит никто.

За дверью – твои вещи, твои сундуки.

Скрежеща ключами, Старый граф отпирает замки.

СТАРЫЙ ГРАФ. Заржавели-то как! Сказать Ерошке, чтобы смазал коровьим маслом... Эту кладовку надо держать в порядке. Это как музей – семейной боевой славы Каменских! Славы Российской армии, русского оружия... Наконец-то проклятый замок поддался... Ага, сабля кривая, турецкая прямо перед тобой на стене. Я отобрал ее у турецкого паши в крепости Гаджибей, ранив пашу в живот выстрелом из пистолета. И пистолет тут же. Как отсвечивает серебро,

даже пыль не скрывает витиеватой чеканки... А это ряд сабель, ряд пистолетов – именное оружие, коим награждали меня как командующего Южной армией... Воевал доблестно, бок о бок с Суворовым... Кажется, до сих пор пистолеты пахнут порохом, а сабли – спекшейся кровью...

А вот в этом сундуке – мундиры мои, шитые золотом. Конечно, время не пощадило шитья. И все же мундир, в котором ты приехал сюда, в Сабурово, после военной кампании, должен быть еще ничего. Лежал сверху всего, а валяется почему-то за сундуком. Не могут же крысы да мыши вытащить его, расправиться с ним так беспощадно – с мундиром генерала-фельдмаршала... Кто-то открывает сундук, кто-то бывает. У кого еще ключ от кладовой? Неужто лакей Иасон? Видел его наемни в затрапезном военном мундире. Щеголял перед дворней – без погонов, с оборванными позументами... Негодяй! Он смеется мне в спину, когда я прохожу мимо него. Я старый, дряхлеющий человек, он же молод, полон сил и энергии. Надо будет устроить ему проверку. Разоблачить, вывести на чистую воду. Прекратить, наконец, этот его ехидненный смех за спиной...

Тени косматые, клочковатые, странные колышутся по стенам. Это даже не тени – бесы какие-то, черти со сверкающими угольями, темными впадинами глаз, рожей похожи на Иасона... Молодая, бесноватая мразь. Шея длинная, голова аж в облаках. Парень! Я могу лишить тебя этого преимущества!..

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Старый граф продолжает обход со свечой.

СТАРЫЙ ГРАФ. Вот и вышел во двор, на воздух из духотищи. Ночь тиха, мертвая тишина. Воздух недвижим, свечку даже не полыхнет, пламечко держится ровно, уверенно. В окнах ни огонька. Дворня спит как убитая. Живут по-деревенски: ложатся с курами, встают с петухами. Мертвецки пьяны, как только зазеваешься... С ними просто беда, прямо-таки война, баталия скрытная. Ненавижу их, ненавижу. Готов сорваться, засечь шпицрутенами, как солдат...

Справа на фоне светлого краешка неба – острые контуры Михаила Архангела. Церковь двухэтажная, двупрестольная: первый престол – Архангельский, второй – Иоанна Крестителя. С церкви этой и бьет главный колокол – эта Шумла, колокол отлит из турецкой пушки, привезенной мной когда-то из-за Дуная... За церковью – сад гектаров на десять. А дальше, в углу, та самая оранжерея с персиками, апельсинами.

А эта стена предо мной и есть сама Сабуровская крепость. Я построил ее после одной из победных баталий. Но это я так говорил для всех. А внутри созревало: для прикрытия страха, от крепостных... Напоминает Аккерманскую крепость, высота стены метров до четырех. Ворота будят воспоминания о крепостях Ору и Гаджибей. Ледники в виде пирамид, круглые башни... Средневековый замок, русская псевдоготика...

Я привез сюда только идею! Строили быстро. Потом легенды пошли, мол, тут содержался большой государственный преступник Емельян Пугачев, когда его провозили в железной клетке мимо Орла в Москву. О, эти легенды, мифы! Я не против легенд. Пусть передаются из уст в уста, пусть поются народные песни – о славном роде Каменских, о победах русского оружия.

Говорят, ценность любого камешка, как и этого кроваво-красного рубина на перстне, не только в его каратах, в прозрачности, но еще и в легендах...

Как скрипят доски – старые половицы. Ага, вот ворона сорвалась с крыши и с криком исчезла во тьме! А вот летучая мышь зигзагами шмыгает мимо... мимо плеч, мимо глаз, мимо уха... О Господи, однако ни одна не зацепила, ни единая! Вампиры какие-то, бестии! Свечка в руке не колышется, остается гореть ровным пламенем, выечивая кольцо в потолке... Как колотится сердце, все внутри напряжено. Ждешь чего-то, что-то должно произойти... Потереть ветошкой о перстень турецкого паши, об этот кровавый рубин, об этот магический кристалл, для которого не существует никаких преград перед временем...

Старый граф ставит свечку на пол. Огромная косматая тень на потолке качается, шевелится, готовая наброситься сверху, как хищная птица.

СТАРЫЙ ГРАФ (*защипываясь*). Так вот ты кто, – мой вампир! Готов сосать из меня последнюю кровь?.. Прочь, прочь поскорее, потереть ветошкой о рубин! Вот так, вот так!.. Ага, улетаешь, вампир мой кровавый, рубиновый? Но что это светлое, животрепещущее восстает в темном углу, как из пепла? Что это в белом? И, кажется, хочет что-то сказать? Но что – я не слышу. Лишь ветер поднимается за окном в плодовом саду, летучие мыши, вылетев, бьются обратно сюда о стекло. И этот скрипучий, жестяной, совершенно немислимый голос, как скрип ворот моей крепости, напоминающей Ору и Гаджибей...

– Ты кто? – спрашиваю я тебя. – Кто ты, полувидимый призрак?

И вот его едва различимый ответ:

– Я? Князь Святослав.

– Откуда ты и зачем? Почти через тысячу лет...

– Ха-ха-ха... Я воевал там же тогда, где и ты. В Болгарии черной я поставил даже столицу. Хотел вернуть Русь туда, за Дунай, откуда шли мы сюда, на Днепр, ровно 1200 лет.

– Сколько-сколько?

– 1200... 1200 лет... 1200...

– А откуда?

– Из-за Дуная... из-за Дуная... из-за Дуна...

– Кто ты?

– Святослав... Святослав... Святос...

О Господи! Это шелест крыльев, вампиры – летучие мыши? Надо перекреститься.

И бесы покинут душу твою, душа христианская обретет желанный покой.

Так, берем свечку с полу. И где за окном церковь Михаила Архангела? Осеняем себя крестом... Трижды осеняем, вот так... Слава Богу, кажется, летучие мыши улетают отсюда, перестают биться в стекло.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Старый граф смотрит ввысь долго и напряженно.

СТАРЫЙ ГРАФ (*опустив голову*). Ф-фу, как заломило шею! Смотреть так долго на солнце... А что, денек разыгрался, до вечера будет солнечно. А вечером снова обход со свечой, снова эти вампиры... Тьфу ты! Голова трещит после вчерашнего. А ведь не пил ни капли, трезв был, как стеклышко... Зато позавчера нахлестался, третьего дни... надо с этим кончать... Да ведь тоска, батюшки вы мои. Жена где-то в Москве, балы там свои задает, а от сынов с южных границ России ни единого слова... И все ж таки надо кончать болеть этой русской болезнью...

А это вот – оранжерея. Я построил ее сразу же после того, как заложил яблоневый сад. Это все тоска моя по южной России, по дунайским местам. То наши фрукты – духовитая среднерусская антоновка, а то ихние, южные – персики и апельсины. Бог мой! Апельсины уже такие желтые, жаркие, солнышки маленькие среди зелени! Вот не думалось-то, что они поспевают ранее персиков. Говорят, фрукты сии вызревают только в идеальных условиях, у хороших людей... Надо послать в Орел губернатору пару цыбарок сих божественных плодов. С такой примерно реляцией: “Дражайшему от непобедимого”... Нет, глупости это. Какой он “дражайший” тебе, а ты – какой ты сейчас “непобедимый”? Жалкий, ничтожный старик...

Нет, послать плоды без всего, просто так. Пусть отведают и оценят – наше, сабуровское, орловское!.. И тут ломит из тебя патриот. И тут готов брэнчать орденами, старый дурак... Поменьше бы распустился, покрепче в вожжах бы себя держал – видения в белом просто так бы не приходили...

Эй, кто там, в оранжерее?! Кто рвет господские “яхонты” и жрет без разбору?!

Появляется лакей Старого графа.

СТАРЫЙ ГРАФ. А, это ты, Иасон?

ИАСОН. Я, ваше сиятельство.

СТАРЫЙ ГРАФ. А чего это ты облизываешься? Апельсины, что ль, лопаешь? И девки там, что за девки? Губернатору послать ничего не останется.

ИАСОН. А мы уже отослали, ваше сиятельство.

СТАРЫЙ ГРАФ. Когда?

ИАСОН. Как вы приказали, тотчас и отослали.

СТАРЫЙ ГРАФ (*подозрительно*). Еще зелеными?

ИАСОН. Нет, почему же, синими.

СТАРЫЙ ГРАФ. Почему это синими?

ИАСОН. На французский манер. Молодое, зеленое – по-ихнему синее! Окунули в синюю краску и отослали.

СТАРЫЙ ГРАФ. Я так не мог приказать! Что я тебе – ненормальный, дурак? Поди на конюшню, скажи Ерошке: пусть он тебе, негодяю, “плепорцию” всыплет, для начала кнутов этак с десяток... Что – не нравится?

ИАСОН. Нравится, нравится, ваше сиятельство. Вдругорядь отошлем прямо зеленые. Чего краску-то переводить?

СТАРЫЙ ГРАФ. А девки чего не поют? Пусть поют.

ИАСОН. А петь некому. Одна только девка на дворе и осталась. Все сбежали в деревню.

СТАРЫЙ ГРАФ. Твоя, что ль? Приведешь ее завтра ко мне – погляжу, чем ты ее в оранжерее тут потчуешь... Слушай, а почему ты мне все “ваше сиятельство”, “ваше сиятельство”?

ИАСОН. Так вы же граф, а не князь.

СТАРЫЙ ГРАФ. Ну, граф, так что?.. Пил, небось, с вечера, Иасонка?

ИАСОН. А то, что вы – ваше сиятельство. А если бы князь, то – ваша светлость.

СТАРЫЙ ГРАФ (*хитровато*). А что сказал Великий Князь Святослав про питание на Руси?

ИАСОН. Какой князь, ваше сиятельство? Что-то я такого князя не знаю. У нас под Орлом таких нет, в приятелях ваших.

СТАРЫЙ ГРАФ. И в белое покрывало ты, братец мой, не одевался? Не бродил по крепостным переходам, не был в Круглой башне, где Емельян Пугачев содержался?

ИАСОН. Никак нет-с, ваше сиятельство.

СТАРЫЙ ГРАФ. Великий Князь Святослав не мой приятель, а гордость нашей истории, всяя Руси! Заруби себе на носу... Почти тысячу лет назад он воевал там же, в черной Болгарии, где и я по молодости, где сейчас сыны мои – орлы-генералы...

ИАСОН. По сей день воюем за эту Болгарию?

СТАРЫЙ ГРАФ. Так вот Святослав сказал: “Питие есть веселие Руси!” Повтори.

ИАСОН (*весело*). Питие есть веселая Русь.

СТАРЫЙ ГРАФ. Чему радуешься, дурак? Ну-на, давай сюда эту банку... Так, синяя краска, еще не высохла... А ну становись, подставляй-ка спину. Так и напишем – вот такими, аршинными буквами: “Дурак”. Написали... И кто ты теперь?

ИАСОН. Иасон, ваше сиятельство.

СТАРЫЙ ГРАФ. Нет, теперь ты – “ду-рак”! Понял?... Ладно, к Ерощке не ходи, десять кнутов тебе отменяются.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Утро, Старый граф в своей комнате, в кресле-качалке. Ноги его укрыты пледом. Граф смотрит в большое зеркало прямо перед собой.

СТАРЫЙ ГРАФ (*вздыхая*). Стар становится фельдмаршал Каменский, песок сыплется... (*В открытую дверь.*) Эй, Иасон, Иасонка!

Появляется лакей Иасон.

СТАРЫЙ ГРАФ (*вслух ему*). Вина мне, вина! (*В сторону.*) Молодой какой еще, кровь с молоком...

Лакей уходит и возвращается с подносом, на подносе – бутылка со стаканом.

СТАРЫЙ ГРАФ (*отведав*). Почему вино не подогрето?

ИАСОН. Так оно же красное.

СТАРЫЙ ГРАФ. Дуррррак!.. Почему ты в другом пиджаке, а не в том, на каком вчера я тебе написал “Дурак”?

Лакей молча булькает графу в стакан.

СТАРЫЙ ГРАФ. Что сказал вчера мне князь Святослав?

Иасон стоит молча.

СТАРЫЙ ГРАФ. А Великий Князь Святослав, который, явившись мне в Круглой башне, пришел вчера из Древней Руси и так сказал: “Питие есть веселие Руси”.

Иасон опускает голову.

СТАРЫЙ ГРАФ. Уходи, дурак!.. Так, попробуем вина из нашего винограда, винной ягоды собственной нашей оранжереи... Нет, нельзя пить! Выльем в окно. Как сверкнул на меня он глазами! Пугачевский взгляд. Еще и отравит... Помилуй, Господи! А не его ли – лакея моего Иасона – дворня зовет “Оцоном”? Так не тот ли сие Оцон, от которого, как вещал мне магический кристалл, мой рубин, следует ожидать смерти с помощью топора? Надо Оцонку на конюшню отправить. Нет, сослать куда подальше – в глухую деревню. От такого лакея можно всего ожидать... давно уже смотрит на меня как-то не так, нехорошо.

Сколько раз заставлял его за проказами. То вино господское вылакает, ходит после куражится перед крестьянами. То вытащит из сундука старый мой фельдмаршальский мундир и щеголяет перед девками. Как распоясался!..

В окно слышны девичьи голоса, поют протяжную, заунывную песню:

“А и есть у нас в Сабуровой
Медвежья гора,
О ту пору лесом густым поросшая.
Под горою той река текла,
А в лесу густом дорога шла
На поместье к другу графскому.
Был Оцонушка собою хорош,
Петь умел и ремесла знал.
Лицо белое, глаза смелые,
Меж людей идет – все любятся.
И была при поместье краса-девица.
Длинные косы у ней были русые,
Глаза синие, василешные.
Росту стройного да приветная,
Сиротой она при дворе росла.
Полюбил ее наш Оцонушка,
Полюбила его краса-девица...”

СТАРЫЙ ГРАФ (*улыбаясь*). Ишь, распелись как! Хорошо поют девки русские! Апельсины да персики целей будут, не все-то съедят. Чего-нибудь и мне, графу, останется... Ну так, полюбила красна-девица да не этого ли Оцонушку, мы сейчас у него допытаться.

Старый граф выходит из комнаты. Появляется лакей Иасон. Собирает на поднос бутылки, стаканы. Оглядевшись, наливает себе из бутылки, выпивает украдкой.

Резко входит в комнату Старый граф. Иасон замирает в дверях с подносом в руках. Проходя, Старый граф смотрит прямо перед собой в большое зеркало-трюмо. Видит в зеркале, как Иасон показывает язык ему вслед. Развернувшись, граф бьет по щеке лакея.

СТАРЫЙ ГРАФ. Я же тебе говорил, – дуррак! Еще и язык показывать своему благодетелю! (*В бешенстве, топоча ногами*). На конюшню-ю-ю!! Для начала двадцать плетей, двадцать пять... Вон из лакеев, вон... будешь землю пахать у меня, за свиньями ходить, чистить навоз на скотном дворе...

Иасон бежит поспешно. Старый граф снова садится в кресло-качалку.

СТАРЫЙ ГРАФ. Пугачевщина! Как распустились! Шкуру готовы содрать со своего сиятельнейшего, который их и поит, и кормит, и от черной работы спасает. Так-то платят дворовые, эта челядь, за мои благодеяния...

И еще девки песни ему поют, такому прохвосту, песню ему сочинили. И среди них самая ладная, самая красивая, с синими, василешными глазами... Господи, твоя воля! И что наша жизнь тогда, как не игра? Все мы в каком-то роде артисты, все что-то играем. Девки водят хороводы, военные участвуют в баталиях, называемых “театром военных действий...” Когда-то, еще по молодости, когда ты был при прусском дворе офицером, помнишь ли тот спектакль любительский? Тот спектакль врезался тебе на всю жизнь. Еще бы! Ты был удостоен похвалы самого Фридриха Великого. После того и присвоили тебе графа...

Мы сыграем свадьбу тебе, Оцонушка, с невестой твоей Василешкой. Кровавыми слезами поплачешь ты у меня, попомнишь Старого графа.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Заходит солнце. Старый граф дремлет в своем кресле-качалке. Плед свешивается с коленей, граф поднимает его, укрывает ноги.

СТАРЫЙ ГРАФ. О ноги, ноги! Сколько пройдено вами за жизнь! Солдатские, офицерские, генеральские версты, фельдмаршальские шаги. Совершить марш-бросок, прошагать полсотни верст, предвидеть противника в неожиданном месте, – кто скажет, что такая жизнь не игра? Режиссеры где-то сверху, играют даже своими фельдмаршалами.

И вот после блистательных побед Суворов – в своем Кончанском, а ты – в этой своей отуреченной крепости... Что знает она о тебе, эта дворня? Когда-то они были солдатами – с косичками, буклями на голове, припорошенными ржаной мукой, в белых рейтузах и зеленых мундирах, с вытарашенными глазами. Когда, бывало, лезли на крепостной вал, думали, что шли на смерть во имя России и в это верили, все тогда были в твоей власти, фельдмаршал. А теперь ты старик, сослан, забыт – и высшим двором, и светом. Вычеркнут из списков, хотя и мог быть не вычеркнутым, фельдмаршалы не вычеркиваются; власть твоя кончается прямо-таки на глазах, даже над этой дворней. А чем поддержать ее, кроме вспышки гнева, победной баталии над Иасоном да пары десятков плетей по его холопской спине? Двор поднял тебя, двор тебя и забыл... Вводят ордена, которых ты и не видывал. Старый, никому не нужный фельдмаршал. Как дряхлая, беззубая собака, которой из сострадания, дабы не пала от глупой, голодной смерти, варят жиденькую похлебку. Плохо доживать до таких лет, когда от тебя остается лишь тень...

Вот князь Святослав – тот погиб молодым, возвращаясь из той же Болгарии, где после и ты, генерал-фельдмаршал Каменский, зарабатывал себе ордена. Печенег сразили князя на Днепровских порогах и сделали из его черепа кубок, пили из кубка вино. Почетна смерть для героя, не то что дожить до преклонных лет и умирать в одиночестве.

Я чувствую себя между тем и этим пространством – тем и этим временем. Ага, вот он – мой кроваво-красный рубин, мой магический кристалл. Кажется, цвет его немного слабее, он уже просто красный. Да вот же ветوشка от турецкого мундира. Потрем ею о перстень – о кровавый рубин!..

В сумерках, опять же на пороге комнаты, появляется кто-то в белом – видение в простыне.

СТАРЫЙ ГРАФ. А, это ты, Иасон?

ВИДЕНИЕ В БЕЛОМ. Нет, это не я, это Великий Князь Святослав.

СТАРЫЙ ГРАФ. А чего же голос у тебя, как у лакея моего Иасона?

ВИДЕНИЕ В БЕЛОМ. Нет, это я, Святослав. Видишь, фельдмаршал, в одном ухе у меня золотая серьга с двумя жемчужинами и одним красным рубином.

СТАРЫЙ ГРАФ (*вздыхая*). Да, это ты, князь. Узнаю тебя по рубину и жемчугам... Так что же лучше, князь: когда пьют вино из черепа или когда ты дряхлый уже и топором продырявленный череп твой гложут земные черви?

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ. Я поставил столицу в Болгарии, я отдал Ярополку – сыну власть в Киеве и потерял Русь. И потому, возвращаясь, так долго стоял на порогах, где мы поели коней.. А ты, фельдмаршал, остаток лет проводишь на родине у себя, на Русской земле...

СТАРЫЙ ГРАФ. Мне видятся пращурсы – предки нашего славного рода – это Ратши, он же Ратмир, или Ратибор. А это его правнук Гаврило Алексич – отважный витязь Александра Невского в битве со шведами. А то внук его Пушка Григорий, основавший род пушкинский, знаменитый, и далее его правнук Роман, живший на реке Каменке, основавший другой, уже мой род Каменских.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ. Ты – русский, да! Но почему во дворе у тебя полно французов, арапов и даже турок? И сад окружен четырехметровой стеной?

СТАРЫЙ ГРАФ. Черкесы по имени мамелюки охраняли египетских фараонов, шотландцы – французского короля, русские гвардейцы – короля прусского, швейцарцы – папу Римского...

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ (*растворяясь в двери*). И все равно ты получишь свое... свой удар... все равно...

Видение исчезает.

СТАРЫЙ ГРАФ (*потирая виски*). Душно как. Я, пожалуй, устал, раньше такого слова не знал... Дождь пойти должен, к дождю... Эй, Иасон, Иасонка! Тьфу ты! Я же отослал его на конюшню.

Тут же появляется Иасон.

СТАРЫЙ ГРАФ. Ты откуда? За дверью, что ли, стоял?

ИАСОН. Никак нет-с. Мы были, как вы приказывали ... на конюшне....

СТАРЫЙ ГРАФ. Это ты заходил ко мне в простыне?

ИАСОН. Никак нет-с. Мы были на конюшне.

СТАРЫЙ ГРАФ. А ну покажи ухо. И где те две жемчужины и красный рубин, как вот этот? (*Показывая на свой перстень.*)

ИАСОН. Мистический кристалл-с? Не видели мы никакого кристалла, ничего не знаем-с.

СТАРЫЙ ГРАФ (*раздраженно*). Ну иди, иди!.. Да надень вчерашний пиджак, на каком я написал слово тебе синими буквами! (*В сторону.*) Я его проучу...

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Иасон на конюшне сидит на старом седле. По стене развешена конская сбруя.

ИАСОН. Повеситься, что ли, на вожжах? Хотя это и не по-христиански. Намедни один мужик в Орле-реке утонул, так батюшка не стал отпевать его в церкви, мужика похоронили за кладбищем...

Что это означает: "я тебя пррроучу"? Неужто старый хрыч Василешку мою приметил?

"И была при поместье краса-девица.
Длинные косы у ней были русые,
Глаза синие, василешные."

Свою барыню упустил. Как в Москву укатила, так уже пятое лето глаз не кажет. Вот и дичает барин тут без нее. Пьет безудержно, уж рожка красная, как рубин с его перстня – этот магический кристалл. Допился до чего! Тени стали мерещиться ему, призраки. Вот уже и Великий Князь Святослав из Древней Руси явился...

И на баб падок стал. Своих тут всех перещупал – из Орла ему привози. Артисток полюбил в одно время. Балеты в Круглой башне ставил, пасторали всякие, все пастушек приласкивал. На Василешку кабы глаз-то не положил, беда будет. Помоложе был бы я, забрили бы уж в солдаты, а то – на конюшню отправил, на черновые работы. А что мы можем, к грязной работе не приучены – косою махать, вилами наматывать. Мы привычны к тонким делам, к галантному обхождению. Это все дворня тебя обличает: лакей, холуй! А дело лакейское – нервное, деликатное. Между скольких огней-то вертишься, предугадай каприз, любое желание графа. Прими на себя его гнев, а чуть что – в кнуты, как и каждого...

Вот так и живем. А теперь дрожи еще и за Василешку.

И черт дернул меня язык ему показать! То, бывало, скажет, чтобы выпороли на конюшне, а ты принесешь конюхам бутылочку, они и скажут барину, мол, выпороли лакея-то. Сами понимают, что я ближе всех к барину. Коли что – и им на орехи достанется.

За что переживает граф больше всего, так это за сыновей – Сергея и Николая. Как военная кампания началась, так и принимается гонять нас тут всех, ожидаючи писем. Оба уже в высоких чинах – генералы, а все как дети у него. Сергей еще напишет кое-когда о своих и братовых подвигах, а от Николая редко когда дождешься. И сидит старый, забытый всеми фельдмаршал, нахохлясь, как ворон какой. Только и знает, что бормочет под нос себе:

– Фортуна от нас, Каменских, опять отвернулась!.. Нет ничего страшнее Господнего и Государева гнева!..

А когда придет письмо, Каменский первый о здоровье ли, о победе ли сообщит, взбегаются Старый граф по двору, вскочит на жеребца да и скачет до самой речки. А вернется, выстроит дворню – французов, турок, арапов – и кричит:

– Ни одна фортеция противу нас, Каменских, не устоит! А почему?

– Да, почему?

– Потому что нет у нас, у Каменских, страха. Сыны мои учились на этой фортеции, вот, – покажет фельдмаршал на четырехметровые стены Сабуровской крепости. – Специально для этого строилась.

Тогда к нему и подкатывайся. Проси что хочешь – ничего не пожалеет. Когда Каменского-второго назначили главнокомандующим Дунайской армией, надо было мне у Старого графа разрешения попросить жениться на Василешке. А я момент упустил, вот дурак! Конечно, дурак, кто же еще!.. А когда сын Суворова где-то там же, на юге, утонул, что ли, или пал смертью храбрых, словно сына своего потерял старый фельдмаршал.

– Сашкин сын погиб! – кричит. – Это как же так, что же это такое?

– Да чей сын-то? – спрашивают.

– Да Александра Василича, друга.

И под руку не попадайся, убьет до смерти. А после заперся в комнате своей граф, да так и пропьянствовал две недели. Одним “кралям” из балета и разрешалось войти и вызволить Старого графа из запойной его консистенции.

Вот и сейчас, похоже, приближается эта самая “консистенция”. В магический кристалл уперся он, трет его ветошкой, и Великий Князь Святослав является ему аж из Древней Руси – соратник его по баталиям на Болгарской земле. И все в белом, заметим, то привидение... Да вот же та простыня – тут, на конюшне, за всякой рухлядью... Магический кристалл этот дался ему. Великий князь Святослав, Василешка моя мерещатся... замерла девка на сердце моем... что-то должно произойти...

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Старый граф крадется по оранжерее в ту сторону, где дворовые девки поют свою протяжную, заунывную песню. Замерев, граф слушает, как поют они.

“А было у графа Каменского

Много люду дворового.

А народ он свой в карты выиграл

И привез со стороны далекой Хабаровской”.

И тут перед Старым графом вырастает его бывший лакей Иасон.

ИАСОН (*разведя руки перед ним*). Не ходите туда, ваше сиятельство, не надо!

СТАРЫЙ ГРАФ (*наливаясь кровью*). Да ты что, Оцонка! Меня не пускать – графа, фельдмаршала, своего благодетеля?!

ИАСОН (*падая на колени*). Отдайте за меня любимую мою Василешку! Жените, граф, отошлите с ней хоть куда – хоть в самую дальнюю, глухую деревню. И она меня любит, мы же любим друг друга.

СТАРЫЙ ГРАФ. Вон с дороги!! Негодяй, бунтовщик хуже Пугачева... Запорррю-ю!... Уничтожу-у-у!..

Как побитый, Старый граф уходит обратно в раскрытые двери оранжереи.

ИАСОН (*в необычайном волнении*). Бежать с Василешкой? Куда? Вокруг оранжереи охрана, вокруг крепостной стены графские слуги с дубинами, как солдаты... Старый граф, ваше сиятельство, что же ты творишь над моей головой?.. Старый граф, забытый всеми старик куролесит над нами. Что-то будет с ней, что-то будет со мной, беда будет... Свет души моей, синеглазка, лебедушка ты моя Василешка!..

Старый граф в своей комнате, в кресле-качалке сидит, находясь.

СТАРЫЙ ГРАФ. В кнуты его, запороть? Слишком мало... Придумать надо что-нибудь этакое... Мы берем ее себе в дом. В доме будет она прислуживать... служить будет мне в натуральном смысле... И Оцонку будет кое-когда зазывать, чтобы видел... Так и сделаем... Эту чернь надо вот где держать – в рукавицах! Не то они все у меня тут разворочают. Стены крепостные – четырехметровые, каменные – не устоят. Только дай потачку, он и в самом деле топором череп тебе разнесет. А мы этого не можем позволить. Это поместье сынов моих, а сыны мои в тяжких трудах добывают славу России. И они должны быть уверены в тыле, в доме своем, в отце.

Что-то холодно мне, колотить начинает, озноб. Тело старое, все тепло ушло в старые раны. Ноги укуром клетчатым пледом, а что для души? Где же наш магический кристалл – перстень главный наш родовой, с кроваво-красным рубином? Где та ветوشка от турецкого кафтана? Явись сюда, приди к нам на помощь из Древней Руси, о Великий Князь Святослав.

Вот рубин. Вот и ветوشка. Потри ветوشкой... Смотрю-смотрю в угол за дверь, что же ты не являешься, князь? То ли день еще, светло в комнате, а ты приходишь в сумерках, ночью? Так, закроем окна чем-нибудь, сделаем ночь, не могу же я ждать, когда падет она сама естественным образом... Может, я прогневил чем Господа Бога?..

Начинают звонить в церкви Михаила Архангела. Один колокол главный – басовый, остальные – вокруг него.

СТАРЫЙ ГРАФ. Это Шумла, а тех всего девять, так и вьются вокруг. А Шумла что-то хрипнуть стала, ай треснула, отливали колокол на заводе Дмитрия Пирогова на века ведь служить. Оттого Господь карает Шумлу, что она от неверных – из турецкой пушки, из Шумлы – ихней крепости. Согрешил и ты, не вошел в христианский смысл, а теперь жди за содеянное, за все надобно отвечать...

Уже сумеречно. Уже мог Великий Князь и явиться. Но тру-тру ветошкой о кристалл – ничего. И рубин уже не кровав, просто красен, взяли и смыли с него всю силу. Силу-силушку теряет рубин следом за мной.

Старый граф наливает вина, выпивает.

СТАРЫЙ ГРАФ (*отирая губы*). Ага, пошло по телу. Прогревает, пробуждает... Кажется, вот и она – долгожданная тень в дверях – в том же белом...

Великий Князь Святослав, это ты? Что молчишь? Рубин горит в твоём ухе, а мой потерял свою силу, значит, можно мне не отвечать?

БЕЛОЕ ПОКРЫВАЛО (*хрипло*). Худо, худо, а будет еще хуже. Старый стал, злой, нехороший, людей мучаешь.

СТАРЫЙ ГРАФ. Да кого хоть?

БЕЛОЕ ПОКРЫВАЛО. А лакея бывшего своего Иасона и подружку его Василешку.

СТАРЫЙ ГРАФ. Голос твой что-то не узнаю, Святослав.

БЕЛОЕ ПОКРЫВАЛО. Я – совесть твоя, Старый граф! Совесть, ваше сиятельство.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Старый граф все в том же кресле-качалке. Ноги укрыты пледом.

СТАРЫЙ ГРАФ. Ну вот вроде и потеплело, когда перевел сюда Василешку. В доме появилась женщина. И на столиках, комодах, у зеркала – столько всяческих пустячков. Так начинала в этом доме моя дражайшая супруга, подарившая мне сыновей и ныне здравствующая в Москве...

Молодость тянется, тянется, оглянешься – уже пролетела. Кажется, древние греки говорили, что нельзя войти в быстротекущие воды дважды. Кто она мне по возрасту? Дочь, конечно. А подумаешь – человек, а у любого человека, старого или молодого, есть душа.

Она болит, томится, любить хочет, несмотря ни на что. Это только так кажется, что ты стар уж и немощен. Это тело твоё таково, а душа бесконечна, бессмертна.

Когда молоды, люди живут страстями и забывают о Боге. Да какие теперь там страсти у тебя, старика, забытого всеми, все уже позади. И ты уже разве тот фельдмаршал, перед кем трепетали? Ты отправлял на битву, ты даровал и забирал жизнь, ты соперничал в этом с Богом, а теперь, как и все, – человек. И впереди у тебя только Бог, только с ним у тебя и разговор. Дряхлеющий, всеми забытый фельдмаршал, у которого одна только радость – письма из действующей армии, от сыновей. Но и от них никаких вестей уже третий месяц. И только редкие реляции из Москвы о взятии турецких крепостей придают еще сил.

Появляется бывший лакей Иасон. Падаёт на колени, идёт на коленях к Старому графу от самой двери.

ИАСОН. Смилуйтесь, государь, пощадите... Отдайте за меня мою Василешку... Зачем она вам...

СТАРЫЙ ГРАФ (*вцепившись в кресло-качалку*). Прочь, прочь от меня, наваждение!

ИАСОН (*поднимаясь во весь рост*). Не отпустите, нет, ваше сиятельство? Нет-с?!

СТАРЫЙ ГРАФ (*выхватывая из-под себя пистолет*). На конюшню!.. Прочь от меня... застрррелю!!

Пятясь, Иасон уходит. Старый граф остаётся один.

СТАРЫЙ ГРАФ (*морщась*). Примерещилось, что ли, или в самом деле приходил сюда этот Оцонка?

(Крутит в руках пистолет.)

СТАРЫЙ ГРАФ. Холодок у виска... Нет, так фельдмаршалы не умирают. Фельдмаршалы могут стреляться лишь после проигранных баталий. Ты же, Каменский, не испытал горечи поражения. И если это случится, у тебя не останется ничего, совсем ничего. Даже Бог откажется от тебя...

Он ничтожен, этот Оцонка. Пройти полкомнаты на коленях – неужто так можно? Если бы это было два-три десятка лет назад, там, где брались турецкие фортеции, я бросил бы такого солдата на турецкий вал в числе первых, а перед ним сам бы пошел на приступ.

Пуля – дура, штык – молодец! Пусть уж лучше судьба решает, а не эти проклятые годы, которые сделали из меня то, что я есть.

Итак, граф, где же твой магический кристалл, твой кроваво-красный рубин? Стоит ветошкой потереть да загадать, как является кто-то к тебе, предстает пред твоими очами...

Так, потрем о рубин. Пусть придет сюда к нам Василешка. Пусть войдет сюда эта пава, лебедушка эта Оцонова... ну входи же, входи! Не хочу кликать ее, пусть сама войдет – по наитию, по зову рубина... А не входит. То ли рубин приослаб, стал алым, просто алым, совсем-совсем алым. А то ли тени не являются днем...

Но сейчас уже сумерки, вечер. И пора подниматься из этой калчки и браться за свое привычное дело: со свечой в руках по таинственным переходам, по башням крепости идти проверять кладовые и сундуки. Может, встретится этот призрак из прошлого, соратник твой по баталиям на землях задунайских – Великий Князь Святослав.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Старый граф сидит в запряженной двумя лошадьми коляске. Лошади трусят по дороге. Сгорбясь, возница дремлет, обращенный к графу спиной.

СТАРЫЙ ГРАФ. Проедем Медвежью гору, а там и лес. А за лесом и речка Орел, а за речкой уже и сам город. А на въезде из Сабурово, на Большой Киевской, уж и дом городской наш.

Возница молчит.

СТАРЫЙ ГРАФ. Охраны не взял, еду без гайдуков. А на что они, я уже не фельдмаршал – простой человек. Старый, забытый всеми, зато ближе к Богу.

Да и что кому я сделал плохого? Разве что на войне изобильно лил свою и чужую кровь? Так на то и война, я и сам ходил на фортеции. А то мирное время. Так соседи-помещики недолюбливают меня, осуждают, а за то, что фельдмаршал.

Возница затягивает протяжную, заунывную песню.

“А и был у нас на Сабуровой
Граф жесток, граф Каменский.
Круг поместья его шла литая стена.
А и было у барина у Каменского
Много люду дворового всякого.”

СТАРЫЙ ГРАФ (*продолжая*). Вот и еду в Орел к самому губернатору. Презент везу – апельсины да персики. Да не с юга откуда-нибудь, а свои... Лишь один губернатор меня величает – генерал он, а я генерал-фельдмаршал... Я и сам когда-то был генерал-губернатором Рязанским и Тамбовским...

ВОЗНИЦА.

“ И среди всех крестьян был молодчик один.
А и звали его Оцонушка,
Величали Оцоном Ивановичем.
Петь умел и грамоту знал,
Лицо белое, глаза смелые.”

СТАРЫЙ ГРАФ. А что это ты про Оцонку-то? Ай больно хорошо?
Рожа хуже ведь пугачевской.

Возница не обращает внимания.

СТАРЫЙ ГРАФ. Не пой, неладная песня. Пой другую.... Вот уже
мы за Медвежьей горой у леса.

*Возница набрасывает на себя белое покрывало и оборачивает-
ся к Старому графу.*

СТАРЫЙ ГРАФ (*оторопев*). Ах, это ты – Великий Князь Свя-
тослав?

ВОЗНИЦА (*сбрасывая с себя покрывало*). Я, ваше сиятельство.

СТАРЫЙ ГРАФ (*вскакивая*). Ты – Оцонка??!

ВОЗНИЦА. Я – Оцон Иванович, ваш бывший лакей Иасон.

Пауза. Тишина.

СТАРЫЙ ГРАФ (*слабым голосом*). А что же тебя... послали со
мною? Не нашлось ли... кого другого?

ИАСОН. Да я сам подрядился. Дай, думаю, провезу ваше сиятель-
ство с ветерком.

СТАРЫЙ ГРАФ. Это ты являлся мне ночами в крепостных перехо-
дах в облике Святослава?

ИАСОН (*с усмешкой*). Святослава?

СТАРЫЙ ГРАФ. Ты вещал мне скорую гибель... от топора?

ИАСОН. Я, ваше сиятельство.

СТАРЫЙ ГРАФ. Негодяй, бунтовщик хуже Пугачева!

ИАСОН. Ваше сиятельство, солнышко-то ваше, видите, вон за-
катилось... Отдайте, барин, за меня мою Василешку, Христом-Бо-
гом молю!

СТАРЫЙ ГРАФ (*рукой под сиденье*). Застррррелю!

*Иасон выхватывает топор из-за пазухи и наносит удар графу
по голове. Выходит сам из коляски и падает наземь, и его начина-
ет трясти, рвать с души. Отлежавшись, Иасон подходит к ко-
ляске. Свесясь, рука Старого графа белеет перед ним. Иасон заме-
чает на пальце у графа перстень.*

ИАСОН (*с горечью*). Эх ты, кроваво-красный рубин! Все случи-
лось, как ты и предсказал... Разлучник, убивец ты мой... Тебя-то,

граф, похоронят с почестями в родовой церкви Михаила Архангела, а меня закуют в кандалы. И, как Емельяну Пугачеву, вырежут ноздри и в двести ударов кнута забьют до смерти. Перед всеми крестьянами, перед любимой моей, синеглазой моей Василешкой... И о тебе, забытый фельдмаршал, вспомнят вдруг на Руси, о тебе останется слава – боевая, заслуженная. А меня проклянут, но потом уж, когда о нашей с Василешкой любви люди сложат легенды.

Закрывает лицо руками. Так и стоит перед телом загубленного им Старого графа.

ИАСОН. Из черепа Великого Князя Святослава печенеги хоть пили золотое вино. А из твоего черепа, граф, кровь и та вылилась, щедро пав на рубины.

ДОН КИХОТ ОРЛОВСКИЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГРАФ КАМЕНСКИЙ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – старший сын фельдмаршала, генерал в отставке, основатель Орловского театра.

АННА КУЗЬМИНА – примадонна театра Каменского, крепостная актриса.

ТРИШКА-ТРУБАЧ – крепостной музыкант.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из прошлого.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из будущего.

МУЖСКОЙ ГОЛОС из зала.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС из зала.

Начало осени 1835 года. Маленькая деревушка в Московской губернии. Господский дом из трех комнат, во дворе дощатый сарай – вот и все подворье графа Каменского, некогда богатого орловского помещика, владельца сотен крепостных душ, множества деревень.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Утро. Беседка в небольшом тенистом саду, обсаженная сиренью. Посреди стол, широкая лавка в углу. На столе – толстая книга. Над лавкой что-то вроде крыши из досок. На лавке спит кто-то, укрывшись с головой – одеялом.

Входит Тришка-трубач. Бесцеремонно расталкивает спящего.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Спящий приподнимается – это граф Каменский Сергей Михайлович.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Как Сен-Симона, столько лет поднимаешь меня этой фразой. Только тогда я был богат, у меня были тысячи крепостных. Я был граф натуральный, генерал боевой, а теперь кто?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. А теперь вы – свободный человек. Нет, вы – Рыцарь Печального Образа, Дон Кихот.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Юродивый – вот кто я! Как и ты, Тришка.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Юродивые – простого звания, а вы все-таки граф, генерал! Я пробуждаю вас не только сей сакраментальной фразой, но и звуком военной трубы... Боевой сбор, подъем, сигнал общий!..

Тришка-трубач подносит к губам инструмент, оглашая окрестность высоким, сильным, красивым звуком трубы. Тут же за сиренью по всему подворью возникают детский плач, женские, мужские голоса.

Граф опускает с лавки голые пятки, начинает вставать.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ты – Санчо Панса, мой верный слуга! Полжизни, Тришка, мечтал я поставить свой главный, милый сердцу спектакль – о Дон Кихоте. Только пьесу мне так никто и не сделал. Не нашлось в Орле подобного рода автора, чтобы роман превратить в пьесу. И вот, видишь (*показывая на книгу*), пишу с Сервантеса сам. Пишу, братец, сей печальный образ всею своею жизнью.

ТРИШКА-ТРУБАЧ (*в сторону*). Ишь, загамели! Поднимается народ, встает на ноги. Сейчас начнется светопреставление (*Графу*). Только зря вы им господский дом отдали, да и сарай еще. А сами спите на лавке, на которой не каждый-то черный крестьянин спать пожелал бы.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А где же, по-твоему, его сиятельство черный крестьянин почивать бы изволил?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Да хотя бы на полатях. На печке. На деревянной кровати. А вы, граф, в своем господском доме из трех комнатей кого поселили?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Сам знаешь – кого. В спальне – примадонна наша – Кузьмина Анна, женщина, артистка, ей условия, конечно, нужны. Зеркальце повесить, туалеты на что положить. Зальчик отдал трем сыновьям – у них малые дети. Если дождь, куда же с детьми деваться? А в третьей комнатенке – музыканты со своими инструментами. Сам знаешь, инструмент – вещь тонкая, хрупкая. Если что – и голос недолго ведь потерять.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Сами-то, граф, хоть в сарае бы местушко себе обрели.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Да и в сарае-то есть кому быть – душ сто двадцать всего, пожалуй. Что же я тебе буду в этакой куче? Я все же граф, генерал, наконец, директор театра, единственный режиссер и даже писатель вот, драматург (*показывая на книгу, лежащую на столе*). До Сервантеса добираюсь. И что же брошу себя в этакую пучину? Что же от внутреннего мира моего, от души творческой-то останется? Какого такого Сервантеса мы на сцене представим? Сам-то, оберег, где обретаешься?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. А в будке собачьей. Хороша будка! Триолет в ней жил – не кобель, а что тебе граф чистопородных кровей. Ну, я его за шиворот и – в изгнание. Ничего, говорю, и так обойдешься. Сбросил я с тебя, кобеля, цепные оковы, так хоть по крестьянским дворам, говорю, побегаешь. Разведешь, говорю, как граф наш, потомство на стороне.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*обидясь*). Да что ж я тебе кобель, что ли? Что у меня – дети незаконнорожденные, что ли, всюду кучами?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Да почитай в каждой деревне. Своих-то наперечет, небось, знаете... От первой жены – Марии Ивановны – Михаил, Прасковья да Анна. Да от второй – Екатерины Федоровны, урожденной Левшиной, – Николай, Михаил, Андрей, Федор, Варвара... Это – свои, законнорожденные. А что по погребницам да по сеновалам наделали – кто же всех их упомнит.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Я бы тебе, Тришка, язычок-то подрезал. Да враз отправил бы на конюшню! Плетей двадцать-то всыпали бы, знал бы, подлец, как язык распускать... Да память у тебя мерзавца, хороша больно! Всех моих помнишь, а своих – нет... И за что я люблю тебя, стервеца, все прощаю?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. А за то, что правду говорю. Кто же еще вам, граф, ее скажет?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ты – юродивый, лепишь что попада. Но отлично играешь на инструменте. На полковой трубе. Ты на небо звуками возносишь меня, я перед такими хоть на колени... Подумать только, граф, полный генерал, потомок известного на всю Россию рода Каменских с кем доживает свой век!

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Вы и сами, граф, тоже вроде артист, игрок, это в вас родовое, еще от отца! Помните, рассказывали, как Старый граф, батюшка ваш, по молодости представлял роль в любительском спектакле перед прусским королем Фридрихом, и тот отметил его отменно? И батюшка ваш строил в Сабурово не крепость, не театр, а все вместе. Балеты там представлял. Но с плеткой, гонял артистов, как сидоровых коз, – как же, фельдмаршал, привык так с солдатами. Войну путал с жизнью людей, жизнь называл тоже “театром военных действий. Да и вы, граф, в те годы были вылитый батюшка.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*наливаясь кровью*). Это в каком же смысле?!

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Во-он кобель наш Тришка, уже прибежал. Ночь по крестьянским подворьям, а как утро – домой является, корми его, сутенера... Сейчас делегация, Сергей Михалыч, прибудет. От артистов. Подслушал вчера разговор: чем кормиться будем да где будем жить – в сарае и далее?.. Скорее так: парламентаром зайвится вертихвостка – примадонна эта Кузьмина Анна, любовь ваша...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Анну не тронь! Не касайся грязными лапами! Анна – талант, надежда нашего театра, что мы все стоим без Анны?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же, в беседке. Граф Каменский завтракает в одиночку. Перед ним – горбушка хлеба, три картофелины и две луковицы. Большая глиняная кружка с квасом.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ (*из будущего*). Посмотрели б, как завтракать будет граф Толстой Алексей Николаевич. Даже картину нарисуют такую: куры, фрукты, вино перед ним. Мол, смотрите! А все потому, что слуга будил графа не той фразой: не великие дела ждут графа, а заседание Моссовета...

Входит Тришка-трубач.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ты, что ль, голос мне подавал? Кур и фрукты поел, вино попил.

ТРИШКА-ТРУБАЧ (*растерянно*). К-какие ф-фрукты? Какое вино? (*Опасливо оглядывается по сторонам.*)

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Это я все так, проклятые галлюцинации. Ты бы воды ключевой принес, видишь, кружка уже пуста.

Тришка уходит. Входит Анна Кузьмина – примадонна.

АННА КУЗЬМИНА. Можно, ваше сиятельство?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*смягчая голос*). К директору или к графу, голубушка?

АННА КУЗЬМИНИЧНА (*кокетливо*). И к тому, и к другому.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*кивнув на стол*). Это Тришка мой недоел. Побежал за водой. Какой гурман, – воды ключевой ему подавай... Ну и как спалось, Аннушка, в новой спальне, сны какие явились?

АННА КУЗЬМИНА. Кошмары одни! Все сюжеты орловские.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Орловщина, милая сердцу Орловщина! Это она, российская наша Вандея, меня разорила.

АННА КУЗЬМИНА. Орловщина дала, Орловщина и взяла. Кто же театр с плеткой в руках-то содержит? Актеры – пешки для вас, солдатики оловянные. Куда хочу – туда и поставлю, что хочу – то с ними и сделаю. А вы ведь не государь-император.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Все прошлым живешь, Анна, иллюзиями миновавшего. После смерти брата, кажется, в четырнадцатом году, я в Сабурово явился – в родовое поместье. Генерал – прямо из действующей армии. Неотесан, груб-с, душечка! Ну и с плеткой, конечно, театр содержал. Но талант твой, милая, и тогда заметил. Ты была еще девочкой, за тебя с родителями целую деревню отдал.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из прошлого. Зато сколько раз, граф, ты к ней пытался войти в примерную, домогался все.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из будущего. Герцен “Сороку-воровку” пишет, “Колокол” в набат будет бить о судьбе крепостной актрисы.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из прошлого. И актеров за малейшее розгами.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из будущего. И Лесков напишет “Тупейного художника”.

Пауза. Тишина.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*Анне*). Ты что-нибудь слышала?

АННА КУЗЬМИНА. Что именно, ваше сиятельство?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Да голоса... то из прошлого, то из будущего... Лепят мой образ превратно, незаслуженно оскорбительно.

АННА КУЗЬМИНА. Это судьба к вам стучится, ваша судьба. Вы сейчас ближе всех к краю. Это вам и за все прегрешения ваши. Я же вам говорила тогда: отольются кошке мышкены слезки.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. К краю? Какой же ты стала, Анна! Так нельзя, у тебя же талант.

АННА КУЗЬМИНА. Деньги швыряли направо-налево. А нас, актеров, содержали на воде да на хлебе. И семью заводить не разрешали. Сыграешь в театре какую-нибудь пастушку, и платье твое повесят в примерной – ходи в лохмотьях и босиком.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ну это ты зря, Аннушка. Я тебя обожал и сейчас обожаю. Ты всегда ходила у меня, как графиня... А знаешь ли, милая, сколько стоило это – создать театр и его содержать? Да, швырял деньги направо-налево, но исключительно для престижа театра. Платил канальям бешеные деньги, взятки давал, выписывал бог знает каких художников, декорации, платья немыслимые. Шутка ли,

десять тысяч ассигнациями отвалил за икону великомученика Георгия. Да столько же за иконостас, за серебряные блюда, чашу, прибор для водосвятия. Все, все отдал на добрые дела церкви.

АННА КУЗЬМИНА. Лучше бы актерам на платья да сапоги.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Вот один из моих приездов в Орёл из Сабурово. Этот губернский городишко всегда был себе на уме. Только и брал деньгами, чинами да преклонением перед иностранщиной. Своего тут никогда не ценили... Так вот, проезжаю, помню, мимо каменных корпусов присутственных мест, мимо строящегося собора, мимо двухэтажного губернаторского дома – к самому большому в городе белоколонному дому, вернее, связи строений в целый квартал. Это и есть, как известно вам, наш театр.

И встречает меня вице-директор немец Дейбель.

Ну и как, говорю, сударь, вы готовы к открытию?

– Все распоряжения ваши выполняются, – сыплет бойко немец. – Библиотекарь Сигизмунд Паратич нашел пьесу для постановки. Выходец из Польши господин Орля-Ошменец в журнале “Друг россиян” готов уделить событию достойное место... Ну и свои тут подвизаются: учитель местной гимназии Богданович оду сочиняет, Иванов стихи пишет. С театра, думалось, и начнем в Орле очищение нравов.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ из будущего. Таланты в этом городе никогда не ценились. Писатель такой знаменитый Тургенев проезжать из Парижа станет мимо родного ему Орла, ибо чиновники знать не хотят никого, кроме себя.

Будет такой писатель великоросский Лесков – уйдет из бытия в сознании, что он “третьестепенный”. В Петербурге лежать будет под покосившимся, замшелым крестом, а в Орле и вовсе будет предан забвению.

Пауза. Тишина.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Да, таланты в Орле никогда не ценились. И твой, Анна, тоже.

Анна Кузьмина стоит молча. Затем уходит медленно.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ну вот и забыла, милая, зачем сюда и приходила.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Снова утро. Там же, в беседке. Подворье будят звуки трубы.

ТРИШКА-ТРУБАЧ (*расталкивая спящего*). Вставайте, граф, вас ждут великие дела! Сейчас эта примадонна снова заявится. Просить за всех, за себя.

На этот раз граф поднимается резко, одевается быстро.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Все б хорошо – сирень, птахи, небо широкое. Одна беда – икону некуда приспособить, Георгия Победоносца.

Входит Анна Кузьмина. Она в легком прозрачном платье.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*подозрительно*). Чего это ты так вырядилась? Бабочка, что ль, стрекоза из давнишнего, забытого Богом спектакля?

АННА КУЗЬМИНА. Да, из спектакля, ваше сиятельство.

Лето красное пропела,
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.

Я и вчера приходила, и сейчас пришла, чтобы сказать... от себя, от всей труппы...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Знаю, знаю. В таком костюме – как от зимы спастись будем, что будем есть, у нас дети.

Входит Тришка-трубач. Стоит, прислушиваясь к разговору.

АННА КУЗЬМИНА. Вы всегда, граф, были такой грубый, бесчувственный, думали лишь о себе, своей славе.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*вставляя*). Слава – это пустота и интриги, заметила?

АННА КУЗЬМИНА. Губернатора после спектакля вы пригласили в дом свой – в роскошь необыкновенную. В передней, помню, висела громадная, сажени в три, картина – изображение Базарджикского боя. В самом центре – вы сами изволили быть, на белом коне, со шпагой обнаженной. Потом в ресторанной комнате потчевали губернатора с женой. А в четыре часа пополудни диковинные часы вам сыграли марш “Славься, славься, храбрый росс!” И нас, актеров, по военному образцу – под барабан, с валторной – препроводили в нашу столовую. Каждому дали паек. И есть мы должны были стоя.

ТРИШКА-ТРУБАЧ (*перебивая ее*). Дабы наедались досыта, а не до бесчувствия... Все за прошлое укоряешь графа, в минувшем застряла. Ты на графа сейчас погляди. Ведь другой же, совсем другой человек!

АННА КУЗЬМИНА. Отпустите нас, граф, отпустите назад в Орёл.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Милая моя, дорогая! Ты же лучшей всегда была у меня, тебе первые роли давали. Не было тебе равной после Груни Краченковой с ее гишпанскими танцами. Помнишь “Калифа Багдадского”? Я же на него более тридцати тысяч ухлопал, копейка в копеечку. Что бархату закупил, шитого золотом, шелку, ковров да шалей турецких, да перьев страусовых. Как же, французская опера!.. А творения господина Коцебу? А комедия “Молодые супруги” Грибоедова, мала-мала по форме, а тоже влетела в копеечку. Или пьесы Шекспира, Шиллера, Шаховского... Что вы, актеры, знали, сколько все это стоит?..

АННА КУЗЬМИНА. Отпустите, ваше сиятельство, отпустите в Орёл. Найдем угол, крышу, общество по себе, пойдем по помещикам.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Как сейчас вижу, граф Каменский стоит на Болховской улице и наделяет нищих деньгами. А после самолично продавал билеты, сидел в кассе билетной, как сын. Последнюю деревню свою Звягинку пустил за долги, расплачиваясь по векселям – из Москвы, Калуги, Орла...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ты же сердце мое, Анна-Аннушка, тебя-то как я отпущу?

АННА КУЗЬМИНА. Швырялись деньгами, прошвырялись! За рублевую вещь давали 25 рублей ассигнациями, задавали балы... семью свою огромную содержали.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Это во мне прежде говорило – генеральство! А потом я все думал, думал. Сколько ведь пьес всяких, литературы хорошей перечитал в борьбе за репертуар... Они меня и преобразили, воскресили и погубили... К Дон Кихоту пришел вот... Переворот во мне какой-то случился, перелом души и сознания. И задумался я: для чего мы живем, для какого-такого счастья? Да и что оно, счастье-то, в чем – в титулах, деньгах? Все это у меня уже было, прошло, слава Богу.

АННА КУЗЬМИНА. Гордыня вела вас, гордыня. Отец был фельдмаршалом, младший брат – полководец, а вы – вы кто, ваше сиятельство? Отца с братом, уже лежащим под белым камнем, не превзойдешь, да и итог их печален. Вот и ушли вы в театр – основали театр, чтобы первым хоть по этой линии быти...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Матушка, любушка! Переворот мой случился после встречи с одним человеком. Он помог мне обрести соображение – для чего живет человек, во имя чего? Есть ли совесть в тебе или нет?

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из прошлого. Румянцев Николай Петрович – сын знаменитого фельдмаршала. И канцлером был, и министром иностранных дел еще в те времена, когда младший Каменский-второй командовал Дунайской армией.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из будущего. Меценат и подвижник. Собрать начал старинные книги, древние документы. Целый музей создал, собрание его после переведут в Москву, дом Румянцевский выкупят у Пашкова.

Пауза. Тишина.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ничего не слышали, нет?

АННА КУЗЬМИНА. Н-нет.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Я слышал!

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Что слышал, братец ты мой? Верный ты мой слуга Санчо Панса.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. А то, что Румянцев-отец, будущий фельдмаршал, в денщиках когда-то был у царя Петра. И к наследнику Алексею,

заключенному в Петропавловку, вошли четверо: сам Румянцев, Чернышов, Толстой и Ушаков... и задушили его подушкой, тот кричал про отца: сыноубийца!

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Молчи, дурак, юродивый! Что ты прешь?!

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Сами же, граф, говорили, отцы получили графские титулы да фельдмаршальские звания, а расплачиваться сыновьям не в одном поколении.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из будущего. Самое главное – после царевича жизнь государева ни во что станет. Мало кто своей смертью померет, а что же тогда говорить о простых смертных?

АННА КУЗЬМИНА. Ваше сиятельство, граф! И зачем вы нас такими несчастными сделали? Взяли из тьмы и дали толику света... Отпустите нас... ну хотя бы тех, у кого малые дети...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же. Граф сидит за столом, листая объемистый том Сервантеса. Отрывается от страницы, смотрит в пространство перед собой.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Что она имела в виду, сказав: “Зачем вы сделали нас такими несчастными”? Может, это вот в “Дон Кихоте”? Когда Дон Кихот вступился за пастушонка, которого кнутом избивал хозяин.. Да, вот это место... И далее Дон Кихот со своим верным слугой и оруженосцем Санчо Пансой продолжили путь. Но стоило им вернуться и снова встретить мальчишку, как тот набросился на Дона Кихота: “Зачем вы, дяденька, защитили меня? Никогда, никогда больше за меня не вступайтесь!” И показал полосы на спине от кнута хозяина, всыпавшего втрое больше, как только рыцарь ушел с глаз долой...

Я вырвал их из бренности жизни, вложил в них душу и бросил под кнут. За что же им быть благодарными мне – за мучения? За осознание ничтожества своего в этом безбрежном, бессовестном мире – таком несвободном пространстве? Я хочу сделать его свободнее, освободить и освободиться. От грехов своих собственных и грехов наших отцов... Петр Первый был величайшим грешником, сделав грешниками других. До него, после него были “бунты” – крестьянские, дворянские, всякие. Но лишь у Петра была настоящая революция, он хотел изменить в русском народе главное... что именно, как оно называется?

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из будущего. Менталитет.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Вот именно, менталитет. Опять эти галлюцинации: слуховые, зрительные, даже смысловые. Это у нас, Каменских, родовое, от бабушки... Царь Петр хотел прорубить “окно в Европу”, изменить само отношение к сущему. Сбрил бороды, одел Русь в камзолы, ввел курение табака, а это все знаки мира другого, не нашего.

Но все это зиждется на христианстве. Только у них – на западном, на католичестве, у нас же – на восточном, на православии. Христос там у них – человек, возвышенный до обожествления, но – человек. И люди к нему идут в сумерках ввысь, как по ступенькам, и очищаясь, и снова срываясь и падая. И дух сумеречен, литература трагична, а бытие прагматично, ибо они стремятся устроить судьбу на земле.

У нас же Христос – идеал, и идеал этот недостижим, не под силу нам, грешным, и мы бьемся в кровь над вопросами, нас мучает совесть, в нас это главное – биться и мучиться, и потому мы были и будем всегда бедны, неустроенны, всегда будем жить на подаяние. Бедны всегда, и нам это нравится; бедных легче вести, но далеко ли их уведешь?.. У царя Петра не нашлось продолжателя его дела. Вот почему он был так беспощаден...

Но, странное дело, этот Дон Кихот из Ламанчи тоже мучается вопросами, совестью, он “русский” какой-то, самый “русский” из всех на Западе, не только в гишпанской литературе. Вот и тянет меня к нему. Хочу поставить его на сцене и – не могу. Нам, русским, всегда чего-нибудь не хватает: тогда были деньги, возможности, но не было чего?..

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из прошлого. Понимания необходимости.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Понимания. Теперь же нет просто-напросто средств... Сражения проигрывают генералы, выигрывают же солдаты. Я выиграю это сражение! Я создам из романа Сервантеса пьесу, сам поставлю ее. А средства найдутся. Пойду в Москву, отыщу Румянцева Николая Петровича. Мы делаем для России великое, общее дело. Мы объявим подписку, добудем деньги... Петербург – ум, строгий немец, чиновник, Москва – матушка, это душа, сердце России...

Главное – сохранить костяк. В Орле мы никому не нужны. Ну что это – актеры ходят по городу босиком, сам директор в лохмотьях, а ведь граф, генерал, – и на кассе. “Вам куда? На галерку? На целковый четыре билета. В партер? Два с полтиной – один билет...” И общество смотрело на сие с отменным равнодушием: власти, помещики, сам губернатор. Пользовались, а понимать не желали, что театр содержать одному не под силу, даже графу. Нужны что? (к залу)...

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из будущего. Дотации, ваше сиятельство. Государственные и общественные.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Вот именно. Разорясь на театре, душу хоть сохранил, веры не потерял. Была бы кость, а мясо-то нарастет...

Верно, мой друг Санчо Панса?

Из-за сирени вылезает Тришка-трубач со всклоченной головой.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Слушаю, ваше сиятельство.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Что это ты там делал, в сирени-то?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Спал-с.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А говоришь, в будке собачьей почивать изволишь?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Пса стало жалко. Прибежал, а занято – бега-ет, как бездомный, скулит. Да и вас охранять тут сподручнее.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. От чего охранять-то? Чай, не действующий генерал, не в турецкой кампании.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. От народного гнева.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. От чего, от чего?!

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Про мясо вы говорили, про кости... Про мясо-то уж и не говорю – щец бы хоть похлебать...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ну, вот, братец, и распорядись. Актрису Феклу Антонову – она у нас играла повариху в спектакле – и переведи в повара. А сам хоть дров наколи ей. А насчет мяса сам поеду на днях к соседу-помещику. Чего привезти – говядины или баранины?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Баранинки, ваше сиятельство.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*смеясь*). Губа не дура. Будет вам и баранина.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Та же беседка. Граф Каменский сидит за столом, он пишет что-то, листая толстую книгу.

Появляется Тришка-трубач.

ТРИШКА-ТРУБАЧ (*встревоженно*). Ваше сиятельство, бунт. Бунт назревает! В Орёл, холеры, хотят уходить. Трагик всех подбивает.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*отрывая голову от бумаг*). Трагик, говоришь, подстрекает?

Вбегает Анна, взволнованная до крайности.

АННА КУЗЬМИНА. Ваше сиятельство! Люди собрались на площади, перед сараем! Хотят вам что-то сказать.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*решительно поднимаясь из-за стола*). Это я им хочу что-то сказать, я скажу!.. Труби, юродивый! Боевой сбор, сигнал общий!

Тришка подносит к губам инструмент, звук трубы оглашает окрестность. Граф Каменский выходит на авансцену, перед ним – зрительный зал.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*обращаясь к зрителям, прямо в зал*). Все мы в некотором роде актеры, каждый в жизни играет отведенную ему роль... Я собрал вас, чтобы побеседовать, посоветоваться, поговорить. По душам, по-граждански. Хотя, вы знаете, я – боевой генерал. Вот мои шрамы – бывлые раны. Но теперешнее наше общее положение одинаково. Театральное наше, актерское дело – тонкая, хрупкая,

мудрая вещь. Тут главное – душа, а душа – это свобода, свободное пространство. Как душе не навредить? Военной командой тут не поможешь, тут надо все по согласию, миром все, вместе.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС из зала. А сек ведь розгами нас, унижал.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Я был генерал и вел с вами себя соответственно, по-солдатски. Простите меня, но ныне уже не генерала, не графа, а, как и вы все, тоже актера, сотоварища вашего в нашей общей театральной судьбе.

Граф кланяется, прикладывая правую руку к сердцу.

ВТОРОЙ ГОЛОС из зала. Мы наги и босы, мы голодны.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Мы покинули наш родной Орёл с болью. Правда, сам этот город никогда не ценил таланты, они в нем только рождались, чтобы уехать и обрести имя где-то. А уж после Орёл присваивал их имена. Так было, так будет. Чиновники всегда играли в Орле первые роли. Все остальное – для них.

Я спас театр от окончательной гибели. Я вывел вас из ямы сюда, на новое место, ближе к Москве, она – душа и сердце России. Она, матушка, не даст нам пропасть. Мы начнем новую жизнь. Смотрите, какая кругом красота! Мы построим тут новый театр – зеленый зал, своего рода Версаль. Французский король Людовик, не помню – какой, охотился в окрестностях Парижа. Ему понравилась поляна, высокое место – своего рода “зеленый зал”, и он построил прекрасный дворец – дворец искусств... Актеры! Дорогие мои, родные! У нас будет на новом месте новый, свой прекрасный театр!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС из зала. Зима уже на носу, а сарай в щелях весь, ветер гуляет.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Я и пьесу пишу, сам пишу для первого спектакля – из романа гишпанского автора Сервантеса. Про Рыцаря Печального Образа, про Дона Кихота. Этот рыцарь, оказывается, очень похож на нас, русских. Не сидится ему в родовом имении, не хочет он доживать в покое свой век. А, как и мы, мучаясь главными вопросами, идет освобождать таких, как все мы, весь видимый человеческий мир.

ВТОРОЙ ГОЛОС из зала. А у нас дети, дети голодны.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Я послал к помещику Брыкину, к вечеру будет баранина. Кого выберем поваром? Давайте актрису Феклу Антонову? Она уже имела роль в спектакле по Крылову “Мастерица варить кашу”.

Граф делает глубокий вздох, продолжая.

Нам этот “Дон Кихот” сделает погоду, даст кассу. Прослышав про спектакль, зрители потянутся сюда со всех мест – сначала из окрестных сел и городов, потом из Москвы. Чтоб только посмотреть на талант непревзойденной актрисы Анны Кузьминой, сестер Кабазиных,

наших прекрасных Трагигов – отца и сына, старого и молодого, Пахома Козлова, всех вас – дорогие мои, верные служители Мельпомены.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС из зала. А дрова кто будет Фекле колоть? Кто печь топить будет? Фекла печь топить не умеет.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Печь топить придется нам научиться.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Я буду колоть! Родом мы из брянских лесов, к этому делу способны.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Да, я богач-бедняк, разорен на театре. Но я поеду в Москву, отыщу Румянцева Николая Петровича, мы обратимся с заемными письмами к лучшим людям Москвы, всей России.

ВТОРОЙ ГОЛОС из зала. Ваше сиятельство, дайте нам вольную, отпустите домой в Орёл. Разбредемся по обществу, по помещикам, найдем крышу.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*словно на стенку наткнувшись*). В Орёл, снова в Орёл? По разным местам, по помещикам – снова в рабство, под плети? Вы же люди, вы – актеры! И вам нравится быть во мраке и притесненье? Вам нравятся ваши цепи? Вы не хотите строить Версаль свой, новую жизнь, свободное пространство театра? О люди, люди – порождение крокодилов! Тогда я отпускаю вас, дарю вам вольную – последним моим, всем ста двадцати... Идите от меня, уходите... Нет, погодите, сначала тем, у кого дети: Фомушкиным, Копытовым, Ермишкиным... Ну, ну, и тебя, Фекла Антонова... и некому будет варить нам баранину.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Та же беседка. Граф сидит над рукописью, подперев голову кулаками. Входит Анна Кузьмина.

АННА КУЗЬМИНА. Они уходят, ваше сиятельство.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*не поднимая головы*). Пусть уходят.

АННА КУЗЬМИНА. Напутствие дали бы, проводили.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Вышлю вольную почтой.

Анна Кузьмина уходит.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Чего еще?

АННА КУЗЬМИНА (*возвращаясь*). Да как же в дорогу-то... без еды и без денег.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Скажи Тришке, пусть отдаст им последнее. И с Богом.

Актриса уходит. Граф снова остается один.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*отрываясь от рукописи*). Вот так и проходит жизнь. Да я, по правде сказать, и зажился. Братец мой Николай Михайлович моложе был и то уж ушел. Много всякого ходило о его

скорой гибели. Отравлен? Но кем? На нем тогда сходились интересы сразу трех империй: Франции, Турции, даже России... Прошло время, и думается ныне несколько по-иному: а может, он сам... того... молод же был, горяч, трагичен... от неразделенной любви... Однако не на деньги ли Анны Орловой он, братец мой, имел направление мыслей? После взятия Шумлы он ведь скупал у турок оружие, потратил на пользу Отечеству личные свои миллионы... Правда, что те его миллионы перед деньгами Анны – деньгами графа Алексея Орлова-Чесменского! Чего стоил Хреновской завод с орловскими рысками. И само имя графа... Однако и оно объято тайной и кровью.

А свет не презрел ли Анну за раннюю гибель Николая? И вот она так и осталась в девках, в покаянии, едва не стала монашкой. И матушка наша Анна Павловна после смерти младшего сына просилась к императрице. Но ко двору ее не пустили. Мол, было жестокое обращение, бунт в деревне, убит фельдмаршал. А думается ныне мне – не за то. При муже должна была состоять моя матушка – в деревне, а не в Москве. Тогда бы фельдмаршал, батюшка мой, так бы не одичал.

Входит Анна Кузьмина со свертком. Стоит перед графом молча, тот не замечает ее.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ты что, свет души моей, голубушка моя, ненаглядная Аннушка, что ты?

АННА КУЗЬМИНА. Одни ушли в Орёл, другие тоже собираются.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Другие?

АННА КУЗЬМИНА. Да Трагики – отец и сын, старший и молодой.

А также Таня Краснова, Матвей Кравченко...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А ты?

Актриса стоит в нерешительности, делает усилие над собой, кладет перед графом сверток.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Что это?

АННА КУЗЬМИНА. Рубашка вам, выстирала и погладила, теперь белоснежная, чистая.

Граф подходит к Анне, кладет руку ей на плечо, притягивает к себе.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Спасибо, родная. Ты одна у меня теперь и осталась.

ТРИШКА-ТРУБАЧ (вылезая из сирени). А я?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Наш пострел всюду поспел. Иди дрова коли, готовь-ка, братец, обед.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Я-то пошел, но кто без меня, ваше сиятельство, по утрам поднимать будет вас сакраментальной фразой “Вставайте, граф, вас ждут великие дела?”

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*вздыхая*). Мы, русские, не такие уж и юродивые. Коли надо, тоже топора на свою ногу не бросим... Надеюсь, ты, Аннушка, не такая, как те (*кивнув за сирень, во двор*).

Опустив голову, она молча уходит. Граф провожает ее длительным взглядом.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Тепло идет от нее, свет лучистый. К скольким в спальни входил, сколькими обладал, а этой боюсь. Обжегся, видно, на Груне. Особо ее в себе берегу все эти долгие годы. Бывало, сам не свой при ней, не то делаю... В конце концов, все эти спектакли, весь этот театр, да все, что случилось со мной, весь этот переворот – от нее, если себе не солгать, сказать откровенно. Все перед ней хотелось себя показать – не стар еще, дух еще есть. А свобода – какая она у графов да генералов? Нет ее – этой свободы! Это только так кажется, что ты – генерал, ты – граф, ты волен в своих поступках. А вот и не волен, не свободен, может, даже боле, чем они. Ты жертва – рода, времени, государя-императора, себя самого.

А актер, как птица. Где найдет зернышко, там и склюет. “Возлюби ближнего, как самого себя”. Чего лукавить-то? Сам себя каждый любит без понуждения... И эти в Орёл уходят. О, люди, люди! Отродие наше! О, женщины! Они словно тени: ты – к ним, они – от тебя...

Фельдмаршал-батюшка обожал называть войну “театром военных действий”. Я теперь обожаю просто театр, где тоже интриги, тоже игра в жизнь и смерть, только другими средствами. Румянцев Николай Петрович высказался однажды: нам, русским, в сознании всегда не хватало – чего?..

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ (*из будущего*). Мирных приоритетов, граф.
ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Вот именно, мирных.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Там же, в беседке. Граф сидит за тем же столом.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Пальба, фейерверк какой-нибудь, двигаться строим, делать все по команде – это медом нас не корми, только давай. А как речь о театре, книге толковой или о коммерции, о свободе ли человека, его высоком предназначении – скулы сводит, зевота, нам это неинтересно. Сверху донизу так, потому что мысль общественная у нас в самом зародыше. А как гражданский чин – генерал, особо военный, все к нему, весь бомонд липнет, весь общественный интерес. Но, посмотрите, как воевать (вот Отечественная была), так пока до срединных губерний не докатились, пока мужик дубину свою не поднял, все бы пятались... Сам генерал, знаю, что говорю...

Слишком много театра в войне, слишком мало в жизни театра. Все у нас слишком всерьез, без игры, по команде. И на что денег у нас (вы заметили?) всегда не хватает, так не на войну, не на сборища всякие, а на хорошую книгу, театр. Это – у нас, а то – у них там, на Западе. И после Петра мы все “прорубаем” в Европу “окно”, никак не прорубим. Автор написал “Дона Кихота” в тюрьме ведь, а где мы слышали, чтобы он испытывал с ее изданием трудности? Это мы вечно делим себя, свои средства между приоритетами – Тришкин кафтан...

ТРИШКА-ТРУБАЧ (*возникая из-за сирени*). Ваше сиятельство, про какой это вы Тришкин кафтан? Кафтан пожаловать мне хотите?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Этот кафтан, Тришка, из того же разряда, что и гишпанские сапоги. Локотки протер – со спины взял, на спину поставил – с фалд отрежешь... Ты бы мне, Тришка, поесть что-нибудь поискал. Что ж ты думаешь, генералы святым духом питаются?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Я-то дров наколол, печь истопил, да варить баранину некому. Актриса Фекла, ваше сиятельство, тоже ушедши. Вместе с Трагиком, в его труппе, тоже в Орёл.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Как в Орёл?! Я же вольную ей не давал.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. А она, говорит, и так обойдусь. К помещику какому-нибудь пристану, приспособлюсь. Пока год-другой будут искать, возвращать, дай Бог, граф наш под забором где-нибудь и загнется...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*наливаясь кровью*). Так и сказала?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Еще и добавила. Или с колокольни, говорит, как Шумлу, барина нашего сбросят. Шумлив больно. В дебри ведет – не выберешься. Самое умное в профессии актера – это, говорят, вовремя смяться.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. С удовольствием больно предсказываешь, подлец!

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Так Фекла баранинкой меня угостила. Остальное с собой унесли.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ну, а мне, господину твоему, не осталось ли чего?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Тришкин кафтан. Я съем – вам не достанется. Вы бы съели – мне бы, Тришке, не досталось, Тришке всегда чего-нибудь не доставалось.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ну, и что, как мне быть?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Да я кусок спер у них для вас, граф, вот в карман себе положил.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*оживясь*). Вот хорошо!

ТРИШКА-ТРУБАЧ. А они отняли у меня.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*разочарованно*). Отняли!

ТРИШКА-ТРУБАЧ. А я в другой карман, у меня еще кусок был.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*пугаясь*). Ну, и что?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Да цел, цел тот кусок. Я Анне его отдал, чтоб сварила.

Появляется Анна Кузьмина с подносом. На подносе – баранина, в красных помидорах и огурцах.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Аннушка, голубушка! Вот сюда ставь, вот сюда!.. Тришка, марш за вод... за ключевой водой!

Тришка хватает серебряный сосуд и убегает. Граф усаживает актрису напротив, режет мясо, наделяет ее и себя.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*нетерпеливо*). Ну-с. Где же Тришка – наш покорный слуга – с водой своей ключевой?

ТРИШКА-ТРУБАЧ (*вбегая*). Да вот же я, вот!

И бухает серебряный сосуд на стол, тоже садится за стол.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*морщась*). Вот тебе, Тришка, кусочек. Иди и ешь себе там, за сиренью... возле собачьей будки...

Тришка-трубач уходит покорно.

АННА КУЗЬМИНА (*вспыхнув*). Вы, граф, неисправим! Вы прогнали его, а он ведь тоже артист!

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*успокаивая ее*). Он слуга мне, он мой Санчо Панса. А ты – Дульсинея Тобосская! Несравненная моя Дульсинея Тобосская! Эта роль, несравненная, вам весьма подойдет. Вы – графиня моя, вы скрашиваете мое существование, не зная того, уже много лет.

Граф кладет ей руку на кисть.

АННА КУЗЬМИНА. Не надо, граф.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*придвигаясь*). Нет, надо, надо! Я бы мог закрыть театр вовремя, плюнуть на все и остаться владельцем хотя бы нескольких деревень.

АННА КУЗЬМИНА. Вы – игрок, граф.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Но я не бросил театра, я перевез его сюда, под Москву, в надежде, что допишу эту пьесу. И мы поставим все же ее – эту пьесу про Дульсинею. И вы сыграете ее, эту роль, – несравненную мою Дульсинею.

Граф притягивает Анну к себе, Анна замирает у него на плече.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Там же, в беседке. Актриса Анна Кузьмина держит в руках толстую книгу, с которой работает граф.

АННА КУЗЬМИНА (*задумчиво*). Граф пошел провожать еще одну группу. И эти уходят домой, на Орловщину. Где он у них – этот дом? Театр рассыпается на глазах, скоро от него ничего не останется.

ТРИШКА-ТРУБАЧ (*высовываясь из сирени*). Одни щепки останутся от него.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ из будущего. Один Щепкин – актер великий такой, один Щепкин... проездом в Орёл из Курска на Москву...

АННА КУЗЬМИНА. В Москву, в Москву! Только там обретают признание, через признание – к свободе.

Листает "Дон Кихота".

Ну-ка, ну-ка, что тут у нас о Дульсинее Тобосской? В самом деле, как бы я выглядела в этой роли – молодой крестьянки, в которую влюблен до безумия этот печальный рыцарь... Тогда кто же он, граф наш, действительно, Дон Кихот? А слуга его Тришка-трубач – действительно, Санчо Панса? Дон Кихот в генеральском обличии, с плеткой в руках, с искаженным от злобы лицом, перед нами – актерами. Я тогда была еще девочка, и первые впечатления о графе, как о звере алчущем. Неужто человек может так измениться после внутреннего переворота? Даже не верится... И все же в нем что-то есть. В них, Каменных, есть что-то печальное до трагичности, какой-то шарм одиночества. Отталкивая от себя, они привлекают чем-то, заставляют страдать вместе с собой.

Вот и братец его Николай Михайлович. Давно, кажется, пора забыть его романтическую любовь к Анне Орловой, этот его безумный порыв, какой, возможно, лишил его жизни. Но стоит же перед глазами и он, как первый Рыцарь Печального Образа, за которым вот и второй...

Не верю Сергею Михайловичу, и все же тянет к нему, обливает всю изнутри меня, как мурашками, едва он взглянет искоса. И в то же время с детства плеть на стене перед глазами. Он пробудил во мне женщину, но стоило мне, бывало, взглянуть на мужчину, как он слетал коршуном... Богач и бедняк, кнут и пряник, Тришкин кафтан. Кажется, Москва рядом, но как локоток – не укусишь, она далее, чем от Орла.

Появляется граф. Садится к столу, смотрит прямо перед собой, в пустое пространство.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*вздыхая*). Проводил, наконец. Они домой возвращаются жить, а по мне завывали, как по мертвому. Что тебе Базаржик! Любую фортецию легче взять, чем одолеть такое.

Срывает ветку сирени, дарит ее актрисе.

АННА КУЗЬМИНА. Не находите ли вы, граф, странным, даже двусмысленным мое положение? Я у вас крепостная, а вы дарите мне цветы.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ты же актриса. А я не просто граф, тоже вроде актер – Рыцарь Печального Образа.

АННА КУЗЬМИНА (*дрогнувшим голосом*). Как это печально.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Чем я больше для них что-то делаю, тем больше, кажется, они меня ненавидят. В прошлом, когда плетка висела над ними,

вряд ли они меня так ненавидели. А сейчас... я даю вольную старому Трагику, а он мне в лицо плюет. Все до мелочей усчитал, все свои обиды, все мои промахи. Все, оказывается, человек таил у самого сердца и выплеснул в такой момент, когда мне тяжело.

АННА КУЗЬМИНА. Бедный, бедный Робин, куда тебя занесло?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Робин, какой Робин?

АННА КУЗЬМИНА. Из спектакля нашего.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. При чем тут Робинзон? Речь идет о Дон Кихоте.

АННА КУЗЬМИНА. Вы опростились, граф. Вы, действительно, так изменились.

Граф берет руку Анны, целует ее. Начинает целовать каждый палец в отдельности. Потом чуть выше кисти, все выше, выше, добираясь, наконец, до губ.

АННА КУЗЬМИНА (задыхаясь). Не надо... не надо...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Несравненная... моя Дульсинея... Мы нашли, наконец, друг друга... Все мои прежние женщины были пред тобою ничто... Мы умрем в объятиях ... в глуши... в шалаше... как Тристан и Изольда...

АННА КУЗЬМИНА. Мы умрем... как Тристан и Изольда...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Сорок тысяч братьев так любить не могут...

АННА КУЗЬМИНА. Сорок тысяч... не могут...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. И сцена будет забыта, забудем, оставим ее, зачем она нам, зачем?

АННА КУЗЬМИНА (отстранясь). Зачем? Зачем, говорите, сцена? Да она – вся жизнь моя, вся любовь. В Москву, в Москву, граф! В настоящий, столичный театр!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Там же, в беседке. На широкой лавке, укрывшись одним одеялом, спят двое.

ТРИШКА-ТРУБАЧ (расталкивая бесцеремонно). Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Поднимается всклокоченная голова – это актриса Анна Кузьмина. Голова ныряет обратно под одеяло.

Тришка-трубач подносит к губам инструмент. Звуки трубы оглашают окрестность.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Боевой сбор... подъем... сигнал общий!!

Граф живо вскакивает с той же лавки.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (шутливо Тришке). Господин фельдмаршал! Генерал от инфантерии граф Каменский Первый готов к театру военных действий!

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Да уж одну фортецию, батюшка, точно, за ночь-то усоборовал. Это даже не то, что братец ваш, царство ему небесное, Сергей Михайлович, тридцать взял, да ведь за всю кампанию.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Не лепи, юродивый. За кампанию, говорят, и жид удавился.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Это у ксендзов так. А по-нашему, не жид, а еврей. У нас нации все соразмерны.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Как это “соразмерны”? Одним миром, что ли, мазаны?

Тришка уходит. Одевшись, за ним уходит и граф. Анна остается одна.

АННА КУЗЬМИНА (*расчесывая тяжелую, пушистую косу*). Ну вот и еще один день прожит тут, в глухомани. Но все, как и было. Никаких перемен. А вчера полетели белые мухи, скоро зима. Конечно, не о таком герое мечталось – сед, изворотлив и стар. Помню, когда в Орёл вступали драгуны, с надеждой глядели мы тогда на молодцов. Когда расквартировался Павлоградский гусарский полк, с ума сводили голубые мундиры, доломаны с золотыми и серебряными бранденбурами. Однако граф приказал строго: в зал не смотреть! А аплодисменты разрешал только себе да губернатору. И, когда город покидали эти драгуны, гусары, так и не сжав руки твоей в сладком порыве, помнишь, как ты плакалась актеру Пахому Козлову?.. Этот всегда был при тебе...

И всегда над всеми нависала фигура полноватого, лысеющего человека в светло-васильковом фраке, в белом жилете, перехваченном алой лентой, – это все он был, наш граф, его сиятельство Каменский Сергей Михайлович...

– Кузьмину, Кузьмину! – кричали в партере.

А ты сидела в примерной и трепетала.

А как вел себя граф на репетициях: дармоеды! – и плеткой.

И ты не сыграла главной роли. Подруги ли, поощряющей друга на подвиг, самой ли героини? И вот у тебя власть над ним – некогда недоступным. Годы остепенили его, однако не только его, но и тебя. И образ твой главный не сыгран, нетленен перед тобой. И он по себе героя нашел – Дон Кихота, твоя же героиня – при Дон Кихоте, о ней ли – такой героине – мечталось?

Входит граф. Заметив Анну, умеряет гнев.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Все ушли, все покинули. Все сто двадцать, остались лишь мы с тобой, Аннушка... да еще этот юродивый...

АННА КУЗЬМИНА. Как ушли? Все до единого?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А ведь как начинал! Прибыл в город полным генералом. Построил напротив собора дом себе деревянный, при доме церковь с певчими, живописный театр...

АННА КУЗЬМИНА. Но шли годы – ветшал театр, отваливалась штукатурка, гнили деревянные колонны, подмости, а мы, актеры, старели... Ваше сиятельство, подпишите вольную ветеранам сцены, достойно служившим Мельпомене, отдавшим ей все...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ушли! Бросили! Запоррю!! Уничтожу!!

АННА КУЗЬМИНА. Ваше сиятельство, и бумага уже составлена...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*затихая*). И кого бросили. Ветерана сцены, сотоварища своего.

АННА КУЗЬМИНА. Ваше сиятельство, благодетель вы наш...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А сколько нами спектаклей поставлено. Сколько пережито за каждый. Денег, крови сколько потрачено.

АННА КУЗЬМИНА. Ваше сиятельство, благодете...

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*кладя бумагу на стол*). Эх, люди-и-и!..

И подписывает бумагу, резко уходит. Из сиреней вылезают двое – это актеры. На лице их вопрос: ну что?

АННА КУЗЬМИНА. Вот она, вольная-то! На всех (*оборачиваясь в сторону, куда удалился граф*). В Москву собрался! Умрет где-нибудь под забором.

Все трое уходят. Озираясь, из сирени выбирается Тришка-трубач. Смотрит вслед им. Появляется граф.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ну, и что тут творишь, все юродствуешь?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Эх, ваше сиятельство, ваше сиятельство! Кто юродствует?.. Ушла в Орёл ваша Аннушка вместе с актерами – Матвеем Кравченко и Пахомом Козловым. А напоследок еще и сказала, околеете вы, граф, где-нибудь под забором.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ой, врешь, братец, врешь.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Не я бью – судьба!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Там же, в беседке. Те же двое – граф Каменский и Тришка-трубач.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*Тришке*). Хочу вот закончить пьеску про Дон Кихота, немного осталось.

И граф продолжает писать. Тришка-трубач отходит в сторону.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Кому она теперь нужна-то, пьеска-то ваша?

И Тришка начинает утешать графа, чем только может. То курницей закудахтает тихонечко, телком замычит, то соловьем заплещет, как ребенок заплачет, или подшибленной собакой завоет, заворкует по-голубиному. Граф вслушивается в Тришкин концерт.

Пауза. Тишина.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*неожиданно*). Знаешь, Тришка, что в армии полагается за дезертирство?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Что, ваше сиятельство?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Пуля.

(Копается в плетенном бауле, наконец, достает сверток, кладет на стол.)

Вот последнее. Семейная реликвия. Чаша, блюдо и четыре лампы, на коих увековечено имя отца. Кому бы это продать, дорогой мой Санчо Панса? Соседу, что ли, помещику Брыкину?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Что вы, ваше сиятельство. У него и денег-то нет таких. Мелкопоместен, нишеброд-с.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А как же быть?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Пойдем в Москву, понесем крест до самой перовпрестольной. Добро такое не даст пропасть под забором. Там, в Москве, и продадим, Москва – город богатый.

Тришка выходит. Появляется, держа что-то за спиной.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Что там у тебя?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Ничего-с.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Как это ничего. А сверток?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Ах, сверток? Какой сверток?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Ты юродивого тут не корчи. Спектакль окончен, театр развалился.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Это вот что, ваше сиятельство. Рубаха чистая, безукоризненной белизны. Для вас лично.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (*в порыве, обнимая Тришку*). Вот молодец! Нет, какой ты у меня молодец! Что нужно человеку для счастья – малую толику. Всего-то рубаха чистая, белоснежно чистая, с чистым воротником.

Граф бросает взгляд на бумагу, в которую завернута была рубаха.

Собственно, та же бумага, та же... Ах, плут! Ах ты, разбойник! Это Анна выстирала мне рубаху! Аннушка ее мне оставила!

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Наш граф всегда ходить должен чисто. На то вы и графья, благодетели наши.

Пауза. Граф одевает белую рубаху. Пытается поглядеться в зеркало, но зеркала нет.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Чай, далеко ушли-то уже, а? И Аннушка с ними.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Чай, далеко.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Чтоб вернуть.

ТРИШКА-ТРУБАЧ. А зачем?

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. А в глаза ей глянуть. Как это она смогла уйти без моего последнего слова?

ТРИШКА-ТРУБАЧ. Сейчас мы ее позовем, нашу голубушку, надежду нашу.

Тришка прикладывает к губам инструмент, и сильный, высокий, красивый звук трубы овладевает пространством.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (в большом волнении, шепотом). Полковая труба! Боевой сбор... подъем... сигнал общий!

Пауза. Возникают, приближаются голоса. Во двор входит Анна-актриса. Остановливается перед Каменским.

АННА КУЗЬМИНА. Звали нас, граф?

Граф смотрит на нее изумленно, туда за нее – на дорогу, где все остальные, – прямо в зрительный зал. Слеза катится у него по щеке. Широко и размашисто граф крестит их – сразу всех там, на дороге.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ. Дай Бог смысла, удачи вам, дорогие! Тебе, Аннушка, вам, мои сотоварищи, в вашем не таком уж и безнадежном деле в Орле! А мы с Тришкой уж как-нибудь тут доживем.

Пауза. Утро, та же беседка. Летят белые мухи – снег. Кто-то спит на широкой лавке. Появляется Тришка-трубач.

ТРИШКА-ТРУБАЧ (над спящим, в самое ухо). Вставайте, граф, нас с вами ждут великие дела!

Тришка прикладывает к губам инструмент, и звуки трубы летят, тревожа, одушевляют окрестности.

ГРАФ КАМЕНСКИЙ (приподнимаясь с лавки, хриловато). Боевой сбор... подъем... сигнал общий!

Сутулясь слегка, граф выходит на авансцену. И говорит прямо в зрительный зал, набирая голосу, под конец уже восхищенно.

Видите, и мы собрались в дорогу. В Москву! Без нее у нас никуда. Долог путь наш, мы знаем, невообразимо труден. Мы вступаем в эру Водолея вместе со всей Россией-матушкой, меняя военные приоритеты, наконец-то, на мирные, а это не так-то просто. Может быть, и погибнем с тобой мы, Тришка, где-нибудь по дороге. Но в сознании живо наше дело, наш театр не будет забыт. Неправду сказал ты, юридивый, что от нас останутся одни щепки. Что зря мы жили и мучились. От нас остается самое главное – души наши, вы, люди! Вы расскажете вашим детям, потомкам нашим про нас: как, служба театру, меняя жизнь, они менялись и сами, они были первыми!

14 мая 1997 года,
г. Орёл.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Г.Б. Курляндская	3
Богочеловек или человекобог? От автора.....	3
БЕДНЫЙ РЮРИК, ИЛИ ПУТЬ “ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ” (трагедия-мистерия).....	31
АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ (драматическая эпопея в стихах)	107
КНИГА ПЕРВАЯ. Кентавриада (диалогия, трагедии).....	108
Дельфийский Оракул.....	109
Пламень Александрии	189
КНИГА ВТОРАЯ. Сакральный Крест (трилогия, трагедии)	297
Тень Буцефала.....	301
Заратустра. Разум Земли	367
Сокровения Тора	429
ГОСПОДА КАМЕНСКИЕ (трилогия малых трагедий).....	495
Тайна трех империй.....	496
Забытый фельдмаршал.....	521
Дон Кихот Орловский.....	543

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ПЛАМЕНЬ АЛЕКСАНДРИИ

ТРАГЕДИИ

Ответственный за выпуск А.П. Литюга
Ответственный редактор О.Н. Осмоловский
Технический редактор Н.М. Крыжановская
Корректор Н.П. Новикова
Верстка и дизайн – Л.Г. Дедюхин

Подписано в печать 05.08.2009. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Усл. -п. л. 35,5. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 150 экз. Заказ 5053 .

Издательство “Вешние воды”.
302000, г. Орёл, ул. С.-Щедрина, 1.
Отпечатано в ОАО “Типография “Труд”.
302028, г. Орел, ул. Ленина, 1.

